

9

Э912

А. Г. ЕФИМОВ

**ИЖЕВЦЫ
И ВОТКИНЦЫ
БОРЬБА
С БОЛЬШЕВИКАМИ
1918 – 1920**

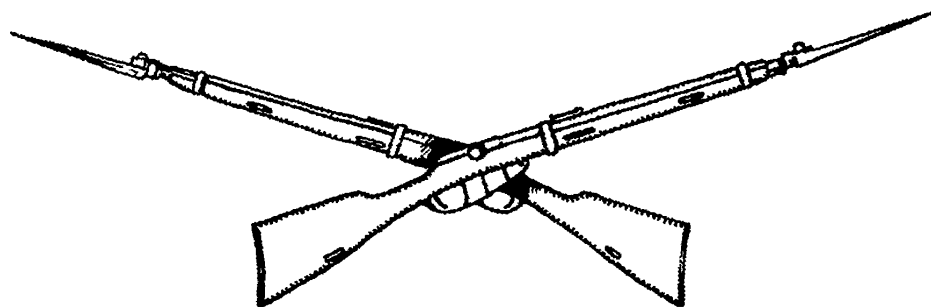

С. Ф. Ефремов

А. Г. ЕФИМОВ

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

БОРЬБА
С БОЛЬШЕВИКАМИ
1918 — 1920

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2008

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612
Е91

**Издание посвящается 90-летию
Ижевско-Воткинского восстания**

Редакция благодарит Л. Ю. Тремсину
за всестороннюю помощь в подготовке издания

Оформление *А. М. Драгового*

Ефимов, А. Г.

Е91 Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920 / А. Г. Ефимов; сост. Л. Ю. Тремсиной, предисл. А. А. Петрова. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 416 с. [16] л. ил., портр. — (Белая Россия).

ISBN 978-5-8112-3360-1

Книга повествует об одном из самых малоизвестных эпизодов Гражданской войны в России — восстании рабочих Ижевского и Воткинского заводов против советской власти в августе–ноябре 1918 г. Сформированные восставшими воинские части продолжали активную борьбу за Родину и Свободу на территории Сибири в составе Армии адмирала Колчака, а затем в Забайкалье и Приморье в 1921–1922 гг.

Книга написана начальником штаба Ижевской дивизии полковником А. Г. Ефимовым в эмиграции, увидела свет в США в 1975 г., в России издается впервые. Текст автора дополнен комментариями современных исследователей, документами и фотографиями из архивов, а также из личных коллекций, хранящихся у потомков Ижевцев и Воткинцев в США.

**ББК 63.3(2)612
УДК 94(47)**

- © Ефимов А. А., текст, фотографии, схемы, 1975
- © Молчанов М. В., фотографии, 2008
- © Музей русской культуры в Сан-Франциско, фотографии, архивные материалы, 2008
- © Иркутский областной краеведческий музей, фотография, 2008
- © ООО «Издательство «АЙРИС-пресс», оформление, составление, текст, фотографии, указатель, 2008

ISBN 978-5-8112-3360-1

РЕДАКЦИЯ ВЫРАЖАЕТ ИСКРЕННЮЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ:

Алексею Авенировичу Ефимову (США) —
за разрешение опубликовать в России книгу его отца,
полковника А. Г. Ефимова, и предоставление воспоминаний о нем;

Михаилу Викторинвичу Молчанову (США) —
за предоставление для публикации воспоминаний об отце,
генерале В. М. Молчанове, и фотографий из семейного архива;

Музею русской культуры в Сан-Франциско (США)
и лично Председателю Правления Музея Н. А. Корецкому —
за предоставление для публикации архивных материалов
и фотографий;

Обществу русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско (США)
и лично заведующему архивом, библиотекой и музеем Общества
С. Н. Забелину —
за предоставление для публикации архивных материалов;

Настоятелю Православного храма Св. Иоанна Крестителя в Беркли
(США) протоиерею Кириллу Гартману и члену Приходского совета,
многолетней старосте храма, проф. О. П. Раевской-Хьюз —
за помощь в подготовке фотоматериалов для книги;

Иркутскому областному краеведческому музею —
за предоставление для публикации фотографии Георгиевского
знамени Ижевской дивизии;

Национальному музею Удмуртской Республики им. К. Герда (Ижевск) —
за предоставление для публикации дореволюционных фотографий
г. Ижевска.

А. А. Петрову — за предоставление текстов и фотоматериалов.

Л. Ю. Тремсина выражает особую благодарность **Алле Молчановой,**
директору Архива Музея русской культуры в Сан-Франциско
Ю. А. Тарале, администратору Сербского кладбища в г. Колма
(США) **Виолетте Челоне-Крулджач,** а также **Н. А. Сапелкиной,**
С. К. Томсон и Т. И. Вапенской, оказавшим неоценимую помощь
в поиске материалов для настоящего издания

ИСТОРИЯ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ БЕЛОЙ АРМИИ

Девяносто лет назад, 7 августа 1918 года, рабочие Ижевского оружейного завода восстали против советской власти, объявившей себя «защитницей интересов рабочего класса». Через десять дней, 17 августа, к ним присоединились рабочие соседнего Воткинского машиностроительного завода, затем население города Сарапула и крестьяне окрестных уездов. Массовое народное антибольшевицкое восстание охватило огромный район Прикамья площадью до 35 000 кв. верст, ограниченный с юга и востока рекой Камой, с запада — рекой Вяткой, а с севера железной дорогой Вятка — Пермь. Восставшие рабочие образовали армию, имевшую, по разным оценкам, численность от 25 до 30 тысяч человек, которая в течение трех месяцев успешно обороняла родные заводы. Общая численность крестьянских партизанских отрядов Вятской и Пермской губерний неизвестна, но по грубым оценкам их было почти столько же, сколько восставших рабочих. Защищая свое имущество и саму жизнь, те и другие проявляли чудеса героизма, но войскам 2-й красной армии, хоть и с большим трудом, удалось сломить их сопротивление. В ночь на 8 ноября 1918 года был взят Ижевск, 13 ноября — оставлен Воткинск. Ижевцы и Воткинцы ушли за Каму, где влились в ряды армий адмирала А. В. Колчака и составили в них две наиболее боеспособные и стойкие дивизии. В самые страшные дни поражений белые повстанцы из рабочих и крестьян остались верны своему выбору: в составе армии В. О. Каппеля они в зимнюю стужу по непроходимой тайге, по льду рек Енисей, Кан, а затем и по льду Байкала вырвались в Забайкалье на соединение с войсками атамана Г. М. Семенова. Затем — еще два с половиной года войны, Хабаровский поход, оборона южного Приморья. Когда в октябре 1922 года последние части Земской Рати генерала М. К. Дитерихса покидали родную землю, в их рядах шли поредевшие остатки всё столь же несгибаемых Ижевского и Воткинского полков.

Книга, которую Вы держите в руках, — это история Ижевских и Воткинских частей армии адмирала Колчака, написанная самими участниками этих событий на основе личных воспоминаний и сохранившихся у них документов. Автор книги — начальник штаба Ижевской стрелковой дивизии Генерального Штаба полковник Авенир Геннадьевич Ефимов (1888—1972). Кроме собственных воспоминаний и имевшихся у него документов, автор также использовал при написании книги воспоминания однополчан, и в первую очередь своего начальника и ближайшего друга, начальника Ижевской дивизии, а затем командующего Белоповстанческой армией в Хабаровском походе, генерала Викторина Михайловича Молчанова (1886—1975). Они не ставили себе целью оправдаться, или как-то приукрасить свои подвиги, они писали всё, как есть, пытаясь донести до нас свою «белую версию», «белую правду»... И в этом смысле данная книга является источником по истории Гражданской войны на Востоке России, к которому не раз еще будут обращаться поколения будущих историков и все те, кому небезразлично прошлое нашего Отечества.

В чем же заключается феномен Ижевцев и Воткинцев, был ли он уникален или, наоборот, типичен для реалий нашей страшной Гражданской войны? Ответ на этот вопрос пытались дать уже несколько поколений историков, как советских, так и белых, эмигрантских, но единого мнения на этот счет не выработано до сих пор.

Для историков советской школы ижевские рабочие всегда являлись изменниками, нарушителями незыблемых для марксистов законов классовой борьбы, выступившими против «родной» диктатуры пролетариата и, что страшнее всего, давшими неоспоримый пропагандистский козырь в руки противников советской власти.

Для советских историков публичное признание самого факта восстания рабочих было крайне нежелательно. В результате в течение последующих 70 лет во всех учебниках и монографиях утверждалось, что мятеж в Ижевско-Воткинском районе подняли «кулацко-эсеровские элементы», а определенная часть «несознательных рабочих» была вовлечена в

него насильно*. Сейчас, когда для исследователей открылись архивы и стали доступны работы эмигрантских историков и мемуары участников Белого движения, стало ясно, что такая постановка вопроса сильно грешит против истины.

Собственно, большевики никогда не защищали по-настоящему ни интересы рабочего класса, ни тем более крестьянства. Коммунистическая партия лишь использовала их чаяния, чтобы утвердиться у власти и развернуть свой социальный эксперимент, который в обязательном порядке должен был разрушить привычный жизненный уклад всех слоев населения России, оторвать их от своих корней, уничтожить Православную Веру и многовековые традиции российской государственности. То, что для этой «великой цели» можно было без зазрения совести нарушать все данные обещания, являлось для Ленина и его сподвижников непреложным фактом. Достаточно вспомнить, как были «исполнены» знаменитые лозунги: «Мир — народам», «Земля — крестьянам», «Фабрики — рабочим»...

Но самый популярный большевицкий лозунг тех дней — «Грабь награбленное!» — был рассчитан на люмпенизированную массу, на чернорабочих с окраин больших городов, живущих в страшной бедности и привыкших от полной безысходности пропивать свою грошовую зарплату. Именно они и являлись главной опорой новой власти. Однако на любом заводе помимо этого сорта людей имелись также высококвалифицированные рабочие, мастера, гордящиеся своими знаниями и трудом и получающие за него приличную заработную плату. Ленин в своих трудах объявил их «рабочей аристократией», зараженной мелкобуржуазной идеологией. Соответственно, большевики считали таких рабочих своими идейными противниками, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вдумайтесь, «рабоче-крестьянская власть» изначально считала врагом любого трудящегося человека, способного своим трудом обеспечить себе достойную жизнь!

Далее, рабочие Урала и Прикамья обладали еще одной особенностью — близостью к земле и относительной патри-

* Именно такая трактовка событий представлена в книге: *Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992*; которая является самой серьезной советской книгой по этому вопросу.

архальностью своего жизненного уклада. Обычно они имели собственные дома в заводских поселках, огороды, выпасы, держали скотину, многие успели породниться с крестьянами окрестных деревень. Здесь возникали целые рабочие династии, когда сын шел на завод по стопам отца.

Поэтому неудивительно, что к середине 1918 года на многих заводах региона недовольство действиями Советской власти и ее представителей на местах вылилось в острые конфликты. А если учесть еще и настроение подавляющего большинства крестьян Прикамья, буквально стонавших в это времена от действий продотрядов и принудительного изъятия хлеба в пользу государства, то неудивительно, что во многих местах дело дошло до открытых восстаний, подавленных большевиками со всею присущей им жестокостью. Так что народное, рабочее и крестьянское сопротивление большевизму на Урале и в Прикамье было явлением и типичным, и широко распространенным*.

И все же Ижевский оружейный завод резко выделялся на этом фоне. Это был один из трех заводов, производивших трехлинейные винтовки для Русской Армии. Соответственно, высококлассные специалисты составляли среди его рабочих подавляющее большинство. Стабильные заказы и высокие заработки, сознание важности своего труда для России и ее Армии, — всё это выработало особый склад характера ижевского рабочего, достаточно образованного, домовитого, уверенного в себе, независимого в своих суждениях и не склонного доверять лозунгам первого попавшегося горлопана на митинге. Взятый же новой властью курс на передел собственности означал для ижевских металлистов лишь потерю подсобных хозяйств и уравнивание в зарплате классных мастеров с последними пьяницами.

И хотя часть рабочих начиная с февраля 1917 года отдала дань увлечению социалистами правого толка (эсерами и меньшевиками), но захватившие затем власть большевики, с их разрушительными идеями, с самого начала никакой поддержки у них не получили. В течение весны—лета 1918 года местный

* Многочисленные свидетельства о таких восстаниях можно найти в сборнике: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы / сб. под ред. М. С. Бернштам. Париж, 1982.

Совет рабочих депутатов переизбирался дважды — и оба раза на выборах побеждали противники большевицкой власти. В конце концов большевики просто отстранили Совет от власти, а наиболее неугодных его членов, таких как меньшевик А. И. Сосулин, стали убивать явочным порядком. Вся большевицкая верхушка на заводе состояла из людей пришлых; наиболее же верной своей опорой они считали... несколько сот немецких и австрийских военнопленных, направленных на завод для выполнения подсобных работ во время Первой Мировой войны.

Настроение рабочих менее чем за месяц до восстания предельно точно описал большевик А. П. Кучкин, проводивший в Ижевске митинги в надежде набрать здесь добровольцев для частей 2-й армии красных*:

«“Революция в опасности!” — гремели набатным звоном наши голоса на всех митингах. <...>

“Товарищи! Настал грозный момент. Если вы не окажете сейчас поддержку фронту, если вы железными батальонами не наброситесь на врага, то через несколько дней чехи и белогвардейцы будут здесь, в Ижевске. Товарищи! Эти звери тогда начнут вас вырезывать сотнями. Ведь самый ненавистный враг для буржуазии, для контрреволюции — это рабочие. Чтоб спасти революцию, чтоб разбить врага — идите на помощь фронту, вступайте добровольцами в ряды Красной армии. Да здравствует!..”

Когда ораторы, надрываясь, заканчивали лозунгами свою речь, в ответ было молчание. Аплодировали единицы. Спокойно выслушивали рабочие ораторов, спокойными оставались и к их призывам. Только немногие выкрикивали:

“Не надо бы задерживать чехов! Пусть бы ехали на Дальний Восток — тогда бы не было и войны!.. Сами коммунисты виноваты!.. Идти брат на брата войной — не дело это!..” <...>

Наши призывы, в которых мы всячески изощрялись, стараясь сыграть хотя бы на чувстве, повисли в воздухе. Кажется, только на одном митинге прошла незначительным большинством резолюция о поддержке советской власти вообще, конкретно ничего не дающая, а лишь обещающая. На других митингах провалилась и эта резолюция. Добровольцев же записалось... один молодой,

* Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы / сб. под ред. М. С. Бернштам. Париж, 1982. С. 324—325.

лет 18, рабочий, над которым ядовито смеялись другие, расходясь с митинга ...»

Комментарии, как говорится, излишни. Впрочем, один момент здесь следует уточнить: «зверями», которые вскоре сотнями и тысячами стали «вырезывать» рабочих, стали вовсе не чехи и белогвардейцы, а большевицкие каратели (включая и автора приведенных выше воспоминаний).

Недаром в течение всей Гражданской войны у красных бытовала гнусная присказка: *«Вот кончится война, все отправятся по домам, а ижевцы и воткинцы — по гробам!»* Подобные слова у большевиков, к сожалению, никогда не расходились с делом.

Разумеется, большевики чувствовали настроение рабочей массы и готовы были в любой момент пустить в ход оружие. Но они не учли того, что ижевских рабочих, делавших винтовки своими руками, в принципе невозможно было разоружить, не остановив при этом полностью производство.

После разгона Совета центром сопротивления большевизму стал «Союз фронтовиков», председателем которого являлся фельдфебель Солдатов. В него вошло довольно много унтер-офицеров и офицеров — бывших рабочих, получивших чины за храбрость на полях Первой Мировой войны. Готовил ли этот союз восстание заранее? Очевидно, да, ведь большевики, даже с формальной точки зрения являясь на заводе узурпаторами, не оставляли его членам другого выбора, как только скинуть их силой оружия. Но, разумеется, никакой точной даты восстания избрано не было; фронтовики, оставаясь наготове, ожидали дальнейшего развития событий.

Между тем, 25 мая 1918 года началось спровоцированное большевиками выступление Чешско-Словацкого корпуса*, 8 июня Поволжская группа чехов войск С. Чечека освободила Самару, и в ней был образован Комитет Членов Учредительного Собрания (сокращенно «Комуч»), объявивший себя общерус-

* Хотелось бы особо подчеркнуть: во всех русских документах периода Первой Мировой войны, относящихся к формируемым в Русской армии чешским частям, вплоть до конца 1917 г. — начала 1918 г., последние всегда именовались именно «Чешско-Словацкими», но никогда не «Чехо-Словацкими» либо «Чехословацкими». Последние термины — более позднего происхождения и поначалу использовались по преимуществу красными.

ским антибольшевицким демократическим правительством. Началось формирование Народной Армии Комуча, и несколько дней спустя первый ее добровольческий отряд под командованием подполковника В. О. Каппеля уже громил красных под Сызранью и Ставрополем Волжским. 4 июля 1918 года войска Чечека заняли Уфу, защищая ее 2-я армия красных была разгромлена и откатилась к Сарапулу. Постепенно война приближалась к Ижевску.

Ситуация резко изменилась 7 августа 1918 года, когда пришло известие об освобождении Казани частями Отдельной стрелковой бригады Народной Армии В. О. Каппеля и 1-го Чешско-Словацкого стрелкового имени Яна Гуса полка под командованием полковника А. П. Степанова. Узнав об этом, большевики немедленно объявили на заводе всеобщую мобилизацию, что и стало сигналом к выступлению для фронтовиков. Подавляющее большинство рабочих пошло за ними; винтовки и патроны были захвачены в поверочной (пристрелочной) мастерской. Утром 8 августа на заводской плотине, соединяющей Нагорную и Заречную части Ижевска, прогремели первые выстрелы, а к вечеру большевики бежали с завода, и там установилась новая, рабочая власть.

Штабы красных: 2-й армии из Сарапула, а затем и 3-й армии из Перми немедленно выслали против восставших карательные отряды. Однако раз за разом отряды эти терпели поражения. Натиск красных возрастал, но в ответ усиливалось и сопротивление Ижевцев. Подобно герою Антею из древнегреческих мифов, всякий раз, прикасаясь к родной земле, к родному заводу, повстанцы черпали отсюда всё новые и новые силы. Если в первых боях Ижевск обороняли лишь рота фронтовиков под командованием полковника Д. И. Федичкина и рота школы Оружейных техников штабс-капитана Куракина, то уже неделю спустя для отражения наступления Антонова-Овсеенко завод выставил десятки новых рот. Более того, в ночь на 17 августа 1918 года восстал также и соседний Воткинский машиностроительный завод. Обстановка там в точности напоминала ижевскую, восстание в Воткинске также готовил местный Союз фронтовиков. Но было одно существенное отличие: у воткинских рабочих не было оружия. Поэтому без помощи из Ижевска их выступление вряд ли было бы

успешным, однако при минимальной поддержке (была послана одна рота и оружие для роты воткинских фронтовиков) завод не только был освобожден, но там немедленно было начато формирование армии, которая по своей мощи и боеспособности вскоре сравнялась с Ижевской. Наконец, постоянные поражения, которые терпели от Ижевцев лучшие части 2-й армии красных, привели к полному ее развалу. В конце августа штаб армии поспешно оставил Сарапул, причем в ходе эвакуации города дело дошло до уличных боев между мародерствующими красноармейцами и местными большевиками. Когда 31 августа в Сарапул вступил отряд Куракина, жители встретили Ижевцев как своих освободителей.

В политическом отношении восставшие признавали главенство Самарского Комуча, но с сохранением широкой внутренней автономии. В результате 10 августа на совместном заседании Ижевского Совета, Заводского комитета и Союза фронтовиков было решено передать всю власть в районе Прикамскому Комитету членов Учредительного Собрания (так называемому «Прикомучу») в составе четырех человек: Евсеева, Бузанова, Шулакова и Карякина.

В свое время в одном из первых приказов Самарского Комуча было объявлено, что в каждом освобожденном от большевиков городе должен быть сформирован полк пехоты, кавалерийский эскадрон и батарея, причем эти части следовало именовать «Народной Армией такого-то района» (Уфимского, Самарского, Симбирского, Сызранского и так далее). В соответствии с этим приказом и организовывалось строительство вооруженных сил восставших. В каждом из освобожденных городов была создана своя «Народная Армия»: Ижевская, Воткинская и Сарапульская. Эти армии создавались по чисто территориальному признаку и ставили своей задачей исключительно защиту родных мест. Народными они были не по одному лишь своему названию, а представляли собой действительно всенародное ополчение со всеми его достоинствами и недостатками. Основной тактической единицей в каждой армии считалась рота численностью от 50 до 250 человек; батальоны и полки в них начали формироваться лишь в сентябре 1918 года.

При этом Ижевцы и Воткинцы выставили примерно по 50 рот, самая малочисленная Сарапульская армия имела в своем

составе около 20 рот. Точная численность армии восставших на настоящий момент неизвестна. А. Г. Ефимов в своей книге говорит, что в ноябре 1918 г. за Каму ушли от 16 до 30 тысяч Ижевцев (из них 10 тысяч боеспособных мужчин) и 30 тысяч Воткинцев (15 тысяч бойцов и 15 тысяч членов их семей). Исходя из структуры Народных Армий Прикамья, и принимая среднюю численность роты в 150 человек, получаем общую численность пехотных частей восставших равной примерно 17 тысячам человек, однако эта цифра не учитывает остальные рода войск, отряды добровольцев, а также общезаводское ополчение, собиравшееся при крайней опасности.

Столь массовая армия повстанцев смогла образоваться лишь благодаря выпуску на Ижевском заводе собственных трехлинейных винтовок. Резко усилив свое производство сразу после начала восстания, рабочие не только полностью вооружили все три армии, но смогли также обеспечить оружием окрестные крестьянские партизанские отряды. Однако выпуск патронов на заводе был крайне ограничен, а запасы их очень невелики, так что в отношении материально-технического снабжения своих войск Ижевцам пришлось столкнуться с огромными трудностями. Что же касается орудий, пулеметов и снарядов, то их пришлось брать с боя у красных.

Хотя район восстания был общим, но формально три армии считались независимыми друг от друга. Однако, несомненно, все они должны были подчиняться единому командованию, при этом «головной» была Ижевская Народная Армия, вооружавшая и помогавшая формировать другие армии. Это положение было официально закреплено Постановлением Прикомуча № 2 от 6 сентября, согласно которому Главнокомандующим объединенными Народными Армиями Прикамского края был назначен Командующий Ижевской Народной Армией полковник Федичкин*. Воткинскую Народную Армию возглавил капитан Нилов, но вскоре его сменил на этом посту капитан Г. Н. Юрьев. Сарапульской Народной Армией руководил Н. А. Девятков.

Восстания в Ижевске и Воткинске вызвали настоящую «цепную реакцию» по всему Прикамью. Волость за волостью поднималась против «красных насильников». На общих сходах крестьяне «приговаривали» провести общую мобилизацию

* РГВА. Ф. 40048. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–5.

«опчества», создать в своем селе или уезде партизанский отряд и послать «ходоков» за оружием в Ижевск. Именно так в одночасье поднялось село Алнаши Елабужского уезда Вятской губернии, в котором скрывался от красных будущий командир Ижевской бригады подполковник В. М. Молчанов*. В результате Викторину Михайловичу выпало начать свой боевой путь в Белой армии с должности командира Алнашской повстанческой дружины. И это был лишь один из многих отрядов «самомобилизованных» (как они себя называли); именно такие отряды держали фронт по рекам Вала и Кильмез, прикрывая Ижевск с запада. У них далеко не всегда была постоянная связь с Ижевским штабом, однако, что характерно: красные предпочли все же прорываться к Ижевску вдоль железной дороги, а тщательную очистку крестьянских повстанческих районов оставили на потом.

8 августа 1918 года в городе Малмыже, почти одновременно с Ижевцами, восстали 600 бойцов красного 1-го Московского Продовольственного полка во главе с командиром полка бывшим капитаном А. А. Степановым. Двигаясь вверх по реке Вятке, этот отряд последовательно освободил города Уржум и Нолинск, значительно пополнившись восставшими жителями этих районов, и стал именовать себя Народной Армией Нолинского района. Этому отряду удалось продержаться в районе Уржума и Нолинска до начала сентября 1918 года, когда под давлением красных карательных отрядов часть восставших отошла к Казани**.

В начале сентября была освобождена Елабуга, и там началось формирование Елабужской Народной Армии (ее вскоре возглавил вызванный из Алнашей Молчанов). В дальнейшем, после отхода за Каму, он переформировал ее части в 32-й Прикамский стрелковый полк, вошедший в состав Сводной Уфимской (в дальнейшем — 8-й Камской) стрелковой дивизии.

Наконец, в Закамье, при попытке большевиков мобилизовать рабочих Камбарского завода, те 1 сентября арестовали

* *Молчанов В. М.* Борьба на Востоке России и в Сибири. // Первопоходник (Лос-Анджелес). № 17. 1974. С. 40.

** Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919. Документы и материалы / сб. под ред. М. С. Бернштам. Париж, 1982. С. 443—463.

большевистский штаб, а вместо красногвардейского отряда создали на заводе Камбарскую Народную Армию*. Несколько дней спустя их примеру последовали рабочие другого закамского завода — Михайловского. Там образовался партизанский отряд прапорщика Преснова, который позже был переформирован в 15-й Михайловский стрелковый полк 4-й Уфимской стрелковой дивизии. И здесь же, в Закамье проходил Камско-Буйский фронт (подчинявшийся командующему Уфимским корпусом генералу С. Н. Люпову), на котором прямо в боях формировались из партизанских отрядов Бирский, Аскинский и Стерлитамакский полки будущей 8-й Камской дивизии**.

Как видим, рабочие восставали против Советской власти не только в Ижевске и Воткинске, и бывшие повстанцы Ижевско-Воткинского района составили в дальнейшем кадры не только Ижевской и Воткинской дивизий, но также и большинства частей 2-го Уфимского армейского корпуса.

Точно так же неверно было бы утверждать, что ижевские повстанцы всё время сражались в полном окружении. С освобождением Сарапула и выходом к пристаням Гальяны и Галево для них открылась дорога по рекам Каме и Белой на Уфу, а также сообщение с Закамьем. Но никакой реальной помощи они оттуда получить не смогли. И дело здесь не в злом умысле белого командования, а в реальной обстановке, сложившейся на Поволжском и Уральском фронтах. Екатеринбургская группа белых на тот момент вела тяжелые кровопролитные бои с 3-й красной армией, шаг за шагом продвигаясь на Пермь. Свободных резервов в ней не было, так что нанести дополнительный удар в направлении Воткинска и Ижевска она не могла. В Поволжье Народная Армия Комуча переживала тяжелый кризис, 10 сентября под ударами превосходящих сил 5-й армии красных она вынуждена была оставить Казань. Ближайшая к восставшему району Уфимская группа Люпова сама находилась в процессе формирования и остро нуждалась в вооружении, никаких излишков такового у нее не было. Как уже говорилось

* *Манохин У. И.* Восстание на Камбарском заводе. // Урал и Прикамье... С. 130–132.

** *Филимонов Б. Б.* Белая армия адмирала Колчака. М., Рейтар, 1997. С. 34–35.

выше, она выдвинула часть сил на Камско-Буйский фронт, но эти войска значительно уступали по численности Ижевцам и Воткинцам. Так что главной силой белых в этом районе, несомненно, являлись Народные Армии Прикамья. Именно от них белая Казань могла бы ожидать помощи. Можно только догадываться, что произошло бы, если бы повстанцы, собрав все свои силы в единый кулак, нанесли могучий удар в тыл Арской группировки красных и далее на Свияжск, Нижний Новгород, на Москву..

Но этого не произошло и, к сожалению, произойти не могло. Главное отличие истинно народных повстанческих армий как раз и состоит в том, что они создаются с единственной целью: защитить свои дома, свои семьи, свой родной город. Бросить Ижевск на растерзание карателей даже ради глубокого прорыва красного фронта, восставшие рабочие не могли чисто психологически. В этом и заключались причины их будущего поражения.

Заняв узловую железнодорожную станцию Агрыз, Ижевцы приостановили наступление и дали возможность 2-й армии красных реорганизоваться и пополниться дивизией латыша В. М. Азина, освободившейся после взятия Казани. К сожалению, свою лепту в дезорганизацию обороны белых в Прикамье внес и командующий белой Камской речной флотилией капитан 2 ранга Феодосьев*. Оперирова на главной линии коммуникаций района — речной системе Кама—Белая, он единственный, при желании, мог бы скоординировать усилия Ижевцев, Елабужского отряда Молчанова и постепенно выдвигающихся с юга Уфимских частей. Но, беспокоясь исключительно о собственных судах и приближающемся ледоставе, Феодосьев к середине октября сначала эвакуировал Елабугу, а затем, без согласования с Ижевцами, отвел свою флотилию в устье реки Белой и далее к Уфе. Этим немедленно воспользовалась красная речная флотилия Ф. Ф. Раскольников, которая, несмотря на ту же угрозу ледостава, продолжала свои операции еще в

* *Молчанов В. М.* Указ. соч. // Первопоходник (Лос-Анджелес). № 18. 1974. С. 28—35. Точно так же порицает действия Феодосьева и Ефимов. Со своей стороны, белые моряки считают его действия вполне разумными и оправданными.

течение почти целого месяца. С отходом Феодосьева она сразу же стала хозяйкой положения на Каме, отрезала восставших от Закамья и начала настойчиво высаживать десанты у них в тылу у пристани Гальяны. Именно с этого момента и следует говорить о стратегическом окружении красными восставшего района.

Ижевцы и Воткинцы могли оставить свои заводы, лишь исчерпав все средства борьбы, под угрозой безоговорочного и поголовного уничтожения. Именно это и произошло месяц спустя. К тому времени вынужден был уйти со своего поста Д. И. Федичкин. Его совершенно здравая с точки зрения военного мысль о необходимости заблаговременной эвакуации Ижевска не встретила понимания ни у руководителей, ни у рядовых повстанцев. Его заменил на посту Главнокомандующего Народными Армиями Прикамья Г. Н. Юрьев. В ночь на 8 ноября дивизия Азина взяла Ижевск штурмом, ценою максимального напряжения сил и огромных потерь. При этом силы сторон были далеко не равны: уже с неделю как в Ижевской Народной Армии закончились снаряды и патроны. Так что ижевским рабочим не оставалось ничего другого, как только утром 7 ноября по заводскому гудку предпринять массированную беспатронную штыковую атаку. Передовые позиции красных были взяты, захвачены орудия и пулеметы. От совершенно неожиданного и сокрушительного разгрома Азина спасла лишь стойкость латышского полка Чеверева, а также бронепоезд, безнаказанно расстреливавший в упор ижевские цепи. Впоследствии, когда с выходом в свет знаменитого фильма «Чапаев» братьев Васильевых советские историки наперегонки бросились выискивать возможные исторические прототипы для выдуманной режиссерами «психической атаки офицерского полка», первым кандидатом на эту роль оказалась именно данная атака Ижевцев*. Но ни о каком особом «подавлении психики врага» здесь (впрочем, как и во всех остальных «притянутых за уши» этими историками эпизодах) речи быть не могло: будь у ижевцев патроны, они, несомненно, использовали бы иной тактический прием, впрочем, тогда и исход боя вполне мог бы сложиться по-другому. Но, несомненно, попав в безнадежное положение,

* См., напр.: *Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Указ. соч. С. 267.*

решиться на такой отчаянный шаг могли лишь войска, обладающие огромной силой духа и непоколебимой верой в правоту своего дела. Ижевцы в полной мере обладали ими, что не раз еще подтвердили впоследствии на деле.

Юрьев и командование Воткинской Народной Армии не стали повторять ошибок Ижевцев. Воткинск был эвакуирован, и 14 ноября 1918 года бойцы Народных Армий Прикамья по специально наведенному понтонному мосту перешли на левый берег Камы. Там они соединились с войсками Камской группы Люпова и уже в ее составе, преобразованные в четырехполковую Сводную Воткинскую дивизию и двухполковую Ижевскую бригаду, продолжили борьбу против большевиков.

Между тем 18 ноября 1918 года в Омске произошел государственный переворот, в результате которого вся военная и гражданская власть в Сибири (а в потенциале — и во всей России) была передана одному человеку — адмиралу Александру Васильевичу Колчаку. Он принял пост Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего как свой крест. Но совершенно иначе восприняли это событие представители партии эсеров из бывших руководителей Самарского Комуча: они не признали переворот и объявили о приходе к власти «сил реакции». Выразителем таких настроений стал председатель разогнанного большевиками Учредительного Собрания В. М. Чернов, незадолго перед тем во всеуслышание объявивший, что если выбирать между «реакционным офицерством» и большевиками, то он предпочитает вступить в переговоры с последними. И теперь у эсеров возникла идея поднять «верные им» (как они надеялись) части и выступить с оружием в руках против Омска. То, что при этом пришлось бы открыть фронт красным, их совершенно не останавливало. При этом они особенно рассчитывали на Ижевцев и Воткинцев, памятуя о сильном эсеровском влиянии в рабочей среде и о том, что большинство членов Прикомуча также являлись их однопартийцами. Но они просчитались. То, чего не понимали партийные лидеры, было очевидно для рядовых рабочих, дравшихся на фронте: независимо от партийных пристрастий, от монархических или республиканских взглядов, большевизм необходимо победить любой ценой, без этого нормальная жизнь в России не возродится. Эсеровский

заговор не удался. Более того, поскольку генерал Люпов медлил с признанием Колчака Верховным Правителем, командовавший Воткинцами Юрьев объявил о таком признании через голову своего начальника. Подвиги Юрьева, как и его лояльность, были оценены по заслугам: в январе 1919 года он был произведен из капитанов сразу в полковники и одновременно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени*.

К концу декабря 1918 года части группы Люпова понесли большие потери в боях, и встал вопрос об их реорганизации. В штабе вновь создаваемой Западной армии генерала М. В. Ханжина разрабатывалось несколько вариантов таковой. При этом штабные офицеры, чтобы сделать части полнокровными, намеревались сливать по два полка в один новый, не обращая внимания на сложившуюся уже внутреннюю организацию прежних частей, на настроения солдат, на их настоящую, а не «табельную» боевую ценность. Полагаю, что, если бы эти планы были реализованы, белая армия Колчака в результате потеряла бы до десятка лучших своих полков. Ведь слиянию при этом предполагалось подвергнуть именно те полки, которые сложились из прежних добровольческих, повстанческих, «самообилизовавшихся» отрядов, которые были сильны своей внутренней спайкой, землячеством, тем, что в каждой роте дрались родственники и соседи с одной улицы, из одной деревни. Перемешивание непременно привело бы у них к упадку духа, потере «чувства локтя» и привычных командиров, в результате чего новые части могли бы в боевых условиях вообще развалиться.

Но особенно досталось в этих проектах Ижевцам: офицеры штаба армии явно считали их не слишком надежным элементом. Для этого были некоторые основания: Ижевцы переживали в это время серьезный кризис. Они больше Воткинцев пострадали при отходе за Каму, находились в подавленном настроении и были очень плохо одеты, из-за чего в жестокие морозы никак не могли быть выведены на фронт. В довершение всего, после ухода Д. И. Федичкина они не имели авторитетных высших начальников. Так что авторы проектов предполагали либо

* Приказ Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего № 102 от 24 января 1919 г. (ГАРФ. Ф. 176. Оп. 14. Д. 31. Л. 115).

свести Ижевскую бригаду в один полк и включить ее в состав Воткинской дивизии, либо же вообще — влить весь личный состав Ижевской бригады в 32-й Прикамский полк 8-й Камской дивизии*.

К счастью, прежде чем решиться на эти необратимые действия, генерал Ханжин решил разобраться во всем получше и послал в бригаду с инспекторской проверкой генерала М. И. Тимонова. Выбор инспектора оказался очень удачным: Михаил Иванович Тимонов с лета 1918 года формировал части Народной Армии Уфимского района, реорганизовал их в 4-ю Уфимскую дивизию и в течение трех месяцев являлся ее начальником. Подчиненные Тимонова были такими же добровольцами и белоповстанцами, как и Ижевцы, и Михаил Иванович хорошо узнал и по достоинству оценил этот тип белого бойца. И теперь Тимонов распознал таковых с первого взгляда, как говорили сами Ижевцы, «по глазам». Он без колебаний рекомендовал сохранить бригаду, одеть ее, снабдить всем необходимым и затем использовать как ударную силу в предстоящем генеральном наступлении.

Рекомендации Тимонова были приняты к исполнению, и 30 января 1919 года вышел приказ Начальника штаба Верховного Главнокомандующего за № 94, который гласил**:

«Из частей Ижевского района образовать отдельную, двухполкового состава, стрелковую бригаду, которой именоваться: “Ижевской отдельной стрелковой бригадой”».

Но фактически этот приказ означал на деле не создание бригады (в том же составе она существовала с ноября 1918 года), а ее сохранение, как отдельного боевого соединения. Одновременно стало известно, что пути Ижевцев и Воткинцев расходятся: Воткинская дивизия была передана в Сибирскую армию генерала Р. Гайды, а Ижевцы оставались в армии Ханжина. Сразу следует сказать, что в армии Гайды существовала и еще одна ижевская часть. При взятии Ижевска красными часть его защитников рассеялась и затем некоторым из них удалось

* РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 37. Л. 30—32. Проекты реорганизации анонимные, но их автором явно являлся кто-то из старших офицеров штаба формируемой тогда Западной армии.

** ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 15. Л. 58.

в одиночном порядке, лесами, пробраться в расположение Сибирской армии. Среди них оказался и упомянутый в книге Ефимова герой обороны Ижевска полковник Власов. Именно он начал в январе 1919 года формировать в Перми из своих товарищей-ижевцев ударный батальон, впоследствии развернутый в 1-й Бессмертный Ударный генерала Гайды полк. Известно, что почетный караул от этого полка встречал на Екатеринбургском вокзале адмирала Колчака во время его весенней поездки в штаб Сибирской армии. Тогда его видели сопровождавшие адмирала генералы барон А. П. Будберг и К. В. Сахаров, и обоих неприятно поразили шифровки Гайды, установленные на погонах солдат полка. Но, независимо от внешних отличий, полк вышел высокобоееспособным и вполне оправдывавшим свое ударное название (сказывались ижевские кадры). Но в конце мая — начале июня 1919 года этот полк почти полностью погиб в тяжелых боях на Каме под Мензелинском*.

Но вернемся к истории Ижевской бригады. Да, она была сохранена, но немедленно вставал вопрос, кого же назначить командиром бригады. Начальству было хорошо известно, что Ижевцы упрямы и своенравны, признают только собственных офицеров, бывших с ними с первых дней восстания, и соглашались подчиниться далеко не всякому «чужаку». Выбор пал на полковника Викторина Михайловича Молчанова.

Сам Молчанов вспоминал, что, получив приказ о своем новом назначении, пришел в неопиcуемый ужас**:
«... Было слышно, что ижевцы не дисциплинированы, бунтовщики, воевать не хотят и стоят в тылу 2-го Уфимского корпуса, занимаясь мародерством и грабежами. И вот назначают меня, молодого подполковника, когда в тылу полно старых кадровых офицеров. Не с моим характером командовать распущенными рабочими — неужели за всё, что я сделал, меня шлют на верную гибель?»

И как не сравнить эти слова с теми, что Викторин Михайлович написал много лет спустя в предисловии к книге «Ижевцы и Воткинцы»: *«Я оказался самым счастливым офицером в армии,*

* Кручинин А. М., Каревский А. А. Ударники генерала Гайды: Заметки о формировании, особенностях обмундирования и участии в боевых действиях // Доброволец (М.), № 2 (4), 2004. С. 21–24.

** Молчанов В. М. Указ. соч. // Первопоходник, № 20, 1974, С. 5.

получив под свое командование Ижевцев. Они не хотели меня, а я не хотел принимать командование этой “вольницей”, но после первых боев мы поняли друг друга, постепенно крепло наше боевое содружество и доверие, которые сохранились до конца».

Молчанов оказался именно тем командиром, который был нужен Ижевцам, всею своей предыдущей службой и опытом боев 1918 года он как бы готовился к руководству ими.

Викторин Михайлович Молчанов родился 23 января (ст. ст.) 1886 года в городе Чистополе Казанской губернии в семье почтового чиновника. Окончил Елабужское реальное училище, а затем Алексеевское военное училище в Москве и 24 марта 1906 года был выпущен подпоручиком во 2-й Кавказский саперный батальон. В Закавказье в то время было неспокойно, и молодой офицер несколько раз привлекался для подавления беспорядков в Шуше и Ленкорани. Впервые столкнувшись с «революционной заразой», Молчанов сделал для себя твердый вывод, — с ней надо бороться всегда и везде, компромиссы здесь невозможны. Затем, в 1908 году перевелся на Дальний Восток во 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон, а в 1910 году — в 6-й Сибирский саперный батальон. Последний квартировал в Приморье в военном городке у ст. Раздольная, в тех самых местах, куда генералу Молчанову, вместе с отступившей из Забайкалья Белой Дальне-Восточной Армией, предстояло еще вернуться в начале 1921 года. Почти всю Первую Мировую войну Викторин Михайлович провел в должности командира 3-й Отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В мае 1915 года он был отравлен газом на реке Бзуре. В 1917 году, когда начался развал армии, капитану Молчанову пришлось перейти на должность штаб-офицера для поручений и делопроизводства при Корпусном инженере 6-го Сибирского корпуса. В феврале 1918 года, при попытке спешно эвакуировать инженерное имущество корпуса, Молчанов с группой подчиненных был застигнут на станции Вольмар наступающими немцами. Викторин Михайлович пытался отстреливаться, но был ранен в обе ноги осколками гранаты и взят в плен. По излечении и выходе из госпиталя ему грозила опасность быть направленным в лагерь для военинопленных в Германию. Но Молчанову удалось нелегально перейти демаркационную линию, и через всю красную Россию,

с документами инвалида войны, подлежащего демобилизации, он направился домой в Елабугу. В родной дом он вернулся в апреле 1918 года, но менее чем месяц спустя вынужден был скрываться от красных в селе Алнаши, где его брат Александр Михайлович был мировым судьей. Дальнейшая судьба Викторина Михайловича в общих чертах уже была описана выше: в сентябре 1918 года сельский сход избрал его командиром Алнашской повстанческой дружины; с нею он успел одержать всего лишь одну победу, как был срочно вызван в Елабугу, и возглавил уже всю Елабужскую Народную Армию. Далее, отход за Каму и переформирование Елабужцев в 32-й Прикамский стрелковый полк. Осенью — зимой 1918 года произведенный в подполковники Молчанов, возглавляя отряд в составе 32-го Прикамского и 13-го Уфимского стрелковых полков с двумя батареями, сдерживал красных в районе реки Белой, дав им ряд боев за Мензелинск, пристань Дюртюли и город Бирск. И вот, в январе 1919 года производство в полковники за боевые заслуги и новое назначение — комбригом Ижевской.

Успев хорошо приноровиться к подчиненным-белоповстанцам, Молчанов сразу же взял в бригаде правильный тон: уважительный к подчиненным, не слишком обращая внимание на почти полное отсутствие у них внешних проявлений дисциплины, он неукоснительно требовал точного исполнения своих боевых приказов. А первые же бои расставили всё на свои места: будучи решительным командиром и военачальником, что называется, «от Бога», Викторин Михайлович требовал от своих «Ижей» почти невозможного, а те всегда следовали за ним в самое пекло, в твердой уверенности, что начальник их никогда не подведет и найдет выход из любого положения.

Впрочем, перед самым началом весеннего наступления судьба подарила Молчанову прекрасного помощника: 24 февраля 1919 года на должность начальника штаба бригады был назначен Генерального Штаба капитан Авенир Геннадьевич Ефимов, будущий автор данной книги. Он родился 19 октября 1888 года, окончил в 1-й Симбирский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище, и 6 августа 1910 года выпущен подпоручиком в 16-й Саперный батальон, квартировавшийся в Казани. С этим батальоном Ефимов и выступил на фронт Первой Мировой войны. В июле 1916 года был контужен

на Иксюльском плацдарме под Ригой, а по излечении направлен на «подготовительные курсы Николаевской Академии Генерального Штаба». Фактически это были ускоренные курсы Академии, по окончании которых в январе 1917 года Ефимов был «переведен на старший курс Академии», учеба в котором была отложена до окончания войны. Это обучение на старшем курсе так никогда и не состоялось: помешали революция и Гражданская война. Но и при тех минимальных знаниях, которые давали ускоренные курсы, из Ефимова вышел отличный офицер Генерального Штаба, прекрасно знающий свое дело, собранный, спокойный, деловитый, внимательный ко всем мелочам, из которых, собственно, и складывается управление бригадой или дивизией. Весь 1917 год он провел на должности старшего адъютанта в штабах сначала 37-го, а затем 14-го армейских корпусов. В феврале 1918 года он демобилизовался и отправился в Казань, где, возможно, присоединился к Академии Генерального Штаба, эвакуированной туда большевиками. Сразу же после освобождения Казани Каппелем 7 августа 1918 года Ефимов вступил в ряды Народной Армии Комуча и занял должность помощника начальника разведывательного отделения Штаба Войск Северной Группы. Затем последовали назначения: 18 октября — на должность помощника начальника службы связи Ставки Верховного Главнокомандующего и 15 января 1919 года — на должность старшего адъютанта Оперативного отдела штаба 2-го Уфимского армейского корпуса. Но на этой последней должности Авенир Геннадьевич не задержался и уже в феврале стал начальником штаба Ижевской бригады. В отношении же личных качеств Авенира Геннадьевича остается лишь предоставить слово его начальнику В. М. Молчанову*:

«Он произвел на меня впечатление слишком мрачного, нелюдимого — сапер, как и я; последнее, пожалуй, более всего мне не понравилось — два сапера на таких ответственных должностях... Капитан Ефимов уже дорогой начал знакомиться с делами, с частями. Я видел дельного, трудолюбивого офицера, а когда, по приезде на место, он немедленно принял должность и взял в руки немного

* Молчанов В. М. Указ. соч. // Первопоходник. № 20. 1974. С. 11.

распущенный штаб, я увидел в нем твердого человека, который вожжи не распустит. <...> С этого времени он был верным моим помощником, отважным офицером, ходившим в атаку с чинами штаба, дальше — близким моим другом, и я всю Гражданскую войну провел с ним и сдал ему ижевцев, когда был назначен командиром 3-го корпуса. Совершенно определенно могу сказать, что более офицера, чем Авенир Геннадиевич Ефимов, за обе войны я не видел. Это не только мое мнение, но полковника Ефимова знали и знают все, служившие в Ижевской бригаде, дивизии, 3-м стрелковом корпусе и в Дальне-Восточной армии.

Если бы все были такими, едва ли бы пришлось нам переплыть океан».

* * *

Нет нужды пересказывать боевой путь Ижевской бригады, а затем дивизии, — он очень подробно и красочно описан в книге Ефимова. Хотелось бы остановиться лишь на нескольких наиболее важных моментах.

Первое — о знаменитой вольнице «ижей». И здесь не могу не привести немного путанное и безыскусное свидетельство молодого офицера, дравшегося в их рядах*:

«Рабочие образовали роты, батальоны и полки, появились кумиры кулачных боев, вроде «Коли Ложкина» или «Коли Смолина» и др.; образовался (из-за недостатка патронов) отряд поножевцев, и пошла писать губерния. Ижи и Вотки уходили из дома, возвращались, снова уходили и т. д., а когда фронт ... потянулся на восток, пошли и Бригады, с обозами, на своих крупных, хороших лошадях, с женами, родителями, детьми и швейными машинами.

Дрались они с упоением, за раненых, пока их не вынесут, с ожесточением; своих офицеров беспрекословно слушались, чужих не ставили ни в грош; в бою дисциплину понимали «с правом расстрела», но в тылу, входя в избу, называли командиров по имени и отчеству и запросто подавали руки; все это пришлось испытать автору на полуэскадроне воткинцев, где семь братьев

* Павлов И. А. Адмирал Колчак Александр Васильевич на Дальнем Востоке. Буэнос-Айрес, 1963. С. 22 (Рукопись, хранится в частной коллекции.)

«Загуляевых»: Семен Семеныч, Иван Семеныч, Николай Семеныч и пр. Семеновичи, устанавливали порядок и чудесно дрались. Самое главное для гражданской войны — это, когда командир твердо уверен, что за ним следуют все его люди и что он не будет предан и брошен; вот почему очень часто, в самый критический момент боя, командир с 14–16 всадниками (ординарцами, знаменщиками и др.) кидался в конную атаку в самую гущу боя, и этим решалась победа».

Кстати, и фамилии, приведенные автором воспоминаний, взяты отнюдь не с потолка. Ничего не могу сказать конкретно о капитане Смолине, а вот имя командира 3-го батальона 1-го Ижевского стрелкового полка поручика Николая Ложкина часто встречается на страницах книги Ефимова. Ему, среди прочих, довелось отличиться в самом знаменитом бою Ижевцев — в бою 30 марта 1919 года под Уфой у деревень Ново-Киевка, Романовка и Петряево. В этом бою во второй раз, после обороны завода, Ижевцам пришлось идти в беспатронную атаку.

Дело в том, что в ходе целого ряда удачных боев, приведших к освобождению Уфы, бригада понесла большие потери и израсходовала все боеприпасы, а потому была отведена в тыл на отдых. Однако через неделю 26-я и 27-я стрелковые дивизии красных оправились и нанесли с юга мощный контрудар, сильно потеснив части 12-й Уральской стрелковой дивизии. Штаб армии требовал: «Спасите Уфу!», и Молчанову не оставалось ничего другого, как только вести свою бригаду в бой практически без патронов.

Бой был очень тяжелым: взяв Романовку, Петряево и Ново-Киевку, Ижевцы не смогли в них закрепиться и под сосредоточенным огнем врага должны были покинуть их — лишь для того, чтобы час спустя вновь брать их обратно. Патроны вышли все, и полагаться оставалось только на свои штыки. Цепи шли по колено в снегу, казалось, красные перебьют их всех на выбор. Но подъем духа у Ижевцев был чрезвычайно высок. И вот тогда бойцы батальона поручика Ложкина забросили винтовки за спину, вытащили из-за голенищ засапожные ножи и пошли с ними в атаку. Как вспоминают Ижевцы, на красных это произвело столь сильное впечатление, что они бежали, не приняв боя. Рядом другие ижевские роты шли в атаку как на праздник — с песнями и гармошкой, как бы подтверждая известную народную

пословицу «Помирать — так с музыкой». Ижевцы с любовью вспоминают 18-летнюю сестру милосердия Лидию Попову, пустившуюся при этом в пляс перед цепью, пока пулеметная очередь не перебила ей ноги. Но то, что это не легенды и не солдатские байки, подтверждают документы, опубликованные советскими историками*: так, под деревней Бакеевка «... особенно отличились роты 2-го Ижевского полка, которые несмотря на сильный огонь с песнями двинулись в атаку... причем впереди 1-го батальона, играя на гармонии, шел пулеметчик Аввакумов, который при взятии Бакеевки был ранен».

Благодаря этому массовому героизму Ижевцы смогли продержаться до подвоза патронов, позволивших им на следующий день одержать уже нормальную победу. Можно без преувеличения сказать что этот бой бригады произвел огромное впечатление, как на их товарищей по оружию из Западной армии, так и на красных. Именно о нем упоминается в знаменитой боевой песне Ижевцев, сочиненной поручиком Н. Арнольдом и распевавшейся на мотив «Варшавянки»**:

Кто не слышал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой?
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец — русский рабочий простой?..

Ижевец, идущий в атаку с гармошкой под красными пулями, навеки остался символом несгибаемой воли лучших бойцов Колчаковской армии. Красные же впоследствии непременно приводили этот бой в качестве примера «самой неоспоримой» из проведенных белыми «психических атак».

Однако всего лишь месяц спустя после этой замечательной победы Ижевская бригада прекратила на время свое существование. Чтобы понять, как такое оказалось возможным, надо вернуться несколько назад. Начиная наступление, командующий Западной армией генерал Ханжин 21 февраля 1919 года издал специально для Ижевцев приказ за № 63 следующего содержания***:

* Дмитриев П. Н., Куликов. К. И. Указ. соч. С. 299.

** Филимонов Б. Б. Белоповстанцы. Ч. 1. Шанхай, 1932. С. 32.;
Дмитриев П. Н., Куликов. К. И. Указ. соч. С. 290.

*** РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 94.

«Ижевцы! Вы перешли в состав Западной армии при тяжелых условиях отступления, босые и голодные! Ныне вы отдохнули, вас одели и накормили! Настало время нанести красным поражение! Они уже бегут, и мы должны дать им последний жестокий удар! Наша задача освободить Уфу, Самару, Саранул и Ижевск!

Я требую во имя Родины от вас нового подвига! Докажите еще раз свою преданность Родине. Ваши матери и отцы, ваши жены и дети ждут нас, как избавителей от рук красных палачей-большевиков.

Я назначил вам опытных Начальников. Скоро я отдам приказ о всеобщем наступлении и надеюсь, что вы оправдаете доверие к вам.

После освобождения Ижевского завода вам будет предоставлена возможность вернуться к своим семьям, и только желающие останутся в рядах доблестной Ижевской бригады, чтобы с оружием в руках совместно с другими частями армии продолжать великое дело освобождения Родины от красных предателей».

Подписывая этот приказ, Ханжин не подозревал, что закладывает мину замедленного действия. Рядовые Ижевцы отнеслись к обещанию командарма очень серьезно, и как только пришло известие об освобождении Ижевска, едва ли не поголовно потребовали отпустить их по домам. Попытка Ханжина сделать вид, что его не так поняли, и тем более грозить Ижевцам репрессиями в случае самороспуска, привела бригаду на грань бунта, и лишь тактичные действия Молчанова позволили произвести роспуск бригады достаточно мирно. 29 апреля Ижевцы сдали оружие и двинулись домой. С Молчановым, только что произведенным в генералы, остались лишь небольшие кадры. За сутки численность бригады сократилась с 4400 человек до 452-х. Практически одновременно с Ижевской бригадой разошлась по домам и Воткинская дивизия. Командующий Сибирской армией генерал Гайда не стал, подобно Ханжину, доводить дело до конфликта, а распустил ее собственным приказом.

В результате, в тот самый момент, когда Фрунзе нанес контрудар во фланг Западной армии, белое командование по собственной глупости лишилось двух своих наиболее боеспособных соединений. И это происходило в Прикамском повстанческом районе, так активно выступившем на стороне белых прошлой осенью, да и теперь встретившем их, как своих

освободителей. Недаром Молчанов позже записал в своих воспоминаниях*:

«Возможностей было много, но использовать их не сумели благодаря многим причинам. <...> Вятский край не был использован, я думаю, и в десятой части, как в первый момент борьбы Народной армии летом и осенью 1918 года, так и армией адмирала Колчака в мае—июне 1919 года, когда Ижевск, Воткинск, Сарапул, Елабуга вновь находились в наших неумелых руках».

Грустное, но совершенно справедливое замечание!

И, кажется, единственным военачальником, сумевшим извлечь урок из этого полного организационного бессилия, оказался именно Молчанов. После того как попытка насытить оставшиеся кадры только что призванными молодыми башкирами привела к неудаче в первом же бою, Викторин Михайлович принял решение вернуть ижевских рабочих обратно в бригаду. В это время на Ижевский завод прибыл бывший командующий Народными Армиями Прикамья полковник Д. И. Федичкин. Он пользовался у рабочих огромным авторитетом, так что к его словам о необходимости вернуться в строй те не могли не прислушаться. И все же больше всего успеху его деятельности способствовали, как это ни грустно звучит, неудачи белой армии.

7 июня 1919 года Ижевский завод был оставлен, и подавляющее большинство его населения, не желая снова подвергать себя преследованиям большевиков, двинулось на восток вслед за отступающими войсками. Исход Ижевцев и Воткинцев принял массовый характер, заводы совершенно обезлюдели. Впоследствии, даже после поражения белых, несмотря на объявленную красными амнистию (впрочем, в реальности практически не исполнявшуюся) и их назойливую агитацию в пользу возвращения на родину, мало кто из бывших повстанцев и членов их семей вернулся назад.

В эти дни общего исхода большинство старых солдат приняли решение вновь встать в ряды бригады. Она пополнилась примерно 3000 опытных бойцов и снова стала Ижевской не только по названию, но и по своему духу. А все дальнейшие пополнения Молчанов решил осуществлять исключительно за

* *Молчанов В. М.* Борьба на Востоке России и в Сибири. // Первопоходник. № 18. 1974. С. 33.

счет вербовки добровольцев среди многочисленных ижевских беженцев. Это дело было поручено Федичкину, который 1 июня 1919 года был назначен помощником начальника Ижевской стрелковой бригады.

Разумеется, иногда после наиболее напряженных и кровопролитных боев, когда собственных пополнений не хватало, в бригаду вливали и пленных красноармейцев, и мобилизованных. Но относительная малочисленность таковых и твердый первоначальный рабоче-крестьянский костяк полков позволял успешно «переваривать» даже такой «низкосортный материал», превращая его в настоящих ижевских стрелков.

Это сразу сказалось на боеспособности бригады: в боях за Кусинский завод, под Челябинском и особенно на Тоболе Ижевцы продемонстрировали прежнюю доблесть. Недаром после Челябинска бригада, не выходя из боев, была развернута в дивизию.

Одновременно возродилась и Воткинская дивизия: после того как ее кадры были выведены с завода, они были слиты с сильно потрепанной молодой 16-й Сарапульской стрелковой дивизией*. Сарапульцы дали в новую дивизию, получившую имя 15-й Воткинской, необходимое молодое пополнение, а коренные Воткинцы — крепкие и надежные повстанческие кадры. С января по май 1919 года Воткинской дивизией временно командовал полковник (затем генерал) Н. П. Альбокринов, позже дивизию вновь возглавил полковник Юрьев. В ходе сентябрьского наступления в междуречье Тобола и Ишима Воткинская дивизия (наряду с Тобольской стрелковой дивизией, отрядом Особого назначения полковника Франка и Обь-Иртышской флотилией) вошла в состав Тобольской группы генерала М. Е. Редько. Последняя, действуя на крайнем правом фланге белого фронта, нанесла поражение красной 51-й стрелковой дивизии В. К. Блюхера и освободила

* Их не следует смешивать с прежней Сарапульской Народной Армией 1918 года. Последняя по отступлении за Каму, скорее всего, была сведена в 29-й Сарапульский стрелковый полк, входивший в состав Камской группы генерала Люпова. В январе 1919 года личный состав этого полка был влит в один из полков 8-й Камской дивизии. Что же касается 16-й Сарапульской дивизии, то она была сформирована заново в начале 1919 года; причем кадрами для ее развертывания послужила Тюменская инструкторская школа (*Еленевский А. Военные училища в Сибири // Военная Быль (Париж). № 64. 1963. С. 27).*

г. Тобольск. Однако отчаянное сопротивление Блюхера не дало осуществить первоначально задуманный широкий маневр и, продвигаясь на пароходах и баржах под прикрытием кораблей флотилии вверх по р. Тобол, выйти в тыл основным силам красного Восточного фронта. Редько, оказавшийся не слишком хорошим полководцем, решил свалить всю вину за это на Юрьева и оклеветал его перед Колчаком. В результате Юрьев был снят с поста командующего дивизией и переведен на пост помощника начальника дивизии Морских стрелков. Уже в ходе Сибирского Ледяного похода Юрьев попал под Кемчугом в плен к красным и в июне 1920 года был расстрелян в Ачинске по приговору Губчека. Воткинскую дивизию в Сибирский Ледяной поход повел ее бывший начальник штаба полковник Борис Эммануилович фон Вах, он же командовал в Забайкалье и Приморье Воткинским стрелковым полком.

Что же касается Ижевской дивизии, то ее успехи в ходе сентябрьского наступления получили самую высокую оценку. 9 сентября расположение дивизии посетил адмирал Колчак, который произвел ей смотр, во время которого поблагодарил Ижевцев за доблестную боевую работу и объявил о награждении дивизии Георгиевским знаменем*, а ее начальника генерала Молчанова — орденом Святого Георгия 4-й степени.

Нет смысла пересказывать обстоятельства оставления Омска и Великого Сибирского Ледяного похода. Книга А. Г. Ефимова как раз и является одним из наиболее подробных и надежных источников, описывающих эту трагическую страницу истории Белого движения на Востоке России. Надо лишь отметить, что трижды — при прохождении Щегловской тайги, прорыве 3-й армии мимо Красноярска и во время перехода по льду Байкала — Молчанов своими решительными действиями, в буквальном смысле слова, спасал всю «Каппелевскую» армию. И недаром генерал Каппель, умирая от воспаления легких в Нижнеудинске, сказал своему другу полковнику Вырыпаеву** : *«А я больше всех доверил бы генералу Молчанову: в его глазах еще светится искра Божия!»*

* Подробнее о Георгиевском знамени Ижевской дивизии — см. Приложение 2.

** *Вырыпаев В. О.* Каппелевцы. // Вестник Первопоходника. № 42, март 1965 г. С. 5.

И каждый раз рядом с Молчановым были его верные Ижевцы, готовые поддержать его и показать пример своим менее стойким товарищам по оружию.

Из-за преждевременной кончины А. Г. Ефимова за рамками книги осталась история борьбы Ижевцев и Воткинцев в Забайкалье и Приморье в 1920–1922 годах.

В Читту «Каппелевская» армия, как она стала именоваться после смерти В. О. Каппеля, пришла 9 марта 1920 года. Количество вышедших в Забайкалье в разных источниках колеблется от 15 до 30 тысяч человек, вместе с семьями, тифозно-больными и беженцами. Здесь армия вошла в подчинение атаману Семенову и была реорганизована: все бывшие дивизии были сведены в полки. Объединенная армия «семеновцев» и «каппелевцев», получившая название Дальне-Восточной, состояла теперь из трех корпусов, причем Воткинский стрелковый полк фон Ваха в количестве примерно 900 штыков вошел в состав 2-го корпуса, а Ижевский полк такой же численности — в 3-й корпус*. Ижевцев принял полковник Ефимов, тогда как В. М. Молчанов был назначен командующим 3-м стрелковым корпусом. Осенью 1920 года, после жестких боев с Народно-Революционной Армией Дальне-Восточной Республики (НРА ДВР)**, белые войска вынуждены были отступить на территорию Китая. После долгих мытарств, разоруженные, они были по КВЖД перебросены в Приморье, где власть принадлежала «розовому» правительству — Приморской Земской Управе. 26 мая 1921 года белым, при поддержке японцев, удалось организовать во Владивостоке переворот, и к власти здесь пришло Временное Приамурское Правительство братьев С. Д. и Н. Д. Меркуловых. Здесь, в Приморье, 25 августа 1921 года были вновь соединены старые товарищи по оружию, Ижевцы и Воткинцы: они составили одну бригаду, которую принял Ефимов. Всего, вместе с семьями, их было чуть более 1600 человек.

* *Филимонов Б. Б. Указ. соч. С. 31–33.*

** Дальне-Восточная Республика (ДВР) — буферное псевдонезависимое государство, созданное Лениным на территории к востоку от Байкала с целью избежать прямого столкновения с Японией, в 1920–1922 году сохранявшей здесь свои войска.

Однако почти полное отсутствие средств к существованию и рознь между «семеновцами» и «каппелевцами», обострившаяся после оставления Забайкалья, мешали нормальному существованию армии. В этой обстановке «каппелевское» командование решилось организовать поход на север. Возглавить его взялся В. М. Молчанов. В целях конспирации действующий отряд белой Дальне-Восточной армии был переименован в «Белоповстанческую армию». Название это прижилось, поскольку практически все бойцы, оставшиеся к этому времени в строю уже не столь многочисленной белой армии, и были белоповстанцами начиная еще с 1918 года.

Поход, начавшийся 30 ноября 1921 года, вылился в целый ряд блистательных побед и завершился 22 декабря того же года освобождением Хабаровска. Молчанов в этом походе показал себя настоящим полководцем: прекрасным тактиком и незаурядным мастером оперативного искусства. Однако он не смог переломить совершенно безнадежную для белых стратегическую ситуацию. Разбитые войска НРА ДВР были пополнены частями РККА, переброшенными из-за Байкала, а Главкомом НРА был назначен В. К. Блюхер.

Перед генеральным наступлением своих войск Блюхер, а также его начальник штаба Луцков направили генералу Молчанову ряд писем, в которых предлагали ему сложить оружие. Викторин Михайлович решительно отказался от переговоров. Впоследствии, во время публикации книги А. Г. Ефимова Молчанов включил в нее в качестве приложения эти письма от красных военачальников.

Ожидая атаки врага, Молчанов укрепился на позиции у ст. Волочаевка. Решительный штурм, предпринятый Блюхером 10 февраля 1922 года, был отбит с огромными потерями для красных. Но угроза обхода вынудила Молчанова два дня спустя поспешно оставить Волочаевку и Хабаровск; несмотря на неотступное преследование врага, он благополучно отвел войска обратно в южное Приморье.

В начале июня белое Приморье возглавил генерал М. К. Дитерихс, опиравшийся на традиционные православные и монархические ценности. Дальне-Восточная армия была реорганизована и переименована в Земскую Рать, при этом Ижевско-Воткинская бригада была сведена в Прикамский стрелковый отряд (или

полк) в составе трех родов оружия. На 1 сентября 1922 года в нем числилось 900 штыков, 110 сабель и 2 орудия, командовал им все так же полковник Ефимов*.

В последний раз Земская Рать сошлась в боях с красными во время «Последнего похода» 6 сентября — 25 октября 1922 года. В жестоких сражениях 8—9 октября у Спасска и 13—14 октября под Монастырищем Молчанов, а также входивший в его группу Прикамский полк Ефимова дрались на острие главного удара. Но силы были слишком неравными, и Дитерихсу не осталось ничего другого, как только отдать приказ об отступлении на территорию Китая. 3 ноября 1922 года последний белый солдат покинул родную землю. Сдавших оружие направляли в Гирин, где размещали в лагерях беженцев. Всего там собралось 7535 воинских чинов, 653 женщин и 461 ребенок. Из них в Прикамской беженской группе (бывшем полку) насчитывалось 1612 воинских чинов, 130 женщин и 111 детей**. Это было всё, что осталось от бывшей когда-то 30-тысячной армии Ижевско-Воткинских повстанцев.

В мае 1923 года генералы Дитерихс, Вержбицкий и Молчанов были удалены из лагерей китайскими властями***. Для Викторина Михайловича началось тяжелое время эмиграции. Он должен был позаботиться о пропитании жены и малолетнего сына. Молчанов женился в разгар Гражданской войны, в 1918 году на Наталии Константиновне (урожденной Скордули). Жена прошла вместе с ним весь Великий Сибирский Ледяной поход, и в 1921 году в Приморье у них родился их единственный сын Михаил. У супруги Молчанова было больное сердце, и врачи после отъезда из Гирин посоветовали ей перебраться в какое-нибудь место с мягким климатом. Молчановы выбрали Тихоокеанское побережье США и через Японию в августе 1923 года прибыли в Сиэтл, а затем в Сан-Франциско****.

Вместе с ними в США приехал и полковник фон Вах, а вскоре следом за ними сюда же перебрались Ефимов (через

* *Филимонов Б. Б.* Конец Белого Приморья. США, 1971. С. 122—123.

** Там же. С. 358.

*** *Петров П. П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. (1918—1922 гг.) Рига, 1930.

**** Подробнее о жизни ген. Молчанова и полк. Ефимова в эмиграции см. Приложение 3.

Шанхай), Федичкин и многие другие ветераны Ижевско-Воткинских частей. Лишь через несколько лет Ефимов смог наконец воссоединиться с женой, которая в годы Гражданской войны осталась в Центральной России. В 1928 г. у них родился единственный сын Алексей. Молчановы в первые годы арендовали «куриную» ферму, которая, к сожалению, довольно быстро прогорела. После 1929 года в период «Великой депрессии» русским эмигрантам приходилось бедствовать и соглашаться на самую черную и низкооплачиваемую работу. К тому же мешало плохое знание английского языка. Молчанов и Ефимов работали вместе — грузчиками, уборщиками. 20 января 1931 года Наталья Константиновна Молчанова умерла и была похоронена на Сербском кладбище близ Сан-Франциско. После смерти жены Молчанов жил в одной квартире с Ефимовыми, их сыновья росли вместе. В 1941 году Викторин Михайлович женился во второй раз. У его второй жены Лидии Васильевны было две дочери от первого брака.

Молчанов, вплоть до своего выхода на пенсию в 1967 году, работал суперинтендантом (завхозом) многоэтажного здания в деловом центре Сан-Франциско. Он помог устроиться на работу многим русским эмигрантам. Ефимову, в свою очередь, удалось устроиться электриком на судовой верфи. Похоже, блестящий белый генерал и полковник Генерального Штаба вовсе не стремились сделать карьеру в «стране беспредельных возможностей», их больше привлекало общество бывших товарищей по оружию. Много лет В. М. Молчанов также возглавлял Приходской совет Свято-Троицкого собора в Сан-Франциско.

В 20-х годах Молчанов вступил в основанное в Сан-Франциско Общество Русских Ветеранов Великой Войны, первым председателем которого был бывший военный министр правительства Колчака барон А. П. Будберг. В течение нескольких лет генерал Молчанов был заместителем председателя Общества, однако затем вышел из него. В 1961 году по инициативе Молчанова в Сан-Франциско было образовано Объединение Ижевцев и Воткинцев, и Викторин Михайлович занял пост его Почетного председателя, а Председателем Общества с момента его основания и до конца жизни был А. Г. Ефимов. В разное время здесь же, в Сан-Франциско обосновались и их сподвиж-

ники по Сибири и Дальнему Востоку — генералы Ф. А. Пучков, П. П. Петров и Н. П. Сахаров.

С годами в душах этих людей все более крепло желание записать всё, что они помнили о событиях далекой Гражданской войны, чтобы их «белая правда» не умерла вместе с ними. Первая попытка написания истории Гражданской войны на Востоке России была предпринята еще в конце 20-х — начале 30-х годов поручиком 1-го Отдельного артиллерийского дивизиона Дальне-Восточной армии Борисом Борисовичем Филимоновым. Затеяв большой труд о Хабаровском походе, Филимонов опросил сотни своих сослуживцев по Белой армии и затем тщательно систематизировал их свидетельства. Среди ответивших ему были Молчанов и Ефимов. Более того, биографический очерк о Молчанове, вошедший в первую книгу «Белоповстанцев», был написан именно Ефимовым. Однако, к сожалению, из четырех задуманных Филимоновым книг (частей) «Белоповстанцев» вышли только две, многие другие работы этого замечательного человека остались в рукописях. Одна из них — «Конец Белого Приморья», была издана поручиком Е. А. Леонтьевым при содействии А. Г. Ефимова в 1971 году, через двадцать лет после смерти Филимонова. Вероятно, всё это подтолкнуло Авенира Геннадьевича к написанию собственной книги — той самой, которую Вы теперь держите в руках — истории Ижевцев и Воткинцев. Ефимов работал над нею много лет, отдавая ей всё свое свободное время. Как офицер Генерального штаба, он привык запоминать огромное количество фактов и бережно сохранял немногие оставшиеся у него штабные документы. Кроме того, подобно Филимонову, он опрашивал однополчан, собирая сведения по крохам. С 50-х годов он публиковал главы из своей будущей книги, а также и другие статьи в журналах «Вестник Общества Русских Ветеранов Великой Войны» (который он редактировал в течение ряда лет), «Часовой», «Военная Быль», «Первопоходник», «Вестник Первопоходника», в газете «Русская Жизнь». К сожалению, кончина Авенира Геннадьевича 25 апреля 1972 года прервала его работу. Книга была доведена лишь до окончания Сибирского Ледяного похода, в таком виде она и вышла в свет, в начале 1975 года — стараниями членов Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.

Викторин Михайлович Молчанов пережил своего друга на три года. Несмотря на два ранения и отравление газами, ему довелось дожить до глубокой старости. В последние годы жизни он успел надиктовать свои воспоминания сотруднику библиотеки Университета Беркли, тоже русскому эмигранту Борису Рэймонду (Романову)*, а позднее опубликовал некоторые из них, в переработанном виде, в «Первопоходнике»**. Молчанов живо интересовался подготовкой к печати книги Ефимова, но успел подержать в руках лишь ее «рабочий», несброшюрованный экземпляр. Он скончался 10 января 1975 года, а книга «Ижевцы и Воткинцы» увидела свет спустя два-три месяца***.

Вторая жена Молчанова Лидия Васильевна умерла 20 сентября 1996 года. Наталья Степановна Ефимова скончалась раньше мужа, 15 сентября 1969 года. Сейчас все они покоятся на Сербском кладбище около Сан-Франциско: генерал Молчанов, полковник Ефимов и их жены. Михаил Викторинovich Молчанов и Алексей Авенирович Ефимов здравствуют и поныне. Оба они любезно согласились поделиться своими воспоминаниями, в которых каждый из них рассказал о своем отце и об их нелегкой эмигрантской жизни (они приведены в Приложении 3).

Когда сорок лет назад Авенир Геннадьевич Ефимов писал свою книгу, он надеялся, что она будет востребована в России, что когда-нибудь здесь, на Родине захотят узнать правду о рабоче-крестьянской Белой армии, героически сражавшейся против большевиков.

Наконец-то этот день настал: спустя 90 лет после Ижевско-Воткинского восстания книга об Ижевцах и Воткинцах возвращается в Россию.

*А. А. Петров,
научный сотрудник сектора военной истории
Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (Москва)*

* Англоязычная расшифровка аудиозаписи была опубликована библиотекой Университета Беркли в виде малотиражного издания: *Moltchanoff V. M. The Last White General: An Interview Conducted by V. Raymond.* — Berkeley, University of California, 1972. 132 p.

** Первопоходник (Лос-Анджелес), № 17–20. Февраль–август 1974.

*** Заметка о том, что книга поступила в продажу, появилась в журнале: Первопоходник. № 24. апрель 1975. С. 66.

А.Г. Ефимов.

**ИЖЕВЦЫ
и
ВОТКИНЦЫ**

(Борьба с Солвиевскими 1918-20 г.г.)

**© 1975 by G. N. Blinoff and Al Efimoff
All Rights Reserved
3819 Walnut Ave., Concord, CA 94519 U.S.A.**

Полковник Авенир Геннадиевич Ефимов годами собирал материал для книги о борьбе с большевиками в 1918–22 гг. Он просил всех Ижевцев и Воткинцев, участников и очевидцев боев, дать ему имеющиеся у них данные и описания событий. Эта борьба была начата восставшими рабочими Ижевского и Воткинского заводов и крестьянами, присоединившимися к ним из деревень, окружавших заводы в Вятской и Пермской губерниях. Эта неожиданно и стремительно образовавшаяся Добровольческая Армия имела своей целью восстановление поруганных человеческих прав, борясь против гнета и порабощения властью, именовавшей себя «Рабоче-Крестьянской». Их борьба с непосильным противником заставила их покинуть родные места и побуждала их к героическим сражениям, отдавая их жизнь.

Мы все, окружавшие полковника Ефимова, знали, что он пишет эту книгу и что она еще полностью не закончена. После его неожиданной и скоропостижной смерти был найден текст, покрывающий период борьбы от восстаний в Ижевском и Воткинском заводах до Забайкальской кампании. Главным руководящим источником его книги являются его Дневник и записи как Начальника Штаба Ижевской бригады и как Командира Ижевского Конного полка.

По находке текста и схем военных действий были приняты шаги для издания этой книги среди лиц, обладающих русским языком и имеющих типографии с русским шрифтом. К нашему сожалению, быстро растущие цены на бумагу, труд и содержание типографии сделали это задание, печатание книги обыкновенным книжным путем, непостижимым по дороговизне.

Нам удалось найти другой метод — путем фотостата, или фотографирования каждой страницы текста и переноски ее на типографический станок. Таким методом каждая страница книги выглядит так, как она напечатана на пишущей машинке.

¹ Обращение к читателям из первого издания книги «Ижевцы и Воткинцы» 1975 года. Здесь и далее цифрой обозначены примечания редактора настоящего издания. Примечания автора отмечены звездочкой.

Текст книги, конечно, не был приготовлен для издания книги таким путем. Некоторые страницы не были напечатаны на электрической машинке, на некоторых из них видны поправки и также читатель найдет не поправленные ошибки. Мы просим принять наши извинения за наши оплошности и ошибки.

Издавая эту книгу, мы имеем в виду ее историческое значение, а посему считаем ее безприбыльным предприятием.

Издавая книгу, мы приносим глубокую благодарность Алексею Авенировичу Ефимову за его главную и щедрую денежную поддержку, без которой мы не могли бы осуществить ее издание, и группе членов Ижевского и Воткинского Объединения города Сан-Франциско за их безпроцентный заем на добавочные издержки по книге.

*Геннадий Н. Блинов¹
Председатель Объединения Ижевцев
и Воткинцев в г. Сан-Франциско, С.Ш.А.*

*24 октября 1974 года
G. N. Blinoff
3819 Walnut Ave.
Concord, CA 94519*

¹ Блинов Геннадий Николаевич (1897—1981) — о нем см. в Приложении 2.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор этой книги Генерального Штаба Полковник Авенир Геннадиевич Ефимов родился 19 октября 1888 года. Кончил Симбирский кадетский корпус и Николаевское Инженерное училище в 1910 году, с производством в подпоручики в 16-й Саперный батальон в г. Казань.

Во время 1-й Великой войны он был командирован в Императорскую Академию Генерального Штаба, где окончил ускоренные курсы и был командирован в строевые части фронта для прохождения службы по Генеральному Штабу. Полковник Ефимов был на фронте до 25 февраля 1918 года, когда, за роспуском частей старой армии, уволился со службы и прибыл в г. Казань, где сейчас же вступил в ряды Народной Армии.

В феврале 1919 года я был назначен Командиром Ижевской Стрелковой бригады, почти в то же время полковник Ефимов был назначен Начальником Штаба этой бригады. С прибытием в бригаду он до конца войны, в ноябре 1922 года, оставался в рядах Ижевцев. Когда Ижевская бригада была развернута в дивизию, он был назначен Командиром Ижевского конного полка.

В Забайкалье, при моем назначении Командиром 3-го корпуса, он принял от меня командование Ижевцами. Позднее из Ижевцев и Воткинцев под командой полковника Ефимова была сформирована Ижевско-Воткинская бригада, в которую вошел и Добровольческий полк — полковник Черкес. Командуя этими частями, он участвовал в 1920—21 годах в Хабаровском походе и в последних боях в Приморье.

В Великую войну он был контужен, а в Гражданскую ранен три раза. Получил все награды до Георгиевского золотого оружия и ордена Св. Владимира 3-й степени. Всю гражданскую войну я провел вместе с ним, и за это время он стал моим другом и был всегда моим верным помощником. Он был храбрым и прекрасно знающим свое дело офицером. Все, кто его знал, любили и уважали, будь то начальники или рядовые бойцы. Всегда скромный и корректный — он являл собой пример образцового офицера.

Все части Ижевцев и Воткинцев состояли из добровольцев, — в этом была их сила. Если Ижевцы и были более отмечены,

то только потому, что у Ижевцев не было перемен в их командном составе. Не надо забывать и другие части из добровольцев. Все знают, как сражались добровольцы Волжане, Камцы, Уфимцы, Уральцы и Сибиряки и казачьи части всех войск. И не их вина, что они несли тяжкие потери, а не получали пополнения. Пришли мобилизованные, которые сдавались красным не только сами, но захватывали с собой и добровольцев, и офицеров.

Слава всем здравствующим и поныне добровольцам и Вечная Память погибшим!

Продолжая предисловие, я считаю необходимым сказать несколько слов о себе.

Я оказался самым счастливым офицером в армии, получив в командование Ижевцев. Они не хотели меня, а я не хотел принимать командование этой «вольницей», но после первых боев мы поняли друг друга, постепенно крепло наше боевое содружество и доверие, которые сохранились до конца.

Благодаря Ижевцам я получил чин генерала и орден Св. Георгия 4-й степени, а Ижевская дивизия получила Георгиевское знамя.

В 1920 году в Забайкалье за поход против партизан и за взятие Нерчинского завода и станицы Багдадской, по представлению Командующего Армией генерала Лохвицкого, я был произведен в генерал-лейтенанты. После отступления из Забайкалья Атаман Семенов уехал в г. Дальний, потеряв, таким образом, связь с армией и свое положение Верховного Правителя. Вот тогда Командованием было решено снять с себя чины, полученные в Забайкалье. Я это сделал и снова стал генерал-майором. Позднее, в Сан-Франциско, Обществом Ветеранов Великой Войны, членом которого я состоял, было получено из Канцелярии Великого Князя Николая Николаевича разъяснение, что производства Атамана Семенова, который в Забайкалье был Верховным Правителем, должны признаваться. Таким образом, я был восстановлен в чине генерал-лейтенанта.

В добавление к моему предисловию я решил поместить копии писем, полученных мною в г. Хабаровске во время Хабаровского похода 1921–1922 года от красного командира Блюхера и его начальника штаба Луцкого. На все эти письма парламентарю мною было сказано: «Ответа не будет».

Полковник Ефимов в своих записках говорит, что за отсутствием документов и достаточно полных показаний участников, описание борьбы Ижевцев и Воткинцев возможно только в самых общих чертах. Тем не менее эта книга будет ценным историческим повествованием о героической борьбе рабочих и крестьян против советской власти.

В. М. Молчанов

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

В борьбе с большевиками на Восточном фронте большое участие приняли рабочие некоторых приуральских заводов. Дружно восставали они против гнета и издевательств власти, которая называла себя «рабоче-крестьянской». Рабочие формирования отличались крепкой сплоченностью состава и выдающейся стойкостью в боях. Наибольшую известность заслужили ижевские и воткинские рабочие, восстание которых осенью 1918 года нанесло большевикам тяжелый удар и отвлекло у них значительные силы с других фронтов. В дальнейшем восставшие рабочие влились в общий фронт борьбы. В историю Гражданской войны Ижевцы и Воткинцы вписали своими подвигами много ярких и красивых страниц. Они обильно полили своею кровью длинный путь от родных заводов до берегов Тихого океана.

Те, которых судьба пощадила в боях, не покорились власти советов и ушли в изгнание. В чужих краях они бережно хранят память о днях, проведенных в борьбе за счастье Родной Страны, и чтят свято память своих погибших братьев.

Эти строки дают краткую историю восстания и борьбы Ижевцев и Воткинцев с поработителями русского народа.

1. ИЖЕВСКИЙ ЗАВОД

По сведениям Военной энциклопедии (том X, изд. И. Д. Сытина, 1912), Ижевский оружейный и сталелитейный завод основан в 1760 году графом Андреем Петровичем Шуваловым для выделки железа.

Ижевцы утверждают, что основателем завода был мастер Дерябин, построивший в 1752 году небольшой железоделательный завод, из которого с годами вырос огромный оружейный завод. Доказательством этому служит памятник мастеру Дерябину, стоящий на берегу заводского озера.

Завод расположен среди лесов на реке Иж в Сарапульском уезде Вятской губернии, в 40 верстах от реки Камы. В 1774 году завод был разрушен Пугачевым, но после усмирения бунта вос-

становлен. В 1807 году на заводе начали выделываться ружья. С 1809 года он перешел в ведение Военного ведомства. В некоторые годы выделка ружей сдавалась частным предпринимателям. Игольчатые ружья выделывал капитан Бильдерлинг, а «берданки» начал выделывать капитан Страндершельд.

С 1873 года на заводе начали изготавливать разные сорта стали для ружейных стволов и частей оружия и для инструментов. Завод обратился в двойной — ружейный и сталелитейный, и начал быстро расширяться. В 1884 году он перешел в ведение Главного артиллерийского управления.

Для обеспечения своей работы завод имел земельный надел в 130 000 десятин, из которых 120 000 десятин леса. Завод работал на древесном топливе.

Перед Первой мировой войной завод выделывал для армии 150 000 винтовок в год и стволы для всех остальных ружейных заводов, а всего до полумиллиона стволов ежегодно. Кроме того, вырабатывалась сталь для ружейных частей, для артиллерийских щитов, пружинных накатников, лафетов, инструментальная сталь для артиллерийских заводов и т. д. С 1904 г. завод выделывал в год до 200 000 снарядов мелкого калибра.

Кроме казенных заводов, в Ижевске обосновалось несколько небольших частных заводов, выделывавших охотничьи ружья (Евдокимова, Петрова, Березина и др.).

Перед Первой мировой войной в Ижевске работало до 18 000 рабочих, составлявших вместе с семьями и нерабочим населением завода около 50 000 жителей. Кроме того, крестьяне соседних деревень были тесно связаны с заводом, находя там подсобный заработок в сбыте своих продуктов и получая работу от завода, особенно по заготовке лесных материалов и дров, подвозу их на завод и по перевозке готовых изделий на железную дорогу и на пристань Гальяны на реке Каме.

Заводские мастерские были на одной стороне реки Иж, поселения рабочих — на другой. Запруда на реке образовывала большое озеро, и дамба служила для сообщения между заводом и жилым районом. Водяная энергия озера приводила в движение электрические установки завода.

За более чем полуторавековое существование жизнь завода сложилась в устойчивых рамках большого государственного предприятия и текла спокойно и размеренно, как текут мно-

говодные реки на великой русской равнине. Сменилось много поколений рабочих, и часто сыновья и внуки работали в тех же мастерских и на тех же станках и машинах, на которых работали их отцы и деды. Много искусных мастеров вырастил завод. Они вносили свои улучшения и усовершенствования в производство, и их именами гордились завод и рабочие.

Заводское население, обеспеченное постоянной работой, жило хорошо и в достатке. Большинство рабочих семей имело собственные дома и участки земли с садами, огородами и покосами. Кроме заводских школ для специалистов, в Ижевске было много начальных и средних школ для детей рабочих. Было несколько церквей. Красивый, великолепной архитектуры Михайловский собор, построенный на средства, собранные самими рабочими, украшал жилую часть завода. В большие праздники в соборе и на улицах можно было видеть рабочих в кафтанах старинного покроя. Это были мастера, получившие кафтаны по Царскому указу в награду за отличную работу и разные заслуги. Они очень гордились царским подарком, а сами со стороны остального населения пользовались большим почетом и уважением.

Молодежь любила сходиться вместе и гулять по улицам с песнями и гармошками. Случались и драки между группой парней с одной улицы или района с такой же группой соседней. Это было в порядке вещей, но приучало незаметно теснее держаться «своих» и не забывать о взаимной выручке.

Из поколения в поколение складывались характер и качества ижевских рабочих: трудолюбие, независимость взглядов, любовь к крепкому семейному и общественному укладу, привязанность к своему кормильцу-заводу, стойкость душевных качеств, горячее русское сердце, не склонное терпеть несправедливость и обиду, и готовность отдать всё, не исключая своей жизни, за родную страну и правое дело.

2. Война и революция

Мировая война, вспыхнувшая в 1914 году, внесла много перемен в жизнь завода. Часть рабочих была призвана в ряды Армии, и многие из них отдали свою жизнь за Родину. Вместо

ушедших на фронт на всё возраставшее производство винтовок и стальных изделий стали прибывать рабочие из Москвы, Петрограда и других промышленных центров. Количество новых рабочих росло, и к началу революции число работавших на заводе достигло 27 000, в том числе несколько сот женщин. Считая крестьян, работавших в лесу и на перевозках, на заводе и для завода работало до 40 000 человек.

Среди вновь прибывших было значительное количество сторонников разных сортов крайних учений. Как и везде, они вели предательскую работу по разрушению старой России и подготавливали захват власти, пользуясь временем войны. И добились своего. Вспыхнула революция, фронт развалился. Ижевцы, призванные в армию, начали возвращаться домой. Они надеялись вернуться к своей привычной работе на заводе, но пришельцы заняли их места. К тому же и работы из-за начавшейся разрухи стало меньше.

Образовавшиеся большевистские комитеты, сплошь из пришлого элемента, очень враждебно встретили вернувшихся с фронта, как враждебно относились они и ко всем порядкам на заводе, и к частной жизни рабочих с ее «буржуазным» укладом. Два раза избирался «совет» рабочих, и рабочие проводили беспартийных и умеренных. Оба раза последовал «разгон» советов и арест видных представителей населения, не угодных большевикам. Прибывших с фронта рабочих местная красная правящая головка лишила всех заработанных и заслуженных на заводе и на фронте прав и преимуществ.

«Записывайся в партию и делай, что тебе прикажут комиссары, или жди очереди быть обвиненным в контрреволюции, быть арестованным и подвергнуться пыткам и смерти в подвалах чекистов» — таков был смысл «завоеваний революции», приготовленный для вернувшихся домой защитников Родины.

Но вернувшиеся солдаты-рабочие не пожелали вступать в партию большевиков. Они и на фронте, и здесь дома быстро познали преступный, разбойничий нрав новой власти и стали противиться ее преследованиям, произволу и гнету. Создали «Союз фронтовиков» со штабом на Казанской улице. Задача Союза — защита экономических интересов бывших рабочих завода, вернувшихся с фронта. Устав не был утвержден больше-

вистскими главарями, так как не говорил ничего о поддержке советской власти.

Жизнь становилась всё тяжелее и тяжелее. Начали исчезать предметы первой необходимости. Запрещалась свободная торговля. Введена карточная система, по которой комиссары и их подручные получали всё в избытке, а рабочие — крохи. Пошли обыски, отнимали золото, серебро, деньги, перерывая весь домашний скарб, выворачивая половицы, у некоторых по три раза. Готовилась хлебная монополия. Цель — прикрутить рабочего и заставить его исполнять все прихоти советской власти, так как в Вятской губернии никакого голода не могло быть. У вотяков-крестьян (устаревшее название удмуртов. — *Ред.*) огромные скирды хлеба накапливались годами, и его запасы были неисчерпаемы.

5-го или 6 августа произошло первое столкновение с большевиками на базаре. Прекращая частную торговлю хлебом, они послали конных милицейских разогнать хлебных торговков. Последние имели для отвешивания хлеба безмены. Торговки накинулись на милицейских, стащили их с лошадей и избili безменами. Толпа на базаре помогла торговкам избивать милицейских.

Встречая сопротивление, советчики усилили преследования и расправы. Производились аресты купцов, мастеровых и др. Из купцов несколько было расстреляно для устрашения населения. Из рабочих мастеров убит ни в чем не повинный Круговых. Убит был и любимый рабочими токарь Сосулин. Он смело выступал на собраниях против большевиков, их притеснений и зверств. Возвращаясь с одного из собраний, он был застрелен из-за угла. Многие, предупрежденные об очередной расправе, скрылись с завода, находя убежище в окрестных деревнях или в глухом лесу, в землянках. Их жены тайно возили им продукты и сообщали о положении на заводе и событиях извне.

А события на заводе и в России шли своим чередом. Багряные тучи кровавой гражданской войны начали заволакивать небо родной страны и приближаться к Ижевску. Давно уже доходили сведения о восстаниях и борьбе с большевиками на Юге России, в Оренбургских степях, на Урале, в Сибири... Наконец, борьба против красных стала распространяться по Волге и подошла вплотную, когда большевики 6 августа бежали из Казани.

3. Восстание

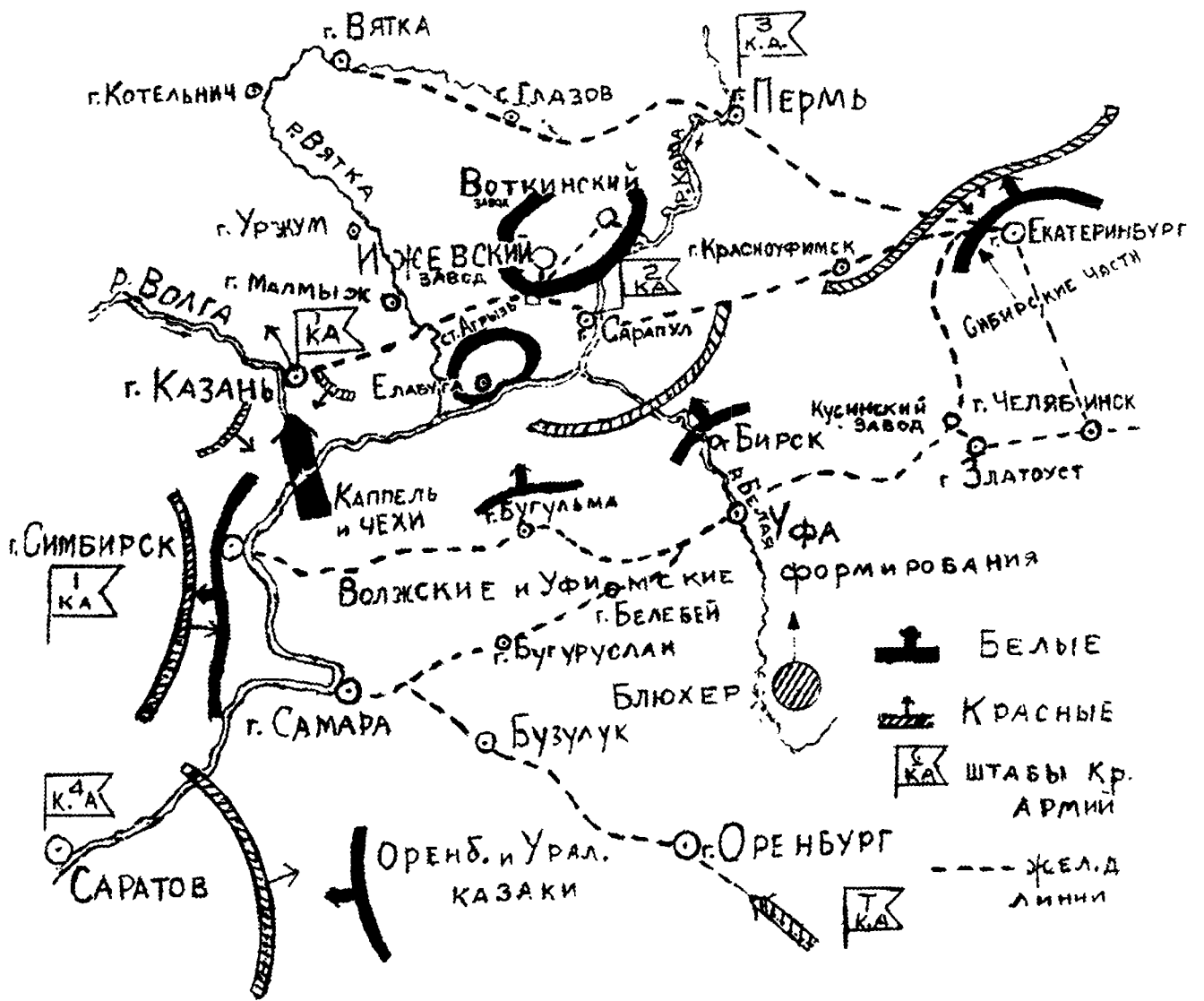
Захват Казани отрядом Каппеля и чехами сильно всполошил большевиков. Их Восточный фронт резался в центре на две части. Главари большевиков в Ижевске получили приказ немедленно мобилизовать рабочих и двинуть их на Казань. Рано утром 7 августа они собрали митинг и, вопя о спасении завоеваний революции, требовали от рабочих подчиниться приказу и выступить на фронт.

Союз фронтовиков был к этому готов и имел заранее разработанный план. Остальные рабочие присоединились к фронтовикам и поддержали их. Тут же большевистским главарям были предъявлены требования из 10 пунктов, из которых важнейшие были: 1) призвать всех от 18 до 30 (40) лет; 2) вооружить и обмундировать на заводе и отправить всех вместе; 3) обеспечить семьи; 4) охранять завод и плотину рабочими и т. д.

Комиссары почуяли заговор. Их ответы: 1) не надеются справиться с мобилизацией и 4–5 сроков; 2) вооружить не могут — налицо только 300 винтовок, остальные будут выданы на фронте; 3) о семьях будут заботиться; 4) плотина охраняется надежно и красноармейцами и т. д.

«Коли так, — не пойдем!», «Долой советы!» — слышались крики из толпы рабочих. Большевики поспешили закрыть митинг, но рабочие не разошлись. Председатель Союза фронтовиков Солдатов предложил перейти к штабу Союза на Казанской улице, и рабочие стройно, с пением ушли туда и продолжали обсуждать требования советчиков. Так началось открытое выступление против красной власти ижевских рабочих, пока без кровавого столкновения. Но и оно не заставило себя долго ждать.

Вечером распространилось известие, что Солдатов и многие члены Союза фронтовиков арестованы. Рано утром 8 августа загудел гудок. Этот заводский гудок отличался большой мощностью, и его рев можно было слышать за 40 верст от завода. Рабочие бросились по заранее условленному плану в пристрелочную мастерскую, где были винтовки и патроны. Разоружили растерявшихся часовых из пленных австрийцев, разделили найденный запас патронов — кому по 5–15, другим не досталось ничего.

М А С Ш Т А Б

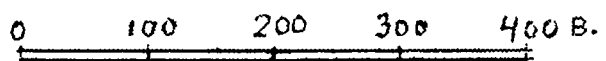

Схема № 1. Расположение противников на Восточном фронте к 7 августа 1918 г. (день восстания Ижевского завода)

Красные разгоняют толпы на улицах, запрещают собираться, грозят расстрелом. На Нагорной части, где были казармы красноармейцев, слышались выстрелы. Напряжение нарастало. Но вот на плотине появились вооруженные рабочие. Пришедший с фронта лихой унтер-офицер Осколков бросился вперед и дал первый выстрел по заставе красных, загородивших дорогу. Бой начался. Другой отряд рабочих по «Долгому мосту» двинулся в обход. Поднялся весь завод. Кое у кого были припрятаны винтовки. Но оружия было мало, и вооружиться могли немногие. У красных было более 700 вооруженных: рота красноармейцев, две батареи, 100 пеших и 20 конных милиционеров и несколько «продовольственных» отрядов для выколачивания хлеба.

Бой разбился на отдельные очаги. Обе стороны дрались с ожесточением. Около полуночи весь завод был очищен от красных, понесших большие потери и разбежавшихся по разным направлениям.

4. Первые бои под Ижевском

Ночью враг бежал, а рано утром 9 августа началась дружная работа по организации обороны. Всем было ясно, что «рабоче-крестьянская» власть постарается как можно скорее задушить этот взрыв рабочего гнева. Борьба предстояла упорная и ожесточенная, не на жизнь, а на смерть. Время было дорого, надо было немедленно выработать руководство военными действиями и организовать вооруженные силы.

Собравшиеся фронтовики выбрали Штаб обороны в составе трех лиц — капитанов Цыганова и Солдатова и поручика Зибзиева. Командование вооруженными силами предложили полковнику Федичкину, единственному строевому кадровому офицеру, оказавшемуся на заводе. Стрелок 13-го Туркестанского полка, он получил большой боевой опыт на Кавказском фронте и был награжден многими боевыми наградами, в том числе орденом Святого Георгия 4-й степени. Свою боевую службу он начал молодым офицером еще в Японскую войну.

Заведующий школой оружейных мастеров полковник Сорочинский организовал интендантство. Жандармский пол-

ковник в отставке Власов был призван в штаб. Другие офицеры мирного времени, составлявшие мирно настроенный старший артиллерийский технический персонал, уклонились от помощи восставшим. Непосредственное ведение боевых действий пало на унтер-офицеров и офицеров военного времени, которых не успели добить война и «великая бескровная». Большинство их было до войны рабочими и техниками на заводе. Наиболее опытные из них назначались командующими «фронтами» и командирами рот. «Фронтами» назывались направления, с которых угрожал враг, — Казанский, Северный, Кальянский (пристань на реке Каме), Агрызский (станция ж.-д. к югу от Ижевска) и т. д. Отряд, действовавший на данном направлении, — «фронт», — состоял из нескольких рот. В спокойное время роты по очереди несли охранение, по тревоге собирались все.

В первых боях участвовали только: отряд (рота) артиллерийских техников и отряд фронтовиков. По мере усиления нажима красных организовывалось всё большее количество рот, число которых дошло до пятидесяти, в среднем силою в 100 штыков, иногда (на Северном фронте) до 250 штыков.

Роты имели номера, а некоторые из них и названия, указывающие на состав роты. Были роты: «Техническая» — из техников завода, отлично действовавшая под командой своего энергичного командира, штабс-капитана Куракина; были роты «крестьянские», состав которых был преимущественно или полностью из крестьян; позднее была сформирована рота «Учредительного собрания»; 30-я рота называлась «Лесной», сформированная, по-видимому, из лесников, и командовал этой ротой лесничий, поручик Лесин, выдающийся своей смелостью и умением производить глубокие разведки в расположение красных, дававшие полные данные о силах и расположении противника.

Ижевский завод зажил жизнью «военного лагеря». Рабочие сражались на «фронтах», несли охранение, работали у станков. Выделка винтовок, упавшая при большевиках до 600 штук в сутки, поднялась до 2 500. Всё население приняло участие в обороне завода — женщины кормили бойцов на фронте, рыли окопы, работали на заводе; подростки также рыли окопы, набивали пулеметные ленты, делали много другой работы по своим силам...

Бои начались на другой же день после восстания. Утром 9 августа с линии Казанской железной дороги предупредили, что для подавления восстания на завод направляется в поезде отряд красных. Полковник Федичкин немедленно собрал отряд в 300 фронтовиков и выступил навстречу. В 5 верстах был встречен поезд красных. Быстро развернувшись, Ижевцы охватили поезд с обеих сторон. Красные, пытавшиеся выскочить из вагонов, падали тут же под пулями фронтовиков. Полковник Федичкин предложил им сдаться, что они и поспешили сделать в количестве 360 человек.

14 августа большевики повели наступление с двух сторон: опять со стороны Казани и от пристани Гальяны. Со стороны Казани красные послали отряд в двух поездах, силою в 2 500 человек. Их встречает тот же небольшой отряд фронтовиков в 300 человек. В 6 верстах от завода Ижевцы разобрали путь, а сами укрыто расположились по сторонам в кустах. Передний поезд остановился перед разобранным местом. Вследствие большой численности красных Ижевцы не обнаруживали себя и расстреливали их из кустов. Красные вывесили белые флаги и сдались. Ижевцы прекратили огонь, и в этот момент 40 красных бросились бежать в лес. Все они были переловлены и оказались членами ижевской большевистской головки, терроризировавшей население завода и скрывшейся после восстания. Их связали и после исправления пути, в их же поездах, отдельно от остальных пленных, отправили в Ижевск для получения должной «награды».

По шоссе со стороны пристани Гальяны в этот день наступал небольшой отряд красных в 200 пеших и 50 конных с четырьмя пулеметами. Штаб обороны выслал против них роту артиллерийских техников под командой штабс-капитана Куракина. Красные бежали.

5. Бои у Ижевска 17–19 августа

Первые бои восставших рабочих были удачны для них, но указывали, что красная власть не остановится ни перед какими мерами, чтобы задавить восставших. Действительно, 17 августа враг вновь повел наступление со стороны Казани и от города Сарапула через пристань Гальяны. Ожидая нового наступления

со стороны Казани, Ижевцы в 12 верстах от завода выбрали на холмистой и покрытой кустами местности хорошую позицию, вырыли и умело замаскировали окопы, прорыли ходы сообщения, устроили наблюдательные пункты, измерили точные расстояния... На позиции был поставлен постоянный гарнизон в 800 бойцов под командой поручика Зебзиева. В 6 верстах перед позицией железнодорожный путь был разрушен, чтобы не дать возможности бронепоездам противника подходить близко к позиции.

Утром 17 августа красный отряд в 2 000 пехотинцев, 200 конных, с 8 орудиями и несколькими десятками пулеметов доехал до разрушенного участка и начал разгружаться. В сторону Ижевска был послан конный разъезд. Двигаясь по грунтовой дороге, шедшей рядом с железнодорожным полотном, разведчики проехали мимо Ижевцев, не обнаружив их. Двигаясь дальше, они доехали до пригорка, с которого был виден завод. Нигде на дороге не было никакого движения. Разъезд вернулся назад и доложил об отсутствии противника.

Красные в походной колонне, без надлежащего охранения, двинулись на Ижевск. Ижевцы подпустили их вплотную к позиции и здесь покрыли колонну пулеметным огнем из своего единственного пулемета и перекрестным огнем винтовок с обеих сторон дороги. Неожиданное появление врага вызвало общую панику. Необстрелянные крестьянские лошади, бывшие в большом количестве в обозе красных, кинулись назад или в сторону леса и расстроили ряды колонны. Началось беспорядочное отступление. Ижевцы преследовали врага 6 верст, захватив разное брошенное снаряжение и имущество и много пленных.

Со стороны Гальяны в этот день началось наступление больших сил красных. На этот раз они собрали из своей 2-й армии всё боеспособное и послали на Ижевск около 6 000 бойцов с восемью 3-дюймовыми пушками, двумя полевыми гаубицами и 32 пулеметами. В отряде было значительное количество коммунистов и преданных красным латышей и мадьяр. Отрядом командовал опытный и осторожный большевик Антонов (В. А. Антонов-Овсеенко. — *Ред.*). Несколько десятков артиллерийских техников под командой капитана Куракина загородили им дорогу. Антонов начал их окружать, но они скрылись в лесу.

Наступила ночь. Антонов побоялся вступить в лесную просеку, по которой шло шоссе к Ижевску, и остановился на ночлег в селе Завьялово.

Ночью Куракин отправился на завод, взял несколько пудов пороха и вернулся в лес. В 6—7 верстах от Ижевска был подготовлен взрыв моста и оставлены два подрывника из отряда Куракина. После полудня 18 августа колонна Антонова подошла к Ижевску на 6 верст и начала переходить мост. Раздался взрыв, и 200 красных полетели в воздух. Поднялась паника, с трудом прекращенная. Но герои-подрывники были обнаружены и тут же расстреляны. Восстановив порядок, красные выкатили пушки и начали обстреливать Ижевск. Загудел гудок. Гудел не переставая. Отовсюду стекались рабочие, формировались фронтовиками в роты и шли в сторону противника. У шоссе при входе в лес полковник Федичкин встречал подходивших и направлял в лес по обе стороны шоссе просеки. Он решил окружить красных со всех сторон и уничтожить весь отряд.

Под командой капитана Цыганова Ижевцы распространились по лесу, обходя левый фланг противника; штабс-капитан Перевалов обходил правый фланг и имел задачу зайти также в тыл красному отряду; штабс-капитан Терентьев действовал с фронта.

Подходившие позднее роты направлялись на усиление ушедших раньше. Старый лес скрывал все движения Ижевцев. Когда со всех сторон показался невидимый до того противник, красные развили бешеный огонь. Ижевцы залегли в лесу или залезли на деревья, отвечая редко, но метко. Ночь застала обе стороны на занятых позициях, и огневой бой постепенно затих. Близился рассвет. Вытянувшиеся вдоль шоссе цепи красных беспомощно лежали перед двумя стенами темного леса.

Рявкнул могучий гудок. Раздалось громкое «ура», и жестокая штыковая атака закончила существование красного отряда. Ижевцы захватили в полной исправности все орудия и пулеметы и большой обоз красных. Антонову удалось бежать с небольшой группой своих подчиненных.

Население Ижевска третий день тревожно ожидало развязки. Быстро разносится радостная весть — полная, блестящая победа! Ижевск встречает возвращение своих героев коло-

кольным звоном и крестным ходом. На глазах у всех слезы, на устах молитвы и приветствия победителям. Соборный хор поет благодарение Всевышнему.

6. Восстание на Воткинском заводе

В тот же день 17 августа, когда красные повели с двух сторон наступление на Ижевцев, собираясь сокрушить их сопротивление, их ожидал новый удар — восстание Воткинцев. Перейдем прямо к событиям, разыгравшимся в Воткинске в эти знаменательные августовские дни.

Положение в Воткинске под игом большевистской власти создалось такое же, как и в Ижевске. Те же преследования со стороны комиссаров — обыски, аресты, пытки в Чека и, как в Ижевске, особенное «внимание» к вернувшимся с войны защитникам Родины, организовавшим Союз фронтовиков.

Но у Воткинцев было очень мало оружия. Договорившись с Ижевцами, Воткинцы приготовились к выступлению. Союз фронтовиков, около 180 человек, под командой унтер-офицера Корлякова, тайно выбравшись с завода, направился в Ижевск за оружием. Получив оружие, отряд воткинских фронтовиков и 15-я рота Ижевцев подошли утром 17 августа к заводу и быстрым ударом опрокинули отряды красных матросов и красногвардейцев. Председателю Совета удалось бежать, но его охрана была захвачена почти целиком. Озлобленное против советской власти население не дало им возможности ускользнуть.

Бой закончился, и радостный колокольный звон раздался со всех церквей. Жители Воткинска, как на Пасху, радостно обнимали и приветствовали друг друга. На похороны павших в бою освободителей собралось почти всё население завода. У открытых могил люди плакали и давали клятву защищать вновь завоеванную свободу и Родину до последнего издыхания.

Так вспоминает об этом дне один из Воткинцев, который участвовал в восстании Ижевцев, потом вернулся в свой родной завод и был назначен затем командиром 4-го Воткинского полка. После окончания боя лишь немногим красным удалось спастись бегством, главным образом в сторону ст. Чепца Пермской железной дороги. Большое число разбежавшихся большевиков было

выловлено. Один из фронтовиков — М. И. Агафонов — захватил удиравшего конного милиционера, спешил его и, не теряя времени, стал собирать бывших кавалеристов, положив основание формирования воткинских конных частей. Этот доблестный и энергичный воин погиб в одном из боев при защите завода.

Как и в Ижевске, Воткинцы энергично принялись за организацию вооруженных сил. Во главе командования был поставлен летчик капитан Нилов. Начальником штаба был выбран капитан Юрьев. Эти два офицера были единственными кадровыми офицерами старой Армии, бывшими в Воткинске.

Капитан Нилов оказался неудачным командиром, и его действия вызвали неудовольствие. Он проявил мало энергии в организации борьбы с большевиками и больше занимался политикой в духе углубления революции по рецептам Керенского, а не спасением Родины.

На общем собрании старшего командного состава и представителей общественных организаций на должность командующего Воткинской армией был выбран капитан Юрьев. Капитан Юрьев был энергичным организатором и, обладая талантом хорошего оратора, умел привлекать всех к дружной работе, подбадривать в неудачах и, во время тяжелых боев, вселять в ряды Воткинцев уверенность в успех. У Воткинцев он пользовался большим доверием и любовью.

Присоединение Воткинского завода с его большим населением, примерно равным населению Ижевска, удвоило ряды восставших. Началась энергичная борьба двух огромных русских заводов и присоединившихся к ним крестьян с кровавой большевистской властью, борьба, полная подвигов, самопожертвования и любви к Родине. Если бы родившийся в Воткинске великий русский композитор П. И. Чайковский мог быть свидетелем этой борьбы, то к его чарующим музыкальным произведениям прибавилась бы еще одна увертюра. В этом произведении к знакомым мотивам увертюры «1812 год» — к перезвонам церковных колоколов — прибавился бы шум фабричных станков, прерываемый ревом заводских гудков и перекатами пулеметных очередей, а среди звуков чуждой марсельезы, ставшей гимном русских революционеров, можно было бы услышать мотивы мадьярских военных песен, распеваемых на подступах к осажденным заводам ожесточенными наймитами красного Интернационала.

7. Присоединение к восставшим крестьян

Восстание на Ижевском и Воткинском заводах распространилось среди крестьян в уездах Сарапульском, Малмыжском, Уржумском, отчасти также в Нолинском, Глазовском и Оханском. В Елабужском уезде вспыхнуло и разрослось независимо действовавшее восстание под руководством подполковника Молчанова. Вся южная часть Вятской губернии поднялась против красного гнета. Ближайшие к заводам деревни и села сразу же поддержали восставших рабочих, так как были тесно связаны с ними общими интересами: работой, сбытом своих продуктов, родственными узами...

Но кроме этого, у крестьян были свои счеты с большевистской властью. Богатая хлебом и разными сельскохозяйственными продуктами Вятская губерния привлекла внимание красных властителей страны. Сюда были посланы многочисленные «продовольственные» отряды для отбирания у крестьян хлеба, скота и других продуктов для питания больших голодающих городов и растущей красной армии. Эти отряды, составленные из поддонков (низов. — *Ред.*) городского населения, выпущенных из тюрем преступников, «красы и гордости революции» — матросов и другого сброда, отнимая у крестьян продукты пропитания, заодно грабили у них деньги и всё ценное. Их «продовольственная» деятельность сопровождалась насилием, избиениями и нередко убийствами. После разгрома советской власти в Ижевском и Воткинском заводах, разбегаясь в разные стороны, эти отряды совершенно потеряли признаки организованных единиц и обратились в шайки мародеров.

Крестьяне и более дальних от восставших заводов районов искали способов отделаться от грабителей и пославшей их советской власти. В лесах и оврагах они устраивали сходы и слали в Ижевск своих представителей с просьбой дать им оружие. Взамен они обязались снабжать заводы съестными припасами.

Полковник Федичкин и штаб обороны начали вооружать крестьян винтовками, руководить организацией у них отрядов и давали им боевые задачи. Восстание разрослось на большую площадь. По сведениям красного источника (Гражданская война, т. 1)¹, площадь восстания достигла 12—13 тысяч кв. верст с

¹ Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война 1918—1921. Тома 1 и 2. М., 1928; Том 3. М., 1930.

700—800 тыс. населения. Но на картах красных же исторических изданий район восстания занимает площадь, по крайней мере, в 35 000 кв. верст, простираясь на параллели гор. Оса от реки Камы до реки Вятки более чем на 250 верст и с севера на юг примерно на 150 верст.

Руководство боевыми действиями в таком районе, покрытом труднопроходимыми лесами и болотами, было, конечно, затруднительно, но оно очень облегчалось сильно развитой телеграфной и телефонной сетью, построенной в Вятской губернии еще до Великой войны.

Вятское земство было в России одним из наиболее деятельных: строительство дорог и телефонной связи было поставлено очень широко, как отлично было развито и школьное дело. Зажиточность крестьян и большой процент грамотности не помешал красным историкам (Гражданская война, т. 1) по-своему объяснять действия крестьян: «Вся местность вокруг Ижевска представляет большие лесные массивы со множеством рек и речушек, по берегам которых расселилось вотяцкое племя. Народ крайне некультурный, темный по своим воззрениям и верованию, совершенно не разбирается в тех событиях, которые происходили непосредственно вокруг него, а тем более во всей стране; соседями у него были татары, недалеко ушедшие по своей культурности от вотяков; поэтому белогвардейскому командованию легко было, как вотяков, так и татар, завербовывать в свои отряды». О «культурности» продовольственных отрядов красный писатель, конечно, не обмолвился ни единым словом.

По сведениям некоторых Ижевцев, на вооружение крестьянских отрядов было выдано не менее 60 000 винтовок; другие считают — много больше. Крестьянские формирования значительно увеличили силы восставших рабочих, но усложнили питание боевыми припасами. Если старые запасы материалов на Ижевском заводе могли поддержать выделку большого количества винтовок, то с патронами дело обстояло плохо. На Ижевском заводе их запас был незначителен. Патроны, орудия и пулеметы добывались, главным образом, в боях у красных, иногда значительными партиями.

В этом отношении интересно показание одного участника. Он сообщает, что 3-я красная армия, защищавшая Пермь и не имевшая возможности вскоре после восстания выделить доста-

точные силы для обеспечения железной дороги от Перми на Вятку, дала только кадры для нескольких полков. Для пополнения этих полков была произведена мобилизация в северных уездах Вятской губернии и в Пермской губернии. Эти полки хорошо работали на пользу восставших: после встречи с противником они поспешно отступали или разбегались, оставляя свое оружие и боевые припасы. Их снова собирали и вооружали, и они снова повторяли прежнее, и так несколько раз, пока более надежные части не стали прибывать из центра на замену не желавшего воевать за советскую власть местного населения.

8. Разгром 2-й красной армии

В бою под Ижевском 17–19 августа Ижевцы уничтожили наиболее боеспособные части 2-й красной армии¹. Надо было закончить полный разгром этой армии, уничтожив остатки их отрядов и тыловых учреждений, группировавшихся около города Сарапул. Здесь же был и штаб 2-й армии. Полковник Федичкин послал штабс-капитана Куракина для очистки от красных дороги до пристани Гальяны. После захвата пристани этот же отряд направился на город Сарапул и очистил его от противника в конце августа.

Ижевцы переправились также на левый берег Камы и заняли там деревню Ершовку, Камбарский завод (см. схему № 2) и некоторые другие пункты, где поставили небольшие гарнизоны. Связь между 2-й и 3-й красными армиями была прервана. Разгром боевых частей 2-й красной армии превратился в полный развал всей армии. Красный историк (Гражданская война, т. 1) описывает, как «оставшиеся в Сарапуле силы, к которым присоединились отступавшие от Елабуги, а также прорвавшиеся к Сарапулу отряды, не могли устоять против натиска чехо-словаков* и вырвались из рук управления; часть этих отрядов бросилась к рекам Каме и Вятке, захватила па-

¹ В написании воинских формирований соблюдена орфография оригинала: армии красных — со строчной буквы, армии белых — с заглавной.

* Чехо-словаков здесь совершенно не было. — *А. Е.*

роходы и, грузя на них награбленное по дороге, стремительно поплыла вверх по р. Вятке, пьянствуя и распространяя по пути самые фантастические и нелепые слухи; те, кто не успел сесть на пароходы, продолжали в беспорядке отходить по берегам рек и по линии Казань — Екатеринбургской жел. дороги на Вятские Поляны...».

В центре забили тревогу и срочно командируют новых красных командиров и комиссаров. Они направляются в город Вятку, где торопятся (там же) «...для противодействия дальнейшему распространению белогвардейских банд безотлагательно принять меры по укреплению г. Котельнич и обеспечению там ж.-д. моста от захвата и взрыва, а также построить окопы у сел Медведского и Петровского на р. Вятке»...

От Ижевска до города Котельнича по прямому расстоянию 300 верст, а до указанных сел 200 верст. «Безотлагательные меры» красных указывали, какую угрозу чувствовали они от дальнейшего распространения восстания. Вновь назначенные командиры и комиссары отправились из города Вятки на пароходе разыскивать рассыпавшуюся армию: «Чем дальше пароход спускался вниз, тем чаще стали попадаться тянущиеся в кильватерных колоннах пассажирские пароходы, буксиры с баржами и даже остатки боевой речной флотилии. Все это отступало; находившиеся на этих пароходах красноармейцы и матросы представляли совершенно разложившийся элемент, держали себя вызывающе, никаких приказов исполнять не желали; на пути грабили селения, пьянствовали. Остановить этих панически настроенных людей никто не был в силах, хотя попытки к этому делались... От одного из встреченных пароходов удалось узнать, что полевой штаб находится в Малмыже...»

В полевом штабе вновь приехавшие начальники нашли старый командный и политический состав в таком виде: «Все эти лица производили удручающее впечатление; вследствие целого ряда неудач и отступлений они были измучены, лишились всякой энергии и желания работать; настроение у всех было подавленное. От временно командующего каких-либо ценных и подробных сведений о действиях его отрядов и о противнике получить не удалось. Связь была лишь с ближайшими к штабу отрядами, так как для связи с более удаленными средств не имелось. Все виденное приводило к заключению, что

в сущности армии никакой не существует и что нужно заново строить 2-ю армию...»

Таковы свидетельства самих красных — разгром их сил под Ижевском и в последующих боях вывел всю их 2-ю армию из строя. Небольшие группы красных, не успевшие бежать вовремя, бродили в лесах к югу от железной дороги Казань — Сарапул. По красным сведениям, к югу от ст. Агрыз прятался отряд в 2000 человек под командой Чевырева. Присутствие этих групп красных в сравнительно недалеком расстоянии от восставших заводов препятствовало установлению надежной связи с другими антибольшевистскими силами.

9. Подготовка к решительному столкновению

Сентябрь месяц прошел в расширении района восстания; происходили стычки передовых частей, и обе стороны готовились к решительным боям. Ижевцы и Воткинцы, освобождая ближайšie районы от разбежавшихся шаек красных и от «продовольственных» отрядов, продвигались на всех направлениях. На западе Ижевцы и присоединившиеся к ним крестьяне подходили к реке Вятке на участке городов Малмыж и Уржум (см. схему № 2). На севере под угрозой восставших находилась железная дорога Вятка—Пермь, где Ижевцы подходили близко к городу Глазову, а Воткинцы угрожали захватить ст. Чепца. На востоке Воткинцы были недалеко от города Оханск, занимая одно время большое село Сосновское, а на левом берегу Камы вели бои около города Оса. Оба города — Пермской губернии. К востоку от своего завода Воткинцы за Камой занимали некоторые пункты; где происходили столкновения с левым флангом главного фронта 3-й красной армии (5-я Уральская дивизия красной армии). К югу от заводов, как было сказано раньше, был взят город Сарапул, и далее к западу на ж.-д. линии Казань—Екатеринбург Ижевцы вытеснили красных со ст. Агрыз, от которой шла ветка на Ижевск и Воткинск.

Делались также попытки войти в связь с другими антибольшевистскими армиями для согласования действий и получения недостающего снабжения; с другой стороны — для отправки избытка винтовок туда, где они были нужны. Запасы

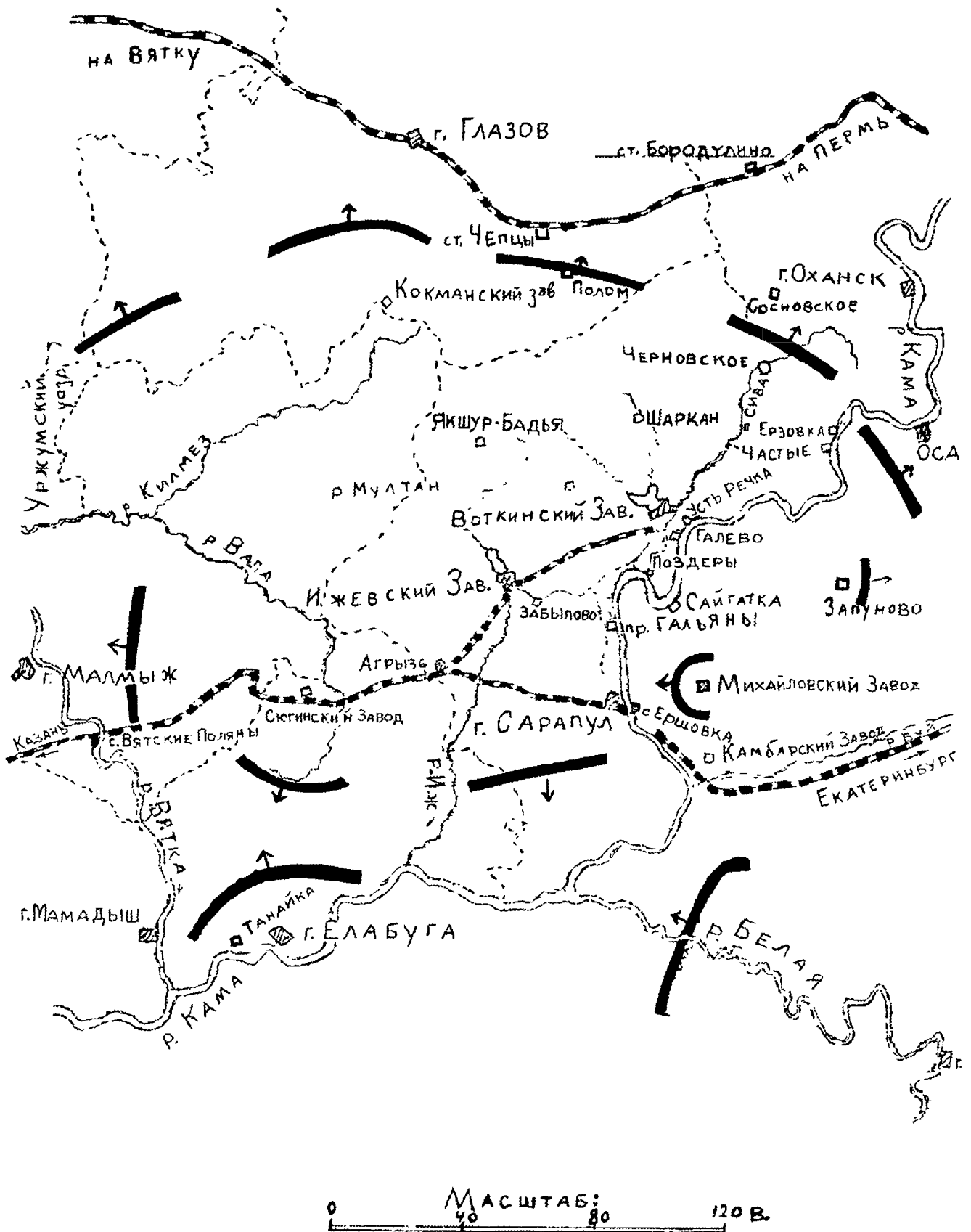

Схема № 2. Район восстаний против советской власти в 1918 г.
 Где борьба с красными проходила в конце августа и в сентябре,
 указывается толстыми линиями

огнеприпасов были очень незначительны. Имевшиеся на заводе в Ижевске и захваченные в боях у красных снаряды и патроны таяли, а организовать выделку их в достаточном количестве не было возможности из-за отсутствия пороха, капсулей и другого материала. Некоторое количество ружейных патронов было сделано из старых, собранных в окопах гильз с пулями из красной проволочной меди.

Когда Казань была еще в руках белых, три Ижевца добрались туда через красное расположение и просили о помощи присылкой боевого снабжения. Но казанцы и сами переживали тяжелые дни и помочь не могли. Позднее всё тот же энергичный штабс-капитан Куракин с небольшим отрядом добрался до Самары, получил там 10 000 трехдюймовых снарядов, 60 пудов взрывчатых веществ, деньги и разное другое снабжение. Всё это он мог довести только до города Бирска. Пробираясь через расположение красных, он вернулся в Ижевск, доставив лишь деньги и телефоны.

Только Волжская флотилия адмирала Старка и капитана 2-го ранга Федосьева, дошедшая после падения Казани до Сарапула, дала Ижевцам одну 37-миллиметровую пушку с 50 снарядами, 40 000 ружейных патронов, 30 фунтов толу, 100 капсулей для ручных гранат и 50 седел. Какая это была ничтожная помощь, можно судить по тому, что Ижевцы на вооружение восставших крестьян выдали не менее 60 000 винтовок, а по некоторым сведениям — много больше. Количества патронов, полученных от флотилии, не хватало и по одному на винтовку.

* * *

В красном лагере шли усиленные приготовления для подавления восстания Ижевцев и Воткинцев. Разгром, бегство и полный развал 2-й красной армии и явные сочувствие и помощь крестьян восставшим рабочим делали восстание чрезвычайно опасным для красной власти. Ненадежность мобилизованных из местного населения заставляла посылать войска из центра страны. Упорство в боевых столкновениях требовало посылки особо стойких частей, составленных из коммунистов, из отрядов «чрезвычайек», из латышей и китайцев... Отряды наемных иностранцев по своей жестокости не отличались от доморощен-

ных коммунистов, и борьба принимала свирепый, кровавый характер с большими потерями с обеих сторон. Ижевцы, бывшие на «Северном» фронте, вспоминали, как им пришлось иметь дело с каким-то интернациональным полком, в котором все бойцы были одеты в красные рубахи. Сильно опьяневшие, они с пением «Интернационала», переходившего при сближении в дикий рев, бросались на своего противника, несли большие потери, но повторяли атаки по нескольку раз.

На восстановленную 2-ю красную армию возлагалась задача подавить восстание. 3-я армия помогала ей на севере, выделив для защиты железной дороги Вятка — Пермь сильные отряды, а для защиты города Перми с юга назначалась 5-я Уральская дивизия, расположенная в районе города Оса. 2-я армия с приходом новых командиров начала залечивать свои раны. Из разбитых, распущенных и деморализованных отрядов и групп новые командный и политический составы начали формировать батальоны, полки и дивизии.

Состав формирований стоит того, чтобы на нем остановиться. Пользуясь тем же источником (Гражданская война, т. 1), находим: «50-я, 51-я и 52-я маршевые роты Московского продовольственного отряда сводятся в батальон; отряды Елабужской и Мензелинской групп составляют 2-й батальон; отряды гг. Анисимова и Никулина составляют 3-й батальон. Все три батальона сводятся в 1-й сводный полк...»

Из таких же маршевых рот и случайных отрядов формируется 2-й сводный полк. Третьим полком в образованную таким образом Первую сводную дивизию входит 1-й Смоленский полк. Полки снабжаются артиллерией. Например, во 2-й сводный полк придается 2 орудия Московского продовольственного отряда и 3 орудия морской батареи. Состав Московского продовольственного отряда из 50 с лишком рот с артиллерией, нагрянувших на крестьян Вятской губернии для «сбора» хлеба, разъясняет многое в ходе описываемых здесь событий. Хлеб собирали пушки!!!

Кроме 1-й сводной дивизии, во 2-ю армию была придана временно Вятская дивизия. После падения Казани 9 сентября у красных освободились новые силы, и на усиление 2-й армии прибыл отряд Азина. Этот отряд был усилен другими частями и переформирован во 2-ю сводную дивизию, состоявшую из трех

пехотных полков, одного кавалерийского и артиллерийской бригады. В конце сентября на помощь 2-й армии подошла красная Волжская флотилия Раскольниковой. На железной дороге у них появились бронепоезда. В середине октября в эту армию присылаются роты чрезвычайных комиссий: Московской, Тамбовской, Смоленско-Рязанской, Саратовской и Нижегородской. Из этих чекистов формируется 6-й сводный полк. Наконец, на усиление прибывают уже готовые сформированные полки: Карельский, Пензенский и Мусульманский. Переформировывая и организуя 2-ю армию, усиливая ее надежными частями, красная власть снабжает ее большими боевыми запасами. Постепенно перевес сил и преимущества в материальном снабжении переходят на сторону красных.

10. Характер борьбы

За отсутствием документов и достаточно полных показаний участников восстановить ход борьбы восставших рабочих и крестьян со всё более увеличивающимися силами красных возможно лишь в самых общих чертах. Личные впечатления и рассказы участников этих событий дают много ценных данных о всё нараставшем упорстве и ожесточенности боев, начавшихся в конце сентября и в октябре превратившихся в почти ежедневные столкновения на всех направлениях. Но время, место и другие важные сведения обычно не указываются — они забыты. Записи, которые велись некоторыми, погибли в последующих походах. Та же участь постигла приказы и другие документы частей. Предлагаемые здесь описания двух боев, как достаточно полные, могут дать представление о характере боевых действий.

* * *

В последних числах сентября были получены сведения, что в направлении к городу Сарапулу двигается со стороны Уфы большой красный отряд. Воткинцы должны были выделить часть своих сил для защиты города Сарапула.

Не ожидавшимся с этого направления противником оказался отряд Блюхера, около 6 тысяч бойцов, который был от-

брошен атаманом Дутовым из пределов Оренбургской области на север, проскочил район Уфы восточнее этого города и теперь искал удобный пункт, чтобы прорваться в район красного расположения.

Блюхеру благополучно удавалось проходить по тылам белого фронта, так как здесь не было никаких значительных резервов. Все силы были на фронте или формировались в глубоком тылу. Мелкие отряды противника Блюхера не пугали. На ночлегах Блюхер применял удачный прием, располагая свои силы треугольником, в углах которого размещались боевые части, а внутри обозы. При нападении на один из пунктов расположения отряда гарнизон этого пункта отражал нападение, а другие высылали на помощь части, чтобы охватить противника с флангов и тыла.

Небольшие отряды белых, встречавшие Блюхера, должны были отступать, чтобы не попасть в окружение и не быть уничтоженными. Применяя эту тактику и не встречая крупных сил белых, Блюхер успешно продвигался на север.

Получив сведения о движении отряда Блюхера к Сарапулу и не имея под рукой резервов, командовавший Воткинцами капитан Юрьев вызвал командира только что сформированного батальона поручика Болонкина, доблестного и энергичного боевого офицера, и направил его с батальоном в распоряжение командующего Сарапульской народной армией корнета князя Ухтомского.

Сарапульская армия начала организовываться после захвата города Ижевцами 31 августа, но состояла только из штаба и не имела боевых частей. В течение 24 часов батальон поручика Болонкина был переброшен в город Сарапул. Здесь командир батальона получил приказ двинуться на Михайловский завод, расположенный за рекой Камой, и препятствовать движению противника к городу Сарапулу. Переправившись через р. Каму, батальон прибыл на указанный завод, где находился партизанский отряд прапорщика Преснова (впоследствии 15-й Михайловский полк 4-й Уфимской дивизии).

Выяснив, что Блюхер расположился в 50—60 верстах к северо-востоку от Михайловского завода, поручик Болонкин выступил в сторону противника и ночью атаковал красных в дер. Запуново (см. схему 2). В деревне находились мадьяры

и красные казаки Каширина, закаленные в походах и боях против атамана Дутова в течение нескольких месяцев.

Бой отличался большим упорством, хотя и не был продолжительным. Воткинцы яростно атаковали красных и, после горячей схватки внутри деревни, заставили их поспешно отступить, бросив 200 повозок с боевым имуществом. Блюхер не решился ввязываться в дальнейший бой с дерзким противником, не стал прибегать к своему излюбленному приему — окружению с флангов — и, наверное, не предполагал, что против его 6-тысячного отряда находится всего один батальон Воткинцев, во много раз слабейший и только что сформированный. Весь отряд Блюхера начал немедленное отступление на север, где вскоре вышел на линию красного фронта восточнее г. Оса. Воткинцы нанесли большие потери «блюхеровцам», но и сами сильно пострадали — одних убитых было 83. Преследования красных, состоявших из конницы и пехоты на подводах и быстро уходивших, не было. У Воткинцев было всего лишь несколько конных ординарцев. После прихода в район, занятый красными, отряд Блюхера был перестроен в 30-ю дивизию. Воткинцам пришлось несколько раз встретиться со старым знакомым в Уральских горах и за Уралом. Блюхеру не удалось в этот период своей деятельности похвалиться большими успехами и выдвинуться на первые места советских полководцев. Прославился он позднее.

* * *

В первой половине октября, под напором красных, Ижевцы начали сокращать свои растянутые фронты и отходить на позиции ближе к заводу. На Глазовском направлении они отошли к югу и держались верстах в 30 от завода, отражая натиски красных и переходя в контрнаступления. Деревня Якшур-Бадья и находившаяся недалеко южнее небольшая заимка в несколько дворов были заняты крупными силами красных. Заимка стояла в густом лесу, недалеко от дороги Ижевский завод — дер. Якшур-Бадья.

Правая группа Северного фронта получила задачу разбить и отбросить противника из заимки. Командующий группой подпоручик Вершинин с отрядом в 3 000 бойцов выступил для

выполнения задачи. В обход обоих флангов он послал по одной роте, а с главными силами двинулся по дороге, рассчитывая движение так, чтобы обходные роты имели время пробраться по старому, труднопроходимому лесу и ударить с флангов.

Обход с правого фланга был поручен прибывшей из Ижевска роте, состоявшей из 250 рабочих, под командой прапорщика Х. Пулеметов в роте не было. Орудий не было во всей группе подпоручика Вершинина, так как снаряды в октябре подошли к концу и имевшиеся пушки были отосланы на завод. Командир роты не внушал доверия — бледный, видимо болезненный, он имел, по словам участника боя, «вид обреченного человека». Поэтому подпоручик Вершинин назначил к нему, под видом командира батальона, другого офицера. Но и этого случайного офицера он тоже не знал, а задача требовала руководства опытного боевого начальника.

Подпоручик Вершинин посылает с ротой также и своего помощника — поручика Михайлова. Последнего он знал очень хорошо, так как Михайлов был организатором и руководителем тайной антибольшевистской группы офицеров в городе Глазове. Вершинин состоял в группе у Михайлова. Вместе с другими офицерами этой организации они оба были захвачены, попали в тюрьму и оттуда совершили весьма рискованный и дерзкий побег.

Подпоручик Вершинин, совсем молодой офицер, раньше прибыл в район восстания и получил в командование правую группу Северного фронта. Поручик Михайлов, пробравшись к Ижевцам позднее, попал помощником к своему соучастнику по тайной организации и бегству от большевиков. Отправляя поручика Михайлова в обходную роту, Вершинин был уверен, что успех обеспечен.

Рота углубилась в лес и взяла направление с расчетом выйти к заимке справа. Движение было тяжелое — заросли кустов и особенно стволы огромных упавших деревьев, часто в аршин диаметром, заграждали дорогу. По истекшему времени выходило, что заимка должна быть вблизи. Не видя ее, начали сомневаться, не взяли ли слишком вправо и не прошли ли мимо. Вдруг неожиданно раздались выстрелы красной заставы. Поручик Михайлов крикнул «Ура!», и все бросились за ним. Застава противника бежала. Перепрыгивая через упавшие деревья, Ижевцы

преследовали их, продолжая кричать «Ура!». Три раза красные останавливались и пробовали задержать Ижевцев стрельбой, прячась за стволы деревьев. Но Ижевцы бежали вперед и гнали красных дальше.

Таким путем красная застава помогла обходной роте найти заимку. Показались строения. Перед ними расчищенное пространство, всего шагов в 70. Рота сильно растянулась. Бег по лесу с преодолением препятствий утомил более слабых. С поручиком Михайловым впереди оказалось всего около 20 бойцов и «командир батальона». Красные открыли пулеметный и ружейный огонь. «Командир батальона» тяжело ранен в ногу. Он не может бежать дальше, на лице выражение досады. Поручик Михайлов приказал ему пробираться назад и найти фельдшера. У противника замешательство. Торопятся взять на передки две пушки и увезти их.

Поручик Михайлов, рассыпав бойцов в цепь на небольшом бугре у опушки леса, приказал им перебить лошадей. Оставшись без лошадей, красные артиллеристы повернули орудия на Ижевцев и открыли бешеный огонь на картечь. Из-за близости расстояния снаряды разрывались над головами и сзади лежавших в цепи, поражая подбегавших отсталых.

Лес загудел от пушечной пальбы. В цепи казалось, что орудийная стрельба происходит сзади, за лежавшими на бугре. Из-за черной завесы шрапнельного дыма по временам выскакивали отдельные бойцы и вливались в цепь. Двинуться вперед было невозможно. Многие были убиты и ранены картечью и кусками деревьев, разбиваемых снарядами. Тяжелое положение еще более ухудшилось, когда красные поставили пулемет справа и открыли продольный огонь по бугру, за которым прятались бойцы. Казалось, все будут перебиты.

Но вот слева от заимки появилась из леса группа в сотню солдат и бросилась на красных. После короткого штыкового боя красные бежали, бросив пушки.

Неожиданная помощь пришла от отставших во время преследования заставы и собравшихся около командира роты. Но его самого не было. На вопрос: «Где он?» — последовал ответ: «Убит в наступлении». Но это было не так. Выяснилось, что прапорщик был подавлен грохотом стрельбы и отказался вести собравшихся около него вперед. Отставшие Ижевцы рвались на

помощь своим. Убеждать и уговаривать ротного было некогда. Каждое мгновение было дорого. Несколько штыков закончили жизнь недостойного командира.

В командование вступил унтер-офицер, участник мировой войны. Он сразу понял, что бешеный огонь красных задержал находившихся впереди, и надо не подпирать их с тыла, а ударить врага с фланга. Его находчивость спасла роту от уничтожения. Рота потеряла треть своего состава — 80 человек было убито и ранено. Упорно дравшийся отряд красных состоял из латышей.

Главные силы группы подпоручика Вершинина и левая обходная рота в бою принять участие не успели. Но по колонне главных сил, следовавшей по дороге, красные открывали огонь со стороны дер. Якшур-Бадья.

Два боя, описание которых здесь приведено со слов участников, являются случайными в общем ходе борьбы Ижевцев и Воткинцев. Но они указывают на чрезвычайно высокое боевое воодушевление восставших против большевистского гнета — то воодушевление, которое не покидало их за все три месяца отстаивания ими своих родных очагов, а потом и в четырехлетней борьбе на Урале, в Сибири, в Забайкалье и в Приморье.

11. В красном окружении

Взятие красными Казани 10 сентября не только позволило им значительно усилить свою разбитую и растрепанную 2-ю армию, но поставило ее в выгодное положение беспрепятственного выхода из района реки Вятки в Каму и движения по ней в тыл восставшим заводам.

Насыщенная коммунистами и надежными отрядами из мадьяр, латышей и других наемников, 2-я красная армия начала медленное продвижение к Ижевску. Из центра своего сосредоточения около села Вятские Поляны (120 верст к северо-востоку от Казани и в 140 верстах от Ижевска) красные двинулись двумя путями: вдоль железной дороги Казань — Екатеринбург и по рекам Вятке и Каме на Сарапул.

К концу сентября красные подошли к ст. Агрыз, откуда идет ветка на Ижевск — Воткинск, и здесь загораются бои, продолжавшиеся весь октябрь.

Спустившись на пароходах по реке Вятке и двинувшись вверх по Каме, красные в первой половине октября захватили город Сарапул. Наша Волжская флотилия незадолго перед этим ушла в реку Белую на зимовку. Это открыло дорогу красной флотилии Раскольниково. Вражеское окружение всё теснее облегало восставшие заводы. Просьбы о помощи оставались без ответа. Пополнение огнеприпасами, почти исключительно трофейными, становилось всё труднее и труднее. Снаряды были на исходе, ружейных патронов оставалось ничтожное количество. Нужно было считаться с возможностью оставления заводов и искать путей проделать это с наименьшими потерями.

20 октября командующий Прикамской армией полковник Федичкин созвал совещание старших чинов армии и местный комитет членов Учредительного собрания, представлявший собой высшую гражданскую власть. Полковник Федичкин, объяснив создавшуюся обстановку и невозможность рассчитывать на своевременное прибытие помощи, предложил начать эвакуацию раненых, женщин и детей, а также ценного имущества и запаса винтовок, на восточный берег Камы, пока это возможно было сделать в порядке и в условиях достаточной безопасности. Председатель комитета членов Учредительного собрания Евсеев не согласился с предусмотрительным полковником Федичкиным и назвал его предложение об эвакуации трусостью. В ответ на это полковник Федичкин подал заявление об отставке.

После этого заседания весь комитет членов Учредительного собрания скрылся. Два дня их не могли нигде найти. Даже своего секретаря А. П. сбежавшие не предупредили о том, куда они исчезают, и секретарь не знал, где их искать.

Причиной исчезновения всего комитета, как выяснилось, была боязнь ареста полковником Федичкиным. Но последний никому никакими арестами не грозил. Не желая вызывать разногласий и вносить раскол в ряды защитников в эти тревожные и решительные дни, полковник Федичкин, заявив о своей отставке, покинул Ижевск и пробрался в г. Уфу в распоряжение Верховного главнокомандующего генерала Болдырева.

В «генеральском доме», — как назывался бывший дом начальника Ижевского завода, — на втором этаже разместился Комитет членов Учредительного собрания. В первом этаже издавалась газета «Ижевский Защитник». К этому дому ежедневно собирались все имевшие отношение к делам, которыми ведали члены Комитета, в том числе и поставщики на армию, ждавшие срочных распоряжений на разные заготовки, так как все денежные суммы находились в руках Комитета. Исчезновение членов Комитета могло быстро распространиться среди населения и вызвать тревогу и панику. Поэтому находившиеся в «генеральском доме» служащие в канцеляриях Комитета и газетные сотрудники условились скрывать бегство «верховой власти». Тем временем поставщикам говорились разные небывлицы, почему их не могут принять по их делам. Но скрывать правду становилось всё труднее и труднее.

Доброволец М. Т., сотрудничавший в перерывы между боями в газете, заявил, что Комитет мог сбежать только в Воткинск, и взялся его разыскать. Взяв паровоз с двумя машинистами и захватив 5 вооруженных гимназистов в качестве охраны, так как в 60-верстном промежутке между заводами появлялись разведывательные партии красных, М. Т. в 8 часов вечера помчался в Воткинск. Там в доме Чайковского, где собирался Воткинский совет обороны, М. Т. нашел сбежавших комитетчиков. Получив необходимые сведения и распоряжения, М. Т. ночью же вернулся в Ижевск, успокоив заинтересованных лиц.

На место полковника Федичкина командующим Прикамской армией был назначен капитан Юрьев. Командование Ижевскими частями было передано штабс-капитану Журавлеву, по оценке некоторых, — очень храброму офицеру, но малоопытному и бестолковому начальнику. Интересно отметить, что за время своего недолгого командования — около месяца — штабс-капитан Журавлев не был известен многим Ижевцам, даже из числа старших начальников, а некоторые даже никогда ничего о нем не слыхали.

Через несколько дней после бегства успокоившиеся члены Комитета Учредительного собрания приехали в Ижевск на устроенный ими многолюдный митинг. С ними приехал также новый командующий армией капитан Юрьев. На этом митинге Ижевцы слышали горячие призывы к спасению заводов

от захвата красными и даже призывы к походу на Москву. О том, будут ли доставлены патроны и как без них дойти до Москвы, красноречивые ораторы не говорили.

* * *

Чем ближе красные подступали к заводам, тем упорнее и ожесточеннее становились бои. Особенно сильно красные нажимали с юга. К концу октября бои из района ст. Агрыз переместились к Ижевску на 18 верст. На севере Ижевцы и Воткинцы удерживали врага в среднем верстах в 30 от заводов. Дорого доставался врагу каждый шаг. Но и защитники заводов несли тяжелые потери. Недостаток патронов был очень чувствителен; приходилось все чаще и чаще обращаться к штыку и всеми способами экономить патроны на крайний случай.

Все рабочие, по установившемуся порядку, где бы они ни находились, не расставались с винтовками. Кто бы какую работу ни делал — винтовка была рядом. По тревожному реву заводского гудка все немедленно бежали на сборные пункты своих рот. Из штаба приходили приказы, и роты быстро направлялись на атакованные пункты.

Пленные красноармейцы показывали, что, как только комиссары начнут их гнать вперед, они с волнением ждут рева могучего заводского гудка. Услышав его, в их рядах начинает нарастать паническое настроение. Они знают, что через час к месту боя подойдут и опрокинутся на них волны рабочих и начнется кровавая штыковая схватка.

По словам добровольца М. Т., только в Ижевске до 20 000 рабочих принимали участие в отражении атак врага, когда красные бросались на приступ в больших массах. Никто не пробовал уклониться от боя. Взаимная спайка и выручка стояли необычайно высоко. Если кто-нибудь не поспел присоединиться к своей роте, он пристраивался к другой. Один из участников боя последнего дня защиты завода 7 ноября рассказывал, как был собран последний резерв. Это была сводная рота, куда вошли все, кто еще оставался на заводе по разным причинам, не мог теперь попасть в свою роту или не знал, где ее искать.

Командовал ротой полковник Власов, пользовавшийся любовью и доверием Ижевцев, как храбрый и распорядитель-

ный офицер. Когда потерявшие свои роты бойцы узнавали, что командует Власов, они охотно присоединялись к этой сборной роте. Всего набралось около 300 бойцов. Рота по Казанской улице вышла к станции Ижевск, находившейся в одной версте от завода. Здесь она заняла окопы недалеко от татарского кладбища. На кладбище и левее в большом количестве накапливался противник. Полковник Власов решает помешать красным в их сосредоточении и подготовке к штурму и атаковать их теперь же. Он отдает распоряжения и сам первый, со знаменщиком и одним бойцом, выскакивает из окопа и бросается к кладбищу. Одновременно доброволец М.Т. с пятью бойцами бросается левее.

Но у красных уже стояли наготове пулеметы, и их огонь перебил всех выскочивших вперед и заставил остальных, поднявшихся для атаки, укрыться в окопе. Полковник Власов был тяжело ранен, и его с большим трудом вытащили из-под обстрела. У рассказчика-добровольца была перебита нога. Он начал ползти к окопу. К нему выскочила гимназистка Попова, работавшая сестрой милосердия и отличавшаяся необыкновенной смелостью, и хотела перевязать раненую ногу. Пуля ранила ее в лоб, и лицо ее залилось кровью. Доброволец приказал ей бежать зигзагами в окоп. Ему удалось самому доползти до окопа, где его перевязали и отправили в тыл.

После нескольких настойчивых атак красные захватили станцию. Она была оставлена в 2 часа дня. Около этого же времени были очищены другие пункты, лежавшие впереди завода, и защитники отступили на последние позиции у окраины завода.

Утомленные боями и потрясенные упорством обороны, красные не чувствовали уверенности в окончательном успехе, остановились и набирали силы для дальнейших действий. Ночью они бездействовали. По красным сведениям (Гражданская война, т. 1), последние дни защиты Ижевска излагаются так: «Бои под Ижевском 5, 6 и 7 ноября достигли большого напряжения; та и другая сторона дрались с большим упорством, неся большие потери. Этими боями подтвердились сведения агентуры, что вокруг территории завода противником вырыты окопы с ходами сообщения в тыл и усилены проволочные заграждения. Войскам отдается приказ взять Ижевск 7 ноября во что бы то ни стало».

«7 ноября с утра началась артиллерийская подготовка атаки и устройство проходов в проволочных заграждениях. Вера в успех настолько велика, что было приказано держать прямой провод с Московским Кремлем для немедленной передачи сообщения о падении Ижевска в день, когда праздновалась годовщина Октябрьской революции».

«К 17 часам войска были уже у проволочных заграждений и готовились к штурму. Противник вел бешеный огонь из орудий, пулеметов и ружей... На правом фланге боевой линии в числе прочих частей был 2-й Мусульманский полк, который не выдержал огня, дрогнул и позорно бежал с поля сражения, оставив противнику батарею, пулеметы и другую материальную часть. На пути бегства людьми полка был разграблен полковой обоз, похищены вещи командного состава. Весь же командный состав в этом полку держал себя образцово. 2-й Мусульманский полк за свое позорное и преступное поведение был расформирован».

«В 19 час. 40 мин. Ижевск был взят штурмом... Бронированный поезд “Свободная Россия” ворвался на станцию Ижевск и своим огнем внес в ряды белогвардейцев сильнейшее расстройство. Кавалерия вслед за пехотой ворвалась в город, на улицах которого завязались ожесточенные бои».

Это описание красного историка имеет значительные неточности. Каких-либо серьезных проволочных заграждений у Ижевцев не было: проволока на заводе не выделялась и запасов ее не имелось. Защитники не могли вести бешеный огонь из орудий, пулеметов и ружей из-за острого недостатка огнеприпасов. На улицах города боев не было, красные не посмели войти ночью в город, и в Москву была послана преждевременная «поздравительная» телеграмма о взятии Ижевска, не соответствовавшая действительности.

Следует также отметить, что бегство 2-го Мусульманского полка не было единичным случаем. Защитники много раз обращали красных в паническое бегство, но их историк отмечает только один случай, который трудно замолчать, так как была брошена батарея, разграблен обоз и полк был расформирован.

После очищения станции и других передовых пунктов впереди завода дальнейшее сопротивление красным было оказано на южной окраине города. Здесь с наступлением темноты бой

затих. Красные остановились, не решаясь ночью двигаться дальше.

Трехмесячная борьба за Ижевск подходила к концу. Героизм и самопожертвование восставших должны были покориться грубой силе численного превосходства и подавляющего огневого преимущества красных. Был отдан приказ об оставлении завода. Ижевцы — как бойцы, так и большинство их семей — покинули свои родные места. Раненого М.Т. везли вместе с другими ранеными на подводе. До него доносился плач женщин и детей. Он всматривался в темноту. Людей было трудно различить, но можно было видеть, как двигалось огромное количество белых пятен. Это были узлы с одеждой и едой — всё, что могли захватить с собой жители Ижевска. Подвод было мало, большинство шло пешком.

Около 40 тысяч, может быть, до 50 тысяч рабочих и их семейств бросили родные очаги и всё, что им было дорого. Уходили от расправы и мести той власти, которая именovala себя защитницей всех трудящихся.

12. Последние дни восстания

Оставление Ижевского завода поставило на очередь дальнейшую судьбу всей борьбы восставших против красной власти.

На совещании в Воткинске, на котором присутствовали Комитет членов Учредительного собрания, командующий Ижевско-Воткинской армией капитан Юрьев, начальник штаба армии полковник Альбокринов и командующий Ижевцами штабс-капитан Журавлев, выяснилось: 1) что нет достаточных сил захватить обратно Ижевск; 2) что оборона Воткинска против превосходящих сил противника на восточных и северных подступах к заводу, где продолжаются упорные бои, и при наличии больших сил красных в захваченном ими Ижевске, — становится невозможной; 3) что подход обещанных и долгожданных сибирских частей не предвидится.

Совещание решило оставить район Ижевского и Воткинского заводов и отвести армию за реку Каму. В предвидении возможности отхода уже собирались материалы и начиналась постройка через Каму плавучего моста на баржах в 2 верстах

выше по течению от дер. Усть-Речка. Строителем был капитан 1-го ранга Вологдин. Длина моста — 482 сажени, начало постройки 26 октября, окончание — 4 ноября.

Утром 10 ноября капитан Юрьев вызвал командира 4-го Воткинского полка поручика Болонкина и приказал ему передать в распоряжение штаба армии 2-й и 4-й батальоны. Общее положение у Воткинска к этому времени было следующее: 4-й полк занимал растянутый фронт; два батальона (1-й и 3-й) обороняли подступы к заводу на трактовой дороге от ст. Чепца; 2-й батальон охранял участок к северо-западу от завода и находился в селе Светлом, поддерживая связь с северным фронтом Ижевцев; 4-й батальон был выдвинут в село Поздеры в 20 верстах к юго-западу от строящейся переправы, имея задачу не допускать движения противника на север со стороны занятого им села Гальяны.

С оставшимися в его распоряжении двумя батальонами поручику Болонкину было приказано упорно оборонять северные подступы к заводу, держа тесную связь с расположенным правее 2-м Воткинским полком под командой поручика Дробинина. Далее к востоку у реки Камы действовал 1-й Воткинский полк в районе Ножовского завода. На другом (левом) берегу Камы против частей красных, напиравших от города Оса, действовал 3-й Сайгатский полк.

Требование упорной обороны обуславливалось необходимостью произвести планомерную эвакуацию госпиталей, дать возможность населению Воткинска и его окрестностей, не желающему оставаться у большевиков, уйти за Каму и дать время Ижевцам подойти к переправе. Оставить позицию поручик Болонкин должен был только по особому приказу. Остальные полки получили соответствующие распоряжения. Ижевцам, отступавшим вдоль железной дороги на Воткинск, было приказано свернуть к переправе кратчайшим путем, имея сильный заслон в сторону села (и пристани) Гальяны. Красные части, занявшие Ижевск, настолько были изнурены боями, что не могли двинуться в преследование, и, по показанию участников, только разведывательные отряды противника следовали за арьергардами уходивших Ижевцев.

Во исполнение указанного ему задания, 2-й батальон 4-го Воткинского полка (поручик Бускин) перешел из села Светлое

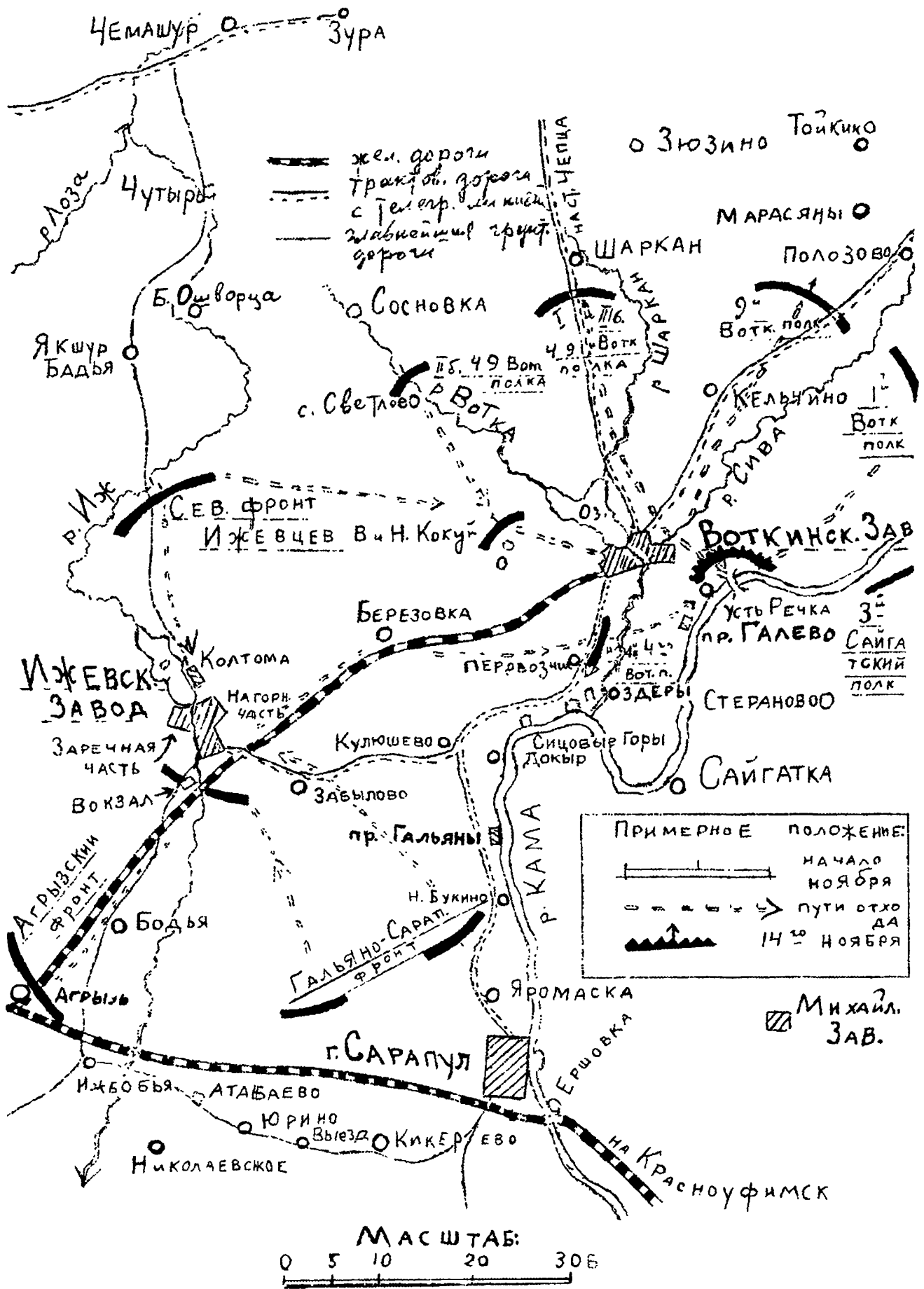

Схема № 3. (Схема составлена по старой карте, масштаб приблизительный)

в деревни Верхний и Нижний Кокуй (10–12 верст к западу от завода). Противник, заметив приготовления к эвакуации завода, усилил свои атаки, но Воткинцы удержали все свои позиции.

Около этого времени (по другим сведениям, это было раньше) поручик Дробинин у деревни Мишкино нанес сокрушительный удар 4-му Латышскому полку, захватив несколько орудий, пулеметы и много пленных и обратив красных латышей в поспешное бегство.

11-го и 12 ноября противник вел атаки днем и ночью. Спать почти не приходилось. Все устали и вымотались. Настроение было нервное, особенно в самом городе. В ночь с 12-го на 13 ноября поручик Болонкин опять был вызван в штаб к капитану Юрьеву. В штабе, уже опустевшем, его встретил капитан Юрьев, начальник штаба полковник Альбокринов и начальник связи штабс-капитан Шадрин.

Поручик Болонкин вспоминает: «Все они выглядели от усталости как мертвецы. Здесь я лично от капитана Юрьева получил приказ оставить свои позиции 13 ноября с наступлением темноты, собрать полк (два батальона) и отходить через восточную часть города к переправе. Отдавая мне приказ и давая последние инструкции, командующий армией сильно нервничал и несколько раз спрашивал начальника штаба и начальника связи, какие сведения они имеют об Ижевцах, а также — каково положение на участке 4-го батальона, находившегося в распоряжении штаба и охранявшего направление со стороны села Гальяны...»

Поручику Болонкину было сообщено, что центральная телефонная станция будет работать до 6 часов вечера 13 ноября и что 2-й батальон его полка, также находившийся в распоряжении штаба, будет отходить с последними телефонистами штаба армии и с подрывниками, которые должны будут взорвать железнодорожный мост через реку Сиву, что в 5 верстах к югу от завода, на узкоколейке с завода на пристань Галево.

Успешно отбив днем 13 ноября все атаки красных, поручик Болонкин около 9 часов вечера вышел на восточную окраину Воткинска, в 3 часа утра 14 ноября был у моста и в 5 часов утра переправился на левый берег Камы.

Начальником переправы был строитель моста капитан 1-го ранга Вологдин. В его распоряжении находился штабс-капитан Самарцев, который встречал части и указывал им порядок переправы. От Самарцева поручик Болонкин узнал, что его 2-й батальон уже переправился, а 4-й находится в 2 верстах ниже переправы и пропускает последние подходящие части Ижевцев. Штабс-капитан Самарцев в разговоре с Болонкиным высказал ему мнение о весьма неудовлетворительном управлении штабс-капитана Журавлева Ижевскими частями. По его словам, Ижевцы отступали, не зная обстановки и не имея указаний о направлении движения. Мнение Самарцева находит подтверждение от других лиц и из фактов происшедших событий. Неудачное управление или его полное отсутствие в отношении к Северному фронту Ижевцев привело к тому, что большая часть этого фронта была отрезана красными. Незначительная часть выбралась благополучно, отойдя со 2-м батальоном 4-го Воткинского полка. Другая часть пробовала пробиться через Ижевск, уже захваченный красными, попала в плен и стала жертвой чекистских зверств. Говорят, немногим удалось рассеяться и скрыться в лесах.

Кроме того, отдельные мелкие группы Ижевцев подходили всё время к мосту. Когда красные, наступавшие по правому берегу с востока, подошли близко к мосту и он мог быть ими захвачен, руководители переправы отдали приказ поджечь его. Некоторые запоздавшие Ижевцы перебежали по уже горевшему мосту. В их числе был и один из чинов комендантской команды Агрызского фронта В. М. Новиков. По сведениям, несколько групп Ижевцев не успели дойти до моста и были захвачены красными.

Число Ижевцев и Воткинцев, перешедших за Каму, указывается участниками очень различно. Минимальная цифра для Ижевцев будет примерно 16 000 человек, из них 10 000 боеспособных мужчин. Другие считают, что ушло 30 000 и даже больше. Поручик Болонкин для Воткинцев дает цифры: вооруженных Воткинцев было около 15 000 и почти столько же гражданского населения и семей.

Ижевцы вывезли с собой несколько тысяч винтовок. Воткинцы вместе с госпиталями и семьями эвакуировали управление завода и увезли некоторые электрические машины, что делало завод не работоспособным на долгое время.

С переходом за Каму закончилось крупнейшее по своей стихийности и масштабу восстание рабочих против красной пролетарской власти — восстание ижевских и воткинских рабочих и присоединившихся к ним крестьян. Восстание это самостоятельно боролось против своих угнетателей. Оно началось 7 августа отказом рабочих-фронтовиков в Ижевском оружейном заводе выступить на защиту большевистской тирании.

14 ноября — день переправы последних частей восставших за Каму — является 100-м днем борьбы в родных местах.

Следует подвести итоги этим ста дням.

13. Итоги восстания

Борьба Ижевцев и Воткинцев против советской власти при защите ими своих заводов получила лишь краткое освещение на страницах этого очерка. Отсутствие источников, недостаток времени и другие причины ограничили возможность дать более подробный очерк.

Долг участников восстания, оставшихся в живых, сохранить в той или иной форме воспоминания об этих днях. Дело будущих исследователей — собрать все уцелевшие материалы и дать полное описание этого восстания. Но и краткие сведения, которые были здесь даны, позволяют дать оценку этой интересной странице из гражданской войны и сделать некоторые выводы. Значение восстания в ходе вооруженной борьбы против красного порабощения будет яснее и понятнее, если напомнить об общем положении, сложившемся на Восточном фронте.

Выступление против большевиков Чехословацкого корпуса, начавшееся 25 мая, дало толчок к восстанию многочисленных тайных противобольшевистских организаций на Волге и в Сибири. Большевики начали немедленно и энергично готовиться к отпору. Уже 29 мая ВЦИК объявил об организации красной армии, вместо слабо работавшего добровольного пополнения наборами по мобилизации. Это дает им возможность быстро умножить свои силы. Июнь и июль проходят у них в усиленных формированиях отрядов и армий.

Восточный фронт привлекает большое внимание красной власти, но успехов у них нет. Постепенно они теряют Заволжье, Урал и обширную Сибирь. На Волге их бьет полковник Каппель. 21 июля он берет блестящим маневром Симбирск.

Красные шлют на восток всё новые и новые силы. Вместо убитого или застрелившегося главнокомандующего фронтом Муравьева назначается Вацетис. Новый «главком» считает, что у него в распоряжении имеется достаточно сил, чтобы перейти к решительным действиям. 28 июля он докладывает наркомвоену: «Я решил в ближайшее время нанести противнику решительный удар и отбросить его с линии Волги на восток» (*Какурин Н. Как сражалась революция*, т. 1, стр. 225)¹.

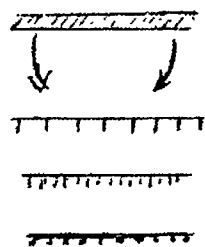
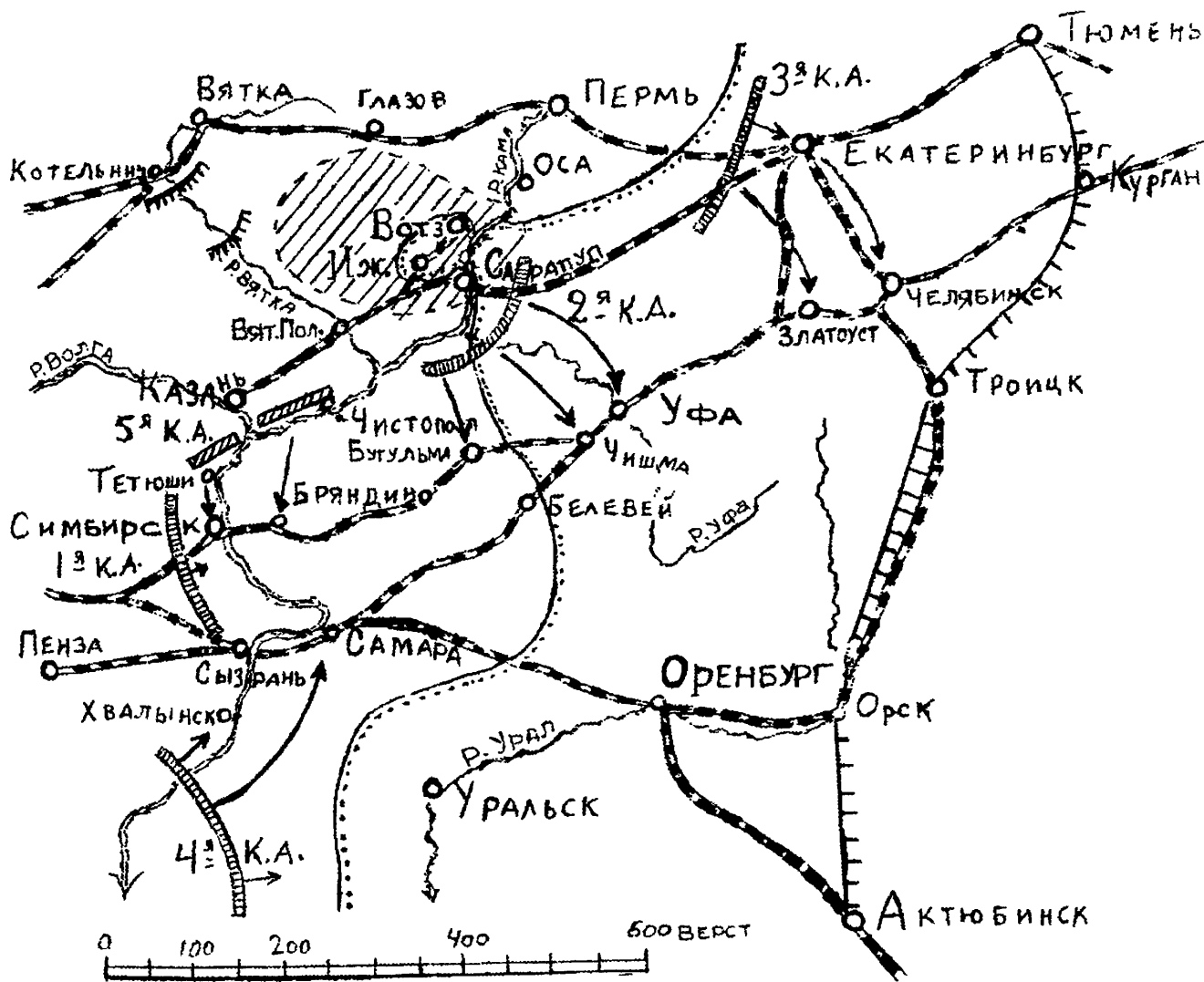
Он ставит задачи (см. схему 4): 3-я армия должна перейти в наступление для «овладения Екатеринбургом и дальнейшего действия на фронте Челябинск—Златоуст». 2-й армии дается задача захватить Уфу и овладеть узловой станцией Чишма, наступая одной группой на Бугульму для связи с группой, действующей правее; 1-я армия должна «всеми мерами сдерживать противника и не допускать его распространения на запад от фронта Сызрань — Симбирск. В дальнейшем эта армия «в нужный момент» должна перейти в наступление и сбросить противника за Волгу.

Задача 4-й армии — в ближайшие дни овладеть Хвалынском, а с началом общего наступления действовать в направлении Самары, заслонившись со стороны Сызрани. Наконец, 5-я армия, вновь создаваемая в районе Казани, должна была в районе Чистополь — устье Камы — Тетюши сосредоточить возможно большую группу войск и перейти в решительное наступление на фронте Симбирск — ст. Бряндино.

«В случае нашего успеха, — писал главком Вацетис, — ближайшей задачей будет поставлено овладеть фронтом Актюбинск — Орск — Троицк — Курган — Тюмень» (там же).

Когда Вацетис разработал свой план, намечавший захватить в клещи белые и чешские части в районе Симбирск — Сызрань, в Самаре стоял вопрос: что делать дальше? Никакими армиями Самара не располагала, формирование добровольческих отрядов шло медленно, чехи не были склонны к большим операциям.

¹ *Какурин Н. Е. Как сражалась революция*. Москва, Госиздат. Том 1, 1925; том 2, 1926.

РАСПОЛОЖЕНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ АТАК

Линия намеченная к ближайшему захвату

Подготовка позиций в начале сентября

Линия фронта к началу ноября.

РАЙОН РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИЖ.-ВОТК. ВОССТАНИЯ

Схема № 4. План Главкома красных

Полковник Каппель и капитан Степанов — командир 1-го Чешского полка — настаивали на захвате Казани. Для овладения этим большим городом и его удержания требовалось гораздо больше сил, чем те, которые находились под командой этих двух начальников. Поддержать их было нечем. Также были и другие причины, отвлекавшие Самару в противоположную сторону — к югу, на Саратовское направление (подробности создавшейся обстановки см. в труде генерала Петрова «От Волги до Тихого океана»¹, стр. 31–37).

Тем не менее, удар по Казани был сделан, красные в панике бежали. «Скоро начались просьбы о подкреплениях»... «Симбирск начал переживать тревожные дни»... «Полковнику Каппелю было приказано вернуться... в Симбирск и разбить противника, наступающего к Симбирску...» (ген. Петров, стр. 37). Не приходится теряться в догадках, насколько положение Казани оказалось бы еще более тяжелым, если бы 2-я красная армия была двинута на Казань.

Восстание заводов отвлекло большие силы красных. Их 2-я армия была сначала прикована к району Сарапула, а вскоре разгромлена Ижевцами. Дезорганизованные остатки ее бежали в бассейн реки Вятки. Отсюда некоторая часть этих беглецов была направлена на усиление красных войск, обложивших Казань, и действовала на Арском (восточном) участке.

Восстание оказало также большое влияние на действия 3-й красной армии. Необходимость защищать линию сообщения с центром — железную дорогу Пермь — Вятка — заставила 3-ю армию выделить из своего состава значительные силы для охраны дороги. Это ослабило армию противника, и наступление на Екатеринбург согласно плана Вацетиса не только не могло состояться, но армия едва держалась против Сибиряков. Позднее, в декабре, она была выбита из Перми.

Продержавшись несколько больше месяца, Казань была захвачена красными. Они не предприняли энергичного преследования отступавшего Казанского гарнизона, и он довольно спокойно переправился через реку Каму у деревни Епанчино близ Лаишева. Свои освободившиеся у Казани войска красные направляли против Ижевцев и Воткинцев, торопясь покончить

¹ *Петров П. П. От Волги до Тихого океана. Рига, 1930.*

с восстанием. В первую очередь перебрасывались: отряд Азина, сформировавшего 2-ю Сводную дивизию (потом 28-ю), и латышские полки. 4-й латышский полк, как отмечалось раньше, был разбит Воткинцами, а 5-й латышский полк, сильно пострадавший при захвате Казани полковником Каппелем, видимо, действовал со стороны города Глазова, и один из эпизодов встречи с ним Ижевцев был описан в главе 10-й.

Таким образом, восстание отвлекло силы и отразилось на действиях трех красных армий Восточного фронта. Значительные подкрепления шли также из внутренних округов и с затихшего Западного фронта, при этом против Ижевцев и Воткинцев посылались особенно преданные и испытанные части, в их числе роты чрезвычайек.

Если план Вацетиса был нарушен захватом Казани отрядом Каппеля и чехов, то его полное крушение было обусловлено восстанием ижевско-воткинских рабочих.

После обратного захвата Казани красные войска смогли одержать на линии Волги некоторые успехи и продвинуться вперед. Севернее восставшие еще два месяца приковывали большие силы красных, и на левом участке своего фронта все их усилия перейти в наступление были парализованы на долгое время.

* * *

Большевистская власть с большими жертвами и жестокостью подавила восстание. Если бы надо было пролить крови в десять, в сто раз больше, — большевики не задумались бы над этим. Человеческая жизнь в их расчетах стоит на последнем месте. Более существенной для них была политическая сторона событий. Присвоив себе право исключительного руководства рабочими массами, они не могли допустить, чтобы рабочие могли идти не вместе с ними или, тем более, против них. Они пробуют немедленно подавить восстание Ижевцев, боясь, что их пример может увлечь других. Им это не удалось. Ижевцев поддержали Воткинцы, и в разное время поднялись некоторые другие приуральские заводы. Замолчать эти выступления было невозможно — они стали достоянием истории гражданской войны. Но с историей большевики не стесняются и дают всему свое собственное объяснение и толкование.

«История Всесоюзной Коммунистической Партии (большеви́ков)», изд. 1938 г., трактует события так: «Мятеж корпуса (чехословаков) послужил сигналом к мятежу кулачества на Волге и в Сибири и эсеровски настроенных рабочих на Воткинском и Ижевском заводах...»

Сходное объяснение дает Какурин (Как сражалась революция, т. 1, стр. 96): «Ижевское восстание было организовано Союзом фронтовиков, насчитывавшим в себе до 4 тысяч членов, в котором в течение долгого времени велась эсэровская пропаганда».

Большевики имеют все основания высоко расценивать силу пропаганды, которой сами они так умело и нагло всегда пользовались. Но их обвинения эсеров, что они своей пропагандой вызвали восстание в Ижевске, не имеют никаких оснований. Союз фронтовиков, который поднял восстание, далеко не насчитывал численности в 4 000 человек, указанной Какуриным, и не имел никакой политической программы, а был организован исключительно для защиты прав вернувшихся с фронта солдат, бывших рабочих.

После успеха восстания вынырнули из подполья эсеры, члены Учредительного собрания, воспользовались отсутствием власти после уничтожения большевистского «совета» и, как убежденные народоправцы, никого не спрашивая, объявили себя высшей гражданской властью под названием «Прикамского Комитета Учредительного собрания».

Как обычно у них практиковалось, они поспешили захватить казначейство и стали распоряжаться денежными средствами. Их появление и начавшаяся теперь, после восстания, эсэровская пропаганда были встречены большинством рабочих равнодушно.

Надо было вести упорную борьбу с большевиками, а не заниматься политикой и партийной болтовней. Но эсэры, по крайней мере более влиятельные из них, на первое место выставляют свои собственные партийные интересы и под маркой «Учредительного собрания» стараются прежде всего укрепить свою власть. Они начинают формировать свои собственные части — на первых порах роту «имени Учредительного собрания».

В эту роту не находилось добровольцев и не было желающих занять должность командира роты. Тогда из самарского «Комуча»

были командированы два эсера, Шмелев и Шеломенцев, привезшие деньги и начавшие агитацию за поступление в эту роту. Рота наконец была организована. Шмелев, когда пришло время выступить на позицию, поспешил в тыл. Шеломенцев, командуя ротой, долг свой выполнил и погиб в бою под Ижевском.

Если рабочие в большинстве относились безразлично к пропаганде и затеям эсеров, то и последние не доверяли Ижевцам, и в особенности их командному составу. Этим объясняется поспешное бегство Евсеева и членов его комитета, удравших от вымышленной ими же самими опасности.

Последующие события, которые отстранили эсэров от всякого участия в налаживании государственного порядка и которые кончились передачей власти в руки адмирала Колчака, еще яснее подчеркивают, что Ижевцы и Воткинцы выбрали дорогу, по которой пошли все честные и действительно любящие свою Родину русские люди. Они, за малым исключением упорных «партийцев», без оговорок признали власть адмирала Колчака. Они не пошли за партией, которая свои партийные интересы ставила всегда выше благополучия России и русского народа.

Бросив большевикам свой вызов на смертный бой, рабочие забыли, к каким партиям они принадлежали, забыли, кто были их политические единомышленники или противники, кто были их друзья или недруги; все они, как один, поднялись против красного гнета. Для них время слов, программных различий и других разногласий прошло, и, крепко спаянные в своем порыве, они упорно, самоотверженно бились с врагом.

Считавшие себя эсерами не хотели выделяться из рядов других восставших рабочих и не пошли за своими незадачливыми главарями.

Среди восставших против большевистского гнета были также принадлежавшие к партии большевиков. Эти большевики отказались поддерживать зверства и преступления своих однопартийцев. В отличие от «большевиков», стоявших во главе кровавой власти, они называли себя «большевиками-мстителями», а своих врагов «комиссародержавцами». Всё это, конечно, хорошо известно большевикам и их историкам. Они также отлично знают, что их притеснения и кровавые расправы с непокорными рабочими вызывали возмущение и озлобление и были настоящими причинами восстания.

Ижевец М. К. Данилов вспоминает, как в Ижевск, недели за три до восстания, прислали «всероссийского старосту» Калинина, и он пробовал успокоить и задобрить рабочих, собравшихся в одной из обширных мастерских. Раздражение против него, как представителя ненавистной власти, было таково, что ему не дали говорить. Шум и угрозы встречали все его попытки начать свою речь. Он поспешил уехать из Ижевска, ничего не добившись, но самолично познакомился с настоящим отношением рабочих к советской власти. Заметил он, без сомнения, и единодушие, с которым все рабочие, как один, кипели гневом при его выступлении.

Этот гнев через три недели прорвался наружу и дорого обошелся советской власти. Долгий путь гражданской войны с честью и славой был пройден Ижевцами и Воткинцами, дела которых отличались высокой доблестью и самопожертвованием. Никакая пропаганда никакой партии не могла повести Ижевцев и Воткинцев по пройденному ими пути. Это могла сделать только любовь к страдающей Родине. Это большевики знают, но не смеют об этом говорить.

* * *

Необходимо коснуться еще одного вопроса — почему восставшим заводам не была оказана достаточная помощь со стороны других антибольшевистских сил. Незначительную помощь боевыми припасами восставшие получили от эскадры капитана 1-го ранга Федосьева. Пробравшийся в Самару штабс-капитан Куракин получил 10 000 снарядов и другое подкрепление материальных запасов, но не мог довести их до Ижевска вследствие начавшихся наших неудач на Волге.

Сибирская армия, захватившая 25 июля Екатеринбург и накапливавшая там свои силы, имела большие возможности помочь Ижевцам и Воткинцам. Собственно, это была бы не помощь, а использование сложившейся обстановки в собственных целях Сибирской армии — нанесения своему противнику — 3-й красной армии — сильного удара, а при удаче — и уничтожения этой армии.

Вместо фронтального наступления на Пермь, Сибирской армии давался шанс захватить этот город скорее и с меньшими

усилиями глубоким обходом через район восстания. Этим путем Сибирская армия не только захватывала Пермь, но решала более важную задачу — нанесения противнику поражения. 3-я красная армия находилась в очень тяжелом положении, так как восставшие рабочие отрезали ее от соседей и угрожали ее тылу.

К сожалению, во главе Сибирской армии находился неспособный на такие действия генерал Гайда. Профессор генерал Головин пишет (Российская контрреволюция. Часть 4, кн. 8, стр. 121): «Разбросавши свои силы на столь широком фронте, Гайда, хотя неуклонно и отжимал действовавшую против него 3-ю красную армию, но продвигался медленно». Французский военный представитель подполковник Пишон так отзывается об этом наступлении Гайды: «Мечется во все стороны и дерется растопыренными пальцами вместо кулака...»¹

Далее генерал Головин приводит характеристику Гайды профессора полковника Зайцева: «Путь из фельдшеро в командующие армией был им пройден всего лишь в три года, и это не могло не отзываться на его оперативной деятельности. Стратегически его успехи были близки к нулю...»

Затем генерал Головин пишет (там же, стр. 121–122): «Даже если рассматривать наступление Гайды в ограниченных рамках операции на Пермском направлении, нельзя не заметить одной крупнейшей стратегической ошибки: Гайда не учел того громадного политического и стратегического значения, которое имело восстание ижевских и воткинских рабочих и соседних с ними вятских крестьян. В лице этих повстанцев Восточный противобольшевистский фронт мог бы обрести те народные массы, которые так нерешительно шли на присоединение к находящимся уже в контрреволюционном лагере элементам русской интеллигенции. Настоятельно требовалось возможно скорее и сильнее поддержать ижевских и воткинских рабочих, которые в силу своей большой организованности являлись остовом повстанческого клина в юго-восточной части Вятской губернии. Нужно прибавить еще к только что сказанному, что захват большевиками Ижевска передавал в их руки третий и последний по счету русский оружейный завод».

¹ Головин Н. Н. Российская контрреволюция. Тома 1 и 2. Париж, 1937.

Таковыми оказались печальные последствия — как для Ижевско-Воткинского восстания, так и для общего хода борьбы на Восточном фронте — назначение на важный пост командующего Сибирской армией совершенно неподготовленного для этого генерала Гайды.

14. За Камой

После отступления за р. Каму Воткинцы заняли позиции вдоль левого берега, загибая свой северный фланг фронтом на северо-восток против красных, действовавших со стороны г. Оса.

На левом фланге находился 4-й Воткинский полк, растянувшийся от села Сайгатка до дер. Ершовки (см. схему 3 на стр. 81). У дер. Ершовки Воткинцы вошли в связь с отрядом Уфимцев под командой поручика Воробьева, который действовал в районе железной дороги Сарапул — Красноуфимск.

Ижевцы сосредоточились в селе Сайгатка и ближайших деревнях, где их части переформировывались в бригаду в составе двух полков, егерского батальона, дивизиона артиллерии, конного дивизиона и инженерной роты. Через несколько дней один из полков Ижевцев сменил 4-й Воткинский полк, который был отведен в тыл для формирования 2-й бригады Воткинской дивизии.

Потеря родных мест и семейных очагов, боязнь за семьи, часть которых осталась во власти мстительного врага, неизвестность, что предстоит дальше, — всё это отразилось на настроении Ижевцев и Воткинцев. Удары судьбы не проходят даром, вызывают падение духа и выливаются наружу в тех или иных формах. Началось расхождение между Ижевцами и Воткинцами, до сего времени совместно и дружно боровшимися с красным гнетом.

Раскол появился среди старших чинов и потом распространился вниз. Отсутствие начальников, которые обладали бы неоспоримым авторитетом и могли бы сразу остановить зачатки взаимного недоброжелательства, привело к тому, что недовольство друг другом продолжало углубляться. Начались упреки в несправедливом распределении захваченных у противника

орудий и другого имущества, в неправильном расходовании денежных средств, в отказе помочь в бою артиллерийским огнем и т. д.

Большое недовольство, главным образом у Ижевцев, вызвал приказ из штаба армии с перечислением целого ряда обязанностей, нарушение которых будет караться расстрелом. Приказ заканчивался указанием, что те, кто не согласен подчиниться дисциплине в указанных рамках, могут уходить обратно домой. Приказ, имевший целью поднять дисциплину, был явно плохо обдуман и неудачен. По свидетельству одного из старших командиров Ижевцев, этот приказ вызвал негодование среди рабочих-бойцов, добровольно поднявшихся против насилия большевиков, самоотверженно отдавших все силы на борьбу и понесших большие и кровавые жертвы.

Разбираться в правильности, справедливости или необоснованности этих взаимных обвинений теперь не приходится и невозможно. Результат же был тот, что командующий Ижевцами штабс-капитан Журавлев увел подчиненную ему бригаду в район Уфимского корпуса.

По мнению Ижевца М. Д., внимательно наблюдавшего за всем происходившим, Журавлев сделал это, чтобы избежать недоразумений и, возможно, столкновений. Ему казалось, что взаимная неприязнь начала заходить очень далеко, и можно было опасаться, что горячие головы не остановятся перед пролитием братской крови, что был даже заговор убить капитана Юрьева, но этого не произошло, потому что Юрьев не появлялся в районе Ижевцев.

С уходом Ижевцев в район Уфимского корпуса их совместный с Воткинцами путь борьбы с красными временно разошелся: первые дрались в рядах Западной (позднее 3-й) армии, а вторые — в Сибирской (потом 2-й Сибирской) армии.

Только в Забайкалье поредевшие в тяжелых походах ряды Ижевцев и Воткинцев, сведенные в полки, в конце 1920 года вновь встретились и дружно продолжали бороться со своим смертельным врагом.

Уходя в район Уфимского корпуса и бросив боевой участок, штабс-капитан Журавлев не предупредил об этом Воткинцев. Самовольный уход с позиции не может иметь оправдания, но указанные выше обстоятельства говорят о том, что это было

сделано не без причины. Что же касается того, что Журавлев не предупредил об уходе штаб Воткинской дивизии или ближайшую часть, то это нельзя рассматривать иначе, как предательство. Это отразилось на устойчивости положения Воткинцев и облегчило красным форсирование реки Камы, к этому времени уже покрывшейся льдом. Воткинцы были вынуждены, под нажимом переправившегося через реку противника и под угрозой удара с севера, начать отход со своего выдвинутого вперед участка на восток.

После переправы через реку крупный красный отряд, проделав в два дня большой переход, занял деревню Зипоново и оказался в тылу Воткинцев за левым флангом их 2-й бригады. Навстречу был брошен 4-й полк под командой штабс-капитана Болонкина, который задержал дальнейшее продвижение красного отряда. Это дало возможность Воткинцам и всем беженцам, двигавшимся с ними, благополучно выйти из задуманного красными окружения. Установив связь с Сибирской армией, Воткинская дивизия заняла участок на ее левом фланге, в 40 верстах к западу от города Красноуфимск.

В районе Уфимского корпуса Ижевская бригада была расположена по селам и деревням, примерно в 170 верстах к северо-востоку от г. Уфы. Здесь Ижевцы испытывали большие лишения от наступивших незимних холодов. Их собственное интендантство не могло достать обмундирования. Некоторые покупали теплые вещи сами, некоторым помогали крестьяне, — другие мерзли или промышляли тем, что плохо лежало. Последний способ был исключением, но жалобы пострадавших доходили до высших штабов сильно преувеличенными. С другой стороны, тяжесть пережитой борьбы и кровавых потерь, неспособность молодого и неопытного командного состава наладить внутренний порядок, толкали на желание забыть тягости жизни с помощью спирта и самогона.

В Первом Ижевском полку, стоявшем в отдалении от остальных частей бригады, командиру полка удавалось поддерживать дисциплину и порядок на значительной высоте. В остальных частях дело это страдало в большей или меньшей степени, в зависимости от качеств командиров. Худая слава о бригаде всё увеличивалась. На боевые качества и моральную устойчивость Ижевцев, как упорных и непримиримых врагов «большевизма»,

казалось, никто не хотел обратить внимания и использовать для общего дела.

Крепость своей спайки, любовь к Родине и ненависть к ее поработителям Ижевцы вскоре доказали, когда власть от Директории, не сумевшей справиться с вопросами государственного управления, перешла в руки адмирала Колчака. Командовавший бригадой штабс-капитан Журавлев, ставленник эсеров, на собрании офицеров бригады решавших, что делать дальше и за кем идти, был на стороне устраненной Директории.

За ним никто, кроме двух его сообщников, не пошел. Эсеровское руководство полностью доказало свою несостоятельность во время защиты заводов, и это все помнили. Непродолжительное обсуждение — «за кем идти?» — закончил молодой прапорщик Ермаков, который громким голосом сказал: «Пойдем за Колчаком, — больше толку будет!» Все, кроме Журавлева, согласились. «Устами младенца глаголет истина», — вспоминал об этом капитан Зуев, вскоре занявший пост командира бригады.

Весь состав Ижевской бригады спокойно принял решение. Ижевцы вступили в ряды Белых армий, где — хорошо или плохо — политические вопросы стояли на заднем плане, а на первое место выдвигалось уничтожение большевицкого ярма.

В лице адмирала Колчака все видели честного русского человека, доблестного солдата и патриота России, для которого благо Родины было выше всего. Через несколько дней штабс-капитан Журавлев со своими приверженцами, захватив 2 миллиона рублей, скрылся из бригады. По сведениям из штаба армии, его последним днем командования бригадой было 13 декабря. Розыски его успехом не увенчались, — по некоторым данным, он перешел на сторону большевиков.

* * *

В начале января 1919 г. была сформирована Западная армия, в состав которой вошел Уфимский корпус и расположенная в его районе Ижевская бригада.

Жалобы на поведение чинов бригады заставили командуемого армией генерала Ханжина назначить инспекцию. Был послан генерал Тиманов. Плохо питавшиеся, мерзнувшие

и скучающие от безделья Ижевцы обрадовались: наконец-то кто-то о них вспомнил! Для встречи инспектора Ижевцы тщательно подготовились. Весь состав бригады выстроился на большой площади села стройными рядами. Раздалась команда для встречи, и винтовки четко звякнули «на караул». Генерал Тиманов поздоровался и услышал громкий, отчетливый солдатский ответ. Он обошел ряды, осматривал внимательно одежду и обувь, разговаривал. Странное впечатление производили ряды Ижевцев. Стояли как будто хорошо обученные солдаты, но были пестро одеты — в пиджаки, в пальто, некоторые в шинели, в полушубки... На головах картузы, кепки, фетровые шляпы, папахи... На ногах сапоги, штиблеты, валенки или башмаки с обмотками. Большая часть одежды обтрепана, заштопана, в заплатках, давно отслужила все сроки...

Больше всего внимание генерала Тиманова привлекли глаза Ижевцев. Он проходил по фронту, и тысячи глаз провожали его. Но это не было заученное казенное «ешь начальство глазами». Старого царского служаку нельзя было обмануть. Эти глаза говорили, и генерал понимал, что они говорили: «Мы знаем, кто наш враг! И мы хотим с ним встречи!»

Генерал Тиманов доложил обо всем виденном, считая необходимым, прежде всего, одеть Ижевцев, наладить регулярное питание и дать опытного боевого командира. Он вынес убеждение, что бригада будет отлично драться. Особенно он подчеркивал то впечатление, которое произвели на него глаза Ижевцев — их прямота, смелость и решительность.

Через Уфимский корпус Ижевцы начали получать обмундирование и налаживать правильную доставку продовольствия. Были получены походные кухни. От Уфимского корпуса Ижевская бригада должна была получить и нового начальника.

* * *

К тому, что было уже сказано, — как в Ижевских и Воткинских частях было встречено известие о вступлении адмирала Колчака на пост Верховного Правителя, — следует добавить подробности, полученные от одного Воткинского офицера. Он присутствовал на собрании, которое капитан Юрьев созвал после получения известия об изменениях в верховной власти.

На это же собрание были приглашены также Ижевцы. Капитан Журавлев, видимо, через партийные круги получивший сведения раньше, и, как уже говорилось, пытавшийся повести Ижевцев против адмирала Колчака, на собрание не пошел. Туда отправилось несколько Ижевцев, во главе с капитаном Зуевым.

Среди Воткинских офицеров находились два моряка (в том числе строитель моста через Каму — капитан первого ранга Вологдин). Оба морских офицера рассказывали Воткинцам об адмирале Колчаке, о его любви к родной стране и к морской службе. Один из них был вместе с адмиралом в полярной экспедиции, и его интересные рассказы захватывали слушателей, заставляя их с уважением относиться к неизвестному им, но выдающемуся и славному адмиралу.

Когда капитан Юрьев объявил о вступлении адмирала Колчака на пост Верховного Правителя, Воткинцы дружно ответили на это громовым «ура». Ижевцы тут же сообщили, что у них уже было собрание и что они постановили идти за адмиралом Колчаком.

Этот рассказ указывает, что сведения об изменениях в организации Верховной власти дошли раньше того времени, когда капитан Журавлев увел Ижевцев в район Уфимского корпуса.

15. Новые командиры

После включения в состав армий Восточного фронта, у Ижевцев и Воткинцев были произведены изменения в командном составе. Как указывал инспектировавший Ижевскую бригаду генерал Тиманов, Ижевцам необходимо было назначить опытного боевого начальника. Его выбор определил весь будущий путь службы и боевой деятельности Ижевцев. На должность начальника Отдельной Ижевской Стрелковой бригады был назначен командир 32-го Прикамского полка, полковник Молчанов.

Трудно было сделать более правильный выбор. Судьба послала доблестным Ижевцам выдающегося командира. В сплоченной однородной Ижевской бригаде, уже прошедшей часть своего тяжелого крестного пути, новый командир являлся

посторонним человеком. Несмотря на предупреждение о приезде, никто не вышел его встречать, когда он поздно вечером приехал в расположение бригады. Прежний командир со своим начальником штаба уехали раньше, не сдав должностей. Знавшие о приезде полковника Молчанова командиры частей не показывались из своих квартир, полагая, что они будут смещены со своих должностей. Другие еще не знали о его приезде.

Случайно попавшийся на улице села комендант штаба поручик Саламатов отвел квартиру. Встреча нового командира не была доброжелательной. Командир Первого Ижевского полка поручик Михайлов, не извещенный о приезде полковника Молчанова, так вспоминает о первой встрече:

«Конечно, командиры полков ожидали смещения с должностей, и я был к этому готов. Генерал Тиманов нам уже дал понять, что мы слишком молоды и что будут наверно присланы более опытные командиры. Вскоре по приезде к нам нового командира бригады я приехал в штаб бригады, явился и доложил: “По Вашему приказанию явился!” Полковник Молчанов удивленно посмотрел на меня и сказал, что не вызывал меня. Подаю записку. Он читает и улыбается. Говорит: “А вы число посмотрели?” Дает мне. Смотрю, — а дата старая. Итак, по ошибке я попал к новому командиру. “Ну, вот и прекрасно, что пришли. Мы с вами побеседуем”. Справился о моем семейном положении и, узнав, что у меня никого нет, сказал: “Вы незаменимый человек для военной службы!” Потом сообщил мне, что на должности командиров частей у него есть много предложений опытных офицеров в больших чинах, и что будут новые командиры полков назначены им, но он дает слово, что мы, то есть я и Ляпунов (командир 2-го Ижевского полка), останемся на должностях помощников, на что я ответил: “Готов хоть ротой командовать”. Весь разговор помню слово в слово. Так что было уже заранее решено нас сместить. А не сместил нас командир бригады потому, что в первых же боях мы оказались на должной высоте».

Полковник Молчанов начал быстро приобретать доверие и любовь, одновременно будучи очень требовательным. Этого не легко было достигнуть от Ижевцев. Прошедших военную службу было немного. Остальных сделало бойцами восстание. Много особенностей наблюдалось в бригаде.

В боях Ижевцы действовали смело и дружно, признавали власть начальников и исполняли их приказы. Вне боя отношения менялись. Начальник обращался в Ивана Ивановича или просто в Ваньку, как было на заводе. Только командиры полков и соответствующие им по должности пользовались большим уважением, и к ним обращались не по чинам, а по занимаемой должности — «господин полковник».

Приказы вне боя вызывали обсуждения и пререкания. Сторожевая служба, когда противник не был поблизости, неслась неисправно, — часовые уходили с постов погреться или попить чайку. Ответы Ижевцев отличались своеобразием. Например, новому начальнику бригады отвечали «Ваше Высокоблагородие». На вопрос: почему? — «хотим по старинке». В ответ на благодарность к уставному «рад стараться!» прибавляли: «и охота есть!»

Нелегко было переучить такое войско, заставить исполнять приказы без рассуждения и нести сторожевую службу строго по уставу. Обычные меры наказаний не принесли бы пользы. Переучивать закаленных в боях бойцов, начиная со «словесности», было нелепо. Нужно было постепенно и упорно внедрять в сознание Ижевцев, начиная с их начальников разных степеней, необходимость для внутреннего порядка и для успеха в бою, поддерживать строгую дисциплину и выполнять все требования устава.

Это и начал полковник Молчанов проводить в жизнь.

Свое родное гнездо Ижевцы отстаивали, защищаясь на позициях среди хорошо знакомой местности и действуя «фронтами», состоящими из отдельных рот. Для маневренной войны в поле, с быстро меняющейся обстановкой, подобная организация и упрощенный образ действий были неприменимы. На первых же трех переходах к новому расположению полковник Молчанов разбил бригаду на два отряда, направил их по двум дорогам и дал двухстороннюю задачу на параллельное преследование. Далее — другие задания.

Обучение требовало много лишних движений на разведку, охранение и разворачивание для боя и делало переходы много утомительнее. Но Ижевцы с большим вниманием относились к этим учениям, к их разбору и указаниям опытного командира и не жаловались на усталость. Учения вызывали явный интерес, и это закладывало прочный фундамент для будущих побед.

Особую систему пришлось применить к привычке обсуждать приказы. Этому новый командир не выносил. Он обрушивался на непокорного таким потоком крепких слов, что тот быстро бросался выполнять приказ, однако, часто с ворчанием: «Ну и командир попался! Ты ему слово, а он тебе десять!»

Более близкое знакомство Ижевцев с их командиром произошло в наступивших в начале марта боях.

Горячая любовь к Родине и ненависть к ее врагам сближали и роднили Ижевцев с их командиром. В своей борьбе на заводе Ижевцы потеряли всё. Только винтовки, выделанные ими самими, сжимались в их крепких руках, и им они вручили свою дальнейшую судьбу. Столь же решительно, не признавая никаких колебаний, вступил в борьбу с красным гнетом полковник Молчанов. Под его водительством, сначала непосредственным, а потом в составе находившихся под его командой корпуса и армии, боевой путь Ижевцев обратился в ряд стремительных наступлений, упорных защит позиций, тяжелых боев в арьергардах и пробивания дороги в долгом отступлении во время Сибирского ледяного похода и последующей борьбы в Забайкалье и Приморье.

* * *

В Воткинской дивизии было много перемен на командных должностях. Капитан Юрьев, пользовавшийся любовью и авторитетом у Воткинцев, оставался после переправы за Каму начальником дивизии недолго. В январе он был отозван в тыл по неизвестной причине. Однако, явившись Верховному Главнокомандующему адмиралу Колчаку, он был произведен за руководство восстанием в полковники и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В марте или апреле он вернулся в дивизию и вступил в командование. На этой должности он пробыл до боев на реке Ишим, то есть до октября 1919 г., после чего был устранен, по имеющимся сведениям, за то, что отказывался отступать дальше на восток.

Перемен среди командиров отдельных частей в дивизии было много, и полных сведений собрать не удалось. Командир 3-го Сайгатского полка — храбрый и энергичный полковник Жуланов был переведен на должность помощника команди-

ра 4-го Воткинского полка, которым командовал полковник Вольский — совершенно новый в дивизии офицер. Полковник Вольский командовал полком очень недолго. Бывший командир 4-го полка, доблестный штабс-капитан Болонкин, коренной Воткинец, был тяжело ранен 1 января и эвакуирован во Владивосток. Вернувшись в дивизию в июне, он получил в командование батальон.

По-видимому, выдвижения на должности в Воткинской дивизии носили случайный характер и не были в соответствии с заслугами назначаемых офицеров.

16. Наступление к Уфе

Мартовское наступление было первым испытанием для Ижевцев в новых боевых условиях. Перед наступлением был получен приказ Командующего Западной армией генерала Ханжина, специально обращенный к ним. Не доверяя Ижевцам и сомневаясь в их желании сражаться против красных, генерал Ханжин решил поднять их боевое настроение и указывал в приказе, что наступление наших сил приведет к освобождению Ижевска, и они будут туда немедленно отпущены.

Этим приказом генерал Ханжин исключал Ижевцев из числа добровольцев, обязанных служить до конца. Ижевцы попадали в положение каких-то временно обязанных, которым разрешалось принять участие в военных действиях, но от которых было желательно избавиться. Неосторожное и ненужное обещание генерала Ханжина Ижевцы крепко запомнили.

Несмотря на донесения полковника Молчанова, что настроение у Ижевцев превосходное и они с нетерпением ждут приказа о наступлении, генерал Ханжин продолжал сомневаться до последнего дня. Накануне наступления он приказал полковнику Молчанову прислать ему краткую условную телеграмму: «пойдут» или «не пойдут». Хорошо уже изучивший своих подчиненных и вполне уверенный в них, полковник Молчанов без колебаний ответил: «Пойдут».

6 марта 3-й Уральский корпус, которому была придана Ижевская бригада, начал наступление из пункта сосредоточения на юг, в направлении на г. Уфу. Ижевцы рвались в бой. В первые

же дни они разгромили красных, бывших перед ними, и начали неотступное преследование. Враг не выдерживал ни одного удара. Если он был силен с фронта, обход с фланга или в тыл, обычно по глубокому снегу, решал участь боя. Во время атаки одной деревни батальон бросился в незамерзшую горную речку и по горло в ледяной воде атаковал противника. Только выбив врага из деревни, бойцы пошли в избы сушить свою одежду, обратившуюся в ледяную кору.

Пленные красноармейцы говорили, что не могут понять, как белые способны так быстро атаковать по глубокому снегу. У них прошел слух, что их противник движется на паровых лыжах.

«Не успеваю следить за орлиным полетом молодецкой бригады» — начинает свой приказ командир Уральского корпуса генерал Голицын. Ежедневно было 3—4 боя. Наступавшие рядом соседи начали отставать. Через семь дней бригада подошла на полперехода к городу Уфе. Здесь на фронте деревни Подымалово — Красный Яр произошли последние бои перед захватом Уфы. 13 марта 1-й Ижевский полк получил задачу выбить красных из деревни Подымалово, а Второй — из села Красный Яр. Второй полк встретил упорное сопротивление у села Красный Яр, но после двухчасового боя выбил красных из этого села.

Бой 1-го полка у деревни Подымалово был проведен быстро и очень удачно и посеял большую панику у красных в Уфе, которые поспешно оставили город. Подробности этого боя заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Деревню Подымалово, находившуюся в 12 верстах от Уфы, занимал 229-й стрелковый полк 26-й красной дивизии. Полк был совершенно свежий, видимо державшийся в резерве для отпора противника у самой Уфы. Он насчитывал более 1500 бойцов и укрепился около деревни. Красные были так уверены, что им удастся отбить наступление белых, что весь обоз держали в самой деревне.

Утром 13 марта 1-й полк, ночевавший в дер. Камышонка, начал наступление двумя батальонами: 2-м с фронта и 3-м в обход правого фланга противника, угрожая отрезать его от Уфы. Первый батальон был в резерве. Полку был придан один эскадрон Конного дивизиона и батарея из четырех трехдюймовых орудий.

Когда 2-й батальон развернулся и начал наступление цепями, подойдя на одну версту к противнику, из дер. Камышонка прискакал ординарец и доложил командиру полка, что эту деревню, где были оставлены хозяйственная часть и обоз полка, захватил коммунистический отряд, появившийся со стороны села Красный Яр.

Командир полка решает сначала выполнить задачу и разбить противника в дер. Подымалово, а потом действовать против врага, появившегося в его тылу. Но нужно ускорить выполнение задачи.

Батарея отдается приказ выдвинуться в цепи пехоты на открытую позицию и открыть усиленный огонь. 1-й батальон усиливает цепи 2-го батальона, эскадрону и конной разведке приказано приготовиться к атаке.

Ижевцы, увидев пушки в своих цепях, не дожидаясь команды, побежали вперед с криками «ура». Командир полка во главе конных бросился вдоль дороги в атаку. Участник боя вспоминает:

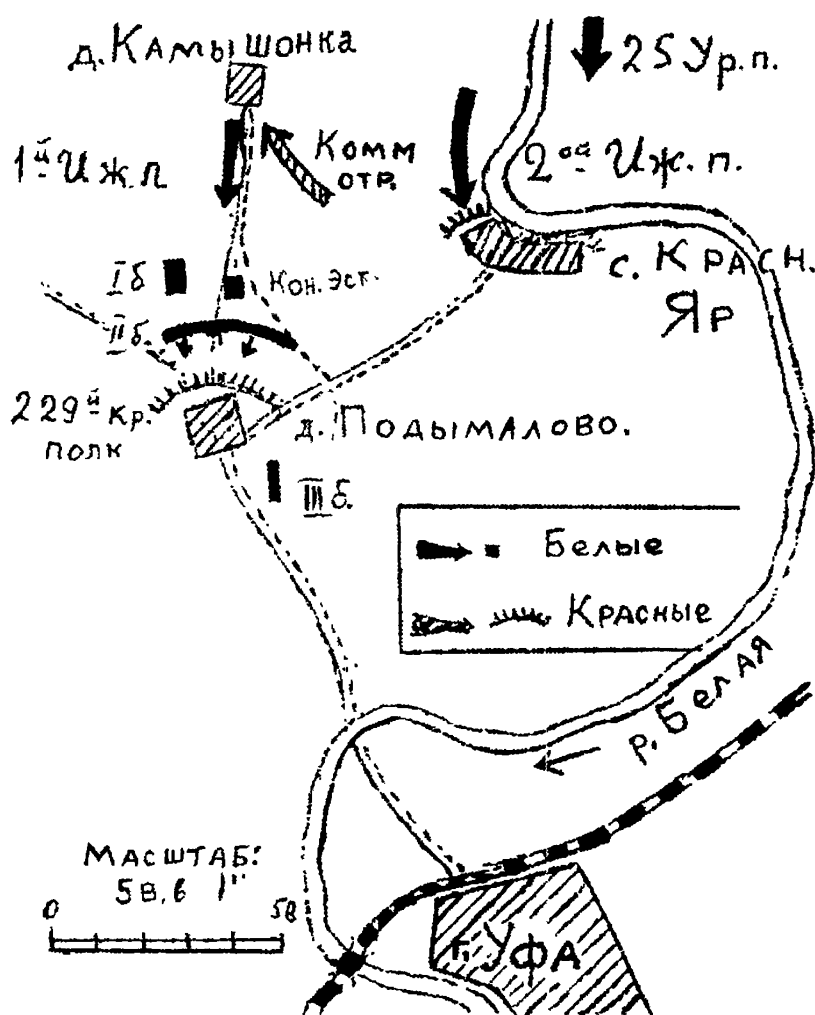

Схема № 5. Бои под Уфой 13 марта 1919 г.

«Что получилось, — трудно описать. У Ижевцев неопи- сываемый подъем. Воля противника подавлена. Красные бегут на Уфу. Снаряды точно ложатся на дорогу и бьют бегущих. Конные доскакали до красных и остановились на момент, — своя же артиллерия преградила дорогу. Артиллерия прекращает огонь и мчится в Подымалово. Противника преследуют на 5 верст в сторону Уфы. Красноармейцы с поднятыми руками возвраща- ются обратно и толпами сдаются».

У Подымалова было взято в плен 1280 человек, в том числе командиры всех трех батальонов, несколько комиссаров, захва- чено 16 пулеметов и весь обоз 229-го полка с большим количест- вом патронов, запасов обмундирования и обуви, продуктов и фуража. Успел бежать в Уфу командир полка с небольшой горст- тью своих бойцов. Разгром красных произошел очень быстро и с небольшими потерями в Первом Ижевском полку.

Когда наш успех был налицо, командир полка послал две роты на дер. Камышонка, которые выбили оттуда отряд коммунистов и освободили наших пленных. Отличные дейст- вия всего состава 1-го полка и приданных ему артиллерии и конницы в бою у Подымалова не являются исключением. Они выказывались Ижевцами не раз в течение операции в эти дни мартовского наступления. Но здесь также обращает на себя внимание мужественное решение командира полка, сначала всеми силами разгромить главные силы врага и выполнить поставленную задачу, а потом уже заняться противником, прорвавшимся в тыл и захватившим полковой обоз. Решение, доступное военачальнику высокого класса, обладающего вер- ным глазомером и твердой волей.

В то время, когда шли бои у Подымалова и села Красный Яр, конный разъезд Ижевцев проник к железной дороге западнее Уфы и включил телефон в провода, по которым красные в городе вели разговоры со своим тылом. Выяснилась полная паника в рядах красных и растерянность среди их командного состава.

Полковник Молчанов донес об этом генералу Голицыну и просил разрешения атаковать Уфу с запада. Уфа не входила в по- лосу наступления Ижевской бригады, но создавшаяся обстановка паники у противника и успешного движения бригады впереди остальных частей корпуса давали возможность использовать положение и захватить город ранее намеченного срока.

Но честь захвата Уфы должна была принадлежать, по заранее разработанному плану, шефскому Уральскому полку, наступавшему левее Ижевцев. Генерал Голицын отказал полковнику Молчанову в его просьбе, а вместе с тем просил и молил не атаковать Уфу. Уфа была захвачена позднее, чем это было возможно. Но 25-й Уральский полк, вошедший в город с севера, должен был разделить свои лавры с частями 2-й Уральской дивизии, наступавшими с востока и вошедшими в город одновременно с северной колонной.

Первые боевые действия Ижевцев в составе Западной армии, под блестящим руководством полковника Молчанова, показали превосходное качество бригады и получили общее признание.

Также вполне оправдалось желание начальника бригады не торопиться с заменой молодых и, как предполагалось, неопытных начальников в малых чинах более опытными офицерами с авторитетом прошлых заслуг.

Гражданская война имеет особенности и в том числе предъявляет свои требования к командному составу. Борьба идет не для защиты Родины от нападения внешнего врага, а, в коротких словах, ведется за установившиеся государственные и общественные порядки против новых, обычно разрушительных идей.

Настроения борющихся масс меняются, и «перелеты» из одного лагеря в другой — обычное явление. Начальнику мало иметь авторитет, хотя бы и вполне заслуженный. Необходимо получить полное доверие от своих подчиненных, и тогда моральная устойчивость будет сильна. Не только при временных неудачах, но даже и при крушении всей борьбы, рядовой состав армии идет до конца за начальником, заслужившим доверие, и готов на предельные подвиги и самопожертвование.

Молодые командиры Ижевских частей выдвинулись на свои посты ходом событий — «война родит героев». Для выяснения вопроса об их «неопытности» полковник Молчанов дал им возможность показать свои способности управлять боем. Он действовал здесь очень осторожно и осмотрительно и не ошибся. Поэтому, хотя командир 1-го полка и получил предупреждение, что он может быть заменен, — теперь, когда он блестяще выдержал экзамен, в этом отпадала необходимость.

Поручик Михайлов с большим искусством командовал своим полком и прошел с ним весь Сибирский поход до Забайкалья. Командир 2-го полка поручик Ляпунов хорошо руководил боевыми действиями полка и был вполне на своем месте. Он был тяжело ранен в октября на реке Тобол и умер через несколько дней.

Командир артиллерийского дивизиона поручик Кузнецов оказался выдающимся артиллеристом. Его любили в бригаде за своевременную поддержку в бою и ценили необыкновенную способность точно и быстро определять расстояние до целей. Он часто открывал огонь на поражение без пристрелки.

Единственным начальником, оказавшимся не вполне на месте, был командир Конного дивизиона. Он был заменен командиром эскадрона прапорщиком Багианцем. По происхождению турецкий армянин, он прибыл на завод для закупки винтовок, но события в России и восстание на заводе лишили его возможности вернуться на родину. Он быстро овладел русским языком, принял горячее участие в восстании и отличался большой смелостью, хотя и не всегда правильно разбирался в обстановке. С Ижевцами он провел все походы и с ними же отступил в Китай. При нападении хунгузов на ресторан в городе Сан-Син на реке Сунгари, где он работал, Багианц уложил из револьвера несколько грабителей. Когда он был ими убит, разъяренные хунгузы распоролы ему живот и обмотали убитого его же кишками.

17. «Спасите Уфу!»

14 марта Ижевская бригада была выведена в резерв в район ст. Чишма. В конце марта красные одновременным наступлением с запада и юга сделали попытку отобрать Уфу. С запада удар красных был отбит частями Уфимского корпуса.

Сюда противник потеснил малочисленные части 12-й Уральской дивизии и подошел на один переход к Уфе. Сюда уже перешел штаб Западной армии и многие тыловые учреждения. Уфа была под угрозой захвата.

Генерал Ханжин двинул на защиту города Ижевскую бригаду и вызвал в штаб полковника Молчанова: «Спасите Уфу!»

Надежда только на вас!» Полковник Молчанов обещал отстоять Уфу, но потребовал патроны, запас которых до сих пор не был пополнен. Патроны были обещаны (см. схему № 6).

Рано утром 30 марта Ижевцы атаковали красных и выбили их из ближайших занятых ими деревень. Первый полк двумя батальонами захватил в 6.30 ч. утра деревню Ново-Киевка, а обходивший справа 3-й батальон прапорщика Ложкина, не найдя дороги на деревню Ново-Киевка, атаковал дер. Романовка, занятую силами красных, значительно превышавшими силы его батальона в 600 бойцов. Поручик Михайлов насчитал у красных 3 000 штыков.

Батальон Ложкина ходил в атаку, забросив винтовки за плечи, а в руках бойцов сверкали ножи. На красных это производило большое впечатление. Они бежали, но батальон понес потери до ста человек.

Получив подкрепление, красные готовились перейти в контратаку. К деревне (Петряево?), из которой они наступали,

Схема № 6. Приблизительное расположение населенных пунктов в боях под г. Уфа 30–31 марта 1919 г.

подходили с юга, со стороны г. Стерлитамака, всё новые колонны, что отлично было видно из дер. Ново-Киевка.

Артиллерия их стреляла очень метко. Один снаряд разбил на куски пулемет и убил семь человек. Батарея, приданная полку Ижевцев, выехав на открытую позицию, немедленно была обстреляна красной артиллерией. Снаряды ложились у самых пушек, и батарея должна была отойти на закрытую позицию.

Последние патроны вышли, а пополнение не было доставлено. Командир полка посылает запрос Ложкину, нет ли у него патронов, а в это время Ложкин просит дать патроны ему. Красные настойчиво продвигаются, но штыковых атак не принимают.

Позиции у деревень Н.-Киевка и Романовка были неудобны, и командир полка приказал отойти к деревне, откуда началась атака утром. (На схеме отмеч. «А».) Отходили в полном порядке, подбирая всех раненых. У деревни залегли около поскотины, закопались в снег и ждали красных. Один разъезд в 7 всадников попал в плен к противнику. Обозленные за свои неудачи красные порубили пленных на куски.

Эскадрон, прибывший на усиление, поделился своими патронами. Стрелки получили по две обоймы. Подъехал командир бригады. Командир полка доложил обстановку и предложил для захвата брошенных деревень, за отсутствием патронов, дожидаться ночи и в темноте окружить красных. Если же необходимо — наступать немедленно.

Полковник Молчанов приказал наступать немедленно.

Поручик Михайлов отдал приказ двигаться без выстрела, равняясь по передним. Огонь открыть только по его приказу.

Участник боя вспоминает: «Наступление вели под сильным огнем противника. Падают убитые и раненые. Вот закачался командир 2-го батальона прапорщик Ермаков и упал, тяжело раненый в пах. В снегу наступать трудно, но цепи идут всё быстрее и быстрее. В ста шагах от красных приказ остановиться, передохнуть и выпустить по одной обойме. Открыли огонь и бросились без команды вперед с криком «ура!». Красные бежали, оставив нам драгоценный трофей — 20 подвод с патронами».

Прапорщик Ложкин вновь атаковал Романовку и взял ее в 13 часов, получив поддержку и патроны от 25-го Уральского полка.

Во 2-м полку также были большие успехи. В 8 часов занята деревня Бекетово, расположенная на тракте Уфа—Стерлитамак, и в 9.40 ч. — деревня Ибрагимово.

Красные оказывали упорное сопротивление, но большой подъем духа у Ижевцев и их стремительность в атаках заставляли противника быстро сдавать позиции, несмотря на их превосходство в силах.

Наши потери были сравнительно невелики. За этот день 1-й полк потерял убитыми и ранеными (оставшиеся в строю раненые в счет не вошли) 122 офицеров и бойцов, 2-й — 102 и Конный дивизион — 2; и 7 человек попали в плен и были зарублены.

Подъем духа Ижевцев был на необыкновенной высоте. Они шли в бой как на праздник, — с песнями и гармошками. Оставила по себе память любимица бригады — гимназистка Лидия Попова. Она работала сестрой милосердия, отличалась храбростью, смело ходила в опасные разведки, всегда перевязывала раненых в передовых цепях. Сначала она была в 1-м полку. Во время одного боя перед Уфой батальон Ижевцев попал под сильный, но плохо руководимый огонь противника. Был получен приказ — ждать результатов обходной части. В цепи появилась Лидия Попова. «Есть раненые?» — «Нет!» Подбежала к другой группе: «Есть раненые?» — «Нет». У третьей группы тот же вопрос и тот же ответ. «Так чего же вы лежите? За мной!» И она бросилась к деревне, занятой красными. Батальон за ней, — деревня была взята. Попова ранена в ногу. План командира нарушен, но «победителя не судят». Лидия Попова получила Георгиевский крест 3-й степени и после выздоровления вернулась в полк.

Эта смелая гимназистка отличалась не только своей лихостью, но была также очень привлекательной — всегда веселая и бойкая, и, само собой разумеется, имела много поклонников, которые, впрочем, ее не интересовали. Юнкер Булычев — «отвергнутый» — стрелялся. Чтобы охладить сердца суровых воинов, Попова была переведена во 2-й полк.

При наступлении 2-го полка в описываемых здесь боях Лидия Попова появилась там, где гремели песни, звучала гармошка и свистели пули. Она выскочила перед цепью и начала танцевать. Пулеметный огонь красных перебил ей обе ноги и надолго выбил ее из строя.

К вечеру 30 марта Ижевцы остановили наступление красных на Уфу и отбросили их из нескольких захваченных ими населенных пунктов. Но безопасность Уфы еще не была обеспечена.

Захват пленных и их показания указывали на то, что, кроме 26-й кр. дивизии, здесь действуют подкрепления из 1-й кр. армии. Число вновь появившихся полков определялось в 3—4. Таким образом, в следующие дни Ижевской бригаде предстояли новые усилия отразить попытки упорного и многочисленного врага захватить Уфу.

Между тем обещанные патроны не прибывали. Начальник бригады несколько раз посылал требования об их присылке, а после полудня, когда отсутствие патронов заставило 1-й полк очистить захваченную утром деревню, полковник Молчанов донес командующему армией, что если патроны не будут доставлены, бригада начнет отступление к Уфе.

Запас огнестрельных припасов, очевидно, еще не был подвезен к Уфе, и их стали собирать или отбирать от находившихся поблизости частей и отправлять спешно пачками на городских извозчиках в распоряжение полковника Молчанова. Иногда в санях извозчика было всего 2—3 ящика.

Вечером выяснилось, что 1-й полк захватил патроны у красных при вторичном овладении дер. Ново-Киевка. Захват у противника и начавшийся подвоз патронов из тыла давали возможность продолжать действия против красных. Но командир бригады не хотел тратить усилия на выбивание противника из ряда деревень. Это приводило к потере времени, требовало больших жертв, могло привести к новому недостатку патронов и не давало решительных результатов.

Учитывая высокий подъем духа у Ижевцев и, с другой стороны, неудачи красных, которые не могли не поколебать их наступательного порыва, полковник Молчанов решил разбить противника, нанеся ему удар с тыла.

На 31 марта он ставит задачу 1-му полку продолжать наступление в прежнем юго-западном направлении, очистить от противника район деревень Новое и Старое Мрясево — Нов. Яныбеково и преградить путь отступления на запад главных сил красных, действовавших на Стерлитамак—Уфимском тракте (см. схему № 6).

Со 2-м полком, одним эскадроном, одной пушечной и одной гаубичной батареями полковник Молчанов двинулся ночью из дер. Петряево в обход деревни (на схеме обозначено знаком «?»), куда отступили красные после боев 30 марта.

Цель обхода — захватить следующий пункт — село Ст. Адзит, в котором были резервы противника, отрезать всю их главную группу от Стерлитамака и разбить эту группу.

Для заслона в сторону Уфы полковник Молчанов оставил лишь инженерную роту, приказав ей занять небольшое возвышение к северу от деревни, в которой были красные. На рассвете рота должна открыть усиленную стрельбу из винтовок и пулеметов и привлечь внимание красных. Поблизости были также 25-й и 46-й Уральские полки. Но они не были подчинены полковнику Молчанову, и потому никакой задачи на 31 марта им не ставилось.

Первый полк, начав с рассветом наступление, без боя занял все указанные ему пункты. Обходное движение 2-го полка, проделанное по занесенным снегом полевым дорогам, было тяжелым. Расстояние в 16—17 верст взяло всю ночь, хотя проводники знали местность и добросовестно указывали лучший путь. На рассвете 2-й полк развернулся в тылу красных и повел наступление на село Ст. Адзит, где оказались крупные силы противника.

Красные не ожидали нападения с тыла, но после некоторого замешательства, начали поспешно разворачивать на окраине села несколько цепей, охватывавших фланги Ижевцев.

2-й полк, несмотря на усталость после тяжелого ночного перехода, быстро двинулся вперед, как и накануне, с песнями и гармошками. Картина начинавшегося боя, когда появились большие цепи красных с сильными поддержками позади, вызвало все же сомнение — возможно ли сломить врага явно в превосходных силах. Вместо уверенности в победе встал вопрос: кто в последнем счете окажется победителем.

Полковник Молчанов увидел, что нужно каким-то путем поддержать победный дух у своих и поколебать силу сопротивления у противника. Наша артиллерия удачно обстреливала красных, но этого было мало. В резерве оставался только один эскадрон под командой прапорщика Багиянца.

Полковник Молчанов приказал эскадрону атаковать центр расположения противника, прорваться в деревню и оттуда

обстрелять цепи красных с тыла. Прапорщик Багиянц, обычно исполнительный и храбрый офицер, увидев, что ему надо проскочить через две или три цепи противника, заколебался и стал возражать.

Полковник Молчанов вскипел, сам скомандовал «по коням!», указал направление и приказал атаковать. Впереди полетел командир эскадрона, за ним его лошадь нахлестывал командир бригады, и за ними летела лава. Эскадрон врубился в цепи красных, внес в них беспорядок, проскочил в деревню, где метались в панике красноармейцы, захватил две пушки в полной упряжке и 10 пулеметов. Часть спешенных всадников открыла из своих и нескольких захваченных пулеметов огонь вдоль улиц и по цепям противника.

Пехота Ижевцев подходила к деревне. Красные обратились в бегство. Оставив в руках Ижевцев указанные пушки и пулеметы, значительную часть своих обозов и много пленных, они бежали в лес, на запад и по занесенным лесным дорогам, избегая деревень, проскочили мимо 1-го полка.

Паническое настроение красных, бежавших из села Ст. Адзит, распространилось на их части, расположенные в обойденной деревне. С севера их на рассвете обстреляла инженерная рота. Услышав бой в своем тылу, эти части не предприняли никаких действий против инженерной роты и через некоторое время, видимо узнав о бегстве из села Ст. Адзит, тоже бросились на запад. О степени их панического настроения свидетельствует то, что они бросили в деревне весь обоз и 12 орудий. Всё это было обнаружено оренбургскими казаками, вошедшими вскоре в деревню. Впоследствии генерал Сахаров, вступивший в командование Западной армией после ген. Ханжина (в июне), заинтересовался происхождением брошенных красными орудий, произвел расследование и приказал эти 12 орудий считать трофеями Ижевской бригады.

За два дня боев было взято несколько сот пленных от 12-ти красных полков.

В настоящее время из красных исторических источников можно установить, что в контратаке на Уфу 1-я красная армия должна была помочь 5-й кр. армии, выделив из своего состава четыре полка в район Стерлитамака и два на направление станции Чишма (*Н. Какурин. Как сражалась революция, т. 2, стр. 168*).

Комиссар 233-го полка Ваврженкевич (Борьба за Урал и Сибирь, стр. 95—97) [сб., М.: Гос. изд-во, 1926. — *Ред.*] сообщает, что «части 26-й дивизии были подкреплены Южной группой тов. Великанова и уцелевшими частями 27-й дивизии». — В числе полков Южной группы комиссар Ваврженкевич называет полк «Третьего Интернационала», состоявший из мадьяр. Действительно, в бою 30 марта была отрезана одна рота мадьяр в 40 человек и взята в плен. Другой полк этой группы назывался 3-м Бузулукским. Упоминание комиссаром частей 27-й дивизии, возможно, ошибочно, — 27-я дивизия действовала севернее.

Таким образом, показания пленных подтверждены красными источниками, и Ижевской бригаде пришлось 30-го и 31 марта иметь против себя силы противника в 13—15 полков и столкнуться по крайней мере с 12-тью из них, взяв от них пленных. Ижевцы имели около 4 200 штыков, — красные полки в среднем насчитывали не менее 1 000 штыков.

Интересно отметить вывод комиссара Ваврженкевича об этих боях. Противореча самому себе и путая события, не вспоминая, конечно, о панике и брошенном боевом имуществе, он самодовольно пишет (там же, стр. 96): «Но наша дерзость и угроза ст. Чишме настолько обозлила колчаковцев, что они в то же утро бросили против одного нашего полка Ижевскую бригаду, которая целый день безуспешно атаквала нас, а к вечеру перехватила единственные две дороги нашего отступления. Но мы, получив приказ отступить, пробили себе новую дорогу, а противник, оставшись в дураках, злобно глядел на нашу отступающую колонну».

* * *

31 марта всякая опасность захвата Уфы красными миновала. 26-я кр. дивизия начала поспешное отступление на запад, южнее железной дороги Уфа — Самара, а 27-я дивизия, грозившая Уфе с запада, отступала севернее жел. дороги.

Победа над противником, грозившим Уфе с юга, была достигнута необыкновенным подъемом духа Ижевцев, что использовал полковник Молчанов в рискованном, но блестяще проведенном маневре.

Быстрый и решительный успех был встречен в Уфе, жившей несколько дней в напряженной тревоге и с нетерпением ожидавшей каждое донесение о ходе боев, с большой радостью. Офицер штаба армии поручик Арнольд в этот же день набросал стихи о подвигах Ижевцев. Про бои под Уфой он написал такие строки:

Кто не слышал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой!
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец — русский рабочий простой!

Это стихотворение стало походной и боевой песней Ижевцев (см. стр. 315).

18. Преследование

Деморализованные красные части отступали большими переходами по 25—30 верст в сутки, пробуя оторваться от преследования.

Но полковник Молчанов не дает им уйти безнаказанно. В течение нескольких дней удавалось нагонять и наносить поражение их арьергардам. Преследование носило стремительный характер. Поддерживать правильную связь сделалось невозможным, и пришлось ограничиться посылкой в тыл донесений о движении бригады и достигнутых успехах. Приказы по бригаде начинались такой ориентировкой: «Противник продолжает отступать. Третий (четвертый, пятый...) день не имею связи с тылом и соседями. Завтра «день» апреля приказываю 1-му Ижевскому полку преследовать противника по направлению...; 2-му Ижевскому полку...»

Верховный Правитель адмирал Колчак, при встрече с полковником Молчановым несколько позднее, обнял и поцеловал его и сказал: «Я читал Ваши приказы, следил по карте за вашим движением с большим волнением и переживал всё, что пришлось вам пережить на деле».

Из отдельных эпизодов этого преследования выделяется случай окружения и уничтожения одного красного полка. После большого перехода, 2-й Ижевский полк догнал поздно ночью

полк противника, расположившийся на ночлег в деревне, которая находилась в лощине. Обнаружив красных, Ижевцы без шума сняли заставу красных и окружили деревню.

Поручик Ляпунов приказал отрезать все пути отступления, выставить пулеметы и подождать рассвета. Когда красные начали просыпаться и готовиться к выступлению, — заговорили 24 пулемета. Без особого сопротивления деревня была взята. Много было убитых и раненых, остальные поспешили сдаться.

Спасти удалось только бывшему с полком комбригу Эйхе и полковому комиссару. Они бросились в мало заметный проулок и выскочили в поле. Имея отличных верховых лошадей, они быстро скрылись из вида.

При подходе к железной дороге у станции Абдулино (около 180 верст к юго-западу от Уфы) у села Васильевка, которое находилось в 77 верстах от Абдулино, у 1-го Ижевского полка был упорный бой. Васильевка три раза переходила из рук в руки.

По показаниям пленных, на станции Абдулино в бронепоезде был военный комиссар Троцкий. Присутствие его заставляло командиров красных частей проявлять большое упорство, так как Троцкий за слабое сопротивление в бою и за поспешное отступление приказывал расстреливать старших начальников и комиссаров.

Это, конечно, не касалось самого высокого комиссара военных дел. Когда Ижевцы сломали сопротивление красных у села Васильевка, бронепоезд с Троцким поспешно ушел со станции Абдулино.

Красный историк Н. Какурин об этом периоде боевых действий в своей книге «Как сражалась революция» (т. 2, стр. 170) пишет: «...5-я армия, окончательно надорвавшись на этом контрманевре (т. е. попытке отобрать Уфу. — А. Е.)... продолжала свое дальнейшее отступление, причем оно начало носить уже беспорядочный и разрозненный характер...»

«О потере боеспособности частями 5-й армии в результате упорных и напряженных боев свидетельствует величина суточных переходов ее лучших частей. До 9 апреля 26-я стрелковая дивизия отходила суточными переходами по 20—25 километров, и лишь после этого числа величина ее отходов уменьшается до 12—15 километров».

В одном переходе от г. Бугуруслана (около 250 верст от Уфы) бригаду нагнал 2-й или 5-й Оренбургский казачий полк, вручивший командиру бригады приказ от командующего армией.

Казакам пришлось несколько дней двигаться усиленными переходами по следам бригады, прежде чем они нагнали Ижевцев. По приказу бригаде следовало перейти в район гор. Бугульма в расположение 2-го Уфимского корпуса и находиться в резерве командующего армией.

Полковник Молчанов, явившись к командиру корпуса генералу Войцеховскому, вызвал у него недоуменный вопрос: «Зачем вас прислали сюда? Вы нужны южнее, где красные усиливаются. Здесь я могу собственными силами в любое время выдвинуться к Волге».

Далее генерал Войцеховский пояснил, что его остановка на занимаемой ныне линии вызвана категорическим приказом командующего армией прекратить дальнейшее продвижение. Этот приказ был основан, возможно, на полученных сведениях о сосредоточении крупных сил красных в районе Бузулука для удара с юга в левый фланг успешно наступающей Западной армии. Но тогда тем более непонятной становится переброска Ижевской бригады на север.

В несколько переходов по совершенно испорченным весенней распутицей дорогам бригада перешла к середине апреля в назначенный ей район, около 20 верст к востоку от г. Бугульма. За время с начала наступления 6 марта до середины апреля потери в стрелковых полках бригады убитыми, ранеными и пропавшими без вести составили 37 офицеров и 746 стрелков. Раненые, оставшиеся в строю, в этот счет не вошли. Кроме того, были потери в конном дивизионе и в артиллерии.

Эти потери, несколько превышающие 12 процентов общего боевого состава бригады, нельзя признать большими по сравнению с важностью выполненных задач. Они совсем незначительны по сравнению с потерями противника. Приблизительный подсчет потерь красных в боях с Ижевцами следует считать в 7—8 тысяч, то есть в 9—10 раз больше потерь Ижевцев. Кроме того, взято 14 орудий, до 100 пулеметов, большое количество винтовок и огнестрельных припасов. Необходимо также

отметить, что после первых же столкновений в начале марта красные открывали артиллерийскую стрельбу на предельных дистанциях и затем отправляли свои пушки в тыл, так что захватить их артиллерию было не легко.

19. Воткинцы у Красноуфимска и в Осе

После отхода от берегов Камы к Красноуфимску Воткинцы продолжали заканчивать свои переформирования и одновременно сдерживать напор красных с целью захватить Красноуфимск. Против них действовала 28-я кр. дивизия под командой Азина. Первые дни Воткинцам приходилось очень тяжело, так как у них вышли все патроны. Без боя им пришлось оставить Бикбардинский завод, но когда были получены патроны, они стали делать вылазки в расположение противника силою от роты до батальона. Кроме необходимости разведывать силы и расположение противника, эти вылазки делались с целью охладить активность красных, привыкших делать нападения почти безнаказанно за те дни, когда Воткинцы не имели патронов. В том числе делались вылазки в сторону Бикбардинского и Николаевского заводов.

Воткинцы особенно помнят о большом бое у Бикбардинского завода, но собрать сведения о времени и других подробностях этого боя не удалось. В повести Н. А. Протопопова «Воткинцы» есть довольно подробное описание боя под Бикбардинским заводом, которое вел 2-й Осинский полк поручика Балабанова, под общим руководством командира 1-й бригады капитана Мудрынина. Однако, как время («прошло несколько месяцев»), указание на участие здесь Ижевцев (которые находились на самом деле в районе Уфимского корпуса), продолжительность боя («Прошло около недели. Воткинцы лежали в снегу»...) и т. д., вызывают сомнения, что описание этого боя соответствует действительности. Воткинцы не подтверждают описания многих событий и их подробностей, указанных в этой повести.

С позиции перед Красноуфимском красные не смогли сбить Воткинцев. В феврале они были сменены сибирскими частями генерала Гривина и отведены в резерв. В марте или начале апреля Воткинская дивизия была переброшена в г. Оса (который был взят Сибирской армией в конце декабря), и здесь

дивизия стала готовиться для наступления в недалеком будущем для освобождения родного завода.

20. Освобождение заводов

Части Сибирской армии, продолжая наступление на запад, в конце марта переправились у города Осы через Каму, еще скованную льдом, и 16-й Ишимский полк под командой полковника Метелева был двинут на Воткинск. Потрепанные полки 2-й красной армии не могли сдерживать Сибиряков и под их ударами откатывались.

В день Благовещения (7 апреля по новому стилю), или близко к этому дню, Ишимцы выбили красных из Воткинского завода. В авангарде был 1-й батальон под командой капитана Кожина, который и был встречен радостными восторгами освобожденных от красного террора жителей. Переход красных в контратаку был отбит Сибиряками в непродолжительном бою, в котором принял участие также 3-й батальон Ишимцев.

Вскоре подошли и Воткинцы. Радость одних, горе других встретили их в родных местах. Зверства красных палачей не знали пределов. Не имея возможности отомстить восставшим против них рабочим и крестьянам, они жестоко расправлялись с их семьями, не имевшими возможности отступить за Каму при оставлении завода.

Прибывшие части Воткинцев недолго пробыли в родных местах. Через несколько часов они должны были выступить дальше и гнать красных к реке Вятке. Их наступление было на северо-запад в направлении города Вятка.

Здесь следует оговорить, что время освобождения завода в день Благовещения не совпадает с другими показаниями. Некоторые участники этих событий считают, что красные были выбиты из завода 19 апреля по новому стилю, накануне праздника Св. Пасхи.

* * *

Примерно в эти же дни был освобожден от красных также и Ижевский завод.

Ижевцы стали собираться домой. Это было естественно и понятно. Там на заводе они оставили свои дома и семьи. Доходили слухи о свирепой расправе красных палачей с их близкими, о ежедневных расстрелах. Кто погиб от кровавого террора, кто остался в живых — тревожило и волновало каждого.

Наконец, они имели обещание командующего армией отпустить их домой, как только Ижевск будет освобожден.

Генерал Ханжин имел в виду другое. Убедившись, что Ижевцы являются боевой единицей, способной на сокрушительные удары, он не захотел расставаться с бригадой. Сведения разведки о намечавшемся сборе красных подкреплений заставили быть настороже и опасаться за достигнутые успехи. Генерал Ханжин не придавал большого значения своему обещанию и собирался направить Ижевцев для нового удара на юг, еще дальше от их родных мест.

Нарушение обещания вызвало брожение. Полковник Молчанов хорошо узнал суровый нрав своих подчиненных. Они плечом к плечу могучей стеной шли на врага. Так же дружно и упорно они будут добиваться исполнения данного им обещания. Он донес о тревожном настроении Ижевцев и предлагал, чтобы не разрушать бригаду, отправить ее в полном составе в Ижевск. Там, побывав дома и увидев новые зверства большевиков, Ижевцы с новой силой ударят по смертельному врагу.

Для генерала Ханжина такое предложение означало, что бригада уйдет из его района и его подчинения. Он отверг предложение. Ижевцы собирались самовольно уйти домой. Полетели телеграммы в штаб армии, в ставку и обратно.

Новые требования выполнить приказ, новые обещания отпустить домой, но позднее... В ответ недоверие и подозрение. Дошло до угрозы встретить ушедших Сибирскими войсками и не пустить их в Ижевск.

«Сколько могут выставить против нас? Положим, одну дивизию. Это нам на два часа боя», — говорили Ижевцы.

29 апреля Ижевцы потеряли надежду уйти домой, получив разрешение, и начали самовольный уход. Рота за ротой, в полном порядке, под командой фельдфебелей или унтер-офицеров, шли к начальнику бригады, прощались с ним и направлялись домой. Начальник бригады уговорил не брать оружие, и оно было сдано. Еще накануне Ижевцы хотели захватить своих офицеров,

с которыми вышли из Ижевска. Начальник бригады разъяснил значение долга, налагаемого на офицера его почетным званием, и невозможность для них самовольного ухода. Все офицеры остались на своих постах, хотя на заводе большинство их были теми же рабочими и семьи ждали их возвращения.

Неделю тому назад за бои под Уфой полковник Молчанов был произведен в генерал-майоры. Теперь он просил отрешить его от командования и отправить в строй рядовым офицером. При нормальных условиях за всё, случившееся в бригаде, он подлежал преданию суду. Никто не признал за ним никакой вины, и потому ни суда, ни отрешения от должности не последовало.

21. Итог: 7983

Прибытие Ижевцев на завод было рядом ужасных личных трагедий. Редко кто нашел свою семью невредимой. Действительность превзошла все слухи, доходившие к Ижевцам на фронт.

Красные палачи не знали пощады. Происходило безжалостное уничтожение тех, кто принимал какое-либо участие в восстании. Мстили родным тех, кто ушел за Каму. Радостных встреч было мало. Больше стоны и плач были приветствиями вернувшимся от оставшихся в живых. Назначили перепись погибших. Переписчики по каждому кварталу обходили дома и записывали имена жертв. Подсчет дал сумму 7 983. Неуголимые палачи арестовывали каждый день без особого разбора и вели за город к оврагу. Тут всаживали пулю и сбрасывали труп в овраг. Не щадили женщин и подростков. Предъявляли обвинение? — Пролетарское правосудие этого не требует. Жена видит — ведут мужа в группе арестованных. «Куда забрали?» — «Идем, узнаешь!» Обоих расстреливают.

Такая расправа была, по крайней мере, короткой.

Какие истязания претерпевали те, кто попадали в подвалы Чека, в каких мучениях они умирали от пыток садистов-палачей, — можно судить по рассказам случайно спасшихся русских людей, которые редко доходят до внешнего мира. Немало Ижевцев исчезло и в этих подвалах Чека.

22. Первая Отдельная стрелковая бригада

По иронии судьбы почти накануне ухода Ижевцев домой был получен приказ о развертывании бригады в дивизию. Хотели усилить ее придачей отдельных частей и пополнениями. Наличный состав к 20 апреля был 4 000 штыков и 1 400 сабель, артиллеристов, сапер и др. После ухода Ижевцев в бригаде осталось 180 офицеров и небольшое количество солдат. Из этого состава и нового пополнения формируется 1-я Отдельная стрелковая бригада. По старой памяти ее продолжают называть «Ижевской».

Прибывшее в первых числах мая пополнение, около 2 000, состояло главным образом из молодых, необученных башкир. Генерал Молчанов и весь офицерский состав энергично принялись за обучение, занимаясь с утра до позднего вечера. Но что можно было сделать в несколько дней?

9 мая бригада была брошена в бой. На один из батальонов наскочили красные казаки Каширина. Танцуя в атаке на своих лошадях, они произвели панику среди молодых башкир, которые бросились на землю и уткнули лица в грязь. Офицеры и пулеметчики были перерублены.

Генерал Молчанов донес о небоеспособности бригады.

Получив разрешение увести ее в глубокий тыл, он сделал переход в 100 верст. Утомленные таким маршем молодые солдаты повалились в непробудный сон и успокоились от боевых потрясений.

23. Восточный фронт в 1919 г.

Продолжительное и упорное сопротивление восставших рабочих Ижевского и Воткинского заводов красному натиску оказало значительное влияние на ход военных действий на Восточном фронте.

Говоря об общей стратегической обстановке на всех фронтах к концу 1918 года, советский историк Н. Какурин (Как сражалась революция, т. 2, стр. 33) сообщает о Восточном фронте: «Обстановка на этом фронте благоприятно складывалась для советской стратегии на центральном и южном его участках, особенно после падения ижевско-воткинского района, и носила неопределенный характер на Пермском направлении...»

Прежде чем переходить к продолжению темы этого очерка — описанию участия Ижевцев и Воткинцев в борьбе с красными, желательнее осветить кратко ход событий в 1919 году, в частности на Восточном фронте.

1919 год оказался тем годом в гражданской войне, в котором противники проявили наибольшие усилия, в котором произошли наиболее упорные и кровопролитные битвы и в течение которого успех склонился в пользу большевиков. События этого года решили успех борьбы и судьбу России на много лет.

Начало этого года застало красных в кольце окружения. Они не пропускают случая указывать на тяжесть сложившейся обстановки, в которой они очутились, и на то, что они вышли из этого положения победителями.

Однако, будучи окруженными, они имели на своей стороне и огромное преимущество центрального положения, позволившего им перебрасывать свои силы на важнейшие в данный момент участки, то есть действовать по внутренним операционным линиям.

Это преимущество было для них особенно выгодно потому, что их противники, разделенные пространством и трудностями сообщения, не только не могли помогать друг другу переброской резервов, но не могли и согласовать своих планов так, как это требуют условия при действиях по внешним операционным линиям. Причин этому было много.

Поляки и украинцы Петлюры, образовавшие свои фронты после ухода германцев из оккупированных районов, не были склонны иметь дружеские отношения и согласовывать свои действия с белыми русскими фронтами. Они преследовали свои цели и не видели в большевизме общего врага.

Запутанная обстановка с переименованием русских, местных, союзнических и германских интересов создавалась в Прибалтике.

Фронты белых (Южный, Восточный, Северный и Северо-Западный) зарождались и росли, усиливались и слабели, переходили в наступление и отступали в зависимости от разных причин и местных обстоятельств.

Делались попытки к объединению и согласованию действий. Адмирал Колчак, как Верховный Правитель, был признан всеми отдельными русскими правительствами и, как Верховный Главнокомандующий — всеми русскими антибольшевицкими

армиями. Но тесного объединения и полного согласования не удалось достигнуть не только между отдельными фронтами, но нередко и между составными частями одного фронта.

Большевики же сумели, хотя и с большими переboями и не сразу, использовать те выгоды, которые им доставляло их центральное положение. Обращаясь к тому же красному источнику — истории Какурина, мы находим следующий вывод автора о положении красных фронтов (т. 2, стр. 34): «... советская стратегия вступила в кампанию 1919 г. под знаком усложнения и расширения ее задач на европейских театрах... В кампанию 1919 г. условия окружения должны были более властно тяготеть над оперативным творчеством советского командования, чем в кампанию предыдущего года. Тогда его внимание и силы раздваивались в сущности лишь между двумя театрами: восточным и южным. Теперь к ним присоединились еще украинский и западный».

«В таком положении, вынужденное действовать по внутренним операционным линиям, советское командование должно было строго рассчитывать свои силы и возможности...»

Далее Какурин подробно останавливается на тех целях, которые советская стратегия ставила каждому фронту, и указывает, какими способами она стремилась этого достигнуть. Выходит так, что всюду было необходимо наступать и для выполнения этого — всем фронтам слать подкрепления.

«Обстановка на южном театре, — читаем на стр. 35, — требовала скорейшей ликвидации на нем противника. Угроза активного выступления на нем англо-французского империализма заставляла лишь спешить с выполнением этой задачи».

Для этого (стр. 36): «... первоначально предполагалось с Восточного фронта отправить на Южный 1-ю армию, бригаду из состава 5-й армии, 1-й и 6-й латышские полки и отряд Панюшкина. Наконец, к переброске... намечалась и 2-я армия Восточного фронта».

Все эти переброски, кроме одной дивизии 1-й армии, были отменены или частично направлены на другие фронты.

«В конечном итоге особого усиления Южного фронта... не последовало» (стр. 37).

На Украине происходило очищение немцами оккупированных районов, и «главное командование задавалось активными

целями, причем на образование этого фронта частично пошли подкрепления, первоначально предназначавшиеся для Южного фронта...» (стр. 39).

«Западному фронту предлагалось, в случае отхода немцев, немедленно занимать очищаемую ими территорию...»

«В дальнейшем... последовало приказание главкома Вацетиса действиям войск на Архангельском направлении придать также активный характер».

«Несмотря на частичное ослабление этого (Восточного) фронта... главное командование сохраняло за ним все его задачи в прежнем их объеме».

Наконец, на Северо-Кавказском фронте (стр. 41) «положение начинало делаться угрожающим... несмотря на обилие в них (в 11-й и 12-й армиях) живой силы».

Поэтому красные выделяют район военных действий на нижней Волге, на Каспийском море и на Кавказе из ведения Южного фронта и образуют Каспийско-Кавказский фронт в составе 11-й и 12-й армий с Каспийской флотилией. Несмотря на трудное положение этого фронта, и ему в дальнейшем была дана активная задача...»

Как видно, красное командование совершенно не понимало способа ведения операций, по внутренним операционным линиям.

Какурин не смеет критиковать советское командование прямо и говорит: «Такой способ действий мог навлечь и навлекал со стороны некоторых авторов упреки нашему командованию в том, что оно придерживалось стратегии не внутренних операционных линий, а «масляного пятна», то есть расползания фронтов по различным направлениям без ярко выраженной где бы то ни было идеи главного удара». Он пробует оправдать главное командование целым рядом соображений, но вскоре ряд ударов, нанесенных красным, заставил их обратиться к требованиям военного искусства, общего для всех и обязательного даже для гениальных пролетарских полководцев.

На белых фронтах создались другие неблагоприятные условия, в общих чертах уже отмеченные, которые встали на пути к победе над большевиками.

Из них особого внимания заслуживают те причины, которые помешали наиболее сильным фронтам — Южному и Восточ-

ному — войти в тесное соприкосновение и объединить свои усилия.

Обращаясь к обстановке, сложившейся еще летом 1918 года, профессор полковник А. Зайцев (1918 год¹, стр. 192) пишет: «Освобождение Дона, возвращение Добровольческой Армии из похода на Кубань и образование Фронта на Волге естественно ставило вопрос о согласовании усилий этих трех основных группировок русской контрреволюции. И эта проблема с военной точки зрения была проблемой Царицына».

Эта проблема осталась лишь проблемой и в 1919 году. Захват Царицына не был выполнен своевременно. Добровольческая армия была летом 1918 года направлена генералом Деникиным на очищение от красных Кубани и Северного Кавказа. Генерал Деникин, конечно, имел свои основания к этому решению. Мотивы его, как и противоположные мнения сторонников движения сначала к Волге на соединение с частями адмирала Колчака, подробно излагаются у полковника Зайцева (стр. 192—202). Приведем только его заключение, которое он делает после обзора событий летнего периода 1918 г. (стр. 218): «В дни, когда Дон и Вост. фронт, выдвигаясь на Воронеж, Волгу и Пермь, этим решили общероссийские задачи... Добровольческая Армия уходила с Дона на Северный Кавказ для освобождения Кубани». К этому надо прибавить, что на Восточном фронте более сильная Сибирская армия в 1919 году продолжала двигаться от Перми на Вятку, на второстепенном стратегическом направлении, удаляясь от района возможной встречи с Вооруженными силами Юга России.

Царицын был взят Кавказской армией генерала Врангеля в июне 1919 г., когда Восточный фронт, под натиском красных, уже отступил к Уралу. На Восточный фронт выпала «почетная задача» научить красное командование применять правильно основы стратегии и от «масляного пятна» перейти к ударам сосредоточенных превосходных сил, разбивая своих противников по очереди.

Восточный фронт первым попал под такой удар.

В первых числах марта Восточный фронт начал наступление.

¹ Зайцев А. А. 1918 год: очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934.

Сибирская армия теснила 3-ю красную армию на г. Вятку, отбросила 2-ю красную армию за реку Каму, освободила в апреле Ижевский и Воткинский заводы и заставила противника уйти за реку Вятку от г. Малмыж до устья этой реки.

Западная армия разгромила 5-ю красную армию, которая в беспорядке отступила к Волге, потеряв свою артиллерию и оставив в руках белых много пленных и трофеев. К концу апреля Западная армия подошла на 3—4 перехода к Самаре и была здесь остановлена приказом генерала Ханжина.

В красном лагере поднялась тревога. После ухода с фронта чехов (в ноябре 1918 г.) и оттеснения слабых белых отрядов к Уралу красные считали положение здесь прочным. В феврале 1919 г. их усиленное внимание привлекал Западный фронт, где они ожидали появления сил Антанты, а белогвардейским фронтам — Северному, Восточному и Южному — «главное командование склонно было придать второстепенное значение» (Какурин, т. 2, стр. 132).

Тем большее впечатление произвела на красных «внезапность» сильного удара со стороны одного из фронтов «второстепенного значения».

Со свойственной большевицкому стану истерической энергией были брошены крикливые лозунги «все на восток», «все против Колчака», и навстречу белым потекли резервные дивизии и большие пополнения в разбитые части.

К 13-ти дивизиям, бывшим на Восточном фронте, красные в ближайшие два месяца перебросили несколько дивизий, бригад и полков общей силой около 6 дивизий. Для пополнения убыли и повышения надежности своих частей красные производят несколько мобилизаций: «В течение 1919 г. страна, объявленная “вооруженным лагерем”, была охвачена одновременно четырьмя мобилизациями: партийной, профессиональной, чрезвычайной и общей, согласно планов военного ведомства» (Какурин, т. 2, стр. 173).

«Вся эта мощная струя активных и политически сознательных пополнений почти исключительно направлялись на Восточный фронт. 22 губернии слали туда своих лучших представителей. Пунктами сосредоточения для них намечались: Самара, Симбирск, Казань, Вятка. Только три губернии направляли своих партийных и профессиональных работников в Смоленск для обслуживания Литовско-Белорусской армии».

«Впоследствии при назревании кризиса на Южном фронте эта мощная струя изменила направление своего течения на юг и, наконец, в октябрьские дни 1919 г., когда опасность угрожала красному Петрограду, она перекинулась к последнему» (Какурин, стр. 173).

Далее Какурин дает примеры успеха и энтузиазма, с которыми были проведены эти мобилизации. Нельзя отрицать, что этими мерами красные быстро пополнили растрепанные части и для надежности влили в них большое количество партийцев. О численности коммунистов, влитых в части, свидетельствуют воспоминания комдива Путна: «Мне помнится, что в 27-й дивизии коммунистов было в среднем три с половиной тысячи. Разве могла быть не стойкой дивизия с таким числом членов партии»... (Борьба за Урал и Сибирь, стр. 18).

«Коммунары», конечно, не все шли в боевую линию. Часть из них составляли отряды особого назначения, которые сзади поднимали дух красноармейцев к наступлению, стреляя из пулеметов в их спины. Из указанного Какуриным движения подкреплений вполне очевидно, что красное командование, наконец, убедилось, что быть сильными всюду нельзя. Оно вынуждено было перейти для выигрыша войны к поочередному разгрому своих противников. Под впечатлением разгрома на Восточном фронте красные сосредоточивают сюда превосходящие силы и к началу мая переходят в контратаку.

Выяснить с достаточной точностью соотношение сил противников, при ограниченности имеющихся под рукой источников, не представляется возможным. Белые архивы вообще не уцелели, а красные сведения грешат большими неточностями и противоречиями. Например, в таблице Какурина (стр. 129) силы белых на Восточном фронте к февралю указаны в 143 330 бойцов, причем итог подсчитан неверно, а в подстрочном примечании говорится, что на основании данных противной стороны «чехословаков следует вовсе исключить со счета, так как все они ушли в тыл, а цифру штыков и сабель противника по тем же источникам можно считать в 80 тысяч».

Руководствоваться такими расплывчатыми данными бесполезно.

Сохранившийся «боевой состав» Западной армии (и находившейся на время наступления во временном подчинении ге-

нерала Ханжина группы генерала Белова) по состоянию к концу апреля дает численность бойцов армии, за вычетом ушедших на завод Ижевцев, в 27 500. Подробный состав — в прилагаемой таблице (см. стр. 130—131 данной книги. — *Ред.*).

В Сибирской армии насчитывалось около 40 тысяч, в Оренбургской армии (с группой генерала Белова) и в Уральской казачьей — вместе до 30 тысяч.

Красные силы Какурин указывает в середине апреля, то есть после больших потерь при отступлении, в 84 тысячи. Присылка многочисленных подкреплений увеличила их силы на 50 тысяч штыков и сабель, и ожидалась дальнейшие значительные переброски (стр. 176—177).

Наиболее опасным для себя успехом белых красные считали выдвижение Западной белой армии к Самаре и нацелили первый удар на ее левый фланг к северу от Бузулука. Перегруппировав свои части, они сосредоточили против Западной армии 5 дивизий и одну кав. бригаду и из тыловых районов направили сюда же, не считая мелкие части, три дивизии. Всего — более 8 полных дивизий пехоты, не менее 80 тысяч бойцов.

Большой численный перевес дал возможность красным выиграть в мае ряд боев и отбросить Западную армию на восток.

Этим они не ограничились. Военная наука требует разбитого врага преследовать. «Преследуй денно и ночью, доколе истреблен не будет; недорубленный лес опять вырастет». Эту Суворовскую истину наш противник также усвоил и применил в полной мере, хотя другие красные фронты настойчиво требовали помощи. Не ослабляя своего натиска и не уменьшая своих сил, они продолжали теснить Западную армию дальше, в начале июня взяли Уфу и стремились окружить и уничтожить главные силы Белой армии в теснинах Урала. Это им не удалось, и Белая армия сравнительно благополучно отошла за Урал.

Отход Западной армии распространился в конце мая на Сибирскую, которая также ушла за Урал, 14 июля оставила Екатеринбург, и в ней появились признаки начавшегося разложения.

Только в конце июля красные начали переброску своих частей против Вооруженных сил юга России, которые, взяв в июне Харьков и Царицын, успешно продвигались на север.

На востоке еще остаются достаточные красные силы для преследования поредевших Белых армий. Во второй половине

Боевой состав Западной армии

2-й Уфимский корп.

	бат./ эск.	офицер.		штук.	саб.	пул.	оруд. 3"	пр.	Примечания
		шт.	обер.						
4-я Уфим. див.	12/—	17	422	5235	—	119	12	5	В Мих. пол. 9 рот
8-я Кам. див.	12/—	15	446	7262	129	114	12	6	
Уф. кав. див.	—/12	15	56	387	938	14	—	4 тяж.	
Всего	24/12	49	924	12884	1067	247	24	15	

3-й Уральский корп.

6-я Ур. див.	7/—	15	147	2104	—	22	4	—	Два полка в Оренб. армии
7-я Ур. див	13/—	10	219	2980	262	56	8	—	
Отд. Иж. бр.	7/2	1	177	3927	195	44	8	2	
18-я Ор. Каз. пл.	?				494				
12-я Ор. Каз. пл.	?				?				
Всего	27/2	30	543	9011	951	145	26	2	

6-й Уральский корп.

11-я Ур. див.	9/—	5	203	2393	—	51	6	—	Свед. 42 полка нет
12-я Ур. див.	13/1	10	220	4786	110	57	8	2	
3-й Отд. Ор. Каз. бр.	1/12	7	43	406	1150	22	4	—	
Всего	23/13	22	466	6985	1260	130	18	2	
Всего Зап. армия	74/27	101	1963	28380	3278	522	68	19	

Южная группа ген. Белова (временно подчиненная ген. Ханжину)
4-й Оренбургский корп.

2-я Сызр. див.	12/—	3	150	1509	154	35	5	—		
1-й Отд. Каз. о.	—/12	6	38	—	1153	15	3	—	1-й и 4-й Оренб. Каз. пл.	
Св. Каз. бр.	—/6	—	27	749	-	11	—	—	Татищ. пласт. и Сакм.	
5-я стрелк. див.	4/—	7	149	827	-	14	—	—		
			и отдельн. небольш. части							
Всего	17/26	20	378	3631	1987	85	9	—		
Свод. Стерлитамакский корп.									29 Ор. Каз. п., Атам. бат.	
Свод. Ур. див.	4/6	8	88	1529	1298	30	6	—	23-й и 24-й пп. 6-й Ур. див.	
Свод. Оренб. див.	6/16	9	119	2823	2679	30	2	—	1-й Пласт. п. Белор. п. 2 каз. и 7 других частей	
Всего	10/22	17	207	4352	3977	60	8	—		
Всего Южн. группа	27/47	37	385	7983	5964	145	17	—		

П р и м е ч а н и я к т а б л и ц е:

- 1) Боевой состав относится к последней неделе апреля 1919 г.
- 2) Ижевцы ушли на завод 29 апреля; присланные на их место молодые, необученные башкиры никакой боевой силы не представляли.
- 3) Таблица переписана без проверки, есть ошибки в подсчетах.
- 4) Мелкие части не помещены, но включены в итоги, как, например, — в графах 4-го Оренбург. корпуса.

июля происходит многодневное сражение у Челябинска, а после отступления в августе за р. Тобол Белые армии в сентябре вновь переходят в наступление и отбрасывают противника за Тобол.

Эта операция окончательно надломила силы белого Восточного фронта. Тая от боев, болезней, жестоких холодов и измен, в середине февраля 1920 г. остатки Восточного фронта достигают Забайкалья.

* * *

Конечно, не одна стратегия, какую бы важную роль она ни играла, решила судьбу борьбы в гражданской войне. Стратегия — искусство полководца, ему нужна сильная армия, а армия создается всей мощью Государства.

Что мы встречаем в гражданской войне?

Революция разрушила весь установившийся долгими веками порядок, привела всё к всеобщему хаосу, но последствия этого хаоса отразились не одинаково в боровшихся лагерях.

Большевики сумели наладить централизованный и дисциплинированный политический аппарат, который смог направлять их деятельность для достижения нужных им результатов включительно до организации большой армии и создания для нее командного состава. В большевицкой федеративной республике были вытравлены, кроме оставшихся вывесок, всякие федеративные и сепаратистские течения, быстро исчезли разные «уездные» и прочие «республики» и, под гнетом кровавого, беспощадного террора, раздробленные составные части России, разъединенные организации и группы населения и отдельные лица заставлялись работать и идти под руководством большевиков на создание будущего «рая».

В белом лагере оказалось много осколков политических и общественных организаций, много деятелей разных величин и окрасок. Большинство их было воспитано на борьбе со старым «режимом», который и был погублен ими, при их помощи или бездействии, в грозное время внешней войны. Управлять, создавать и строить они не умели, и никто из громких имен «великой и бескровной» — противников большевиков, не выдвинулся как талантливый государственный администратор.

К 1919 г. вооруженные силы белых выросли, окрепли и были на пути к победе. Но эти силы нуждались в дальнейшем развитии, пополнении убыли, моральной поддержке, в здоровом и спокойном тыле. Нужна была энергичная и плодотворная работа за линией фронта, за спиной белых армий.

К несчастью, у белых не было ничего, что могло бы сравниться с бешеной энергией большевицкой партии. Антибольшевицкие организации были многочисленны, разрознены и слабы. Генерал Деникин вспоминает о прибытии в Добровольческую Армию делегации от одной из крупнейших организаций — «Национального Центра». Старшие начальники связывали с этой организацией представление о широком фронте русской общенности». Но, как пишет Деникин, «это было добросовестное заблуждение членов делегации, вводивших также добросовестно в заблуждение и всех нас. Сами они стремились принести пользу нашей Армии, но за ними не было никого».

Главные деятели первых дней революции — Родзянко, Миллюков, Гучков и другие, столь успешно поработавшие на гибель «старого режима», были обязаны, казалось, принять участие в уничтожении большевизма и исправить свои ошибки. Но все они в содеянном ими умыли руки и исчезли.

Показательно, что на всех белых фронтах руководство государственными делами находилось или быстро переходило в руки старших военачальников. Однородность такого возглавления создавала благоприятные условия для взаимного понимания по всем государственным и военным вопросам, по выработке планов и согласованности действий.

Однако этого не случилось, и не по вине указанных лиц.

Раздробленный, неустойчивый в своих настроениях, страдавший от недостатка дальновидности честных и энергичных людей, белый лагерь в целом* не мог подняться до той степени

* Под «белым лагерем» автор подразумевает вооруженные силы противобольшевиков и те организации и группы и тех отдельных лиц, которые помогли первым или действовали самостоятельно, имея целью сбросить власть большевиков и установить в России порядок и законность. Автор не считает принадлежащими к «белому лагерю» партии и группы, которые своей главной задачей ставили спасение «завоеваний революции» и преследовали узко партийные цели (с.-р., Комуч и проч.).

самоотречения и самопожертвования во имя Родины, которыми отличались первые кадры белых армий.

Там, где одни отдавали свою жизнь за спасение России, желая сохранить ее единой и неделимой, — другие действовали так, как должно было бы наблюдаться у большевиков, твердивших о неограниченных свободах, «власти на местах», «самоопределении вплоть до отделения...».

Вместо тесной спайки и дружных усилий появляется и нарастает волна требований самостоятельности и независимости. Личное честолюбие или местные интересы ослепляют и заставляют забывать об общей цели борьбы, о неизбежности поражения при действиях вразброд.

Даже в военной среде, привыкшей к строгому порядку и дисциплине, колеблются и расшатываются эти воинские начала.

Силы белых начинают слабеть, воинский дух угасает, тыл разваливается, разбегаются или переходят на сторону врага неустойчивые бойцы и целые части.

Гражданская война протекла у большевиков в исправлении своих слабых мест и постепенной консолидации сил. У белых — в раздробленности, в трениях, в открытой и скрытой борьбе за влияние, власть или привилегии.

Огромные усилия, жертвенные порывы и подвиги лучших сынов России и их кровавые потери были недостаточны, чтобы сломить большевицкое иго. Не потому, что армии врага были сильнее, но потому, что белый лагерь был поражен тяжелыми внутренними недугами.

* * *

Положение, создавшееся внутри враждующих сторон, отразилось соответствующим образом на отношениях с иностранцами. Красные не имели прямых сношений с другими странами, так как не находились в официальных сношениях с иностранными правительствами. В их рядах воевали мадьяры, латыши, китайцы и другие национальности в большом числе, но это были наемники Интернационала, добросовестно исполнявшие свои обязанности и отличавшиеся хорошими боевыми качествами и большой жестокостью.

Большинство иностранных держав не было заинтересовано в уничтожении большевизма в России, хотя отдельные представители этих держав предвидели опасность распространения красной заразы. Делались попытки своевременно это зло уничтожить. Оказывалась помощь борьбе с большевизмом, особенно пока еще продолжалась мировая война. После поражения Германии и заключения с ней мира помощь сильно сократилась, а к концу 1919 года прекратилась.

Отряды союзников, вообще незначительные, появлялись вместе с их высокими комиссарами на белых фронтах, но участия в военных действиях избегали, нередко договаривались с большевиками о нейтралитете или прекращении враждебных действий и при появлении опасности быстро удалялись.

На Восточном фронте большое зло причинили наши бывшие военнопленные — чехи, начавшие борьбу с большевиками ради собственного спасения. Они помогли быстрому и одновременному выступлению противобольшевицких организаций от Волги до Владивостока и образованию Восточного фронта, но вскоре «устали» и ушли в тыл на охрану железной дороги.

Здесь чехи превратились в спекулянтов и грабителей, не торопились домой и во многих тысячах вагонов везли свои «трофеи» во Владивосток. И без того слабо справлявшийся с огромным движением длинный Сибирский путь был окончательно расстроен.

Во время отступления Армии погибло много поездов, не пропущенных чехами, в которых замерзли раненые, больные и беженцы. Когда чехов настигли красные войска, предательской выдачей Верховного Правителя адмирала КОЛЧАКА они купили себе право беспрепятственного движения дальше.

Иностранная помощь принесла больше вреда, чем пользы, и дала основание большевикам кричать в своей пропаганде против «прислужников иностранного капитала».

Неопределенная и колеблющаяся политика союзных держав значительно помогла большевикам в их торжестве над белыми. Современные мировые события указывают с полной ясностью, что проигрыш белыми гражданской войны оказался поражением и наших бывших союзников.

24. В горах Урала

После боя 9 мая и отступления в район г. Уфы 1-я стрелковая (Ижевская) бригада была расположена к северу от ст. Чишма. Ввиду небоеспособности бригады, возник вопрос об ее окончательном расформировании. По этому делу генерал Молчанов уехал в штаб 2-го Уфимского корпуса (Уфимская группа). Ему предлагают в командование 4-ю Уфимскую дивизию.

18 мая на ст. Чишма в вагоне командира 3-го Уральского корпуса (группы) собрались начальники 6-й, 7-й и 11-й дивизий для распределения боевого и прочего имущества Ижевцев. Около 5 000 винтовок, сделанных Ижевцами на своем заводе, трофейные пулеметы в количестве более 40 и 10 орудий (в том числе две полевые 48-лин. гаубицы), захваченные у красных, должны были перейти в другие руки. Главный приз — артиллерию — получил генерал Ванюков, начальник 11-й Уральской дивизии.

За отъездом командира бригады от Ижевцев присутствовал со списками разного имущества начальник штаба бригады, который в конце заседания обратился к генералу Голицыну и сказал, что всё распределенное имущество будет передано согласно полученных указаний, но после того, как об этом будет уведомлен генерал Молчанов и с его разрешения. Генерал Голицын с этим согласился.

Известие о расформировании бригады вызвало подавленное настроение среди офицеров и немногих солдат Ижевцев, оставшихся в бригаде. Не прошло и трех месяцев, как в этих самых местах, где теперь стояла бригада, Ижевцы громили красных и вызывали всеобщее восхищение своим победоносным наступлением к Уфе. Теперь всякие следы существования бригады уничтожаются, и ее боевые трофеи передаются другим.

Удрученные до последней степени Ижевцы несколько дней провели в тяжелом ожидании, беспокоясь об участи своих частей и всей бригады. 22 мая вечером генерал Молчанов сообщил, что бригада расформировываться не будет и позднее будет развернута в дивизию. Из района ст. Чишма она была двинута на север и получила для обороны участок позиции на правом берегу р. Белой к северу от г. Бирска.

На возможность остановить наступление красных и отбросить их от р. Белой на запад возлагались большие надежды.

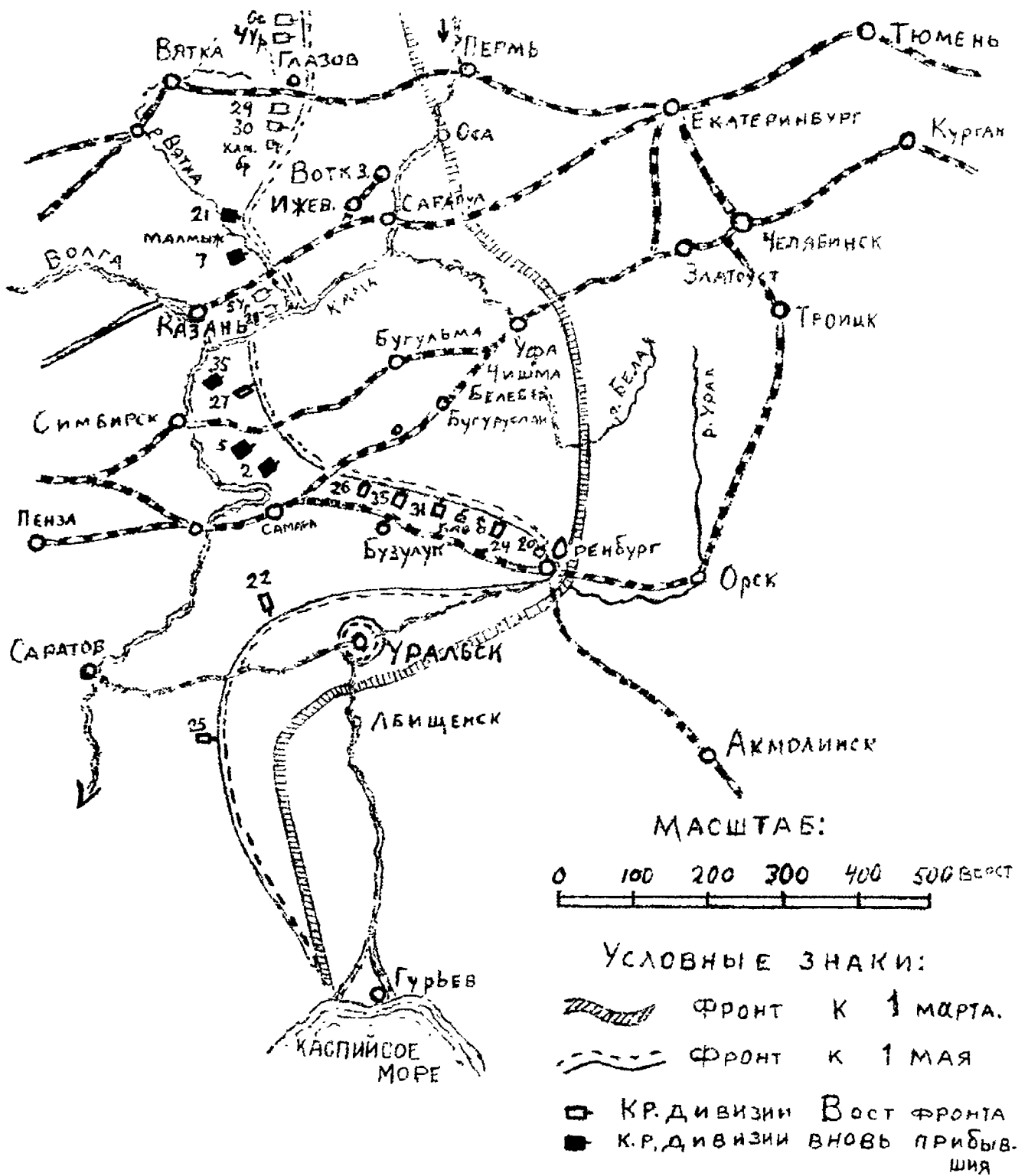

Схема № 7

Примечание:

Расположение красных дивизий указано на схеме примерно к началу мая, после перегруппировки и прибытия новых дивизий.

К 1 марта, перед наступлением белых, расположение красных дивизий было следующим, начиная с севера: в 3-й армии — Особая, 4-я Уральская, 29-я, 30-я и Камская бригада; во 2-й армии — 5-я уральская, 28-я; в 5-й армии — 27-я, 26-я; в 4-й армии — 20-я, 24-я; в Туркестанской армии — 31-я, 3-я кав. дивизия; в 1-й армии — 22-я и 25-я.

Но этому не суждено было осуществиться. Сосредоточив свои части и подготовив тщательно средства для переправы, нащупав более слабые места в расположении противника, красные начали форсировать реку одновременно во многих пунктах. В некоторых из них удалось достигнуть успеха 6 июня и закрепиться на правом берегу.

В районе Уфы, где были более сильные и лучше сохранившиеся части Волжской и Уфимской групп, они были отбиты, и только 9 июня им удалось захватить сам город.

На участке 1-й Отдельной бригады они переправились без особых усилий. Когда наши башкиры увидели противника, переправляющегося на лодках и паромах через реку, они обалдели, перестали стрелять и начали разбегаться. Привести их в порядок не было возможности.

Остатки бригады отступили, но неустойка эта не была причиной оставления позиций на реке Белой, так как отступление к северу от Уфы началось одновременно в нескольких местах. Бригада была направлена в глубокий тыл, акрытие оставленного направления было возложено на Уфимскую кавал. дивизию генерала Джунковского.

В середине июня фронт проходил примерно по реке Уфа и только южнее города Уфы небольшой участок р. Белой упорно удерживался частью группы генерала Каппеля.

Переход красными реки Белой и захват Уфы являлся для них крупным успехом, нашедшим соответствующую оценку. Начальник штаба Фрунзе, бывший генерал Новицкий, делает такое сравнение: «Об описываемом периоде борьбы нужно сказать, что если в каждой войне бывали отдельные операции, исход которых являлся решающим для участи всей кампании, как, например, первая операция на Марне в мировую войну на Французском фронте, то таковой для Советской России была Бугурусланско-Уфимская операция. Она нанесла смертельный удар Колчаку и «колчаковцам», оказала решающее влияние на участь гражданской войны и послужила тем поворотным моментом, который предопределил исход борьбы Советской страны со всеми ее врагами» (Гражданская война, 1918—1921, стр. 184).

Эта характеристика операции Новицким, похожая на бахвальство, так как он сам принимал участие в ее исполнении, тем не менее, имеет в красном лагере большую цену. Фрунзе

за свое руководство, далеко не блестящее, но об этом здесь не место писать, — был признан великим советским полководцем, и его именем названа Военная академия красной армии.

* * *

Следующей задачей, и весьма срочной, красным войскам Восточного фронта был поставлен захват Урала.

В статье полковника красной армии Е. Болтина «Двадцатилетие освобождения Урала от Колчака» («Красная Звезда» от 15 июля 1939 г.) даются указания Ленина, направлявшие действия их вооруженных сил: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной...» «Все силы рабочих и крестьян, все силы Советской республики должны быть напряжены, чтобы отразить нашествие Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной армии на Урал и на Сибирь. В этом состоит **основная задача момента...**» «От ослабления наступления на Урал и на Сибирь **мы погибнем...**»

«Ослабить наступление на Урал и Сибирь значило бы быть изменником революции, изменником освобождения рабочих и крестьян от ига Колчака...»

Из этих выкриков чисто пропагандного характера выясняется, однако, и то, что красная армия побуждалась без передышки идти напролом через горы Урала. Завоевание Урала было возложено на 5-ю, 2-ю и 3-ю армии. Пятая армия была усилена частями расформированной Туркестанской армии и состояла из четырех пехотных дивизий (35-й, 27-й, 26-й и 24-й) и 3-й Кавалерийской дивизии. 1-я и 4-я армии оставались для действий против Оренбургских и Уральских казаков. 2-я и 3-я армии действовали против Сибирской Белой армии на Северном Урале.

Численность 5-й красной армии, по указаниям упомянутой статьи Болтина, достигала 29 тысяч штыков и сабель, а численность противника — Западной армии генерала Ханжина — Болтин указывает в 18 тысяч штыков и сабель.

Малая доступность Уральских гор к северо-востоку от г. Уфы заставила красных использовать более удобные пути севернее, главным образом трактовую дорогу г. Бирск — Байки — ст. Сулея — Златоуст.

Захватом г. Златоуста они собирались отрезать белую армию с тыла, запереть в ущельях Урала и уничтожить. Ударную группу из 35-й дивизии (2-й бригады), 27-й дивизии и 26-й дивизии без одной бригады красные сосредоточили в районе у села Байки; вдоль железной дороги от Уфы на Златоуст они поставили одну бригаду 26-й дивизии и 3-ю кавалер. дивизию. 24-я дивизия направлялась через горный район южнее железной дороги.

Какурин сообщает (Как сражалась революция, т. 2, стр. 274): «Занятие 2-й армией г. Красноуфимска позволило командованию 5-й армии подтянуть 35-ю стрелк. дивизию к своим главным силам и сосредоточить ударный кулак в виде всей 27-й стр. дивизии, в задачу которой на этот раз входил прорыв фронта противника на кратчайшем пути к г. Златоусту через Кусу, в то время как 26-я стр. дивизия своей атакой должна была прижать противника к горным проходам».

Против ударной группы красных стояли сильно ослабленные части Уральской группы и приданная группа 2-я Уфимская кавал. дивизия. На железнодорожном направлении находился генерал Каппель со своей Волжской группой и 8-я Камская дивизия генерала Пучкова.

Другая дивизия Уфимской группы — 4-я Уфимская — находилась в резерве к северо-западу от ст. Сулея и защищала подходы к железной дороге. Там же была 12-я Уральская дивизия, вошедшая в Уфимскую группу генерала Войцеховского после расформирования 6-го Уральского корпуса.

Первая Отдельная стрелк. бригада была расположена в резерве Армии в долине реки Ай, в районе села Петрушина, к северу от ст. Бердяуш. Здесь простояла около трех недель.

За это время в бригаду стали возвращаться Ижевцы. Судьба заставила их вторично бросить завод. Говорят, что на этот раз ушло всё коренное население завода, и большинство рабочих поступило в армию.

Многих задержал у себя генерал Казагранди, пополнив свои Сибирские части. Но большая часть Ижевцев, в особенности те, кто уже был в рядах бригады, стремились обратно в свои прежние полки и батареи и к своим командирам.

Пробирались в одиночку и группами, иногда единицами старого состава. Поручик Шмаков, ездивший в отпуск на за-

СХЕМА № 8

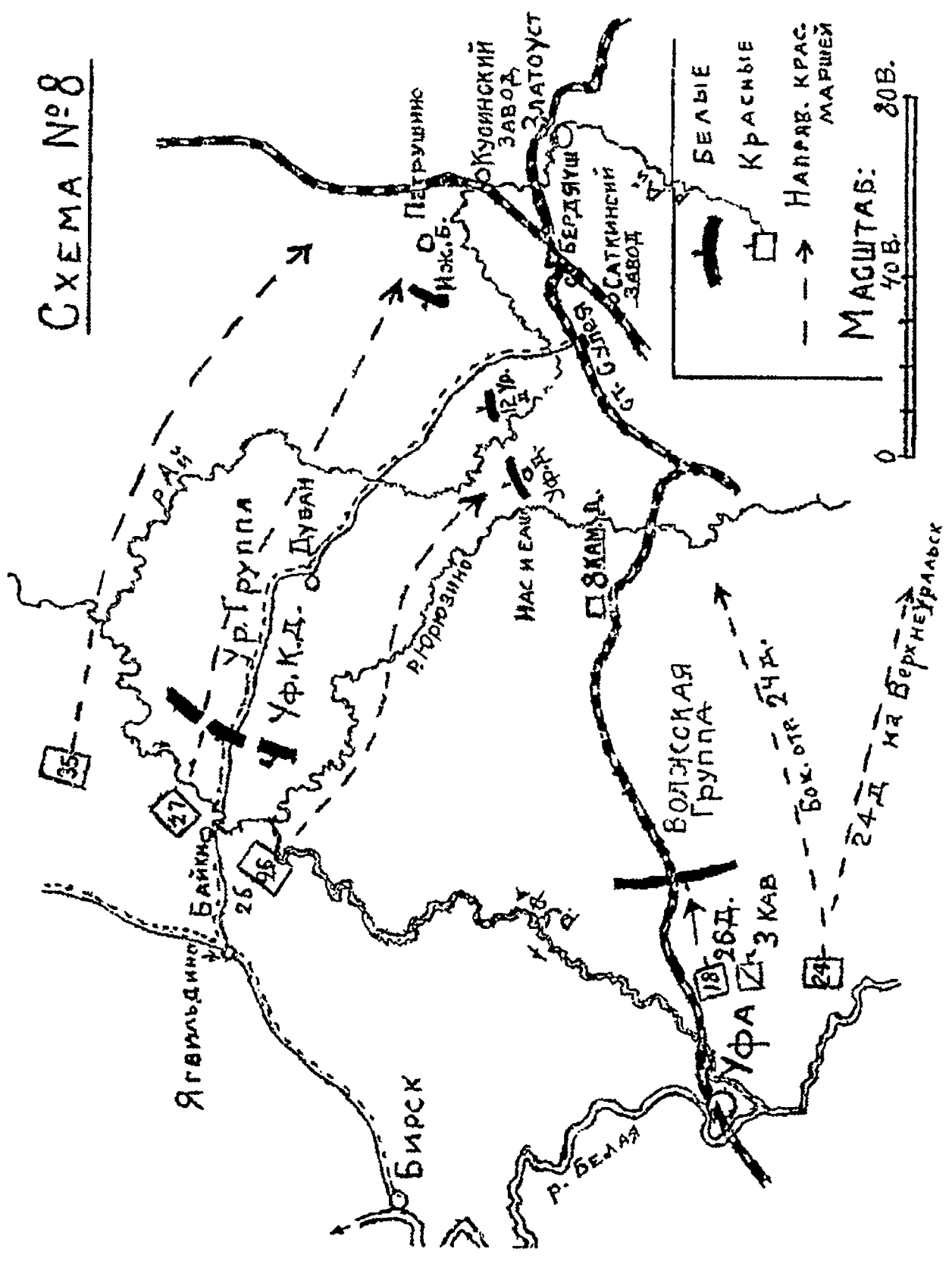

Схема № 8

вод, собрал свою 12-ю роту 1-го полка и привел ее в полном составе.

Возвращение Ижевцев, хотя далеко не в прежнем числе, сразу восстановило боеспособность бригады. Их возвращение вернуло бригаде старое название, и приказом Командующего Западной армией от 29 июня 1-я Отдельная стрелковая бригада вновь стала называться Ижевской. Этому содействовал новый Командующий армией генерал Сахаров, за несколько дней перед этим сменивший генерала Ханжина. Он высоко расценивает боевые качества Ижевцев.

К 6 июля состав бригады был следующий: в стрелковых полках и егерском батальоне — 1020 штыков и 23 пулемета; в инженерной роте — 74 шт., в сводном эскадроне 45 сабель и 3 пулемета, в арт. дивизионе восемь трехдюймовых и два 48-мм орудий и несколько пулеметов. Конный дивизион, выделив сводный эскадрон, был отправлен на формирование конного полка.

К концу июня красные закончили свои перегруппировки и начали дальнейшее наступление в глубь Урала. Их ударная группа переправилась через реку Уфу в конце июня и потеснила малочисленную Уральскую группу, которая, отбиваясь и задерживая превосходящие силы красных, отходила на восток.

2 июля начались упорные бои 4-й Уфимской и 18-й Уральской дивизий с 26-й красной дивизией, стремившейся выйти на железную дорогу на участке ст. Сулея — Бердяш. Бои продолжались несколько дней, и красным не удалось быстро проскочить к железной дороге.

27-я красная дивизия, оказав помощь 26-й, затем сосредоточила свои усилия на захвате г. Златоуста через Кусинский завод — главной цели в их плане, разработанном командующим 5-й армией Тухачевским. Задержать на этом направлении противника — выпало на долю Ижевской бригаде.

С приближением противника сторожевое охранение было усилено. 5 июля ночью ложная тревога у сапер — обстреляли на реке лодку, которая плыла пустой, а может быть брошенной после обстрела разведчиками красных.

Через расположение бригады прошла застава Уральцев и сообщила, что за ней своих уже нет. Без какого-либо приказа от высшей инстанции или хотя бы предупреждения бригада оказалась лицом к лицу с неприятелем. Генерал Молчанов начал

медленно с бригадой отходить, упорно задерживаясь на каждом удобном рубеже. Противник должен был сократить свой порыв и замедлить темп своего движения в наш тыл. Так дошли до Кусинского завода.

На железной дороге Уфа — Златоуст части нашей Армии были еще далеко на запад — в 100 или больше верстах от Златоуста, а Кусинский завод был всего лишь, по прямому направлению, в двадцати верстах на северо-запад.

От устойчивости бригады зависел благополучный выход Волжской и Уфимской групп из теснин Урала. Кусинский завод должен был стать ареной упорной борьбы.

Прибыв на завод, генерал Молчанов немедленно позаботился о выборе удобной позиции и ее укреплении. Местность была гористая и лесистая, трудно проходима, без дорог. Верстах в полутора от завода была поляна шириной около полуверсты, по которой шла грунтовая дорога на завод, и рядом с ней железная дорога на север в сторону Екатеринбурга.

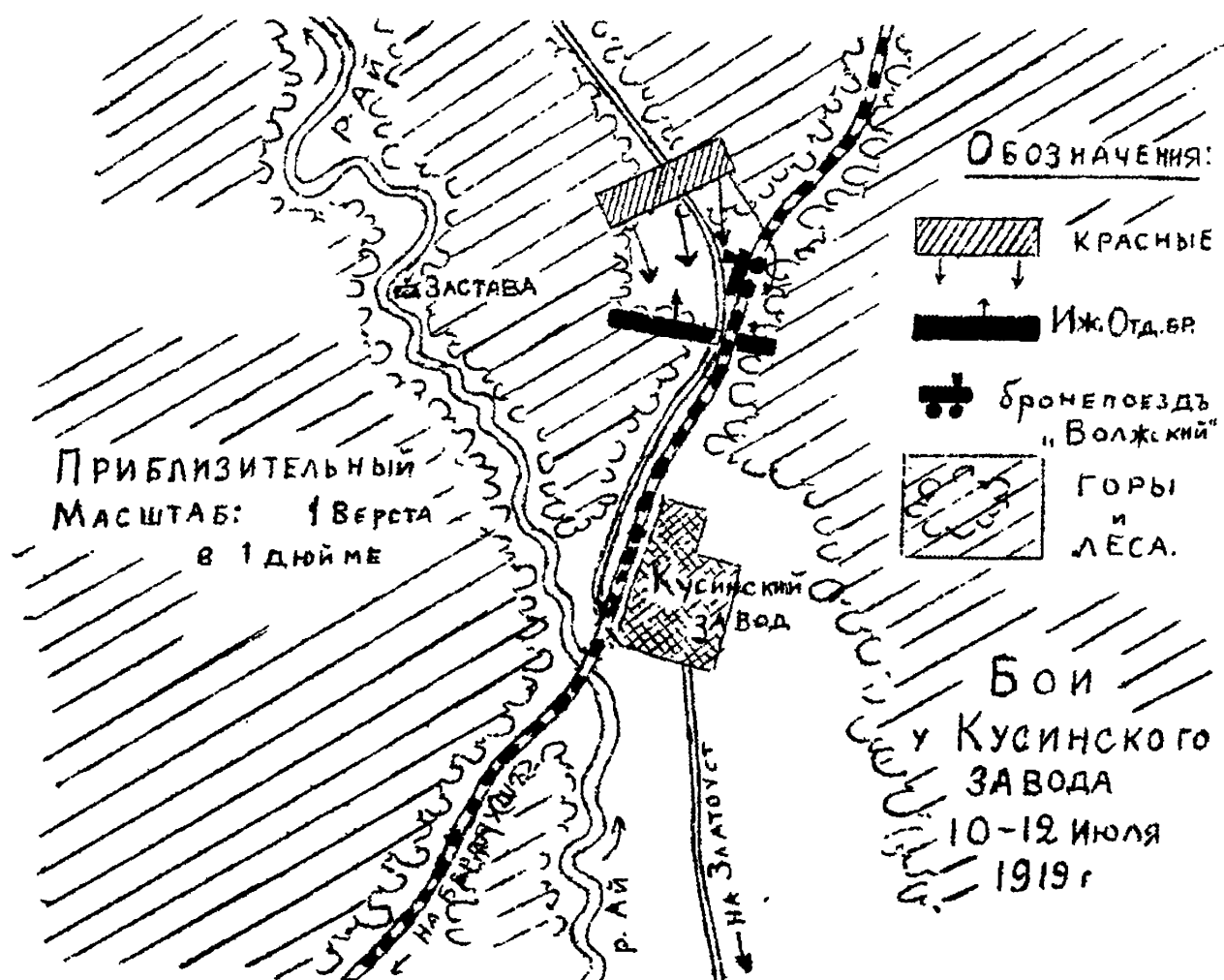

Схема № 9 (по памяти). Бои у Кусинского завода 10–12 июля 1919 г.

На южной окраине этой поляны, окруженной лесами, начальник бригады приказал окопаться. С командирами полков и артиллерийскими офицерами он произвел разведку подступов противника и позиций для его артиллерии. Выбор артиллерийской позиции для красных был очень ограничен, и можно было с большой долей вероятности указать на лучшую из них, недалеко от дороги, выходящей на поляну. По этому месту артиллеристы произвели точную пристрелку.

Оба фланга позиции упирались в горы, покрытые лесом и трудно проходимые. Позиция шла по опушке леса и заходила на флангах на некоторую глубину в лесную чащу.

Со станции Бердяуш прибыл бронепоезд «Волжский» и получил задачу стоять укрыто за закруглением железной дороги, а во время выхода красных на поляну, — выскакивать вперед и бить продольным огнем.

Приехал Командующий Уфимской группой генерал Войцеховский, сообщил генералу Молчанову обстановку, сложившуюся у Волжан и Уфимцев, и просил сделать всё возможное для удержания завода.

Утром 10 июля красные густыми цепями пошли в атаку. Атака была отбита. Красные подкрепили свои цепи свежими силами и повторили атаку, но снова были отбиты. Молодцами вели себя Ижевцы. И даже башкиры, оставшиеся в небольшом количестве, теперь уже несколько обстрелянные, а главное видевшие пример стойкости и упорства, держались хорошо.

Отлично работал бронепоезд. Согласно приказа, он выскакивал вперед, когда цепи красных показывались из леса, наносил им большой урон, и его помощь была чрезвычайно ценной.

Наша артиллерия удачно разгромила красную, ставшую на позицию там, где нами намечалось. Огонь красной артиллерии был быстро подавлен, и лихая работа бронепоезда была этим сильно облегчена. Только несколько красных пушек, часто меняя свои позиции, пробовали вступить в состязание с Ижевской артиллерией и бронепоездом.

Еще много раз противник возобновлял свои атаки, но каждый раз стрелки и бронепоезд отбрасывали их назад. Атаки уже не велись с тем порывом, который был проявлен в начале боя, и было заметно, что красные выдохлись.

Перед наступлением ночи красные затихли. Очевидно, что это была лишь передышка, — противник готовился к ночным действиям. Располагая не менее чем шестью полками и сменяя их, они стремились выполнить задачу, не считая жертв. Не имея возможности пробиться вперед днем, они рассчитывали теперь достичь успеха с наступлением темноты.

Как предполагалось, так и вышло. Ночью красные с упорством возобновили атаки. Ходили в атаку на всем протяжении позиции, пробовали прорваться на отдельных участках. Но и на этот раз они неизменно отбивались.

Иногда врагу удавалось подходить вплотную к окопам, и дело доходило до штыков. Хорошую оценку дал командир 1-го полка о действиях 12-й роты поручика Шмакова, расположенной на тяжелом участке позиции, к которому красные имели скрытые подходы. На этот участок было произведено ночью 12 атак.

Прошла ночь, наступил второй день, положение противников не изменилось. Ночью было захвачено несколько пленных. Среди них был один молодой, словоохотливый крестьянин из Пензенской губернии. Генерал Молчанов лично допросил его утром 11 июля. Пленный рассказал, что комиссары перед боем говорили красноармейцам, что надо во что бы то ни стало взять Кусинский завод, который стоит на пути к Златоусту, а когда будет взят Златоуст, война скоро закончится и все возвратятся домой. Комиссарам не верили, но на первые атаки шли охотно. Когда эти атаки были отбиты с большими потерями, настроение сильно упало, и идти на верную смерть не хотели. «Больно много вас было», — пояснил пленный. Дальше он сообщил, что красноармейцы стали разбегаться: «Немало убежало в лес», — добавил он. На вопрос, что они там будут делать, если их будут искать и вылавливать, ответил: «Уходят больше кучками, сговорившись, забирают винтовки, будут отбиваться».

Генерал Молчанов спросил пленного, что он будет делать, если его отпустят. «Сначала спрячусь, а потом проберусь домой». Пленный был отпущен.

Показания этого пленного объясняют, почему красные командиры не пробовали по горам пробраться к нам в тыл. Помимо необходимости скорее, кратчайшим путем, пробиться к Златоусту, они боялись ослабить свои ряды от большого дезертирства в леса.

Второй день начался так же, как и первый, и прошел в повторных атаках красных. Ижевцы устали от бессонной ночи и постоянного напряжения, находясь в окопах без смены, а красные полки, сменяя друг друга, и подгоняемые угрозами комиссаров, шли в атаку без всякого порыва.

Но у Ижевцев появилась полная уверенность, что красные их сбить с позиции не смогут, и Кусинский завод останется за ними. Наши части, застрявшие в горных проходах к западу от ст. Бердяуш, ускорив свое движение, выходили из опасного положения.

Удержать Кусинский завод нужно было до утра 12 июля.

К вечеру 11 июля на смену подошла Уфимская дивизия под командой генерала Ткачева. Чтобы смену сделать незаметной для противника, пришедшие Уфимцы должны были подойти к позиции с наступлением темноты. Младшие командиры отправились познакомиться с расположением своих участков и местностью засветло.

Генерал Войцеховский оставил общее руководство боевыми действиями за генералом Молчановым. Уфимская дивизия оказалась богатой высокими чинами. Четыре генерала, включая начдива, были в составе дивизии. У Ижевцев не было даже штаб-офицеров. Генерал Молчанов пошутил: «Ну, раз много генералов, — толку не будет». К сожалению, шутка оказалась действительностью.

На Уфимцев красные произвели несколько атак, отбитых ими, а после полуночи бросились крупными силами в решительную атаку. Некоторые роты Уфимцев не выдержали и оставили окопы; отступление распространилось на других. Уфимцы отошли на северную окраину завода, где бой еще продолжался. Руководить боем было уже трудно, и, дабы не подвергать мелкие части окружению в улицах завода, приказано было его оставить.

Генералы Молчанов и Ткачев, со своими штабами, и выведенные из боя Уфимцы собрались у выхода дороги на Златоуст. Завод был окончательно брошен в 2 часа ночи на 12 июля.

Поспешное отступление погубило бронепоезд «Волжский» и поставило в тяжелое положение Ижевцев. Бронепоезд, как и раньше, вышел во время последней атаки противника вперед. Партия красных, пробравшаяся в его тыл, разрушила путь; по-

чинить его не было возможности, и бронепоезд погиб. Команда постаралась спасти, что можно, и вынесла несколько пулеметов. Мальчик-доброволец С.П.Р. приволок на своих плечах станковый пулемет Максима.

Ижевцы после смены, не торопясь, собирались на сборном пункте около железной дороги, где расположились на отдых и ожидали своих офицеров, передававших позицию Уфимцам. Потом пошли по полотну железной дороги на завод. Выстрелы на окраине завода указывали, что позиция брошена и бой идет у самого завода.

Необходимо было разобраться — где свои, где противник и кому принадлежит завод. На разведку вызвался прапорщик Багиянц. Сняв погоны, он прошел по заводскому поселку несколько кварталов и выяснил, что завод уже в руках противника. В одном месте, расспрашивая красноармейцев, он возбудил у них подозрение, и они сами потребовали от него ответа, кто он такой и почему расспрашивает о расположении частей. Багиянц изобразил из себя комиссара, стал на них кричать, чтобы от него не отнимали времени глупыми вопросами, пригрозил наказать их и сбил красноармейцев с толку. Среди комиссаров было много типов нерусского происхождения, и в этом случае черты лица и армянский выговор Багиянца оказали ему услугу. Вернувшись, Багиянц доложил командирам полков о своей разведке.

Командиры стали совещаться, что предпринять дальше. Общая усталость, большие силы красных, набивших до отказа все дороги, запутанный план заводских улиц привели к решению обойти завод по железной дороге и южнее свернуть на дорогу к Златоусту. Обойдя благополучно завод, Ижевцы присоединились к отступавшей колонне.

Красные, видимо, сильно утомленные боями, заночевали на заводе и не преследовали. Хотя завод был оставлен ранее назначенного срока, больших осложнений это не вызвало. Около ст. Бердяуш красным удалось выйти на железную дорогу прежде, чем 8-я Камская дивизия успела пройти этот пункт. Один полк был отрезан, но он атаковал красных, отбросил их к северу и пробил себе дорогу.

К отступавшим от Кусинского завода Ижевцам и Уфимцам выехал генерал Войцеховский. Приняв доклады от генералов Молчанова и Ткачева, он поблагодарил первого и остался очень

недоволен вторым. «Вы к нам не подходите, поищите себе другую службу!» — сказал генерал Войцеховский. Искренний генерал Ткачев не скрыл от своих командиров полков полученную им аттестацию, что и было подтверждено одним из них, полковником С.

Генерал Войцеховский сообщил о дальнейших планах. Предполагается, выйдя из Уральских гор, оказать красным сопротивление на линии озер, которые тянутся с севера на юг непосредственно за горами. Ижевской бригаде назначено идти на правый фланг Уфимской группы в район Киштымского завода (80 верст к северо-востоку от Златоуста).

Дорога через Златоуст оказалась сильно загруженной. Значительная часть Армии со своими обозами прошла город, но всё еще оставалось много частей и обозов, собравшихся на городской площади. Дорога от Златоуста на восток проходит по берегу глубокого искусственного озера и вырублена в скале. Движение могло происходить только в два ряда повозок в одном направлении.

Красные с утра 13 июля повели энергичное наступление на свою заветную цель — Златоуст. Их сдерживала Уфимская дивизия. На этот раз она стойко удерживала напор противника и дала возможность вывести из Златоуста последние эшелоны Армии.

13 июля красные заняли Златоуст. Талантливо задуманный маневр Тухачевского устроить западню главным силам Западной армии — не удался. Но Урал был потерян Белой армией, и в этом отношении цель красных была достигнута. Обращаясь к той же статье Болтина, находим следующую оценку последних боев перед Златоустом: «На рассвете 10 июля вновь разгорелись жестокие бои. Горный характер местности делал даже бой за отдельные проходы исключительно упорным. Так, за обладание Кусинским заводом одновременно дрались шесть полков 27-й дивизии, а за ст. Бердяш — вся 26-я дивизия...»

«Белогвардейцы, вытянув свои части по фронту и не имея резервов, сопротивлялись с упорством отчаяния...»

Верстах в десяти к востоку от Златоуста на главную дорогу выходила с севера трудно проходимая тропа из района Кусинского завода. По ней красные могли выйти нам в тыл. Узнав о существовании этой тропы, генерал Войцеховский выслал небольшой отряд Оренбургских казаков для прикрытия этого

направления. Красные действительно использовали эту тропу. Ко времени захвата Златоуста они оттеснили Оренбургский отряд к главной дороге.

Начальник отряда обратился за помощью к командиру проходившей мимо пехотной части. Это был капитан Цыганов с егерским батальоном Ижевцев. Он привлек на помощь следовавший за ним полк Ижевцев и бросился на красных во главе своего батальона. Красные упорно отбивались, но после штыковой схватки были отброшены в ущелье, и беспрепятственное движение по дороге было обеспечено. Ижевцы понесли урон около 30 человек, в том числе отважный капитан Цыганов был тяжело ранен в грудь.

* * *

О действиях в Уральских горах Воткинцев и о пути их движения на восток точных сведений не сохранилось. После вторичного оставления своего завода некоторые их части переправлялись через Каму у города Оханска, где была паромная переправа. Дальше двигались мимо города Кунгура.

Разложение, начавшееся в Сибирской армии, отразилось тяжело на тех частях, которые сохранили свою боеспособность. К ним принадлежали и Воткинцы, отступавшие в составе Сибирской армии. Этим частям пришлось выдерживать всю тяжесть арьергардных боев.

Один из таких боев вел батальон Воткинцев под командой капитана Болонкина. Это было у Молебского завода в 60 верстах к юго-востоку от города Кунгура. Когда батальон попал под сильный артиллерийский обстрел, капитан Болонкин приказал отходить на следующий рубеж, а сам остался с пулеметным взводом прикрывать отход. Разрывом гранаты его лошадь была убита, а он, тяжело контуженный, свалился около лошади. Командир пулеметного взвода, оглушенный взрывом, не осмотрев своего начальника, посчитал его убитым и поспешил отступить к батальону.

Придя в сознание, капитан Болонкин отполз с открытого места в кусты, и как раз вовремя, так как появились всадники противника. Только через год ему удалось пробраться через всю Сибирь в Забайкалье и присоединиться к своей части.

Названный выше завод дает указание, что Воткинская дивизия двигалась через Урал от района г. Кунгура в направлении Екатеринбурга, по-видимому, на правом фланге группы генерала Вержбицкого.

25. Бои под Челябинском

Бои под гор. Челябинском, начавшиеся после перехода Западной армии через Уральский хребет, вместе с боями прикрывающих частей и перегруппировками обеих сторон, обратились в упорное сражение, продолжавшееся две последние недели июля.

Об этих боях в сохранившихся воспоминаниях белых участников, вообще немногочисленных, говорится очень мало. В книге «Белая Сибирь» генерала Сахарова (*Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923, 324 с. — Ред.*), руководившего боями, можно найти лишь отрывочные сведения. Кроме того, имеются краткие записки автора этого очерка и показания немногих лиц.

Для общего ознакомления с этими боями и описания участия в них Ижевцев приходится пользоваться также и красными источниками. Из них статья «Челябинская операция летом 1919 г.», написанная П. Санчуком и помещенная во второй книге журнала «Война и Революция» за 1930 г., дает много интересных сведений, как о планах красного командования, так и о действиях обоих противников.

Обстановка, сложившаяся после перехода Уральских гор, была для белых весьма неблагоприятной. Сибирская армия, за исключением некоторых частей, потеряла боеспособность и расплылась.

Назначенный в начале июля Главнокомандующим генерал Дитерихс выехал в распоряжение Сибирской армии, чтобы вывести в тыл всё, что можно было сохранить. Генерал Дитерихс собирался не давать боев и переходить в наступление, пока войска не будут приведены в порядок, пополнены, получат необходимый отдых и будут соответственно перегруппированы.

Генерал Сахаров, при помощи начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерала Лебедева, оценивал положение по-другому. Он решил разбить красных по выходе их из

гор. Генерал Сахаров считал, что подчиненная ему Западная армия сохранила полную боеспособность и, усиленная тремя Сибирскими дивизиями, сформированными в тылу, может в единоборстве с 5-й красной армией разбить ее.

Между тем Сибирские дивизии, на которые рассчитывал генерал Сахаров, не были еще полностью подготовлены, не прошли обучения в поле и курса стрельбы.

Оперативный план генерала Сахарова (см. схему № 10 и стр. 116 книги «Белая Сибирь») был следующий: «Сдерживая красных аррьергардами, Западная армия должна была быстро стянуть свои силы к Челябинску и сосредоточить две ударные группы: генерала Войцеховского к северу, генерала Каппеля к югу от города... а затем, когда красные втянутся в долину из гор, они будут атакованы с севера и юга, взяты в клещи, с целью окружить их... С севера всю операцию прикрывал и обеспечивал 3-й Уральский корпус».

Короче говоря, генерал Сахаров рассчитывал устроить главным силам красных «Канны»¹.

Чтобы поставить их под удары с двух сторон, он наметил заманить их в Челябинск, оставив город без боя.

В статье Санчука находим план красных: «План командарма 5 тов. Тухачевского сводился к следующему: занять к исходу 18 июля тремя дивизиями (26-й, 27-й и 35-й) исходное положение по линии ст. Кундравинская — Губернская для атаки челябинского ж.-д. узла... и затем ударом левого своего фланга (35-й и 27-й стр. див.) овладеть Челябинском». Под левым флангом, таким образом, подразумевались 35-я и 27-я дивизии.

План Тухачевского интересен в двух отношениях. Во-первых, он полностью соответствовал тому, что хотел от противника генерал Сахаров. Во-вторых, — вопреки своему пристрастию к глубоким обходным маневрам, Тухачевский предпринимал лобовой удар. 27-я дивизия, более сильная, стояла в центре красных сил перед Челябинском, а на левом фланге находилась 35-я дивизия и, по словам Санчука, «в силу своей слабости не могла дать нужного эффекта».

¹ Бой при Каннах в 216 г. выиграл карфагенский полководец Ганнибал против армии римлян. Служит классическим примером успешного окружения противника.

Объяснение в решении Тухачевского следует искать в том, что он не имел обыкновения или не умел оценивать обстановку во всей совокупности, в том числе и учитывать силы врага. К последнему он относился в большинстве случаев с пренебрежением — смелым маневром можно уничтожить и сильного врага. Так он пробовал действовать недавно в Уральских горах. Нанести сильного поражения Западной армии ему не удалось. Но он посчитал, что Западная армия была разбита, что ее надо только преследовать и не терять время на маневры. Отсюда — удар в лоб.

Подтверждение этому объяснению дает Санчук: «Заслуживает немалого упрека отсутствие у командарма даже предположения о возможности активных действий белых на Челябинском направлении».

И дальше: «Расчеты командарма тов. Тухачевского на успех... были оптимистичны. Главный удар 27-й и 35-й стр. див. обещает полный успех; наличные силы противника не выдержат нашего удара» (...из разговора по прямому проводу тов. Тухачевского с вр. и. д. комвосток тов. Лебедевым)».

Пренебрежение к противнику отражалось у Тухачевского и на руководстве боевыми операциями: связь штаба армии. — *Ред.*) (Уфа) с дивизиями поддерживалась телеграфом. «Чрезмерно большое удаление (до 400 км)... не предвещало ничего хорошего в части управления ходом операции... — говорит Санчук и потом добавляет: — Неурядица в управлении дала возможность белым безнаказанно произвести перегруппировку».

* * *

Переходя к краткому описанию первых дней боев, находим у генерала Сахарова (стр. 120):

«Арьергарды наши, сдерживая натиск большевиков, отходили сначала медленно, шаг за шагом, и удерживая целый ряд позиций, но верст за 50 от Челябинска не выдержали, сдали и начали отступать слишком быстро...»

Генерал Сахаров не удовлетворен действиями своих арьергардов. Так же и Санчук недоволен действиями красных частей в первые дни операции: «Боевые действия на первом этапе свелись к упорным боям в отдельных очагах сопротивления»...

«Безуспешные атаки (26-я кр. див. против Волжской группы) в лоб днем 17 июля заставили начдива предпринять обход Миасских укреплений»...

«Борьба на фронте 27-й сов. див. начала принимать, благодаря активности Уфимской группы, затяжной характер. К исходу 18-го дивизия, вытеснив из междуозерных перешейков главные силы группы... была атакована и попятилась своей Первой бригадой назад... Начдиву удалось восстановить положение только к исходу 21-го, то есть потерять двое суток».

Указав еще несколько боевых эпизодов, Санчук подводит итог: «Таким образом, первый этап операции был выигран белыми, они получили время для перегруппировки и хотя незначительно, но расстроили ударные дивизии 5-й армии».

«В течение 21-го, 22-го и 23 июля красные дивизии вяло, медленно и, самое печальное, самостоятельно, по инициативе начдивов, преследовали белых, ведущих арьергардные бои. Разнобой между дивизиями усилился еще больше»... «В этот наиболее ответственный момент больше чем когда бы то ни было нужна была организаторская твердая рука командарма, но командарм в 7.20 выехал в штаб фронта (Симбирск), а штарм спал и не только не знал, что делается на фронте, но забыл даже дать дивизиям указания, что им делать после выхода на исходное положение...»

Из сопоставления действий передовых частей противников, по оценкам генерала Сахарова и Санчука, приходится сделать вывод, что белые арьергарды на главном направлении выполнили свои задачи достаточно хорошо и обеспечили время для сосредоточения частей, назначенных для удара. Но на севере, на фронте Уральской группы дела приняли неблагоприятный оборот. Кроме двух бригад 35-й крас. дивизии, которых сдерживали Уральцы, перед ними появилась 5-я кр. дивизия 2-й кр. армии. Эта дивизия, вследствие расформирования 2-й кр. армии, вошла с 21 июля в подчинение командарма 5-й кр. армии.

На усиление малочисленной Уральской группы генерал Сахаров послал 12-ю Сибирскую дивизию из числа трех недавно сформированных. «5-я кр. дивизия 2-й армии отбросила группу (Уральскую) к реке Карабалка (верстах в 30 на восток от оз. Ирисят), причем в ночь на 20 июля 47-й полк 12-й Сибирской дивизии... целиком перешел к нам» (Санчук).

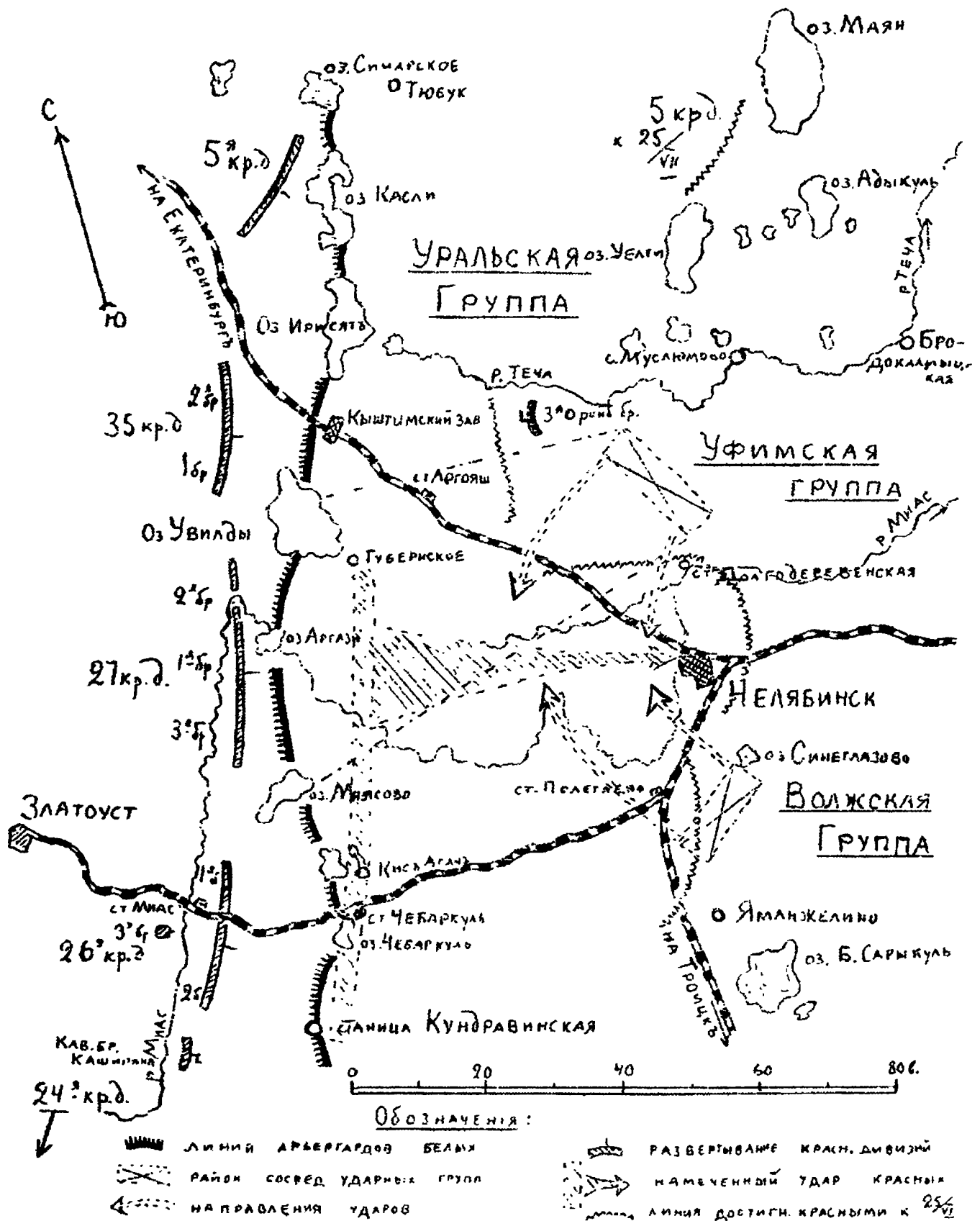
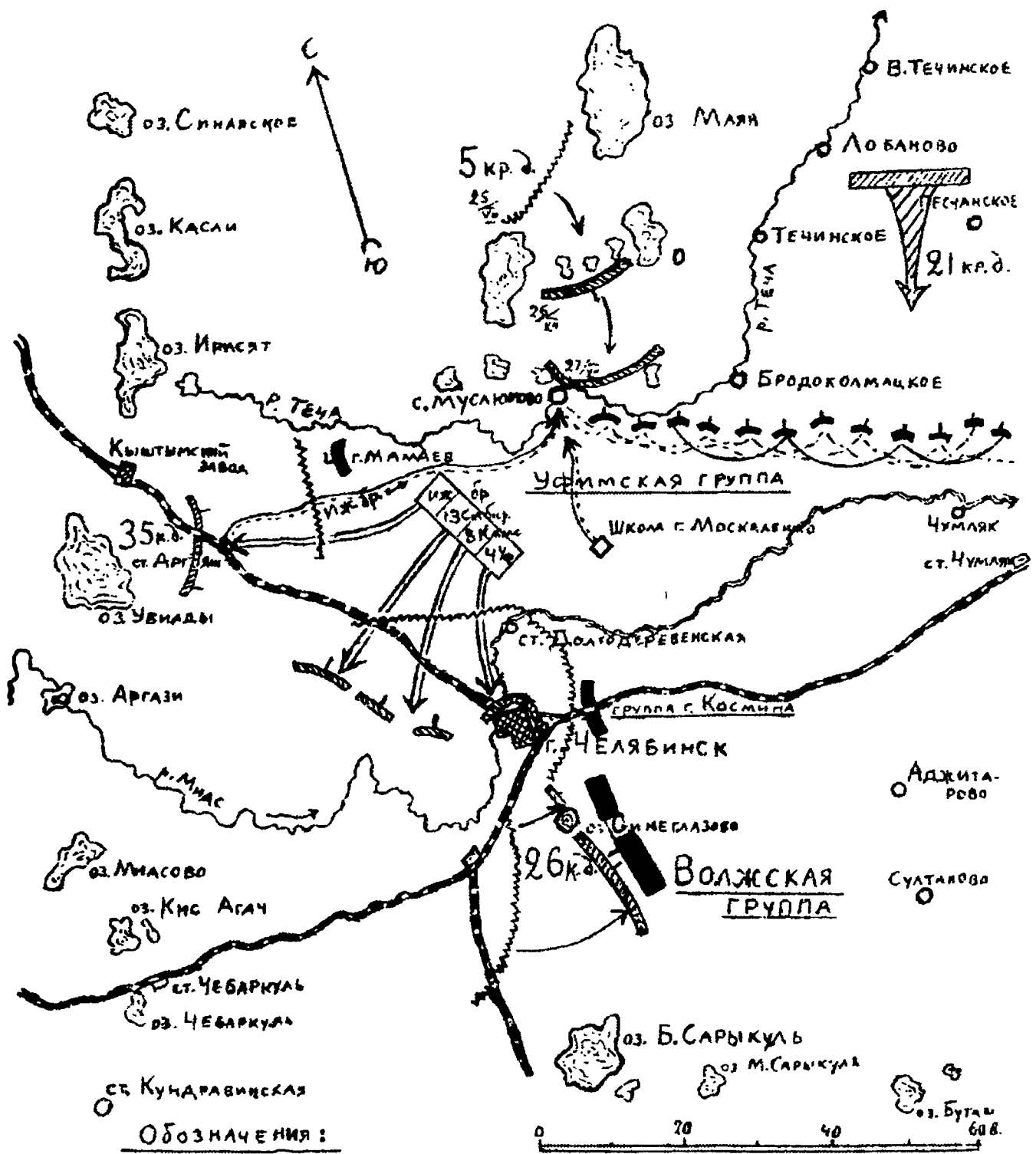

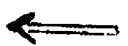
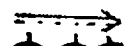

Схема № 10. Бои у г. Челябинска 17–30 июля 1919 г. (Планы сторон)

- ОБОЗНАЧЕНИЯ:**
- БЕЛЫЯ ЧАСТИ
 - НАСТУПЛЕНИЕ БЕЛ. ЧАСТЕЙ
 - ПЕРЕБРОСКА " "
 - ДВИЖЕНИЕ БОКОВ. АРЬЕРАДОВ

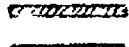

- КРАСНЫЕ И 95 К. ЮЗУ
- ПЕРЕДВИЖЕНИЕ КРАСНЫХ
- НОВАЯ ПОДДЕРЖКА " "

Схема № 11. Бои у г. Челябинска 17-30 июля 1919 г.

Генерал Сахаров подтверждает неблагонадежность 12-й Сибирской дивизии и переход ее частей к красным.

24 июля противник занял Челябинск, оставленный по приказу генерала Сахарова. Его же приказом (стр. 121) на рассвете 25-го обе ударные группы должны были перейти в наступление.

* * *

Ижевская бригада в арьергардных боях участия не принимала. После выхода из гор бригада двинулась в район ст. Аргояш, где простояла три дня. 18 июля бригаду посетил генерал Сахаров, проверил боевые запасы, расспросил о настроении бойцов, наградил отличившихся в последних боях. Он полон энергии, хорошо относится к бригаде и ценит ее боевые качества.

Когда красные начали теснить арьергарды Армии, оборонявшие перешейки между цепью озер, бригада получила приказ отойти на восток и расположиться в резерве, в 30 верстах севернее Челябинска.

Здесь, совместно с 4-й Уфимской, 8-й Камской и вновь прибывшей 13-й Сибирской дивизиями, бригада вошла в ударную группу под командованием генерала Войцеховского и получила участок на правом фланге. На рассвете 25 июля ударная группа перешла в наступление. Соседом Ижевцев слева была свежая и еще не обстрелянная 13-я Сибирская дивизия.

Генерал Войцеховский просил генерала Молчанова поставить какую-либо часть на правом фланге 13-й Сибирской дивизии и показать на примере, как вести наступление. Для этой задачи был назначен егерский батальон, который своим порывом увлек за собой не бывшие в боях молодые части. Они наступали хорошо.

Уфимская ударная группа быстро двинулась вперед и нанесла ряд поражений противнику. Во многих местах красные сопротивлялись с большим упорством, происходили жаркие, кровопролитные схватки, но везде успех был на нашей стороне. Красные отступали на запад и на юг к Челябинску, Ижевская бригада действовала с большим успехом. Встреченные полки Первой бригады 35-й кр. дивизии получили в течение трех дней несколько жестоких ударов, понесли большие потери и в беспорядке отошли к станции Аргояш.

Южнее Челябинска в Волжской группе дела шли не так удачно. Эта группа встретила упорное сопротивление, понесла значительные потери и не могла сдвинуть противника. Генерал Сахаров объясняет это тем, что (стр. 120): «К сожалению, была допущена одна оплошность: северная группа генерала Войцеховского составляла слишком большую силу, свыше 20 тысяч человек, тогда как южная группа Каппеля едва достигала 10 тысяч. Но я рассчитывал главный удар нанести именно с севера...»

Санчук находит и другие объяснения неудач Волжской группы и указывает на поражение 12-й Уральской дивизии, входившей в Волжскую группу, когда 25 июля она перешла в наступление и была атакована на марше. После этого, сообщает Санчук, нач. дивизии генерал Бангерский доносит: «Обороняться не могу, а могу только наблюдать участок, так как много дезертировало и потеряно»...

В другом месте Санчук указывает на донесение генерала Каппеля: «... одна из лучших рот 3-й (Симбирской) дивизии, оставив на поле истерзанный труп офицера, ушла к красным». Возможно, что неудачное пополнение дивизии Волжского корпуса пленными красноармейцами и запасными из уездов, где была сильна красная пропаганда, влитое еще зимой 1918/19 года, до сих пор влияло на неблагонадежность этих частей.

На правом фланге армии, на участке Уральской группы, красные теснили слабые отряды. Только генерал Мамаев с 3-й Оренбургской бригадой, составлявшей левый фланг группы, держался на уступе впереди, удачно отражая красных на направлении вдоль южного берега реки Теча.

К 25 июля 5-я кр. дивизия уже угрожала с севера, с перешейка озер Малн и Уелги, выходом на фланг и тыл Уфимской группе. Через два дня эта дивизия оттеснила уральцев на южный берег р. Теча и нависла над тылом группы генерала Войцеховского, подойдя к деревне Муслюмово.

Тогда генерал Войцеховский срочно бросает на угрожаемый участок Ижевскую бригаду. Бригада должна была сделать усиленный переход в ночь с 27 на 28 июля к дер. Муслюмово и сменить там уральцев. В эту ночь и утро 28-го бригада прошла около 60 верст и к 10 часам начала подходить к реке Теча.

Генерал Молчанов с пятью офицерами своего полевого штаба и 15 ординарцами выехал вперед для ориентировки и приема

участка от Уральцев. По полевой дороге, вившейся среди кустов, всадники подъехали к р. Теча. Выехали на небольшую полянку, на северном конце которой стояло большое здание — кажется, амбар Муслюмовской паровой мельницы. Левее двор, обсаженный деревьями. Правее, с открытого пригорка видна впереди лежащая местность.

Шагах в 50-ти протекала небольшая, проходимая во многих местах вброд, р. Теча. За ней ровный, открытый заливной луг, шириной до полуверсты. Дальше на север, насколько глаз хватал, расстилалось море кустов.

Все слезли с лошадей и стали осматриваться.

Снизу на пригорок вынырнула «макленка» (37-мм небольшая пушка) с четырьмя солдатами под командой офицера. Они навели свою пушку на кусты на северо-запад и дали несколько выстрелов.

«Где противник?» — «Вот там в кустах, за поляной». — «А где ваши цепи?» — «Наши все уже ушли, мы последние». — «Ваша задача?» — «Прикрываем отход полка и сейчас тоже уходим. Нам приказано двигаться на восток к деревне Бродокалмацкое, где собирается наш полк».

Офицер Уралец предупредил, что противник — 5-я красная дивизия — имеет среди своих полков четыре полка с номерами одинаковыми с полками 11-й Уральской дивизии (№ 41—44) и что у них уже были неприятные недоразумения из-за сходства номеров.

Подняв хобот «макленки», Уральцы на руках покатали ее дальше и скрылись в кустах.

Так, «авангард» Ижевской бригады сменил аррьергард 43-го Уральского полка, едва успев застать его.

Генерал Молчанов немедленно послал ординарца навстречу колонне с приказом торопиться, как только возможно.

Капитан Цветков, старший адъютант, залез на крышу амбара рассмотреть, что кругом делается. Его наблюдения были безрезультатны — кусты скрывали всё, и следов противника обнаружить было нельзя.

Прошло около получаса. Неожиданно по нашему расположению посыпались снаряды. Особенно досталось амбару. Наш наблюдатель был замечен, и после первых же выстрелов красные взяли точный прицел. Наблюдатель быстро скатился с крыши.

Артиллерия красных стояла, по-видимому, недалеко, в одной-полутора верстах от речки, и это указывало, что пехота противника могла появиться из кустов каждую минуту. Приходилось отступать. Полянка перед амбаром закипела взрывами снарядов.

Пройдя жаркое место, всадники стали садиться на лошадей. В это время из кустов с востока раздалась ружейная стрельба. Через десяток шагов кусты скрыли ген. Молчанова и его штаб от противника. Вышли благополучно, были ранены только 2 лошади. Отойдя около версты, генерал Молчанов встретил артиллерийский дивизион, на рысях шедший вперед и обогнавший пехоту.

Командир дивизиона полковник Якубович получил приказ — немедленно сняться с передков и открыть ураганный огонь по району противника, стреляя через крышу амбара с наименьшим прицелом.

Полковник Якубович, старый артиллерист, пробовал доказать, что в уставе термина «ураганный» огонь нет, и стрелять без наблюдателя и пристрелки нельзя. Генерал Молчанов вскипел: «Стреляйте по уставу и с наблюдателями, но чтобы огонь был открыт немедленно. Немедленно, и самый усиленный».

При указанном направлении и прицеле снаряды должны были ложиться в кустах, где предполагался противник. Но важно было не столько поражение противника, сколько создание у него впечатления, что наши силы уже развернулись и готовы к наступлению.

Артиллерия быстро стала на позицию и загрохотала. Кано-нада десяти орудий должна была заставить красных продвигаться с осторожностью и умерить свой порыв.

Услышав рев орудий, полки Ижевцев, уставшие после большого ночного перехода по плохим полевым дорогам, но спешившие за артиллерией, напрягая последние силы, бросились бегом на выстрелы.

Достигнув позиции артиллерии, полки сразу развернулись и пошли в наступление. 1-й Ижевский полк пошел налево, а 2-й полк — правее мельницы. Быстрым натиском Ижевцев красная пехота, переправившаяся через р. Теча, была смята и отброшена обратно за речку.

На южном берегу р. Теча генерал Молчанов приказал полкам остановиться, выставить охранение, привести себя

в порядок и отдохнуть. Тяжелый ночной переход по скверным, часто песчаным дорогам чрезвычайно обессилил и вымотал пешие части. По пути не было значительных населенных пунктов, и нельзя было достать необходимого количества подвод даже для отсталых. Таковых было много из-за растертых ног. Несмотря на свои покалеченные ноги, стрелки старались держаться за хвостом колонны. Многие сняли сапоги, чтобы было легче идти.

Позиция на берегу реки давала возможность с успехом обороняться, и ген. Молчанов донес, что он остановился у Муслюмова, должен дать отдых изнуренным Ижевцам и ручается за полную устойчивость на занятом участке.

Генерал Войцеховский был другого мнения.

Ударная группа продвинулась на два перехода на запад от линии Муслюмово — Челябинск и находилась под ударами на свой тыл с обоих этих пунктов. Обстановка для группы действительно создалась очень тяжелая и вынуждала прекратить продвижение вперед.

Генерал Войцеховский, по-видимому, опасался, что переход к обороне у Муслюмова понудит красных прорваться в другом месте, и хотел приковать внимание и силы противника активными действиями.

Он направил на поддержку бригады школу генерала Москаленко, около 400 штыков, и приказал вести атаку свежими силами этой школы.

На просьбу генерала Молчанова не губить отлично подготовленных юнкеров (они назывались Егерями), необходимых для младших командных должностей, — ответ был в духе «не рассуждать!».

Встал вопрос и о пополнении боевых припасов. Необходимо было пополнить снаряды в артиллерии и патроны в пехоте, израсходованные в трехдневных боях наступления. Так как до артиллерийского склада на железной дороге было 70 верст, генерал Войцеховский отдал легковые автомобили своего штаба на срочную доставку снарядов. Таким же образом помог и штаб Армии.

Утром 29 июля Егеря начали наступление. Как на учебном поле, с разведчиками впереди, мелкими единицами, потом поодиночке, начали правильные перебежки Егеря. За речкой

на ровной как стол поляне нигде не было никаких укрытий — ни кустов, ни кочек, ни малейших складок местности.

Наша артиллерия вела интенсивную стрельбу по опушке кустов, занятых красными. Пулеметы Ижевцев помогали фланговым огнем с обоих флангов. Красные наверно несли значительные потери, но кусты хорошо укрывали их передвижения, подход подкреплений и поднос патронов. Они держались в окопах среди кустов и расстреливали Егерей одного за другим.

Без сомнения, здесь была применена неправильная тактика. Такое ровное поле выгоднее было бы проскочить не перебежками и переползаниями маленькими группами и поодиночке, а возможно быстрее пробежать двумя или тремя редкими цепями с короткими остановками для необходимой передышки.

Бой затянулся на несколько часов. Егеря не могли достигнуть позиции противника. Потери их достигли до половины их состава. Но когда выяснилась возможность достичь окопов противника, оказалось, что Егеря не могли и отступить. Имея полное походное снаряжение, в том числе малые лопаты, они как могли окопались на достигнутой линии или прикрываясь телами убитых товарищей. Отход обозначал новые тяжелые потери.

Тогда генерал Молчанов приказал 2-му Ижевскому полку перейти в короткую демонстративную атаку и отвлечь внимание красных от Егерей. Второй полк собрался к правому флангу и под прикрытием сильного пулеметного и артиллерийского огня бросился на красных. Атака значительно облегчила положение Егерей, и они отошли со злополучной поляны, обильно политой их кровью. Эта выручка дорого стоила Второму полку, который потерял около 60 человек.

К вечеру все части заняли позицию на южном берегу реки. Возможно, что цель была достигнута и тяжелые жертвы не были напрасны. 5-я дивизия красных была прикована к району дер. Муслюмово и не смогла обрушиться на тыл группы генерала Войцеховского. Группа начала отход из своего тяжелого положения и выполнила его достаточно благополучно. Красный историк Санчук дает следующие сведения о действиях белых:

«Безуспешные четырехдневные бои и тяжелое положение ударной группы заставили ген. Войцеховского признать свою

слабость и отказаться от «окружения и уничтожения» красных дивизий».

«Ночью 28 июля этот благоразумно-осторожный генерал излагает Штарму свои соображения...»

«Больше того, он в ночь на 28 июля уже снял с фронта 35-й красной дивизии Ижевскую бригаду и направил ее в район Муслюмова с задачей задержать движение на юг 5-й красной дивизии. Туда же он направляет свой резерв — школу ген. Москаленко...»

«5-я сов. дивизия продолжает (29 июля) упорные, но безуспешные бои за р. Теча с Ижевской бригадой белых».

«Предусмотрительный ген. Войцеховский усилением Ижевской бригады школой ген. Москаленко окончательно приковывает 5-ю сов. дивизию на северном берегу р. Теча, удачно парируя этим удар, нанесенный 5-й дивизией, и обеспечивает отход группы на восток».

«Дальнейшие усилия 5-й армии и 21-й с. д. 3-й армии перехватить пути отхода белых не увенчались успехом, что дало возможность вылезшей из мешка ударной белой группе сравнительно благополучно уйти на восток».

«Недобитая 3-я армия белых, сохранив кадры, опять начала в конце сентября оказывать сопротивление при нашем продвижении в глубь Сибири...»

Упорные бои у Челябинска вызвали большие потери у обоих противников. Сведения об этих потерях различны. Генерал Сахаров дает такие цифры: свыше 5 000 убитыми, ранеными и пленными у нас и больше 11 000 у красных (по их же сведениям). Санчук сообщает, что «в результате 18-дневной операции белые потеряли 8 тысяч пленными и 4 с половиной убитыми и ранеными. Потери красной стороны исчислялись в 2 900 раненых и убитых, 900 без вести пропавших». Но сведения Санчука исправляет член револ. совета 5-й армии комиссар И. Смирнов (Борьба за Урал и Сибирь, стр. 239), который указывает, что убитых и раненых в 5-й армии было 15 000.

* * *

Челябинские бои представляют много интересного для подробного изучения. К сожалению, с белой стороны сохранилось очень мало документов и сведений.

Отметим здесь некоторые характерные черты в управлении ходом операции у обоих противников.

Каким путем генерал Сахаров стремился добиться победы?

На стр. 116 он указывает, что «Сибирская армия временно как бы потеряла всякую боеспособность и уходила, ставя в совершенно невозможное, тяжелое положение Западную армию».

«А дух и силы последней были нетронуты, несмотря на отход и непрерывные бои...»

Таким образом, он не должен был бы ожидать какого-либо содействия от Сибирской армии и рассчитывать на силы только подчиненной ему Западной армии.

Но дальше (стр. 120) он делает поправку и говорит о недостаточности сил Уральской группы, обеспечивавшей операции с севера, и о том, что «подсказывалась необходимость содействия Сибирской армии. Однако, несмотря на все просьбы, не удалось получить не только этого содействия, но даже приказа о выдвижении частей ее для демонстрации. Как будто действовала не одна русская армия, не за одну общую святую цель».

На это генерал Дитерихс мог бы ответить, что «одна русская армия» должна иметь одного главнокомандующего, и все его подчиненные должны подчиняться его единой воле».

Последнего генерал Сахаров, при поддержке начальника штаба Верховного Главнокомандующего, не выполнил и нарушил планы своего начальника.

На стороне красных вызывает удивление полное пренебрежение к своим обязанностям командарма 5-й тов. Тухачевского.

Красные дивизии дрались самостоятельно, не руководимые сверху. Когда красные переживали тяжелый момент при переходе в наступление ударной группы белых и нуждались в согласовании действий, начдивы 26-й и 27-й красных дивизий совещаются 26 июля, что им делать дальше.

Дивизии получают совершенно невыполнимые задачи, без малейшего учета создавшейся обстановки. Например, 5-я красная дивизия, переведенная в состав 5-й армии, получает от Тухачевского 22 июля задачу — к 25 июля выйти в тыл белых у ст. Чумляк. Задача, выполняемая для моторизованной дивизии

и то при условии слабого сопротивления противника. Дивизия к 25 июля могла продвинуться только до перешейка озер Маян-Уелги, почти 100 верст от назначенного пункта.

В последние дни боев, пишет Санчук, события «заставили командарма 5-й серьезно взяться за управление дивизиями... и реализовать блестящее оперативное положение, стихийно создавшееся на фронте армии».

Что может более точно определить деятельность, или вернее бездеятельность, начальника, когда положение на фронте создается «стихийно», и притом в течение целых двух недель.

Если генерал Сахаров несет ответственность за поражение у Челябинска, то его противнику тов. Тухачевскому никак нельзя присудить лавры за эту победу.

26. Отступление за Tobол

Неудача боев под Челябинском вынудила 3-ю армию (переименованную из Западной) начать отступление на восток.

Красные получили от нового командующего Восточным фронтом Фрунзе задачу для 5-й красной армии: «главными своими силами теснить противника на своем фронте, стремясь отбросить его к югу от Сибирской магистрали»... (*Какурин*, т. 2, стр. 279).

Этот приказ красным провести в жизнь не удалось, но упорные попытки выполнить задание поставили нашу 3-ю армию в очень тяжелое положение. Генерал Сахаров так описывает создавшуюся обстановку (стр. 126): «Моей армии пришлось отходить от Челябинска при невозможно тяжелых условиях: все время висела угроза на нашем правом фланге, почти каждый день большевикам удавалось выходить в тыл уральцам, отрезывая их от линии сообщения и от Волжского корпуса».

«Нам приходилось проявлять огромное напряжение, чтобы парализовать эти попытки. Шли ежедневные бои, почти все части делали большие, часто форсированные переходы и сложные маневры...»

Правофланговая Уральская группа, теснимая численно превосходящим противником, отходила на один и более переходов на уступе позади главных сил Армии. На отход Уральцев влияло

также и то, что наружный фланг этой группы обнажался: с севера 2-й армией. (Сибирская армия была разделена на 1-ю и 2-ю.)

Уже кутру 28 июля тыл армии был открыт для удара с севера 5-й кр. дивизией (см. схему № 11). К этому времени Уральцы собирались в районе с. Бродокалмыцкое, в трех переходах к востоку от передовых частей генерала Войцеховского, успешно теснивших красных на запад.

Выдвижение генералом Войцеховским к угрожаемому участку Ижевской бригады и усиление ее школой генерала Москаленко устранило создавшуюся опасность. В последующие дни бригада образовала боковой отряд главных сил, и на нее пала тяжелая задача обеспечить движение армии от дальнейших ударов противника с севера.

29 июля командующий 3-й армии отдал в приказе № 233: «Первую отдельную Ижевскую бригаду приказываю развернуть в дивизию». Это свидетельствовало о признании боевых заслуг бригады и указывало на решение генерала Сахарова увеличить ее силу двумя полками. Отправка бригады на переформирование в тыл не предполагалась, и новые полки должны были создаваться на фронте.

Приказ № 1 по Ижевской дивизии с указанным приказом по армии вышел 31 июля.

1 августа прибыло пополнение — 52 молодых офицера из Иркутской школы и 842 солдата, из которых более 300 были поправившиеся от ранений и болезней Ижевцы. Так как число птыков к концу июля, после боев на Урале и у Челябинска, уменьшилось до 650, пополнение пришло весьма своевременно.

Формирование новых полков в напряженной боевой обстановке представлялось невозможным, и прибывшее пополнение было распределено в существующие части.

С началом общего отступления армии начальнику Ижевской дивизии ген. Молчанову была подчинена 13-я Сибирская дивизия, которой командовал генерал Зощенко. Численность этой недавно сформированной дивизии значительно уменьшилась как от потерь в боях под Челябинском, так особенно и от утечки элемента, не желавшего драться. Но оставшиеся в рядах дивизии хорошо себя показали в тяжелых и изнурительных боях отступления, занимая участки попеременно с частями Ижевцев и упорно отбиваясь отседавших красных.

В то время как Уфимская и Волжская группы сдерживали противника с запада, на правом фланге завязались бои с обходящими нас дивизиями красных с севера.

Сложные маневры, о которых говорит ген. Сахаров, состояли главным образом в том, что когда одни полки или батальоны встречали обходящих красных на одном участке, позади них проходили другие части, торопившиеся на следующую позицию.

Происходили непрерывные перекаты с одной позиции на другую. Красных отбивали огнем и короткими контратаками. Большие затруднения были в доставке огнеприпасов, продовольствия для людей и корма для лошадей. Ночлеги сократились до коротких часов, привалов для отдыха почти не было. Многие участники этих боев говорили, что предпочли бы, вместо этих изнуряющих передвижений, большой и кровопролитный бой.

Начали уставать от этой кадрили и красные. Ко времени подхода к Тоболу они уже ослабили свой нажим и отказались от попыток отрезать нам путь отступления и отбросить к югу.

Генерал Сахаров сообщает (стр. 128): «Только переправившись через Тобол, мы получили передышку и вышли из-под вечной угрозы быть отрезанными от железной дороги. Только перейдя через Тобол, 3-я армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевести их эшелонами за 250 верст, в тыл, на реку Ишим в район гор. Петропавловска».

Из этого района был намечен переход в наступление.

После переправы через Тобол Ижевская дивизия была отведена в резерв. Полного отдыха она не получила, оставшись за правым флангом армии. Но в течение нескольких дней, свободных от боев, можно было начать формирование новых двух полков, выделив для них командный состав и небольшие кадры, привести в порядок оружие, обозы и прочее.

Появились и другие дела повседневной военной жизни, которыми не было времени заниматься, пока шли бои. Среди пополнения были обнаружены ненадежные и распущенные в тылу личности. Было произведено несколько дознаний о грабежах. Во 2-м полку сами солдаты избили двух молодцов — одного за кражу холста, другого — за воровство огурцов. Встретив такое отношение из рядов Ижевцев, грабители присмирели.

Преследование за воровство не осталось без внимания со стороны жителей. У них оказались свои люди, ловкие на доходные проделки. В селе Носковском, где стоял 2-й полк, одна женщина подняла вой, что увели двух лошадей и утащили тарантас. Стали проверять. Лошадей она умудрилась спрятать в погреб, а тарантас был найден скрытым в огороде. Был и такой случай. Солдаты из штаба группы нашли у Ижевцев своих лошадей. Лошади были возвращены «владельцам», но при проверке оказалось, что лошади были проданы крестьянам и попали в полк по ремонту.

22 августа дивизия стояла в районе села Арлагульское, около 60 верст к востоку от г. Кургана. В этот день в дивизию прибыл Верховный Правитель Адмирал Колчак и произвел смотр. С ним пришло несколько грузовых автомобилей с подарками — папиросы, консервы, варенье, какао и пр.

После церемониального марша Адмирал Колчак собрал к себя поближе Ижевцев и обратился к ним с речью. Благодарил за славные ратные дела и самоотверженную службу Родине. Он старался объяснить цель борьбы с большевиками, хотел что-то сказать о положении рабочих, но смешался и смутился. Ижевцы постарались выручить Адмирала, слышались голоса: «Не надо говорить!», «Мы вам верим!», «С вами пойдем до конца!» и т. д.

Верховный Правитель был этой встречей с Ижевцами очень растроган, а его искренность и желание найти путь к солдатскому сердцу были поняты и произвели больше впечатления, чем если бы он произнес блестящую речь привыкшего говорить опытного оратора.

После дневки и смотра Верховного Правителя наше движение на восток продолжалось. Красные вновь стали нажимать. Хотя дивизия числилась в резерве, 25 августа утром красные подошли к нашему расположению. Второй полк не успел вытянуться с ночлега и ввязался в бой у деревни, где ночевал. Три часа удачно отбивал атаки противника и отошел с небольшими потерями (2 офицера и 12 стрелков).

Дивизия направляется на юго-восток, должна перейти к югу от жел. дороги и будет действовать в составе Волжской группы ген. Каппеля. Пока арьергарды Волжан успешно задерживают красных в их стремлении к Петропавловску.

Боевой состав Ижевской дивизии к 31 августа был следующий: батальонов — 10, рот — 31, эскадронов — 1, офицеров — 182, штыков — 1276, сабель — 33, орудий — 10, пулеметов — 14.

Дивизии приданы: 4-й Саткинский полк в составе: батальонов — (?), рот — 7, офицеров — 38, штыков — 222, и отдельный Оренбургский казачий дивизион есаула Леонова в составе: сотен — 1, офицеров — 3, сабель — 87.

Всего в дивизии с приданными частями: офицеров — 223, штыков — 1498, сабель — 120, пулеметов — 19, орудий 3-дюйм. — 8, 48-лин. гаубиц — 2.

Приданные части находились в составе дивизии только несколько дней и потом получили новое назначение.

27. Наступление к Тоболу

Переход в наступление, в котором должны были участвовать все три армии, был назначен на первые числа сентября.

3-я армия ген. Сахарова наступала вдоль железной дороги на г. Курган, имея на правом фланге Уфимскую группу, и в центре и на левом фланге (южнее железной дороги) Волжскую и Уральскую группы.

На участке Ижевской дивизии бои начались раньше.

Подходя 28 августа к месту назначенного сосредоточения в районе поселков Богатый и Кладбинский (около 90 верст к западу от г. Петропавловска), Ижевцы встретились с красными и имели с ними столкновения у этих двух поселков и у деревни Малая Приютная.

У пос. Богатый был тяжело ранен командир 3-го батальона Первого полка поручик Ложкин, прославившийся необыкновенной доблестью и водивший своих храбрецов в атаки с винтовками за спиной и с ножами в руках.

Около пос. Богатый в распоряжение начальника дивизии прибыл 4-й Оренбургский казачий запасный полк, и его командир полк. Д., не находившийся в «полном здоровье», стал уверять ген. Молчанова, что красные находятся не там, где они были, а в нашем тылу, и обстрел красными деревни М. Приютная приписывал артиллерии Волжан. Дать полковнику Д. какую-

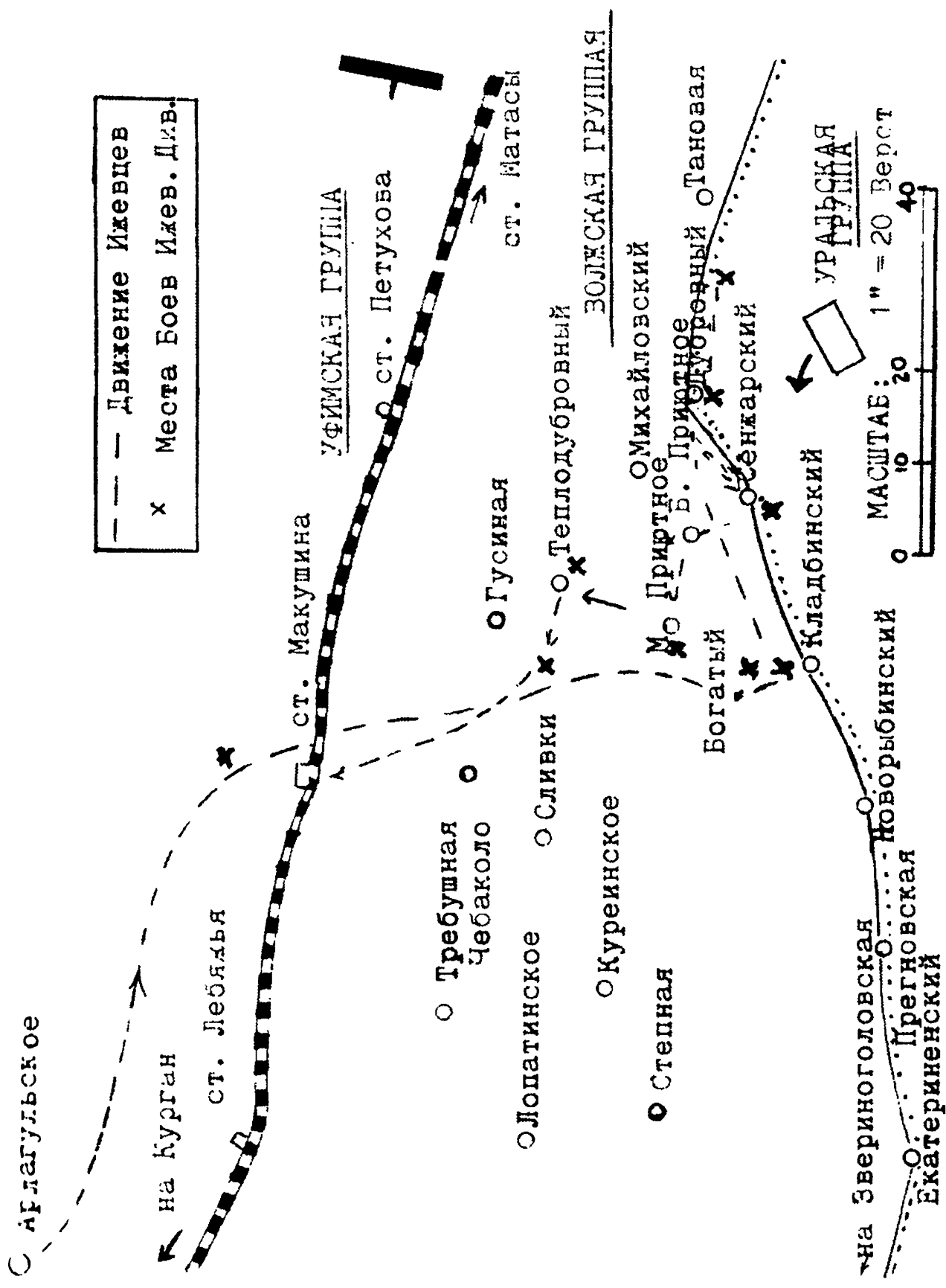

Схема № 12. Наступление к Тоболу

либо задачу по разведке сил и расположения противника было бесполезно, и генерал Молчанов приказал ему передать командование полком старшему офицеру.

Ижевцы, потрепав красных в указанных пунктах, расположились на ночлег в поселках Михайловском и Дубровном. Утром 29 августа красные под прикрытием тумана подошли к пос. Дубровный и атаковали 1-й полк. Бой отличался большим упорством и озлоблением бойцов, в рукопашной схватке дрались как звери, что редко наблюдалось раньше.

Красные отступили с большими потерями. Ижевцы тоже понесли тяжелые потери. На другой день, получив подкрепление, красные повторили атаку, но были отброшены после штыковой схватки. Первый полк был выведен в резерв для отдыха, а позицию у поселка занял 4-й Саткинский полк. Вскоре после смены он был атакован и не выдержал удара противника. Дубровный был захвачен красными.

В контратаку были направлены 1-й и 2-й полки. 1-й полк штыками выгнал красных из поселка в поле, и здесь они были окончательно разбиты и бежали в пос. Сенжарский.

Интересные подробности об этих боях дает командир 1-го Ижевского полка капитан Михайлов. О первом бое у пос. Дубровный он сообщает: «Утром рано с наступлением рассвета, под покровом густого тумана, красные близко подошли к окопам и с криком «ура» бросились в штыки. Окопы занимал 1-й полк. Бойцы выскочили из окопов и приняли удар. Произошел ожесточенный рукопашный бой. Забывали про винтовки. Катались в обнимку по земле, грызли и душили друг друга. Фельдфебель 6-й роты чуть не был заколот штыками двух красных. Изловчившись, он поймал их винтовки и прижал под мышки. Он отличался большой физической силой, и красные, как ни старались вырвать свои винтовки, не могли этого сделать. Фельдфебель, в свою очередь, не мог выпустить винтовки, боясь, что его заколют. Не выпуская винтовок, красные приблизились к нему вплотную и стали его грызть. Покусали щеки, одно ухо было почти все отгрызено, другое сильно искусано. Фельдфебель закричал на помощь. Подоспели двое наших и красных закололи. Красные были отброшены с большими потерями...»

О другом бое под пос. Дубровный тот же участник рассказывает о смерти своего офицера: «В этот раз полк понес большую

утрату в лице подпоручика Евстафьева — командира 7-й роты. Евстафьев всегда врывается в самую гущу красных и орудовал пожом. Отличаясь необыкновенной смелостью, находчивостью и ловкостью, он приводил своих врагов в оцепенение и заставлял разбегаться. В этом бою он был поднят на штыки. 17 штыковых ударов закончили его жизнь. Когда я подъехал верхом к группе солдат, то увидел следующую картину: солдаты 7-й роты, окружив пленных, около 30 человек, плачут над убитым ротным командиром. Мне показывают на пленных и говорят: “Вот эти св... его убили. Пощады им не будет”. Эта картина врезалась мне в память навсегда. Забыть трудно...»

Дальше командир полка рассказывает о положении на поле боя: «Красные были окончательно разбиты. Части их перепутались, некоторые застрявшие у нас в тылу прорывались к своим. Всю ночь полк стоял в открытом поле в боевой готовности, выставив охранение. Поздно ночью, считая, что в тылу нашем красных больше нет, мы заняли позицию фронтом на запад. Я пошел проверять заставы и перехожу от одной к другой. Неожиданно в перелеске в кустах слышу треск ветвей и шум, который в тишине ночи казался, как будто идет табун лошадей и ломает все на своем пути. Я остановился. Мимо меня, в шагах тридцати прошел батальон красных. Шли очень быстро, в порядке, поддерживая равнение и не проронив ни одного слова. Это было под утро, начинало светать. Я их прекрасно видел, возможно, что и они видели меня. Но им было не до меня. Они пробирались из нашего тыла и прошли как раз между нашими заставами. Я ничего не мог предпринять и, пропустив их, отправился на следующую заставу...»

После боев у пос. Дубровный, Ижевская дивизия перешла в станицу Становая — исходному пункту для перехода в наступление. Здесь она заняла расположение на левом фланге Волжской группы генерала Каппеля.

План действий 3-й армии, по данным генерала Сахарова (Белая Сибирь, стр. 131), заключался в следующем: «Волжский корпус (группа) и арьергард Уфимского сдерживали напор красных по обе стороны Сибирской жел. дороги; в то же время на обоих наших флангах сосредоточивались ударные группы, которые должны были с двух сторон обрушиться на большевиков. А Уральский корпус (две дивизии) перебрасывался

скрытно вверх по Ишиму на наш крайний левый фланг, откуда предполагалось вывести его кружным путем в тыл красных и тем закончить их окружение».

Начиная с 28 августа, противником Ижевской дивизии была 2-я бригада 26-й кр. дивизии, части которой, как это показали бои, дрались с большим упорством. 26-й красной дивизией командовал начдив Эйхе, статья которого о рассматриваемых событиях помещена в сборнике «Гражданская война 1918—1921», том 1. 2-я красная бригада, после боев у пос. Дубровный, укрепилась в пос. Сенжарский и нашу разведку до 2 сентября встречала ружейным и артиллерийским огнем. 2 сентября утром красные оттеснили наше охранение к Становой, но бежали при подходе подкрепления.

Перейдя в наступление, назначенное по всему фронту, Ижевцы оттеснили красных к пос. Сенжарский и после упорного боя овладели этим поселком. Красные отступили на северо-запад.

У Ижевцев настроение бодрое, чувствуется большой подъем. После долгого августовского отступления, боев на арьергардных позициях, коротких контратак, наступление всеми силами было встречено с большой радостью. Хотя дивизия численно много менее бригады тех дней, когда Ижевцы отличались под Уфой, и ряды их теперь не досчитывают многих доблестных офицеров и солдат, — они вспомнили мартовские стремительные наступления и рвутся вперед. Генерал Молчанов, учтя подъем духа Ижевцев, идет на смелые и рискованные, но... дающие большие результаты, маневры.

Сбив красных у п. Сенжарский, дивизия преследовала их до темноты, а в 2 часа, в ночь с 3-го на 4 сентября захватила село Большое Приютное совершенно неожиданно для красных. Фронт противника был прорван, и дивизия оказалась в тылу частей 2-й красной бригады. В стане врага полная растерянность. Штаб бригады заметался во все стороны. Вместо того, чтобы присоединиться к одному из своих полков, этот штаб, отрезанный от путей на запад, стал прорываться вкруговую через наш тыл и побывал в наших обозах. Обозники навели на них панику, и они бросились наутек. Один красный герой, побоявшись плена, сорвал с себя орден Красного Знамени. Этот орден случайно нашли около дороги и доставили генералу Молчанову. Мы

видели его в первый раз. Красотой он не отличался — золотая бляха с красным ромбом. Сделан плохо — видимо, продукция еще не налажена...

Обоз штаба 2-й бригады попал полностью в наши руки с оперативными делами. Документы были срочно, после короткого просмотра, отправлены генералу Каппелю. Для собственных справок был записан боевой состав бригады по сведениям к 2 сентября: в 229-м Новгородском полку 710 штыков, 15 пулеметов и 27—32 разведчиков (предположительно, пеших и конных); в 230-м Старорусском полку соответственно 880, пулеметов 17/11 (видимо, тяжелых и легких) и 20/22 разведчиков; в 231-м Сводном п. — 616, 10/9 и 28/21; в 7-й батарее 4 орудия и 2 пулемета; в 8-й батарее 4 орудия (одно неисправно); во 2-м отряде «особого назначения» 155 штыков и 2 пулемета; в 26-м кавалерийском дивизионе (?) сабель.

В таблице потерь не было полных сведений и только указано: потери за 1 и 2 сентября в боевой состав не входят; 230-й полк потерял за 1 сентября более 100 человек; 231-й полк 28 августа потерял 154.

Общий подсчет штыков (с разведчиками) дает боевой состав бригады — более 2 с половиной тысяч. Перед началом последних боев 2-я бригада имела приблизительно 2 900—3 000 бойцов.

Ижевцам приходилось иметь дело с более чем двойными силами противника, имевшими четверное количество пулеметов.

2-я бригада, кроме того, имела на уступе своего правого фланга 66-й кав. полк, но этот полк держался далеко сзади, и 3 сентября, по словам начдива Эйхе, — «ушел в неизвестном направлении». Эйхе дает такие сведения об описанных здесь событиях (стр. 199 указанного сборника).

«Штаб 2-й бригады был расположен в дер. Богатый... Под утро 4 сентября дер. Богатый подверглась внезапной атаке Ижевской бригады белых. Дороги, ведущие к нам в тыл, были перехвачены... Сотрудники штаба, во главе с командиром бригады, уже под огнем белых проскочили по единственной еще свободной дороге в сторону фронта на дер. Приютово. Весь обоз штаба бригады со средствами связи, оперативными материалами и всем прочим имуществом штаба остался в руках белых... разгром ими штаббрига 2-й завершился тем, что полки бригады,

оставшись без руководства, оказались глубоко охваченными и попали в тяжелое положение. Лишь на другой день они, сильно пострадавшие, прорвались в район дер. Степная... Это был первый крупный успех белых. Правофланговая 2-я бригада 26-й стрелк. дивизии уже не представляла серьезной боевой силы»...

Пункт расположения штаба 2-й бригады указан у Эйхе другой, чем дают записи автора этого очерка, но это не столь существенно.

После краткого ночного отдыха Ижевская дивизия в 7 часов утра была брошена генералом Молчановым на дер. Мал. Приютное.

Авангардный 2-й полк, столкнувшись на дороге с красными, начал разворачиваться для наступления, но подошли другие части, и действия вылились в безудержную атаку. Конные повозки всех родов, включая хозяйственные, бросились вперед. Пешие бежали или подсаживались на повозки или к всадникам. Все надрывались, крича «ура». Скачущая масса подняла огромное облако пыли. Красные, занимавшие Малое Приютное, сделав несколько выстрелов, в панике бросились в направлении на дер. Гусиная. Часть наших обозов 2-го разряда, не поспевавшая за своими частями, потеряла направление и несколько повозок попало к красным, которые пробирались перелесками в свой тыл. Их полки рассеяны и бродят кругом мелкими отрядами. Наша артиллерия, следя за их появлением по окружающим лескам, где они стараются укрываться, обстреливает их, не давая возможности собраться. Пушки поворачиваются во все стороны.

У нас все довольны и веселы. Усталости не чувствуется, хотя почти не спали. К вечеру двинулись дальше и выгнали красных из деревень Теплодубровная и Стрелецкая. У соседей справа — Самарской дивизии — дела также идут успешно. Они выбили из пос. Михайловский 228-й Карельский полк, и этот полк заночевал в лесу, недалеко от нашего правого фланга.

Утром 5 сентября красные, подошедшие с севера, повели на нас атаку. Это были части 1-й бригады красных, к составу которой принадлежал и указанный Карельский полк (см. кроки).

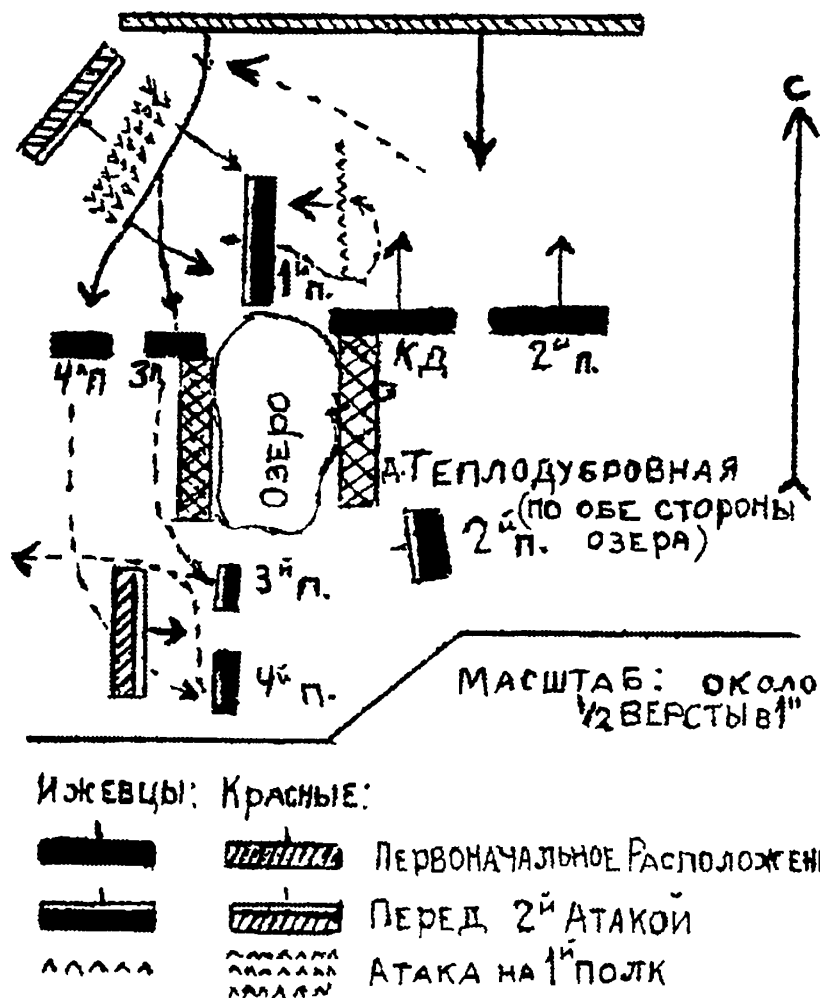
Бой разгорелся у одной из двух деревень, занятых Ижевцами накануне вечером, кажется у Теплодубровной. Деревня была расположена на восточном и западном берегах небольшого озера. 1-й и 2-й полки развернулись на правом фланге дивизии. 3-й и

4-й полки, недавно начавшие свое формирование, расположились на левом фланге. Вследствие своей малочисленности, они не могли оказать большого сопротивления и принуждены были отступить на южную окраину деревни, заняв позицию фронтом на запад и примыкая правым флангом к озеру.

1-й и 2-й полки отбили красных, которые отошли к северо-западу и стали готовиться к новой атаке. Общий фронт дивизии повернулся на запад. 1-й полк занял позицию к северу от озера. 2-й полк был отведен в резерв и должен был быть в готовности, в случае надобности, поддержать 3-й и 4-й полки.

Командир 1-го полка послал на правый фланг этих полков два пулемета, которые расположились укрыто в южной части западной половины деревни с задачей бить во фланг наступающим.

Когда генерал Молчанов принимал доклад от командира 1-го полка капитана Михайлова, красные начали обстрел деревни артиллерией. Начальник дивизии и чины Штаба стояли у ворот крестьянского двора. Капитан Михайлов попросил всех

Кроки к бою у дер. Теплодубровная

встать за избу. Кто-то спросил: «А какая разница?» — «Плохая защита», — ответил Михайлов, указывая на ветхие доски ворот. Только отошли от ворот за избу, как во дворе разорвался снаряд и осколками разбил ворота в щепки.

Есть какое-то шестое чувство у людей, которые живут среди опасностей и имеют способность вовремя их предусмотреть.

Окончив артиллерийскую подготовку, красные пошли в наступление. На фронте 3-го и 4-го полков атака была отбита. Присланные из 1-го полка пулеметы своим продольным огнем во фланг красным нанесли им большие потери. Главные силы красных обрушились на 1-й полк. Они пошли в атаку тремя густыми цепями, имея за ними еще сильные поддержки. Чтобы не быть обойденными с открытого фланга, полк растянулся в одну цепь и остался без резерва. Подавляющие массы противника заставили нашу цепь начать отступление. Отходили спокойно и в полном порядке.

Генерал Молчанов помчался к 1-му полку. Ижевцы быстро повернули на красных. «Сам начальник дивизии в цепи!» — послышались голоса, и дружным натиском первая цепь красных была опрокинута на вторую, у них произошло замешательство, и отступление распространилось дальше.

Наступавшие цепи красных можно было хорошо обстрелять во фланг из деревни. Здесь находился только Штаб дивизии, который выставил к озеру все свои огневые средства — 7—8 офицеров и ординарцев с винтовками.

К концу боя подошли две дивизии Волжской группы — Самарская к правому флангу и Казанская — к левому. Все три дивизии преследовали отступившего противника и к вечеру 5 сентября захватили деревни Каравашкино и Монастырская.

За день у нас большие потери, особенно в командном составе. Во 2-м полку убит последний командир батальона Куликов. В 3-м полку командир батальона Михеев, и искалечен лошадью другой батальонный, 6 сентября дивизия перешла в село Макушино в резерв Командующего армией. 8 сентября через Чубаково дивизия двинулась в дер. Гусиная.

9 сентября прибыл Верховный Правитель и произвел смотр. Адмирал Колчак благодарил Ижевцев за новые успехи в последних боях. Дивизия награждена Георгиевским знаменем. В приказе отмечалось, что дивизия (прежде бригада) при на-

ступлениях шла всегда впереди, отличалась стремительностью в авангардных боях; при отступлениях отходила последней, упорно обороняясь на арьергардных позициях, и никогда не имела поражений. Начальник дивизии генерал Молчанов за выдающееся руководство блестящими действиями дивизии награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Много доблестных солдат получило Георгиевские кресты, и офицеры — повышение в чинах. Знамя было заказано заранее, но не было готово к приезду Адмирала Колчака в дивизию.

27а. Наступление на Тобол

Первая неделя наступления привела к большим успехам на всем фронте Армии. Красные были отброшены от линии ст. Магасы — станция Становая на 100 верст к западу, потерпев ряд поражений на всех участках фронта. Над ними нависла угроза проиграть операцию и отступить к Уральским горам.

С большой поспешностью противник начал усиливать свою 5-ю армию. Сильную группу свежих частей красные сосредотачивают на своем правом фланге в районе пос. Екатерининский. Эта группа должна ударить на фланг и тыл белым частям, теснившим их с юга (Уральская группа и Сибирский казачий корпус). Сюда они спешно перебрасывают 5-ю красную дивизию со станции Варгаши и из Троицкого и Звериноголовского районов части 35-й красной дивизии, усиленные Степной бригадой. Сильно пострадавшая 26-я дивизия подкрепляется бригадой 21-й красной дивизии (4 полка). Формируется трехполковая кавалерийская дивизия. Производится мобилизация в Челябинском районе с призывом 24 000. Позднее из фронтового резерва присылается 54-я красная дивизия.

Вновь собранная группа из 5-й и 35-й красных дивизий получает приказ перейти в наступление 7 сентября. Командарм 5-й красной армии Тухачевский в статье «Курган — Омск», в сборнике «Борьба за Урал и Сибирь» пишет (стр. 78): «Нет никакого сомнения в том, что этот контрманевр, предпринятый пятой армией, мог бы нанести противнику очень сильное поражение. Однако этого не случилось». Далее Тухачевский обвиняет свой штаб, вернее себя, в том, что «штаб пятой армии в течение

всей этой операции оставался в Челябинске, в то время как ему следовало бы быть от фронта не далее, как в Кургане».

Помешали командарму красной армии находиться ближе к фронту «вопросы местного формирования, местной мобилизации, местных заготовок и т. д.». Заканчивает свои оправдания Тухачевский так: «Очень часто в ущерб оперативной обстановке штабам армий приходилось отставать от боевой линии, чем затруднялась организация и без того бедной связи и в значительной мере нарушалась целостность управления»...

Как уже отмечалось при описании боев под Челябинском, Тухачевский очень поверхностно и небрежно относился к своим важнейшим обязанностям — руководству боевыми действиями. Когда идут решительные бои, нет надобности тащить за собой громоздкие и ненужные для данного времени отделы штаба, ведающие формированиями и заготовками. Достаточно с небольшим полевым штабом выехать вперед и быть там, откуда удобнее управлять дерущимися войсками. Тухачевский вождению войск явно предпочитал тыловую организационную работу, а действиями на фронте руководил из глубокого тыла, не имея возможности своевременно следить за быстро меняющейся обстановкой.

Вливавшиеся в 5-ю красную армию большие подкрепления давали Тухачевскому возможность остановить наше наступление, или, по его убеждению, — «нанести противнику очень сильное поражение». Ни того, ни другого он сделать и достигнуть не мог.

Результаты командования Тухачевского 5-й армией подводит начдив 26-й Эйхе (стр. 202): «Все резервы армии были использованы с крайне незначительным боевым эффектом»... «Истратив все свои резервы, командование армии в дальнейшем, до самого отхода наших войск за р. Тобол, ограничивается тем, что стремится изменением направления ударов дивизий, координированием их действий добиться поражения белых, но наши войска устали, понесли большие потери, потеряли гибкость маневрирования... Инициатива была в руках белых. При этих условиях стремление командарма руководить в быстро меняющейся обстановке своими тактическими указаниями приводило к бесконечному подталкиванию наших войск, к еще большему изматыванию наших сил» (стр. 203).

На большое увеличение красных сил наша 3-я армия, не менее уставшая, чем наш противник, и также понесшая тяжелые потери, не могла ответить сколько-нибудь значительным усилением своих рядов. Убыль в боях пополнялась в очень ограниченном размере, почти одним только возвращением в строй выздоровевших раненых и больных. На прибытие новых частей рассчитывать не приходилось.

«Чтобы докончить начатую операцию и опрокинуть красных за Тобол, было введено в боевую линию всё, включительно до моего конвоя...» — пишет генерал Сахаров (стр. 141)... «Верховный Правитель... прислал также свой конвой, который вступил в бой под начальством своего Командира полковника Удинцова и оказал много помощи. Но всё это были капли в море; тыл пополнения для наших частей не давал» (Сахаров, стр. 143).

Неблагоприятная обстановка сложилась на обоих флангах Армии, — там, где генерал Сахаров предполагал нанести противнику решительные удары.

На правом фланге соседняя 2-я армия не могла принудить противника к отступлению. Продвинувшись вперед, Уфимская группа подставляла свой фланг и тыл под удар красных. Группе было приказано повернуть часть своих сил на север и оказать содействие 2-й армии. После упорных боев части Уфимской группы одержали успех над красными, и они начали отступать перед фронтом 2-й армии. Правый фланг 3-й армии растянулся на север.

На южном фланге действия Степного отряда и Сибирского Казачьего корпуса не оправдали расчетов генерала Сахарова. Он пишет (стр. 140): «...масса конницы, сосредоточенная на нашем левом фланге, после успеха в бою под станицей Пресновской, после разгрома 5-й и 35-й советских дивизий, проявила очень большую пассивность и потеряла много времени, вместо того, чтобы стремительно вынестись к Кургану и разгромить тылы красных, отрезав их силы от переправ на Тоболе... Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую победу в разгром красных».

«Поэтому-то нам и приходилось в течение более двух недель, шаг за шагом, бить большевиков в целом ряде непрерывных

боев, производя постоянные маневры одними и теми же силами... форсированные марши и маневры утомляли войска. Бои упорные и жестокие, так как большевики не только оказывали нам стойкое сопротивление, но и сами пытались переходить в контратаки, — бои с каждым днем уменьшали наши силы».

Такова была в главных чертах обстановка борьбы в течение двух недель после удачных боев первой недели наступления.

* * *

Столкновение Уральской группы с вновь появившимися силами красных потребовало усиления этой группы, и Ижевская дивизия в ночь 9—10 сентября была двинута на помощь Уральцам.

10 сентября дивизия вступила в продолжительный и упорный бой с противником у деревень Больш. и Мал. Мартино. У противника хорошая позиция с отличным обстрелом, и он не давал нам возможности продвигаться по открытому полю. Бой затянулся до темноты. На ночь дивизия была собрана в ближайший лес, где и заночевала. Противник был потрясен боем, и разведка выяснила, что, несмотря на кажущийся успех, красные около полуночи ушли со своей сильной позиции.

Убит командир батареи Бабушкин.

11 сентября утром перешли в село Курейское, занятое накануне 11-й Уральской дивизией. На площади и на улицах разбросаны разные домашние вещи, земля покрыта пухом от подушек, часть домов сожжена. Здесь ночью спрятавшиеся красноармейцы и местные большевики порубили топорами 60 спящих Уральцев. В организации избиения участвовал священник, который подговорил нападавших не выпустить начальника дивизии генерала Круглевского. Последнему удалось вовремя выскочить и спастись.

Когда Уральцы справились с убийцами, пойманный и уличенный священник был по приказу генерала Круглевского расстрелян. Дома местных большевиков, участвовавших в ночном нападении, были разгромлены и некоторые сожжены.

12 сентября атаковали большое село Лопатинское. Атака на открытой, слегка всхолмленной местности, кое-где покрытой группами кустов, была хорошо видна с пригорков, с которых

развернулись цепи Ижевцев. Зрелище было чрезвычайно красивым.

Этой атакой восторгался английский генерал Нокс, приехавший ко времени начала наступления на автомобиле. В свою очередь, Ижевцы были удивлены хладнокровием и смелостью англичанина. Не вылезая из своего автомобиля, он ехал за цепями, не обращая внимания на огонь красной артиллерии и пулеметов.

Лопатинское было взято сравнительно легко, красные отошли к дер. Худяково. Эта деревня видна с колокольни Лопатинской церкви — завтра должны ее взять. Ночью красные наступали на сторожевое охранение, но были отбиты. Предполагалось, что красные атакуют ночью. Начальник дивизии поехал вперед и осмотрел занятые полками участки.

13 сентября завязался упорный бой у дер. Худяково. На наших флангах Уральцы. Около полудня деревня была захвачена. Красная кавалерия, пробравшаяся в тыл, создала в обозах и артиллерии панику. Часть обозников помчалась в тыл. Там, как в таких случаях полагается, распространились слухи, что вся дивизия погибла. Пропал командир 3-го полка капитан Зуев, но потом отыскался. Генерал Молчанов, поехавший без конвоя к одному из полков, едва не попал в плен. Красные всадники полчаса гонялись за ним по перелескам, но в конце концов ему удалось ускользнуть и добраться до Худякова.

К вечеру выяснилось, что мы в очень невыгодном положении. Красные с трех сторон. Соседи наши исчезли без предупреждения. Полкам приказано бдительно охраняться и вести тщательную разведку.

Офицер штаба залез на крышу для ориентировки. В это время сообщили, что красные уже вошли в деревню. Бывшие у нас в гостях французские офицеры Марто и Франсуа озираются кругом и не знают, что им делать. И штабу, и гостям пришлось быстро уходить из Худякова. На ночь дивизия собралась в деревне Моховая.

14 сентября 1-й и 2-й полки направлены в деревню Давыдовка, остальные — в село Курейнское. 15 сентября дивизия перешла в деревню Бородино, штаб — в деревню Степная, 16 сентября собрались в деревне Сухмень, — намечается удар в тыл красных, удерживающих позицию у деревни Худяково. 17 сентября пере-

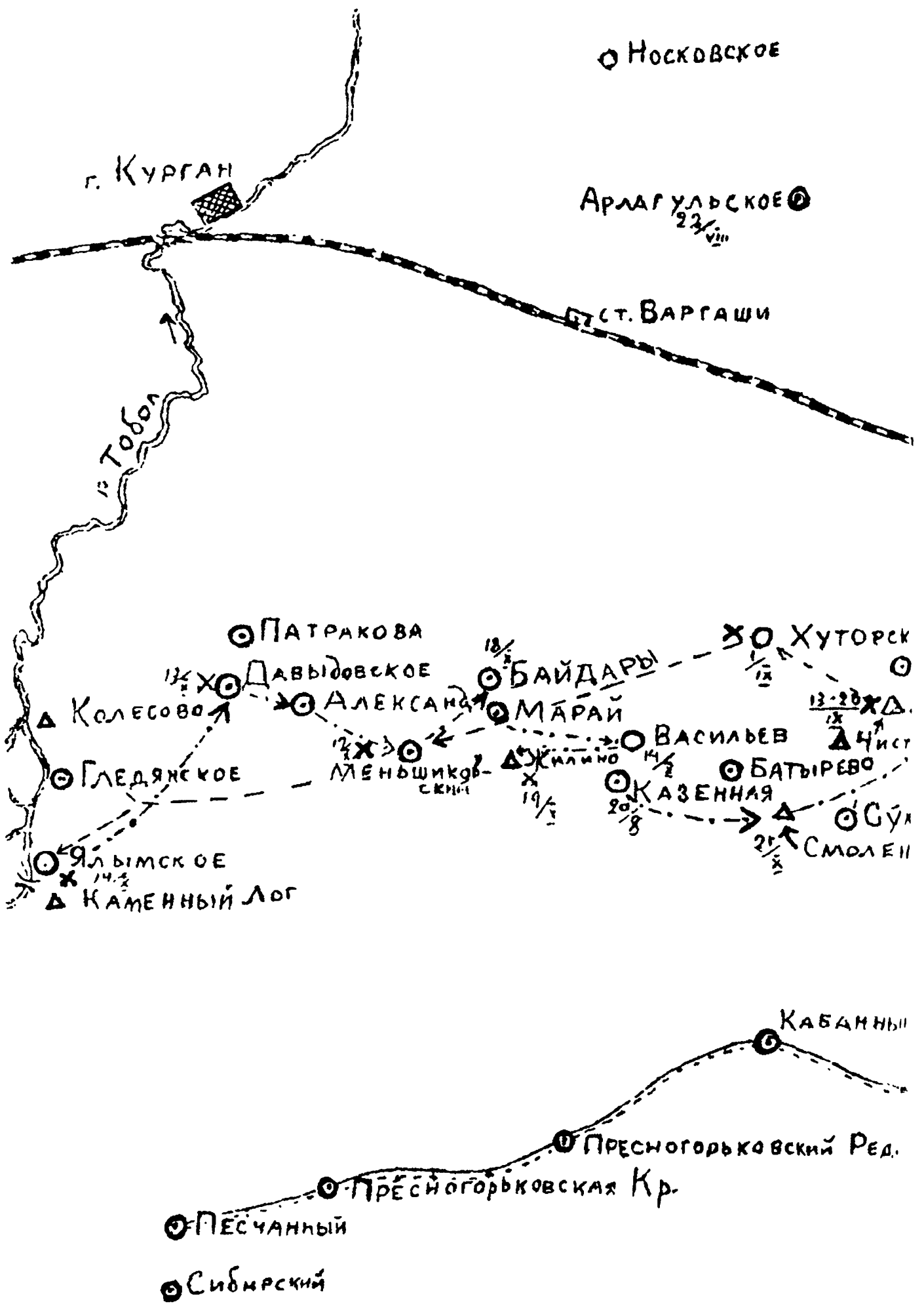

Схема № 13. Действия Ижевской дивизии при наступлении 1.IX — 1.X к р. Тобол и при отступлении на восток (с 14.X. 1919 г.)

шли в деревню Чистая. Ночью полки двинулись на Худяково, атаковали красных и посеяли у них панику. Они выпрыгивали из окон, выламывая рамы. К утру 18 сентября Худяково было вторично в наших руках. Приехал командующий Армией, но ненадолго. Противник перешел в контратаку и занял Худяково. Дравшиеся рядом с нами Уральцы вымотались и легко уступают врагу. Остановить их цепи и повернуть на противника не удалось, даже под угрозой револьвера.

Отступили в село Лопатинское.

В управлении боевыми действиями полный беспорядок. Генерал Круглевский отозван за расстрел священника; на его место прислан генерал Беляев — инспектор артиллерии армии. Он — артиллерист старой выучки, занимал административные посты, управлять дивизией в бою не умеет. Не зная, что ему делать, он всех спрашивает: «Как, по-вашему?» И продолжается это уже несколько дней.

Генерал Косьмин, командовавший Уральской группой, честолюбивый и ревниво относившийся к успехам других, был весьма недоброжелателен к генералу Молчанову как к начальнику с установившейся боевой репутацией.

Вместо того чтобы для объединения действий Ижевской и 11-й Уральской дивизий подчинить генерала Беляева генералу Молчанову, он сделал наоборот, и неопытный генерал Беляев вносил много путаницы своими распоряжениями. Когда генералу Молчанову приходилось встречаться с генералом Беляевым, он по-дружески объяснял ему обстановку, что лучше всего предпринять, и т. д. Генерал Беляев выслушивал, соглашался, но как только генерал Молчанов уезжал, его помощники давали ему другие советы, и генерал Беляев совершенно терялся в незнакомом ему деле.

В результате даже удачные бои приводили к бесплодным результатам и отступлениям. К этому надо добавить еще одну причину, задерживавшую нашу операцию, — начались дожди, дороги попортились, появилось много больных.

19 сентября утром красные очистили Худяково, и туда сейчас же вошли наши разведчики. Они выяснили, что противник занял удобную позицию в трех с половиной верстах западнее. Атака этой позиции нашей и 11-й Уральской дивизией была отбита. В лесу нарвались на засаду, и часть 44-го Уральского полка

перешла к красным. Для приведения в порядок обе дивизии отошли от Худякова в направлении к Лопатинскому.

4-й Ижевский полк, начавший свое формирование три недели тому назад, уже потерял часть своего небольшого состава и имеет сегодня всего около двадцати бойцов. Но дерется упорно и вместе с Оренбургскими казаками отбил атаку на деревню Чистая и помог 2-му полку при атаке на красную позицию, отвлекши на себя внимание их правофланговой части.

2-я Оренбургская казачья бригада действует в нашем районе, но уже 5 дней казаки не знают, кому они подчинены — Партизанской (Степной) группе или Уральской. Бригада должна обойти красных с юга, но не имеет точных указаний.

20 сентября наши разведчики выяснили, что красные деревню Худяково не занимают. Они держатся по-прежнему на своих позициях, три с половиной версты западнее Худякова.

Сегодня 7-я Уральская дивизия атакует деревню Калашная, а 11-я Уральская дивизия должна двумя полками зайти в тыл красной позиции. Наша дивизия должна вести наступление от села Лопатинское. В 14 часов Оренбургская казачья бригада сосредоточилась в деревне Чистая. Красные заняли деревню Батырево. Из-за путаницы в управлении Оренбуржцы потеряли день. Только вечером от деревни Чистая Оренбургская бригада ударила по красным и гнала их 15 верст.

2-й Ижевский полк должен был продвинуться вперед, но из-за сильного огня противника это ему не удалось. 21 сентября противник, обнаружив наше сосредоточение в обход его сильной позиции, не выдержал и отступил, встретив нас в 12 верстах к западу на новой позиции. За ней дер. Хуторская в четырех верстах.

Казаки при преследовании едва не захватили 8-ю красную батарею. Батарея ускакала, оставив казакам свою походную кухню и пленных. После полудня дер. Хуторская была захвачена.

Красные начали поспешное отступление. Недельные бои у деревни Худяково закончились. Двинулись вперед к Тоболу, встречая по временам сопротивление красных арьергардов.

Отступление противника было общим перед всем фронтом нашей 3-й армии. 1-го и 2 октября части дивизии подошли без боя к реке Тобол и заняли участок от деревни Колесово до Ялымское, штаб — в деревне Глядянка.

Несмотря на значительное пополнение, которое красные периодически получали с тыла, и их, по временам, очень упорное сопротивление, наши враги потерпели ряд отдельных поражений и должны были оставить поле сражения. Тухачевский в своей статье (стр. 79, сб. «Борьба за Урал и Сибирь») признает свою неудачу: «В 20-х числах сентября нам мало уже удавались наступательные действия. Войска были чрезмерно истрепаны и утомлены. Для продолжения операции необходимо было освежить и пополнить части, выведя их из состояния непрерывного боя. В тылу армий производились спешные мобилизации крестьян и готовились маршевые части. Необходимо было выиграть время и дать войскам отдых. Вследствие этого было принято решение об отводе частей 5-й армии за р. Тобол».

Тяжелые сентябрьские бои привели к огромным потерям в рядах обоих противников. Генерал Сахаров дает (стр. 153) следующие цифры убитыми и ранеными за период с 1 сентября по 15 октября:

	офицеров	солдат и казаков
Уфимский корпус	480	8358
Волжский корпус	224	3960
Уральский корпус	227	4814
Степная группа	57	638
Итого:	988	17 770

Эйхе дает сведения о потерях в четырех красных дивизиях (35-й, 5-й, 26-й и 27-й): убитых — 518, раненых и контуженных — 4 829, пропавших без вести — 2 627, больных — 6 729, всего — 14 719 человек. Из этих дивизий особенно пострадала 26-я (5 825)*. О потерях полков 21-й дивизии, кавалерийских частей и позднее прибывших 54-й дивизии и других формирований сведения не указаны.

Потери Ижевцев в этих боях частично сохранились из сведений «перевязочного отряда» дивизии. По этим данным, через отряд в течение сентября прошло раненых Ижевцев — 274, других частей — 117, контуженных 24 и 2, больных 65 и 50, всего — 363 Ижевцев и 171 чел. других частей. Вместе с убитыми и ранеными, прошедшими мимо перевязочного отряда дивизии,

* 27-я потеряла 4 889, 35-я — 2 375 и 5-я — 1 630 человек.

потери дивизии были около 500 человек, или почти 40 процентов боевого состава.

Для 3-й армии тяжкие потери — более половины ее состава — явились кровавой раной, от которой она, не получая пополнения, была обречена на печальное будущее.

Но, подводя итог этому наступлению, следует признать, что жертвы не были напрасны. Красные должны были прекратить на два месяца или больше переброску своих войск на другие фронты и даже направить резервы из своего тыла (54-ю дивизию и некоторые другие формирования), чтобы не потерпеть нового поражения и отступления к Уралу.

28. Отступление к р. Ишим

По выходе на Tobol наступили сравнительно спокойные дни до 14 октября. Обе стороны отдыхали и готовились к дальнейшим действиям. Красные усиливались, вливая новые пополнения. На нашу долю достался только отдых, и никаких свежих пополнений, если не считать немногих возвратившихся после поправки раненых и больных.

На отдых мы расположились просторно в деревнях, где сибирские крестьяне живут в большом достатке и хорошо относились к нам. Гостеприимные хозяйки угощали вкусными шанешками и другими изделиями своего искусства.

Ижевцы в свободное от сторожевой службы и приведения в порядок своего оружия и обмундирования время занимались ловлей раков, которые водились в больших количествах в многочисленных рукавах реки.

Приезжал Командующий Армией и вспоминал с генералом Молчановым, как получил от него хорошую трепку. «Никогда мне ни от кого так не попадало», — шутливо сказал генерал Сахаров. Воспоминание касалось одного из боев в районе деревни Худяково. Красные держались на удачно выбранной позиции, и выбить их оттуда потребовало бы больших жертв. Генерал Молчанов в таких случаях неоднократно выманивал противника в открытое поле ложным отступлением. Так было и в этот приезд генерала Сахарова. Было отдано приказание произвести в определенном порядке поспешное «беспорядочное» отступ-

ление и атаковать неожиданно противника, когда он увлечется преследованием. Все движения должно исполнять точно по личным указаниям начальника дивизии по телефону.

По намеченному плану артиллерия поспешно снялась с позиции. За ней последовали одна за другой части пехоты.

Генерал Сахаров, встретив стремительно отступающую в тыл артиллерию, остановил ее, связался по телефону с генералом Молчановым и приказал прекратить отступление. Последний, возмущенный тем, что его план нарушается, резко обратился к генералу Сахарову, доложил ему, что все идет так, как ему нужно, и предложил своему начальнику уехать и не вмешиваться в распоряжения или принять командование дивизией и разрешить уехать ему, генералу Молчанову. Генерал Сахаров уехал.

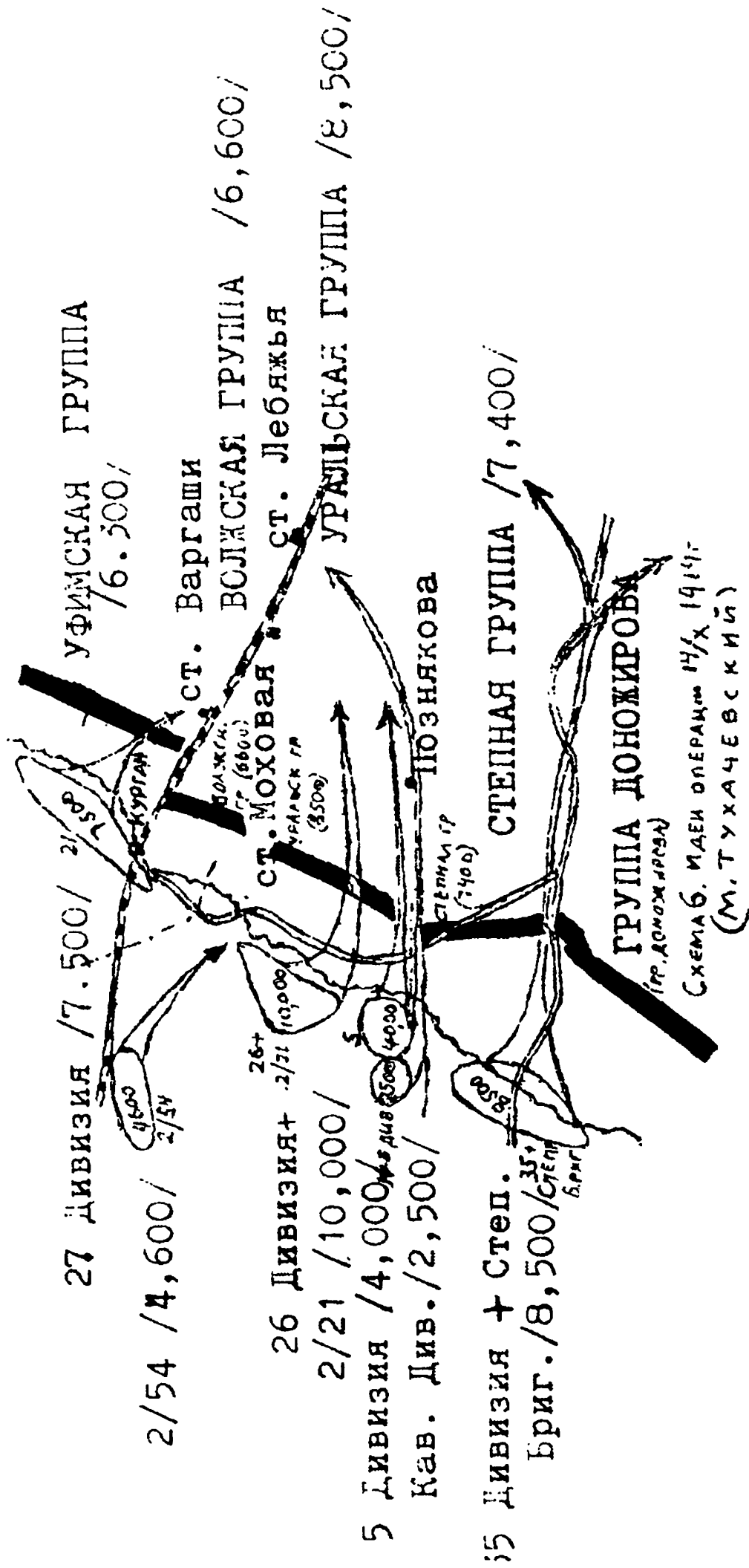
Теперь, спустя несколько недель, оба генерала с шутками вспоминали это происшествие.

Иначе сложились отношения у генерала Молчанова с его непосредственным начальником — командующим Уральской группой генералом Косьминым. Генерал Косьмин не мог не заметить, что генерал Беляев, заменивший генерала Круглевского, не был подготовлен для командования дивизией и тем более для объединения действий двумя дивизиями в той сложной и непрерывно меняющейся обстановке, в которой происходили бои. Тем не менее, он ничего не предпринимал, чтобы внести порядок в руководство боевыми действиями, и даже ни разу не приезжал познакомиться с ходом дел на месте.

Но, подчинив генерала Молчанова генералу Беляеву, он иногда вызывал первого по телефону и отдавал ему приказы помимо генерала Беляева. Однажды он приказал выполнить какую-то задачу и грозно добавил: «Если не выполните — я вас расстреляю». — «Приезжайте для расстрела сюда!» — получил в ответ генерал Косьмин. Такие ненормальные отношения между двумя старшими начальниками продолжались до выхода Ижевской дивизии из Уральской группы.

* * *

Красные перешли в наступление через Тобол 14 октября. Согласно схеме к статье Тухачевского (стр. 189), прилагаемой

Идея операции 14.X. 1919 г. (М. Тухачевский)

здесь, красные считали силы 3-й Белой армии в 28 000 бойцов, а свои — в 35 100 бойцов.

За отсутствием белых источников трудно проверить правильность этих цифр, но по-видимому силы 3-й Армии белых сильно преувеличены. В начале боев у Челябинска в середине июля в этой армии было 30 000 бойцов. С этого времени большие потери, особенно в сентябре, и незначительное пополнение должны были снизить боевой состав армии примерно до половины, то есть 15 000. Наверяд ли будет ошибкой считать, что красные силы 5-й армии к 14 октября имели более чем двойное превосходство, скорее двухсполовинное.

Необходимо вспомнить здесь, что, кроме численного превосходства, красные войска имели одну сильную сторону, которой не могли иметь и не имели белые армии. Это их «особые части», которые гнали красноармейцев в наступление.

Как было указано в списочном составе 2-й бригады 26-й дивизии, на 2 500—3 000 штыков красных солдат имелся «особый отряд» в 158 чекистов с двумя пулеметами. Кроме того, прослойки коммунистов или комсомольцев были и в мелких единицах до рот и взводов включительно.

Таким образом, даже испытанная и известная своей надежностью 26-я красная дивизия нуждалась для успеха в боях в помощи «особых отрядов». Они расстреливали бегущих и дезертиров, а также поддерживали «героические порывы» красных бойцов при наступлении стрельбой в их спины. На равнинной и большей частью открытой местности в районе Тобола эти отряды встречали хорошие условия для своей «почетной» деятельности.

Из схемы Тухачевского видно, что он наметил удар с таким расчетом, чтобы отбросить левый фланг нашей 3-й Армии к северу. Сообщая о подробностях своего плана, он говорит (стр. 82): «...Наши главные силы были сгруппированы на стыке Уральской и Степной групп и направлялись против Уральской группы, насчитывавшей в своем составе 8 500 штыков и сабель. Мы направили против нее 16 500 штыков и сабель, и, кроме того, 4 600 человек резерва двигалось в том же направлении. Следовательно, здесь мы имели подавляющее превосходство в силах... Волжская группа противника с нами связывалась демонстративными действиями, 27-я дивизия главными силами должна

была атаковать Уфимскую группу. Соединенными ударами нашей главной группировки и 27-й дивизии 5-я армия надеялась нанести главным силам противника решительное поражение в районе железной дороги Курган — Петропавловск».

Тухачевский сильно преувеличивал численность Уральской группы, как и других групп. В Уральскую группу входили три дивизии — 7-я и 11-я Уральские и Ижевская. В Ижевской дивизии ко времени подхода к Тоболу было только около 800 штыков и сабель. Вся Уральская группа, потеряв за время наступления более 5 000 офицеров и солдат (по сведениям генерала Сахарова), насчитывала не более 4—4,5 тысяч бойцов.

Исходя из собственного расчета, Тухачевский прав, что против стыка Уральской и Степной групп он имел «подавляющее превосходство в силах», но не 21 тысячу против 8 с половиной, а всего против 4—4,5 тысяч, то есть примерно пятикратное большинство.

Ижевская дивизия занимала участок на левом фланге Уральской группы — в том пункте, где противник наносил главный удар. Здесь одной из переправ являлся мост около с. Ялымское, в котором находился 3-й Ижевский полк, защищавший переправу. Мост не был нами разрушен в предположении возможности дальнейшего наступления.

Несмотря на приказы усилить наблюдение за деятельностью противника и следить за всеми его передвижениями, командир 3-го полка капитан Ольховой прозевал наступление красных. 3-й Ижевский полк был выбит из с. Ялымское, и красные заняли его большими силами. Они также захватили соседнюю деревню Каменный Лог к востоку от переправы.

Начальник дивизии направил для обратного захвата переправы 1-й и 2-й полки под общей командой капитана Михайлова. Оставив заслон против противника, занимавшего деревню Каменный Лог, капитан Михайлов выбил красных из села Ялымского, захватил переправу и отбросил находившегося там противника за Тобол. На деревню Каменный Лог в это время наступала 2-я Оренбургская казачья бригада, но красные, уже собравшие здесь значительные силы, отправили часть этих сил в тыл 1-го и 2-го полков. К переправе из-за реки подошли новые части красных, и Ижевцам грозило окружение. Было несколько горячих стычек, был тяжело ранен в

живот командир 2-го полка капитан Ляпунов. Переправа была оставлена, и Ижевцы отошли назад, заняв позицию недалеко от деревни Каменный Лог.

В этот же день правее участка Ижевской дивизии красные переправились на участке Уральцев. Их наступление началось на протяжении всего фронта нашей 3-й Армии.

15 октября утром генерал Молчанов приказал вновь захватить и удерживать переправу, но вскоре были получены сведения, что противник распространяется в тылу за нашим правым флангом, и приказ об атаке переправы был отменен. На правом фланге дивизии оставался лишь малочисленный 4-й полк.

Вследствие угрозы с севера штаб дивизии перешел вечером из деревни Глядянка на три версты восточнее и расположился на ночлег в находившихся здесь землянках. 16 октября в 3 часа ночи штаб был обстрелян. Ушли на 6 верст дальше к востоку.

В 8 часов красные в тылу за нашим правым флангом атаковали село Давыдовское. Связь со штабом группы порвалась. Генерал Молчанов со своим штабом направился на юго-запад к району 1-го, 2-го и 3-го полков и, собрав их, повел всю дивизию, кроме 4-го полка, на северо-восток для удара по красным, теснившим Уральцев. Шли, охраняясь во все стороны. На короткий ночлег остановились в летнем становище киргизов.

В 2 часа в ночь на 17 октября дивизия двинулась дальше на село Давыдовское, уже захваченное красными. 1-й полк атаковал село на рассвете и отбросил красных к северу. Взяты пленные 321-го полка 26-й дивизии. На колокольне был замечен наблюдатель противника, который отказался слезть вниз. Юнкер 1-го полка взялся захватить его и полез наверх. Завязалась борьба, юнкер одолел, и наблюдатель полетел вниз.

Произошло недоразумение с 4-м полком. Он подошел с запада и обстрелял 1-й полк. Через некоторое время ошибка выяснилась.

К красным из деревни Глядянки подошли 186-й и 187-й полки (21-й дивизии), и с их поддержкой 231-й полк перешел в контратаку. От деревни Петракова появились еще 229-й и 230-й полки. Собралась вся их 2-я бригада, знакомая по боям в первые дни сентября.

Среди перелесков и на полях со сложенными в копны снопами пшеницы разыгрался упорный бой с насевшими на нас

красными. 2-я Оренбургская казачья бригада, присоединившись к дивизии, два раза посылала сотни в атаку. В первой атаке казаки порубили продвинувшуюся вперед цепь красных. Во второй атаке был убит командир головной сотни, — красные выставили большое количество пулеметов, и атака не удалась.

Свирепо дрались Ижевцы, бросаясь в штыковые атаки. Захвачено много пленных. У нас большие потери. Отбросить красных не удалось, они сильно превосходили нас численностью и пытались отрезать от тыловых путей. Дивизия с Оренбуржцами направилась на пос. Александровский.

Для захвата этого поселка пошли 3-й Ижевский и 42-й Уральский полки. Последний был отрезан от своей дивизии и присоединился к нам. Александровский противником не занимался.

Направились дальше на деревню Меньшиково. Впереди 3-й Ижевский и 48-й Уральский полки. Но тут красные нас опередили, и эта деревня была занята их полками — одним пехотным и одним кавалерийским. Наши соседи, с которыми мы с утра 16 октября потеряли связь, отступали быстрее, и мы оказались в тылу красного фронта.

Необходимо было торопиться, чтобы не оказаться в тесном кольце окружения превосходящих сил врага. Вести упорные бои не имело смысла. Командир 3-го полка донес генералу Молчанову, что противник успел у Меньшикова укрепиться, вырыть окопы, у него отличный обстрел, атака головного отряда отбита сильным ружейным и пулеметным огнем.

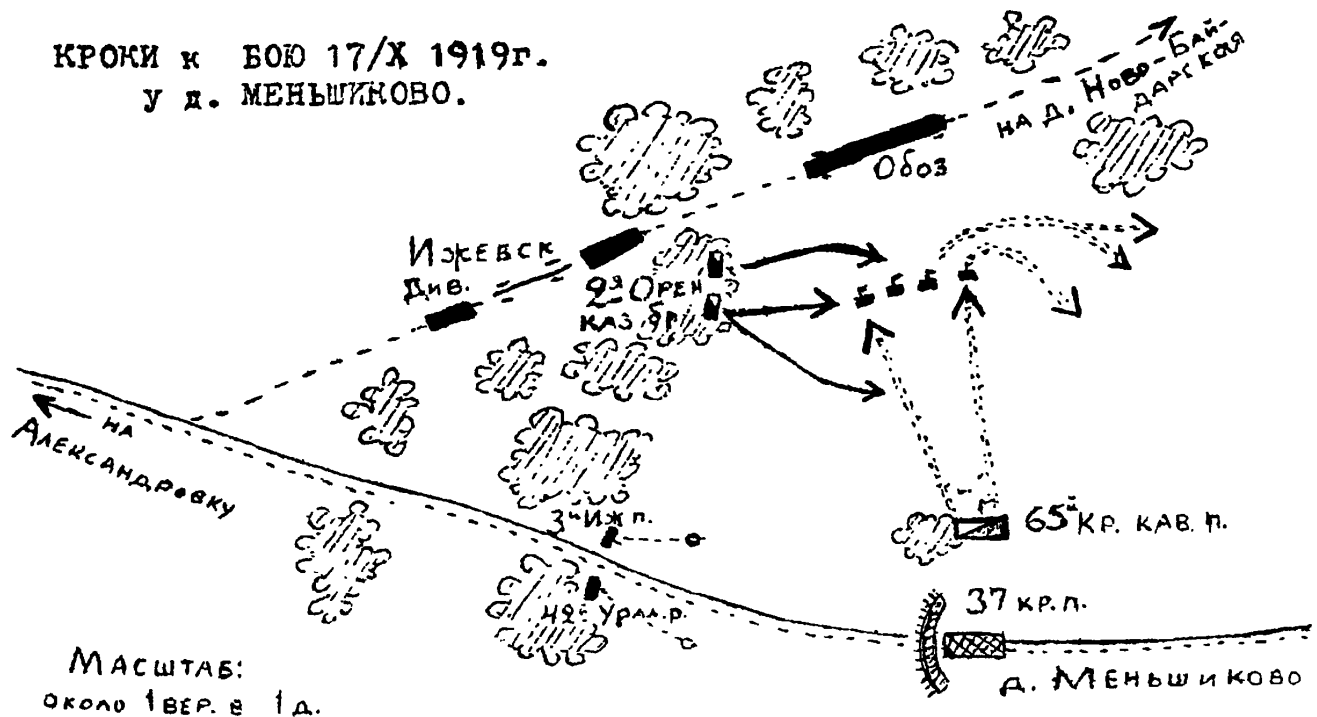
Генерал Молчанов выехал сам на рекогносцировку вместе с командиром 2-й Оренбургской бригады генералом Пановым. Действительно, красные успели подготовиться к встрече с нами, продолжали рыть окопы, подступы к деревне были совершенно открыты на полторы-две версты, и только с севера от деревни в полуверсте находился небольшой лесок. Чтобы взять деревню, надо было потерять время и понести большие потери. У нас в обозе уже было много раненых. Приближался вечер. Генерал Молчанов решил обойти деревню с севера, где по сведениям проводника была полевая дорога на деревни Ново-Байдарская и Морайская. Дорога проходила в 2—3 верстах от Меньшикова, среди небольших лесных групп, но часть ее была видна от занятой красными деревни.

3-му Ижевскому и 42-му Уральскому полкам приказано оставаться перед деревней Меньшиково и поисками разведчиков привлекать внимание противника. Остальная колонна свернула на полевою дорожку.

Красные зорко следили за нами, и наши разведчики донесли, что эскадроны противника начинают выстраиваться и выслали разъезды в небольшой лесок, что к северу от деревни. Было очевидно, что красная кавалерия собирается преградить нам путь по северной дорожке.

Надо было не только отбросить конного врага с нашего пути, но, по возможности, уничтожить его, чтобы он не мог и в дальнейшем мешать движению.

Генерал Молчанов наметил план действий, сообщил генералу Панову и выразил сожаление, что этот план невыполним. Это был своего рода маневр. Генерал Панов не был официально подчинен генералу Молчанову, а характер имел упрямый, любил спорить и настаивать на том, чтобы все делалось так, как хочет он. Чтобы не терять много времени на уговоры, нужно было дать почувствовать генералу Панову,

Кроки к бою 17.X.1919 у дер. Меньшиково

что решение зависит от него, что он план одобряет и будет его выполнять. На сомнение о выполнимости плана генерал Панов сразу же возразил: «Почему нельзя это сделать? Конечно, это выполнимо, и я это сделаю» (см. кроки к бою у деревни Меньшиково).

Немедленно были отданы распоряжения. Движение полков было приостановлено в лесу. Казаки собрались в лесу, не выходя на восточную опушку. Перед ними обширное поле. По полевой дороге потянулись обозы, выходя на открытое место. Первым двигался обоз штаба дивизии, и на передней повозке сидела жена начальника дивизии Наталия Константиновна Молчанова, показывая пример самообладания другим женам офицеров и солдат. Обозники были предупреждены, что на них предполагается нападение неприятельской кавалерии, которую казаки атакуют и отбросят прежде, чем они доскачут до обоза.

Когда обоз вытянулся на поляну, красные действительно соблазнились легкой добычей и двинулись в атаку. Послышались громкие выкрики команд, засверкали шашки, раздался торжествующий крик «ура!», и красная кавалерия бросилась на обозную колонну. Несмотря на предупреждение, некоторые обозники и крестьянские подводчики не выдержали грозного зрелища несущейся на них кавалерии и бросились бежать. Большая часть колонны продолжала движение, и можно себе представить, как чувствовали себя сидевшие на повозках обозные и семьи бойцов!

Но не успели красные доскакать до обоза, как на них обрушились казаки. Отчаянная схватка продолжалась недолго. От неожиданности всадники противника смешались и бросились назад и в разные стороны. В то время как часть казаков рубила опешившего врага, другие бросились отрезать им путь отступления на Меньшиково.

65-й кавалерийский полк противника погиб на три четверти. Казаки понесли незначительные потери. Это было лихое кавалерийское дело. На поляне осталось много убитых красных всадников, были взяты пленные, лошади, оружие.

37-й красный полк (5-й дивизии) не вышел на помощь своей коннице и не пробовал беспокоить нас на марше. Захватив за этот долгий и тяжелый день более 200 пленных, мы спокойно

продолжали путь по полевым дорогам, которые указывал проводник.

Вечером умер тяжелораненый три дня тому назад командир 2-го Ижевского полка капитан Ляпунов.

18 октября к 4 ч. утра дошли до деревень Ново-Байдарская и Марайская, где и расположились отдохнуть. Провели спокойно весь день. Перед вечером начали выступление дальше. В 16 часов появились красные, и мы под их огнем отходили к дер. Васильевка. Они не преследовали. В Васильевке связались с другими частями Уральской группы, о которых не имели сведений с утра 16 октября, и, таким образом, вышли на фронт своей армии. 19 октября утром к нам на подкрепление подошли части Сибирского Казачьего корпуса.

2-й Ижевский полк вместе с 4-й Сибирской Казачьей дивизией атаковали дер. Жилино. Красные были выбиты и отступили.

Казачи действовали слабо и значительной помощи не оказали. Они сами сознавались в своей неподготовленности. 2-й полк понес значительные потери — 6 офицеров и 95 солдат. Казачи на вопрос о потерях отмалчивались.

20 октября в 9 часов утра 2-й Ижевский полк с 3-й Сибирской Казачьей дивизией были направлены для обратного захвата дер. Марайская. Ввиду отхода на восток Степной группы, находившейся к югу от нас, наступление на дер. Марайская было вскоре отменено. 11-й Сибирский Казачий полк был срочно послан занять дер. Батырево, захват которой противником угрожал нам с тыла.

Третий Ижевский полк и 4-я Сибирская Казачья дивизия оттягиваются от выдвинутого положения в дер. Жилино. Около 11 часов отошли от дер. Васильевка на дер. Казенная. Вечером противник перешел в наступление, но не атаковал нас и залег перед дер. Казенная.

21 октября, рано на рассвете, красные атаковали нас в дер. Казенная. Наши части отошли 4 версты и здесь остановили наступление противника. Оставив арьергард, дивизия перешла на хутор Смоленский. Деревни Батырево, а потом Чистая были оставлены нашими соседями справа. Слева Степная группа продолжала откатываться, и дивизия вновь попадала под угрозу окружения. Охраняясь с севера и юга, двинулись в столь

знакомое село Лопатинское. Подходя к нему, еще не знали, кто его занимает. Выпал снег. Тяжелые недельные бои, отсутствие резервов и пополнений и большие потери вынудили армию к прекращению бесцельных операций и отходу за реку Ишим.

Ижевской дивизии было приказано усиленными переходами двинуться к г. Петропавловску, переправиться на восточный берег реки и, спустившись к югу, занять для обороны участок реки в районе станицы Бишкуль.

29. Воткинцы в боях на Тоболе

Мало сохранилось сведений о действиях Воткинцев на Урале и на реке Тобол.

Приводимый ниже эпизод сообщен ст. фейерверкером 2-й батареи Воткинского артиллерийского дивизиона К. М. Зайцевым. Точного времени участник боя не помнит, но можно предположить, что это относится ко времени форсирования красными Тобола в середине октября.

Красные, заняв большое село Карачино, четыре дня не могли сбить Воткинцев с их позиции и продвинуться дальше. Позиция Воткинцев упиралась в большое озеро, также имевшее название Карачино. Прикрываясь озером от нападения с фронта, батареи Воткинцев заняли позиции на фланге дивизии и продольным огнем били по наступавшему противнику.

В тылу расположения Воткинцев находился лес. Из этого леса можно было атаковать артиллерию и избавиться от ее губительного огня. Это красные и решили сделать. Скрытно, пробираясь оврагами, красная кавалерия, силою около полка, проникла в лес, не обнаруженная Воткинцами, и бросилась в атаку на батареи. Ближайшей оказалась 2-я батарея. Но, заметив атакующую конницу противника, батарея успела взять пушки на передки и помчалась под защиту своей пехоты.

Увидев 2-ю батарею и преследующих ее красных всадников, командир, полубатареи 1-й батареи, поручик С., повернул свои две пушки на противника и стрельбою на картечь обратил его в бегство. Оставив в поле несколько десятков убитых и раненых, красная кавалерия бросилась в лес и оттуда скрылась, не предпринимая новых атак.

К. М. Зайцев дал также краткие сведения о создании Воткинского артиллерийского дивизиона.

При поспешном бегстве с завода в день восстания рабочих против советской власти, 17 августа 1918 г., большевики сбросили две трехдюймовых пушки в Каму. Эти пушки были вытащены из воды, вычищены, оказались в полной исправности и послужили к зарождению Воткинской артиллерии.

Была создана 1-я батарея, командиром которой был Тряпицин. Помощником его был назначен упомянутый выше поручик С., который во время Мировой войны был наводчиком в артиллерии и вступил в ряды восставших рабочих с первого дня восстания.

2-я батарея была сформирована поручиком Алмазовым, который прибыл с двумя пушками из Ижевска. Его помощником был поручик Верцинский, позднее принявший батарею от Алмазова и командовавший ею до конца Забайкальского периода.

Первым командиром дивизиона был капитан Курбановский. Он был убит в бою у пристани Гальяны. В командование дивизионом вступил поручик Алмазов.

3-я батарея была сформирована позднее. Командовал ею Михаил Радыгин. В боях при защите своего завода Воткинцы захватили новые трофеи, и все батареи имели по 4 орудия.

Свою артиллерию Воткинцы сохранили в течение всего Сибирского похода и пришли с ней в Забайкалье. За это состав дивизиона был награжден Георгиевскими петлицами.

30. На реке Ишим

Выступив из района Лопатинского 22 октября, Ижевская дивизия переправилась через реку у г. Петропавловска и 26-го или 27-го заняла указанный ей для обороны участок.

Река Ишим протекала по сильно болотистой долине и во многих местах разветвлялась на несколько рукавов. Это облегчало оборону реки защитой только пунктов, где были возможны переправы, и наблюдением за промежутками.

На участке дивизии наиболее вероятным местом переправы противника было место, где дорога от станции Бишкуль на по-

селок Александровский подходила к реке, и имелся мост. Дорога была насыпана на болоте, и через имевшуюся здесь протоку был второй мост. При подходе к главному руслу реки, севернее дороги, находился небольшой холм. Мост через главное русло реки был разрушен наполовину.

Оборона этого направления была поручена 1-му полку. Стрелковая позиция находилась у самой реки. «Хоть рыбу лови удочкой», — вспоминает один из участников этих событий. У холма были установлены приданные полку две пушки, тут же размещался штаб полка, резерв и конная разведка. Окопов не рыли — не было лопат, и на болоте много не накопалось. Лежали стрелки, где было посуше, среди кустов и камышей.

Заняв пос. Архангельский, красные несколько раз пробовали переправиться через реку, но все эти попытки были отбиты. В конце концов, отказавшись от возможности захватить переправу, красные заняли позиции на своем берегу, также у самой реки, и открывали огонь при всяком движении у Ижевцев. Наступили заморозки, и лежать среди болот было холодно. Когда Ижевцы, чтобы согреть ноги, поднимали их и хлопали одну о другую, противник открывал пулеметный огонь. Среди раненых было больше с ранением в ноги.

Смена приходила в темноте. Стрелки пробирались поодиночке, чтобы не вызывать огонь и не нести потерь. На позиции находился один батальон, а два оставались в резерве у холма. Успех обороны этого пункта был полностью обеспечен.

В 10–15 верстах к югу от 1-го полка у дороги, подхлывшей к реке, где, по-видимому, была переправа вброд во время мелководья, стоял 3-й полк. Здесь появлялись мелкие партии противника для разведки, но отгонялись нашими заставами.

Таким образом, за оборону участка реки, назначенного для дивизии, можно было быть спокойным.

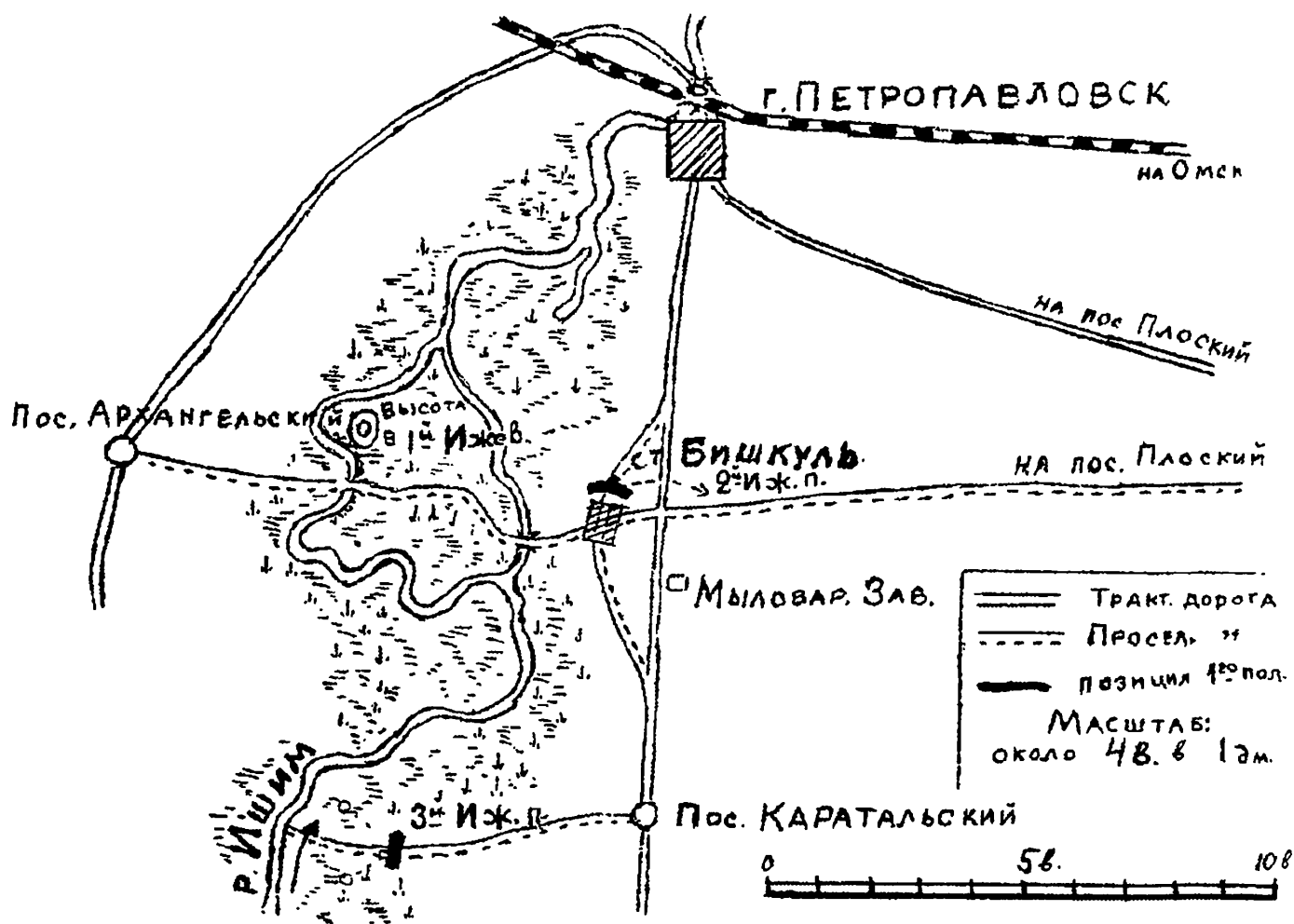
Дня через три или четыре после прихода Ижевской дивизии на реку Ишим начались ожесточенные бои за г. Петропавловск. Здесь дралась, защищая город, Волжская группа генерала Капеля.

Станица Бишкуль находится в восьми верстах от Петропавловска к югу, и сюда доносилась почти непрерывная пушечная пальба.

К сожалению, у автора этого очерка не сохранилось записей этого периода, и невозможно установить число, когда был сдан Петропавловск. Красные сведения противоречивы. По словам Тухачевского (Борьба за Урал и Сибирь, стр. 86), «29 октября утром, после упорного боя, 35-я дивизия, форсировав Ишим, овладела г. Петропавловском. Противник несколько раз переходил в контратаку, но подошедшими силами 27-й дивизии положение 35-й дивизии было закреплено и противник оттеснен».

Из этих слов Тухачевского можно понять, что бой продолжался один день 29 октября. Но в том же сборнике (стр. 252) другой большевицкий автор И. С. (член рев. сов. 5-й крас. армии) пишет, что «утром 30-го к белым подошли крупные подкрепления и два бронепоезда. Они перешли в контратаку. Весь день шел бой на улицах города. Он продолжался и 31-го, и лишь 1 ноября противник окончательно отступил».

А комдив 27-й красной дивизии Путьна в этом же сборнике (стр. 15) указывает, что Петропавловск был занят 2 ноября.

Кроки к действиям у станции Бишкуль в конце октября 1919 г.

Белые источники также указывают разные сроки оставления Петропавловска, от 31 октября до 2 ноября. С началом боев у Петропавловска всем частям дивизии было приказано усиленно охраняться и по тревоге быть готовыми к бою, артиллерии — к занятию позиций, обозам — иметь лошадей запряженными в повозки.

2-й полк под командой своего нового командира капитана Володкевича, кадрового офицера, выставил охранение к северу, вел разведку на Петропавловск и должен был не допускать противника в северную часть станицы.

Тем не менее, красные, вскоре после захвата Петропавловска, появились у ст. Бишкуль довольно неожиданно. Дело было под вечер.

Командир 1-го полка капитан Михайлов вспоминает такие подробности. Он сидел у телефона и слышал разговор капитана Володкевича с начальником дивизии: «Ваше Превосходительство! Мимо заставы № 1 проследовало 20 подвод красных». На это генерал Молчанов ответил: «Что вы панику разводите, здесь достаточно сил, чтобы отразить 120 подвод».

Но капитан Володкевич, человек нервный, действительно разводил панику. Прежде всего непонятно, почему его застава пропустила передовой отряд противника мимо, а не задержала его огнем. Но еще преступнее было со стороны капитана Володкевича то, что вместо того, чтобы встретить противника всем полком, он отошел с ним на дорогу, ведущую к деревне Плоская (на восток). Он открыл путь врагу на Бишкуль и оставил без защиты находившиеся там артиллерию, обозы и штаб дивизии.

Красные нагрянули значительными силами, крича «ура!», и открыли сильную стрельбу вдоль улицы. Среди части артиллерии и обозов поднялась паника. Дорога на восток, отходившая от северной окраины станицы, была отрезана. Все бросились на юг.

Противник быстро распространился по станице. Когда выстрелы стали раздаваться близко от штаба дивизии, пришлось спасаться и штабу.

Последнее распоряжение генерала Молчанова по телефону 1-му полку было, по словам капитана Михайлова: «С позиции не уходите, — мы переходим в контратаку».

Генерал Молчанов со своими офицерами и ординарцами свернул в ближайший переулок и этим избежал опасности

попасть под град пуль, несшийся вдоль главной улицы. На южной окраине станицы он стал собирать всех строевых. Здесь он узнал, что часть наших пушек попала к красным, в том числе все пушки 3-й легкой батареи, только недавно сформированной и присоединившейся к дивизии в этом роковом для нас пункте. Командовал батареей старый офицер капитан Миронов, который небрежно отнесся к распоряжению иметь лошадей в запряжках и быть в готовности на случай тревоги. Кроме того, к красным попали и две пушки 2-й батареи.

Торопясь спасти захваченные орудия, генерал Молчанов не стал ждать, когда подберется достаточное число бойцов или подтянется 3-й полк, который находился на берегу реки южнее Бишкуль. Собрав наскоро всего 14 человек с одним пулеметом «Шоша», он бросился на красных. Крича во всю глотку «ура!» и паля из пулемета, кучка смельчаков заставила красных, уже располагавшихся по квартирам, отскочить назад. Нападавшие разбивали окна прикладами и бросали в избы, полные красноармейцев, ручные гранаты. У красных поднялась паника. Не видя никаких цепей или значительных групп противника, они не понимали — кто стреляет.

Генерал Молчанов дошел до пушек, но вывести их не мог. Красные начали собираться и нащупывать врага. Генерал Молчанов, увлекшийся спасением пушек, не замечал опасности. К нему подошел старший ординарец Алексеев и тихонько сказал: «Ваше Превосходительство! Кругом собираются красные, спрашивают — какого полка...»

Из 14 человек уже были убиты или ранены шестеро, осталось 8 бойцов. Генерал Молчанов приказал, не спеша, двинуться вдоль домов. Зашли в ближайший переулок и выбрались в поле.

Паническое поведение капитана Володкевича привело дивизию к поражению и потерям, которых она не имела за все время своего существования. Капитан Володкевич был отстранен от командования полком и больше не назначался на командные должности. В дальнейшем он был ограничен обязанностями по хозяйственной части.

На удар красных ответил 1-й Ижевский полк. Смелыми и удачными действиями он отплатил врагу за поражение и вернул захваченные от нас трофеи.

Когда противник ворвался в станицу и телефонная связь со штабом дивизии была прервана, телефонисты 1-го полка спрятались в кусты около дороги, ведущей из Бишкуль к реке. Установив телефон, они сообщали командиру полка всё, что происходило в селении, и просили говорить потише. Кругом бродили красноармейцы и могли их обнаружить. Сообщили молодцы-телефонисты и о начавшейся контратаке генерала Молчанова, о переполохе у красных и обо всем, что происходило дальше.

Когда контратака не удалась и всё стихло, победители разместились на ночлег. О присутствии в их тылу противника красные не подозревали и в сторону реки охранения не выставили. Пришла очередь действовать 1-му полку. Командир полка не торопился с атакой и дал красным возможность успокоиться и уснуть. Тем временем он приказал полку бесшумно сняться с позиции и вытянуться по дороге на Бишкуль. Колеса орудий были обернуты соломой. В полной тишине, не вызывая подозрений у частей противника, стоявших на противоположном берегу реки, полк двинулся на Бишкуль.

Пройдя мост через поток, шедшая впереди конная разведка бросилась вперед. За ней остальной полк. С громким «ура» ворвались в Бишкуль. Красные выскакивали из домов и в полном беспорядке, не оказывая сопротивления, удирали к Петропавловску. 1-й полк их преследовал, и они понесли большие потери.

От красных были отобраны два орудия 2-й батареи, захваченные ими, около двух десятков обозных повозок с разным грузом и освобождено около ста человек, попавших в плен. На крыльце дома, где был штаб дивизии, был обнаружен значок штаба, незамеченный красными.

Пушки 3-й легкой батареи были, видимо, отправлены красными в Петропавловск вскоре после захвата. Капитан Михайлов сообщает, что в Бишкуль находился дивизион артиллерии одной из Сибирских казачьих дивизий, все пушки которого, в количестве десяти, были захвачены противником, но отобраны 1-м полком. Также он отмечает, что красноармейцы, стоявшие у пушек часовыми, остались на месте и были взяты в плен. Сопротивления никакого не оказали.

После захвата ст. Бишкуль 1-й полк со всеми отобранными орудиями и повозками перешел на отдых на мыловаренный

завод, находившийся в двух верстах от станицы. Здесь было удобнее обороняться в случае новой атаки красных. Но они больше не появлялись, и разведка доносила, что Бишкуль оставался свободным от противника до выступления полка в дер. Плоская — 25 верст к востоку. В этом пункте собрались 1-й, 2-й и 4-й полки дивизии. Генерал Молчанов с 3-м полком и частью артиллерии и обозов, проскочивших из Бишкуль в деревушку в 4—5 верстах южнее и приведенных в порядок, двинулся утром следующего дня на восток степными дорогами.

Путь южной колонны дивизии шел по местности большей частью открытой. По временам встречались кусты и небольшие группы деревьев. Это был район кочевых киргизов. Попадались их становища, где они располагались на зиму, устанавливая свои юрты и устраивая загородки для скота. Иногда приходилось останавливаться для отдыха у киргизов и отогреться в их теплых и вместительных юртах. Чаше отдыхали в степи у костров.

В первый переход от реки Ишим на восток, поздно вечером дозоры донесли, что замечена какая-то колонна. Движение было приостановлено, стали наблюдать за появившейся колонной. В наступившей темноте было трудно разобрать, кого встретили — своих или красных. По разным признакам выяснили, что это был полк противника силой 500—600 штыков. Красные стали устраиваться на ночлег, расположившись среди кустов. Запылали костры. В нашей колонне, включая всех строевых, было не больше 150 бойцов.

Окружив красных полукольцом 3-го полка и остальных чинов, генерал Молчанов приказал атаковать красных. Предварительно он распорядился как можно громче кричать «ура». Ослепленные светом своих костров и не видя ничего в окружающей темноте, красные не могли заметить нашей малочисленности. В большом беспорядке они бежали, оставив на месте убитых, раненых, пленных и часть своего обоза. Через 2 или 3 дня дивизия собралась вместе, и дальнейшее движение продолжалось одной колонной.

Красные также начали применять в эти дни ночные нападения. Пострадали некоторые полки Уральцев. В одну из ночей к дивизии присоединились небольшие остатки одного из Уральских полков, прорвавшиеся из кольца красных. На сле-

дующую ночь прибежал только один командир полка, кажется 43-го, сумевший вырваться из плена.

Подобное окружение красные приготовили для Ижевцев. Это было, когда мы уже прошли кочевья киргизов и остановились в большой деревне. Наше охранение обнаружило противника своевременно и отбило его передовые части. Красные начали окружать деревню с обоих флангов. Их силы были значительно больше наших, им было легко полностью окружить нас. Отбиваться в деревне было невыгодно, можно было потерять много лошадей и не вывести всю артиллерию и обозы. Надо было отступать.

Сделали это своевременно, хотя и пришлось на протяжении нескольких верст отбиваться с трех сторон, — настойчивый противник не хотел выпустить дивизию из своих лап.

31. На реке Иртыш

Приближаемся к Иртышу, сдерживая противника аррьергардными боями. Положение неутешительное. Иртыш не замерз. На нем ледоход, и мостов нет, кроме одного, железнодорожного, приспособленного к движению людей и повозок. Переправить массу войск с их артиллерией и обозами невыносимо. При армиях Восточного фронта, несмотря на обилие больших рек, не было ни одного понтонного батальона. С другой стороны, если хватит мороз и река покроется льдом, Иртыш перестанет быть надежной преградой. Тогда, при отсутствии свежих подкреплений, усталости боевых частей и падении духа, нам не удержать Омска и линии по берегу реки Иртыш. На случай, если река не замерзнет, предполагается части 3-й армии направить на юг. Для Ижевской дивизии переправа назначена в 60 верстах к югу от Омска.

Генерал Молчанов выслал вперед Ижевский инженерный дивизион строить переправу, как только Иртыш замерзнет. Командир дивизиона, поручик Санков, энергично начал укреплять тонкий лед, когда начавшийся мороз сковал реку. Саперы набрасывали на лед слой за слоем солому и ветки, поливая их водой. Путь по льду становился всё крепче и крепче, но еще не было уверенности, что пройдут пушки и тяжелые повозки.

Накануне переправы дивизии два запряженных в сани быка свернули с дороги, провалились под лед и утонули.

На другой день, 14 ноября, предстояло переправиться полкам и перетаскивать орудия. Покрепчавший мороз дал надежду перейти благополучно. За ночь саперы еще больше укрепили переправу. Днем начали переправлять легкие обозные сани и продолжали укреплять лед. К вечеру дивизия начала переход. Пушки тянули со всеми предосторожностями, таща их веревками. Переправа кончилась благополучно.

Арьергарды задерживали наседавших красных; но следует заметить, что противник не сделал попытки общим энергичным натиском сбросить нас в реку. Возможно, что красные не ожидали, что Иртыш замерзнет достаточно крепко, чтобы мы успели сделать переправу, и не подтянули вовремя свои резервы. Когда стемнело, от нас было видно в направлении к Омску зарево пожаров и доносились глухие раскаты взрывов. Перед рассветом следующего дня наше охранение отошло с того берега. Когда рассвело, наша батарея разбила переправу снарядами.

* * *

Распространившиеся сведения о сдаче Омска вызвали тревожное настроение. Появились разные темные слухи. Все насторожились. Что могло случиться, что Омск попал в руки красных так неожиданно? Позднее и постепенно выяснились многочисленные причины потери столицы белой Сибири. Среди них указывалось на разложение в частях 1-й Сибирской армии, что вынудило Главнокомандующего генерала Дитерихса отправить всю армию в тыл на отдых и пополнение. В начале ноября части 1-й армии были в движении в район Новониколаевск (ныне Новосибирск. — *Ред.*) — Томск.

Правый фланг фронта был ослаблен. В первой линии остались 2-я и 3-я Армии, имея теперь на крайнем правом фланге Северную группу 2-й Армии, под командой генерала Гривина. Эта группа отходила, не оказывая красным сопротивления. Дальнейшее поведение генерала Гривина указывало, что он стремился бросить фронт и самочинно уйти в тыл. После перехода через Иртыш генерал Гривин, не исполняя приказа Командующего 2-й Армией генерала Войцеховского, отдал своей группе

распоряжение двинуться на ст. Барабинск (около 300 верст к востоку от Омска), захватить эшелоны, если надо — силой, и отправиться в Иркутск. За неисполнение приказа генерал Гривин был застрелен генералом Войцеховским.

Последующие события доказали, что состав Иркутской дивизии был более предан делу борьбы с большевиками, чем организатор и начальник этой дивизии, и честно нес свою службу Родной стране. Иркутская дивизия дошла до Забайкалья, и остатки ее продолжали сражаться в Приморье в 1921—1922 гг.

Воспользовавшись отсутствием сопротивления на правом фланге своего противника, красные ворвались в Омск с севера и заняли его без боя. В неожиданно быстром падении Омска и начавшемся еще ранее беспорядке в эвакуации немалую роль сыграла смена главнокомандующих, — всего лишь за несколько дней до этого трагического события.

Генерал Дитерихс не предполагал оборонять Омск и задерживаться на р. Иртыш, а заменивший его генерал Сахаров уже не имел возможности вернуть на фронт 1-ю армию и не успел принять меры для подготовки обороны.

Захват Омска доставил красным крупнейшую победу без больших усилий и принес им значительные трофеи. Они захватили главную тыловую базу белого фронта «с огромными запасами имущества разного рода и свыше 10 000 человек пленных» (Какурин, т. 2, стр. 358). Всех подробностей сдачи Омска в боевых частях не знали, но потеря «столицы» взволновала всех.

17 ноября в штабе Ижевской дивизии в селе Великорусском собрались командиры и старшие офицеры. Начальника дивизии генерала Молчанова не было — он уехал в штаб Армии. Собравшиеся совещались о том, что делать дальше, если правительство падет и Армия разложится. Доносились слухи, что в некоторых частях идет брожение, люди расходятся по домам, сдаются красным... Раньше это были редкие и одиночные случаи. Теперь эти тревожные признаки распада Армии значительно увеличились.

В нашей дивизии было всё спокойно, да и трудно было ожидать подобных явлений при той ненависти, которую Ижевцы поголовно питали к красным поработителям. Но что делается у других! Выяснилось, что предстоящие события озабочивают и многих наших соседей. К ним готовятся также Волжане, Уфим-

ская группа и Оренбургские казаки. Вчера от 4-го Оренбургского казачьего полка и от генерала Мамаева получены заявления, что они желают идти вместе с нами.

Полковник Якубовский сообщил, что генерал Пучков также что-то подготавливает. Он только неправильно осведомлен, что Пучков прислан от Деникина. Он всё время был на Восточном фронте. Поручик Попков сообщил сведения из «сфер», — был недавно в высших штабах. По этим сведениям, существуют четыре монархических организации, из них одна большевистско-монархическая, состоящая из дворян и крестьян. Далее, — что власть собирается захватить атаман Семенов и стать Верховным Правителем; к нему присоединились Хорват, Гайда, ставший монархистом, и Керенский, находящийся во Владивостоке, и многое другое... Чепуха невероятная. Но все эти слухи говорят о непрочности правительства или нарочно распространяются, чтобы разложить и то, что еще держится. Разошлись, согласившись крепко держаться друг друга, поддерживать порядок, дисциплину и доверие к своим начальникам. На ближайшие дни, может быть недели, предвидится только отступление.

32. Отступление от реки Иртыш

Движение наше на восток проходило в тяжелой обстановке наступивших морозов, усиления заболеваний, отсутствия правильного снабжения одеждой, продуктами и боевыми припасами, при назойливом преследовании красных.

Отходили без нормальных остановок для отдыха, часто без ночлегов. Красные, дав нам возможность сравнительно спокойно переправиться через Иртыш, теперь рассвирепели и стремятся уничтожить нас неотступным преследованием и окружением на стоянках. В командование преследующей нас 5-й красной армии вместо Тухачевского вступил бывший начальник 26-й красной дивизии — Эйхе и, видимо, старается выслужиться.

Для примера приведу из сохранившихся записок события 21 ноября, в районе южнее города Татарска. В 2 часа в ночь на 21 ноября штаб дивизии был в деревне Голубковская, когда 1-й полк, окруженный в дер. Бетенево, пробил дорогу на пос.

Сперанский. 4-й полк не успел сменить Самарцев в дер. Воскова, но удержал противника у поселка Длинный; в полку двое убито, 11 ранено, взято 7 пленных 231-го полка.

Отошли в село Язовское (25 верст от Бетенева). Около 18 часов штаб дивизии только отошел из Язовского, как красные, обошедши с тыла, набросились на части дивизии, оставшиеся там и готовые выступить. После упорного боя Ижевцы пробились с большими потерями. Во 2-м полку убито 13, ранено 10, без вести пропало 68. В полку состоит раненых и больных 53, в строю осталось 91 штык и 47 в командах. В Егерском батальоне из 150 осталось 60; в 4-м полку штыков еще меньше.

Отступили ночью в дер. Николаевская, где ночевала Самарская дивизия. Все спали и, поднятые нами, не хотели верить, что противник подходит. Выстрелы, донесшиеся от заставы, подтвердили приближение красных. Бросились спешно запрягать обозы и готовиться к выступлению. Только начали двигаться, — деревня была сильно обстреляна. Видны были вспышки от выстрелов, а стрельбы не слышно из-за шума загремевших по мерзлому грунту телег. Еще не все обозы успели обменять колесные повозки на сани. 1-й Ижевский полк прикрывает отход.

В этой деревне погибли начальник штаба Самарской дивизии подполковник Мягков с несколькими своими офицерами, не предупрежденные начальником дивизии генералом Сахаровым о выступлении. Спасся только один капитан Смирнов, выпрыгнувший из окна и прибежавший в штаб Ижевской дивизии в нижнем белье.

За этот период, — конец ноября — половина декабря, — Ижевцы часто шли в арьергардах и, сдерживая красных, несли тяжелые потери. Небольшие кучки бойцов, оставшиеся в полках, были измучены. Во всей дивизии оставалось в строю 400 человек.

Начальник дивизии решил привлечь на помощь Ижевский Конный полк, сформировавшийся с августа в тыловом районе и теперь шедший впереди дивизии в двух-трех переходах. Командир полка подполковник барон Жирар де Сукантон и его помощник штабс-ротмистр Рачинский, сформировавшие полк и взявшие с собой все отпущенные на формирование и хозяйственные суммы, уехали в тыл для приобретения седел и другого

имущества. Они не давали о себе знать, и местонахождение их не было известно.

Генерал Молчанов отправил командовать полком, с согласия Командующего Армией генерала Каппеля, своего начальника штаба подполковника Е. В обязанности начальника штаба дивизии вступил капитан Цветков.

Состав Ижевского Конного полка — 4 эскадрона, команды: учебная, пулеметная, подрывная и хозяйственная часть. В строю 25 офицеров, 400 сабель и 4 пулемета. В строю только всадники, имеющие седла. Кроме того, около 300 строевых ехало верхом на пополах, на подушках или в санях в ожидании покупки седел уехавшими формировальщиками.

Вскоре состав полка увеличился на два эскадрона. Эти два эскадрона состояли из Воткинцев и были взяты в свой конвой Фортунатовым — членом Самарского правительства, который хотел перебраться через Тургайские степи в армию генерала Деникина. После нескольких переходов Воткинцы увидели безнадежность этой затеи и вернулись назад. Не имея возможности найти сразу свой дивизион, они присоединились к Ижевцам. Генерал Молчанов включил их в Ижевский Конный полк. Они получили нумерацию 5-й и 6-й эскадроны, но продолжали именоваться Воткинскими.

Отъезд подполковника Сукантона и его помощника в тыл и их долгое отсутствие вызвали в полку недоумение и осуждение. Возмущало также и то, что они, кроме ассигнованных на покупку седел крупных сумм (кажется, около двух миллионов сибирскими деньгами), забрали и полковые суммы.

Встретив нового командира за ужином, поручик Багиянц, временно командовавший полком, расплывшись в улыбку, заявил: «Полковник барон Жирар де Сукантон взял из полковых сумм 200 000 и уехал с ними за седлами. Через неделю прислал ротмистра Рачинского, который забрал остальные 40 000 и уехал покупать уздечки. А Вам, господин полковник, ничего не осталось!» Новый командир ответил: «Раз не с чем удрать в тыл, придется остаться с вами».

При подходе к реке Обь предполагалось остановиться и дать отпор красным на линии Томск — Колывань — Новониколаевск. С правого фланга должна была ударить 1-я Сибирская армия. Но расчет на то, что части этой армии, отдохнув и приведя

себя в порядок, волюют свежие силы в ослабевшие ряды 2-й и 3-й Армий, не сбылся. Не только не было получено ожидавшейся помощи, но пришлось пережить ряд предательских выступлений. Вышли они из состава старших чинов армии, попавших под разлагающее влияние левых партий и чешских главарей, которые стремились свалить правительство Адмирала Колчака.

Еще в ноябре, на третий день после захвата Омска красными, во Владивостоке было поднято восстание бывшим командующим Сибирской армией генералом Гайда при поддержке эсеров и чехов.

Здесь, в ближайшем тылу фронта, в г. Новониколаевске, 7 декабря поднял восстание командовавший 1-й Сибирской дивизией полковник Ивакин и арестовал командующего 2-й Армией генерала Войцеховского. 9 декабря командующий 1-й Армией генерал Пепеляев при поддержке своего брата, председателя Совета министров, арестовал главнокомандующего генерала Сахарова.

Все эти выступления были подавлены или кончились ничем, но тяжело отразились на положении правительства и на военном руководстве.

Вся 1-я Сибирская армия, за исключением 3-го Барнаульского полка, окончательно вышла из строя — рассыпалась или перешла к красным. Генерал Пепеляев должен был сам спастись от ареста своими взбунтовавшимися солдатами. Позднее гарнизон города Красноярска, в составе 4-го Енисейского полка и других частей, вместе с командиром 1-го Среднесибирского корпуса генералом Зиневичем открыто выступили с оружием против своих недавних соратников по борьбе с большевизмом.

К бывшим бедствиям, обрушившимся на отступавшую Белую Армию, — суровой сибирской зиме при отсутствии снабжения одеждой, толпам беженцев, запрудившим дороги, перемешавшимся с обозами и внесшим беспорядок в движение, болезням, в особенности широко свирепствовавшему тифу, преследованию противником, успешно задерживать которого становилось все труднее за невозможностью пополнять огнестрельные запасы, падению духа от неудач и т. д., — теперь присоединилось предательство из своих рядов целой армии, что количественно уменьшило наши силы и действовало угнетающе на состояние духа.

При таких мрачных обстоятельствах отступавшая армия приближалась к Щегловской (или Томской, или Мариинской) тайге. Зима позволила сравнительно легко преодолеть замерзшие реки, но никто не предполагал, что зимой будет встречено такое трудно одолимое препятствие, как тайга, и никакой заблаговременной подготовки к проходу через нее сделано не было.

33. Тайга

К вечеру 22 декабря Ижевская дивизия, двигаясь в арьергарде 3-й Армии, сосредоточилась в городе Щегловске — преддверии в тайгу. Верстах в девяти к юго-западу от города в деревне Комиссарово был оставлен Конный полк дивизии с задачей прикрывать с этого направления Щегловск до тех пор, пока дивизия и другие части армии не войдут в тайгу.

Обстановка указывала на возможность трагического исхода. В Щегловске и у входа в тайгу скопилось большое количество частей, обозов и беженцев, ждавших очереди двигаться дальше. Сюда попали и части 2-й Армии, которые должны были идти севернее, а также многочисленные тыловые учреждения, не принадлежавшие к составу 3-й Армии.

Узкая переселенческая дорога допускала движение только в два ряда. Расчеты, что 3-я Армия, двигаясь без больших интервалов, может спокойно и благополучно пройти тайгу, не оправдались.

На Ижевский конный полк, первый раз вступающий в бой, легла тяжелая задача. Было похоже на то, что здесь начинается боевая жизнь полка и здесь же наступит его конец — тот почетный и славный конец, который выпадает на долю арьергардов, жертвующих собой для спасения главных сил.

Большинство состава полка было из старых обстрелянных бойцов — ветеранов борьбы в родном заводе и последующих боев под Уфой, на Урале и в Западной Сибири, и это давало уверенность, что всё, что необходимо будет сделать, — будет исполнено.

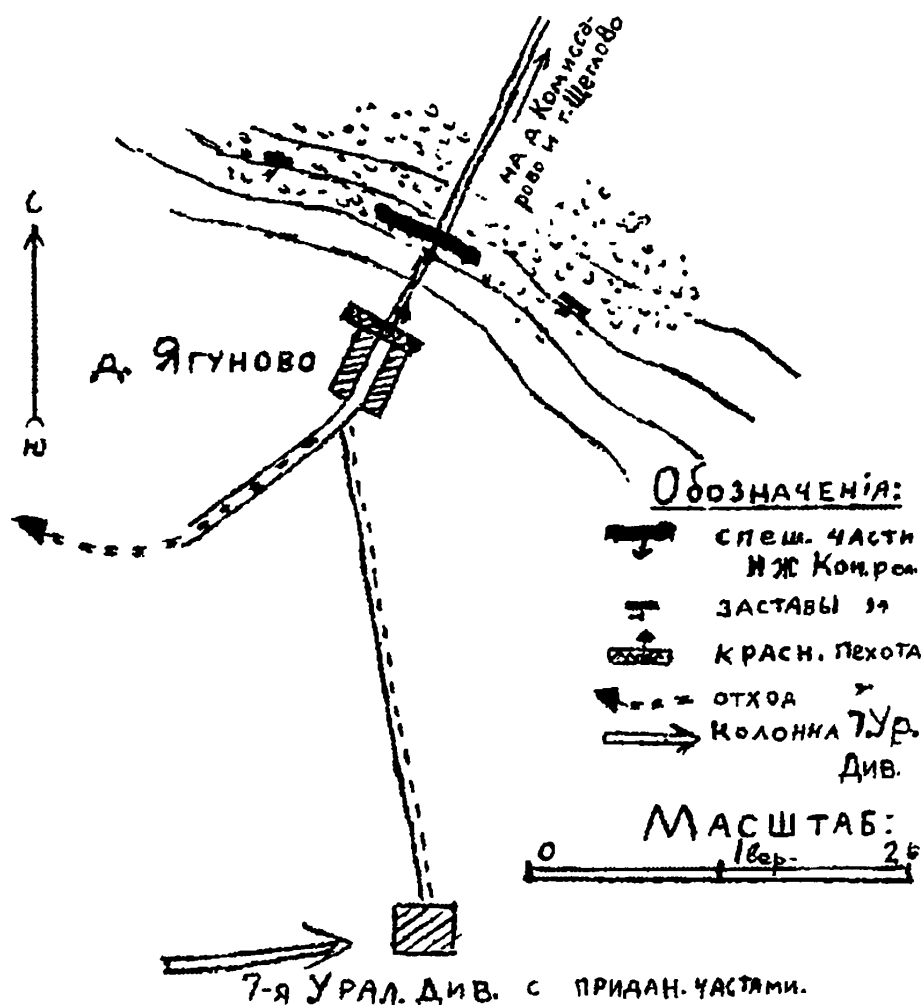
На рассвете 23 декабря застава, наблюдавшая за противником, занявшим дер. Ягуново (5 верст к югу от дер. Комиссарово), донесла о появлении красных. Дежурный эскадрон, под командой прапорщика Щербакова, немедленно выступил

навстречу и загнал противника обратно в Ягуново. Появились первые раненые — прапорщик Щербаков, получивший рану в голову, и два всадника.

Спешенный эскадрон начал перестрелку с красными, засевшими в ближайших избах деревни.

Деревня Ягуново была не далее полуверсты. Местность к ней понижалась и была открытой. На слегка возвышенном плоскогорье, где рассыпалась цепь эскадрона, росли кусты, хотя и бывшие теперь без листьев, но дававшие некоторое укрытие от взоров врага. На оба фланга были выдвинуты заставы, имевшие хороший обзор.

Позиция оказалась удобной. Все движения противника были хорошо видны, и его попытки перейти в наступление быстро прекращались огнем. На подмогу подошли еще один эскадрон и станковый пулемет. При пулемете находился корнет Волков, недавно прибывший в полк из военного училища. Ему было приказано незаметно выдвинуть пулемет в цепь, прикрываясь кустами. Но корнет Волков вылетел по дороге

Кроки к бою 23.XII.1919 г. у дер. Ягуново

на открытое место. Застрочил пулемет красных, и корнет Волков упал, сраженный пулей в лоб.

Перестрелка с красными продолжалась до часу дня. Около этого времени левая застава донесла, что к деревне, находящейся южнее Ягунова, подходит большая колонна. В бинокль заметили пушки. Когда неизвестная колонна вошла в деревню, правофланговая застава сообщила, что противник из Ягунова на санях, числом около 200, уходит на запад. Расположение в колонне обозов и артиллерии, а также бегство красных из деревни Ягуново указывали, что появившаяся колонна состоит из наших отставших частей.

Для занятия Ягунова и связи с неизвестными был послан резервный эскадрон. Но едва он появился на виду Ягунова, его оттуда обстреляли. Убита одна лошадь. Эскадрону приказано отойти обратно в резерв.

В это же время со стороны неизвестной колонны позиция Конного полка была обстреляна артиллерией. Из Щегловска подошел на помощь 3-й Ижевский полк. Необходимо было выяснить, кто занял Ягуново. Было очевидно, что это была передовая часть таинственной колонны. Подъехали две подводы, и крестьяне попросили разрешения пропустить их домой через деревню Ягуново. Им было сказано сообщить солдатам, находившимся в деревне, выслать двух всадников для встречи с двумя нашими для опознания.

Не без удивления поскакавшие вперед Ижевцы встретились с Воткинцами. Последние принадлежали к Запасному батальону Воткинской дивизии под командой полковника Кригера. Батальон стоял в г. Барнауле и оттуда двинулся на присоединение к отступающей армии в составе отряда полковника Камбалина — командира 3-го Барнаульского полка. Главная часть всей колонны состояла из частей 7-й Уральской горных стрелков дивизии под командой полковника Бондарева.

Конный полк Ижевцев, получив приказ присоединиться к дивизии, в 4 часа дня выступил из дер. Комиссарово в Щегловск и к вечеру прибыл к назначенному месту на короткий отдых. Дальнейшее прикрытие города Щегловска с юго-западного направления возлагалось на 7-ю Уральскую дивизию.

Боевое крещение Конного полка оказалось его первым успехом, хотя обстановка на рассвете этого дня не предвеща-

ла ничего хорошего. Полк потерял двух офицеров и восемь всадников и задержал красных от прорыва к г. Щегловску до появления отставших частей отходящей армии.

Из г. Щегловска последние части Ижевской дивизии, в том числе Конный полк, поздно вечером выступили в деревню Боровушка. На северо-восток от этой деревни, углубляясь в тайгу, идет упомянутый переселенческий тракт. С запада к деревне подходят две дороги — от города Щегловска и из района к северу от этого города. Со стороны Щегловска направление прикрывалось 7-й Уральской дивизией. Дорога к северу не охранялась.

Это беспокоило временно командующего 3-й Армией генерала Барышникова. Подошедший к Боровушке еще днем 23 декабря 1-й Ижевский полк был послан командующим на беспокоившее его направление. Командир полка получил задачу продвинуться до ближайшего селения и удерживать его до распоряжения. Оказалось, что на дорогу, по которой двинулся полк, выходили с западной стороны еще две дороги. На обе было выставлено охранение по батальону (к этому времени — не более 100 бойцов в каждом). С третьим батальоном командир полка продолжал движение до встречи с противником. До деревни полк не дошел. Встреча произошла в лесу, недалеко от глубокого и широкого оврага.

Отбросив за овраг передовую группу красных, батальон занял берег оврага, и здесь разгорелся продолжительный бой.

В дер. Боровушке у командующего армией шло совещание, на которое отправился только что прибывший из Щегловска начальник Ижевской дивизии генерал Молчанов. Там обсуждался вопрос об обороне подступов к Боровушке. Один из присутствующих, генерал Ромеров, доказывал, что красные с северной стороны наступать не будут. Генерал Молчанов, знавший, что красные с утра пытались пробиться к Щегловску, но без успеха, и что они спешно бросились на север из занимаемой ими деревни Ягуново, когда появилась 7-я Уральская дивизия, заявил, что следует опасаться именно за северное направление.

Генерал Ромеров горячо возражал: «Интуиция подсказывает мне, что оттуда они не появятся». Генерал Молчанов отвечал: «Моя интуиция подсказывает, что они ударят оттуда!» В это время входит ординарец от командира 1-го полка с донесением, что полк отбивает упорные атаки красных.

Командир полка просил прислать какие-нибудь части, чтобы сменить два батальона, поставленные для обеспечения дорог. Эти батальоны не имели против себя противника, бездействовали и нужны были для поддержки батальона, уже ввязавшегося в бой. Бросить же охрану дорог было невозможно — по ним могли подойти новые силы противника.

Подкрепление выслано не было. Позднее, вечером командир получил выписку из приказа по армии, где было указано, что в 7 часов утра его сменит бригада под командой генерала Сахарова.

Всю ночь шла перестрелка с красными. Были тяжелые потери. Тяжело ранен в грудь навывлет командир батальона капитан Блинов. В 7 часов утра никаких частей для смены не появилось. Посланный к генералу Сахарову офицер привез обещание скорой смены. В 9 часов утра командир 1-го полка узнал, что генерал Сахаров со своими частями уже ушел.

Не дождавшись смены и не получив никаких приказов, командир полка собрал полк и около 10 часов 24 декабря двинулся на Боровушку и дальше в тайгу. Красные не преследовали. Конный полк, достигнув дер. Боровушки около полуночи, не мог найти никакого помещения для отдыха. Вскоре получил приказ двигаться дальше. Выступив из деревни, полк влился в общую колонну. Было темно и морозно. Звезды слабо освещали широкую просеку, покрытую глубоким снегом. Посреди просеки дорога, и на ней два ряда саней. Движение медленное, с частыми, продолжительными остановками. Усталые всадники дремлют в седле. По временам спешиваются, чтобы согреться и дать отдых лошадям. Несколько ночных часов показались необыкновенно длинными.

Начало светать, и двигаться стало легче — видно дорогу и движение впереди. Но картина кругом унылая. Нагруженные людьми и разным имуществом сани медленно с большими перерывами ползли дальше по мере того, как продвигались передние. По бокам просеки дремучий лес, загроможденный валежником, пересеченный оврагами, занесенный снегом — совершенно непроходимый. Навряд ли и отряд лыжников мог двигаться через него. По временам кто-нибудь начинал кричать: «Понужай!» Несколько голосов подхватывали. Но толку не было.

Кто-то сзади сообразил открыть стрельбу. Люди тревожно насторожились, усилились крики «Понужай!». Повозки двинулись вперед. Минимальные дистанции между санями, вполшага и меньше, исчезли. Кое-где лошади полезли передними ногами на впереди идущие сани. Усилились крики и ругань. Понемногу всё успокоилось.

Были попытки обгонять, вылезая в сторону. Ослабевшие лошади делали несколько шагов в глубоком снегу и останавливались. Иногда снег попадался не очень глубокий или кто-то уже проехал в стороне и оставил след, соблазняя выехать и

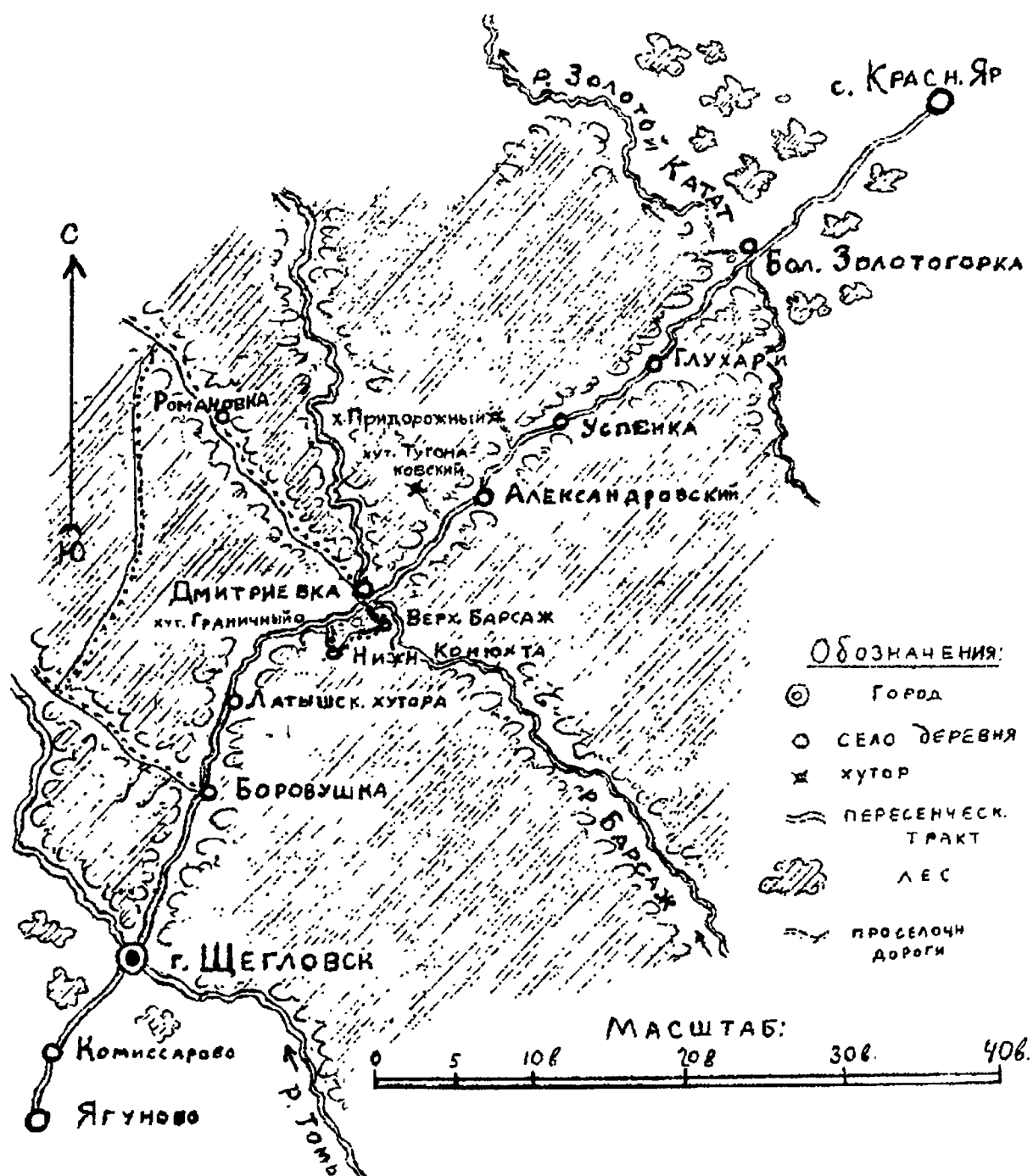

Схема № 14. Путь 3-й Армии при марше через тайгу (декабрь 1919 г.)

обогнать остановившихся. Но зато было трудно вновь влиться в основные два ряда. Против этого особенно боролись части и отряды, двигавшиеся сомкнуто и в порядке и боявшиеся быть раздробленными. Всадникам было легче. Кое-где можно было обгонять обозы, следуя по обочине или за канавой дороги, где конные, прошедшие раньше, протоптали тропинку.

Тяжелой дорогой, иногда обгоняя обозы, следуя «гуськом» по одному, к 8 часам утра 24 декабря добрались до «Латышских Хуторов». Выступив из Боровушки в полночь, за эти 8 часов было пройдено только 10 верст.

Латышский поселок расположился вправо от дороги. Полк свернул туда, чтобы дать людям погреться, лошадям дать отдых и найти для них корм. Напрасные надежды! Раньше прошедшие здесь части, обозы и беженцы уже всё подобрали.

Латыши живут в хорошо построенных, просторных домах. Большие окна, внутри чисто и светло. В домах много оставленных больных, главным образом тифозных. Тяжелая судьба выпала на их долю. Если везти дальше — всё равно замерзнут при медленном движении и отсутствии впереди больших деревень. Бледные лица с воспаленными, тоскливыми глазами. К тяжелой болезни прибавляется тревога за предстоящую судьбу, может быть, с издевательствами и пытками от победителей-палачей.

Через полчаса полк двинулся дальше.

На тракте — никаких изменений к лучшему. То же продвижение на несколько шагов и продолжительная остановка. Дорога стала шире, или, вернее, местность позволила протоптать новые пути — сани двигались в три или четыре ряда, но в общем еще медленнее. Около глубоких оврагов, занесенных снегом, опять приходилось восстанавливать движение в два ряда — мосты не пропускали больше.

За день продвинулись на 7—8 верст и перед наступающими сумерками достигли хутора Граничный (один брошенный дом). Недалеко, верстах в двух или трех, деревня Дмитриевская. Здесь главная пробка. Как потом выяснилось, к этой деревне подходит дорога с севера, и еще один поток людей и обозов, из 2-й Армии и тыловых учреждений, вливается на назначенный для 3-й Армии путь движения через тайгу. Около хутора Граничный слышались сзади выстрелы. Наверное — желание «понужать» передних. Сначала никто не обратил внимания. К этому способу

торопить медленно ползущие обозы уже привыкли, как пришлось помириться и с тем, что помочь этому ничем нельзя.

Неожиданно впереди, шагах в тридцати, из рядов повозок сорвался начальник 7-й Уральской дивизии полковник Бондарев. Он уже раньше со своими санями, где сидела его жена, и с группой конного конвоя, покинув дивизию, пробивался вперед, расталкивая других. Бросившись в сторону, Бондарев с санями и ординарцами пробовал выскочить вперед. Его конвой на хороших, крепких лошадях пробивал дорогу в снегу. Но вот сани застряли среди деревьев. Бондарев выпряг лошадей и посадил жену верхом. Нервная команда: «Лёля, за мной!» — и панический полковник бросился дальше.

Многие из ближайшего обоза последовали его примеру, бросая сани и разное имущество и удирая верхом. Ижевцы кое-чем поживились. В брошенных санях нашли патроны, продукты, сено и овес, теплые вещи... Потом узнали, что неподалеку был генерал Молчанов, который хотел прекратить панику и стрелял в Бондарева из револьвера. К сожалению, не попал, — тот только поспешил удрать подальше.

Начало темнеть, и казалось, что придется опять провести ночь среди медленно двигавшейся обозной змеи. Но неожиданно подвезло. От проводника генерал Молчанов узнал, что в стороне от дороги, к югу, верстах в трех-четырёх, есть небольшая деревушка Нижние Конюхты, имеющая около 20 дворов. От нее можно потом выйти через деревню Верхний Барсаж прямо в деревню Дмитриевская.

Дорога на Н. Конюхты очень плохая, с крутым подъемом в гору, и, так как этот путь дает большой крюк, никто им не пользуется. При создавшемся на главной дороге заторе путь на Н. Конюхты сулил не только ночной отдых, но и беспрепятственное движение к дер. Дмитриевская. Генерал Молчанов согласился с начальником 2-й Оренбургской казачьей бригады, нашими давнишними боевыми друзьями, оказавшимися рядом, — идти на Н. Конюхты.

На загроможденной таежной дороге было невозможно поддерживать связь. Но каким-то образом генерал Молчанов узнал, что Конный полк дивизии находится недалеко, и приказал свернуть на Н. Конюхты. Пробравшийся к полку ординарец должен был указать дорогу. Всадники начали пробираться среди

саней на правую сторону тракта, прошли около ста шагов по снегу и свернули на малозаметную лесную дорогу.

Настала ночь. Люди не могли ничего видеть — ни дороги, ни склонившихся над ней деревьев. Даже звезды лишь изредка мелькали через завесу невидимых веток. Только лошади как-то нащупывали дорогу. Подъем на гору по дороге к деревне Н. Конюхта оказался очень трудным — лошади скользили и падали. Пришлось идти осторожно и медленно. Одолев этот подъем, двигались дальше легко и, пройдя 3—4 версты, добрались до деревни.

Редко в походе крестьянская изба казалась такой уютной и отдых столь желанным. Хотя избы заполнили до предела, но поместились почти все под крышей, и даже не казалось тесно. Достали кое-что поесть и покормить лошадей — правда, очень немного. Странно, что общая волна движения, загроздившая тракту, всё похравшая на своем пути, оставила в покое этот пункт, отстоявший недалеко в стороне. Если кто и знал об этом, не сворачивал, боясь потерять место в колонне.

На рассвете 25 декабря части Ижевцев и 2-й Оренбургской казачьей бригады, отдохнувшие и обогревшиеся в течение нескольких ночных часов, выступили к деревне Дмитриевке через другую таежную деревушку Верхний Барсаж. 1-й и 4-й эскадроны оставались до 12 часов в Н. Конюхте, а затем перешли в В. Барсаж, выставив охранение в сторону Н. Конюхты. Полк в полдень получил приказ перейти в дер. Дмитриевскую.

Здесь в полном разгаре шел упорный бой. Перед полуднем появился противник с севера, от хутора Одина (к северо-западу от дер. Дмитриевки). Возможно, что это был отряд красных, который вечером 23 декабря наступал на деревню Боровушку с севера и встретил упорное сопротивление 1-го Ижевского полка. Не будучи в состоянии продвинуться к Боровушке, этот отряд пошел в более глубокий обход, с выходом в наш тыл у деревни Дмитриевки. По этому пути в предыдущие дни шли некоторые части 2-й Армии, в том числе 8-я Камская дивизия.

Движение красных с севера на дер. Дмитриевку, при успехе, могло отрезать всю часть растянувшейся колонны войск и обозов, которые еще не достигли этой деревни. Но первая атака противника была отбита. После полудня нажим с этой стороны

начал усиливаться. Красных отбивали Воткинцы и Егерский батальон 7-й Уральской дивизии.

Вскоре началось наступление и со стороны хутора Граничный. Здесь сдерживали упорно наседавшего врага полки 7-й Уральской дивизии.

В деревне утром было еще большое скопление людей и обозов. Около какого-то здания, кажется школы, лежали разобранные и испорченные орудия. Взрывать их боялись или не имели для этого средств и портили колеса и ломкие части топорами и ломками. Было брошено много пулеметов и другого ценного боевого и хозяйственного имущества. В деревне появились какие-то неизвестные, пытавшиеся вызвать возмущение среди усталых солдат перемешавшихся и демобилизованных частей. Четверых из этих лиц захватили и отвели в штаб стрелки одного из Уральских полков. У выхода из деревни в беспорядке скопились обозы, стояла ругань и шла перебранка — кому идти вперед.

Прибывший утром в дер. Дмитриевку генерал Молчанов со своими офицерами и ординарцами начал наводить порядок в деревне и при выходе на дорогу. Была установлена очередь для движения, приказано бросить сани и уходить верхом или пешком тем, лошади которых измучены.

Недалеко за Дмитриевкой движение затормозилось из-за большого скопления обозов. Эти обозы не могли пройти далеко и были обречены на захват красными. Закупорив дорогу, они обрекали на гибель и тех, кто двигался за ними, в том числе строевые части, ведшие арьергардные бои.

Накануне Волжской конной бригаде было приказано скинуть такие обозы в сторону и освободить дорогу, для чего обрубить постромки и заставить обозников и беженцев следовать дальше верхом или пешим порядком. Это не всегда помогало. После прохода бригады владельцы саней возвращались обратно, исправляли постромки и загромождали дорогу вновь.

Генерал Молчанов послал два эскадрона с энергичным офицером поручиком Багиянцем сжечь эти застрявшие обозы, не считаясь ни с какими протестами. Заставить выпрягать лошадей, садиться верхом и уходить! Сани собирать в кучу и сжигать, чтобы собственники не возвращались и не впрягали лошадей вновь. Только для больных и детей разрешалось делать исключение.

Чтобы проверить, насколько Багиянц понял свою задачу, генерал Молчанов спросил его: «А если встретишь Командующего Армией, едущего в санях, что будешь делать?» — «Сожгу сани и предложу ехать дальше верхом. Скажу, что диктатор тайги генерал Молчанов приказал так поступить», — ответил Багиянц твердо. Генерал Молчанов убедился, что приказ понят и будет выполнен.

Захватив банки с керосином, найденным в обозах же, Багиянц с двумя эскадронами сжег от двух до трех тысяч саней и уничтожил образовавшуюся за дер. Дмитриевкой пробку из неподвижных обозов.

К вечеру деревня была очищена. Много разных отбившихся частей и обозов удалось протолкнуть или уничтожить. Больше шести часов Уральцы и Воткинцы отбивали атаки красных. Эти части почти полностью погибли. К вечеру красные продвинулись к самой деревне. Ижевцы — 2-й полк и два эскадрона Конного полка — ввязались в бой и задержали красных у выхода из деревни. Вскоре получили приказ отходить. Прикрывал отход 2-й Ижевский полк. В коротком столкновении в двух эскадронах был убит один офицер и потеряно около десяти всадников.

Проходили мимо догоравших костров из саней обозов и беженцев. Можно было видеть, как пламя уничтожало сундуки с одеждой, одеяла, подушки и прочее добро; шипело сибирское масло, которое везли целыми бочонками; по временам взрывались патроны и ручные гранаты, пугая наших лошадей...

На перекрестке к хут. Тугановский, который лежал к северу от дороги, был выслан разъезд для выяснения, не занят ли хутор противником. Красных там не оказалось. Ночью пришли в поселок Александровский, где встретили утро 26 декабря. 2-й полк, без нажима красных, видимо отдохавших после тяжелого боя у Дмитриевской, отошел к поселку Александровский. В охранении была оставлена рота с пулеметом. На помощь роте охранения был утром послан 1-й эскадрон, который выслал вперед разведку. Пробыли в поселке до полудня. Здесь же был и командир Егерского батальона 7-й Уральской дивизии полковник Андерс, один из немногих офицеров, вышедших из боя. Потрясенный гибелью дивизии, он с рыданиями, бессвязно повторял рассказ о гибели Уральских полков, кого-то обвиняя

в этой трагедии, и грозил разоблачить каких-то виновников этой катастрофы.

Александровский — небольшой поселок, весь объединен. Для себя не нашли ничего. Лошадям могли дать только многолетнюю высохшую солому с крыш сараев, которую они жевали очень неохотно.

Противник не показывался. В полдень выступили дальше на поселок Успенский. В арьергарде остались два эскадрона. На перекрестке с дорогой, направлявшейся к хутору Придорожный, образовался новый затор. Опять пришлось сжечь большое количество саней и уничтожить это неожиданно появившееся препятствие. Сделано это было как раз вовремя. Красные возобновили свое преследование. 2-й полк, сменивший конный арьергард, дал противнику отпор и понес потери, но заставил красных остановиться, не доходя до перекрестка путей на хутор Придорожный. В полку кончаются патроны. Капитан Володкевич направился к застрявшим обозам, чтобы найти патроны, и пропал.

Поздно вечером 2-й полк и два эскадрона Конного полка, находившиеся в арьергарде, подошли к поселку Успенский — всего три или четыре бедных избы, расположенные на дне глубокого оврага. Дым застилал овраг, и через дым светили огни многих сотен костров. Невозможно было сказать, кто здесь находится, но большая площадь, на которой виднелись костры, указывала, что здесь скопилось несколько тысяч людей. По крутой дороге спустились вниз, казалось — в «преисподнюю». Начали разыскивать начальника дивизии. Он был занят разгрузкой дамбы, по которой шла дорога дальше, поторопил тех, кто был в состоянии двигаться вперед, и заставил съезжать в сторону ехавших на измученных лошадях.

Нашли генерала Молчанова в одной из изб, когда он, после разгрузки дамбы, зашел для ознакомления с дальнейшей дорогой. Маленькая керосиновая лампа слабо освещала довольно просторную комнату. На полу, вдоль стен, лежало много больных тифом. Некоторые уже были мертвыми, их вынесли и сложили снаружи. На их места положили других тифозных, недавно привезенных. Посреди избы обогреваются толпы людей.

С трудом можно было протиснуться в угол, к столу, где начальник дивизии сидел за картой и расспрашивал местного

жителя о дороге. Вскоре к столу стал пробираться ординарец штаба и тащил какого-то штатского в потертой, но теплой шубе. Этот молодчик вел агитацию за прекращение дальнейшего похода и за сдачу красным. Один из многочисленных агитаторов, проникших в ряды отступавших под видом беженца. Они имели успех среди солдат, отбившихся от своих частей, угнетенных тяжелыми условиями похода и потерявших веру в благополучный исход. Для таких агитация советских агентов давала какую-то надежду на спасение.

Агитатор оказался тупым и малоречивым. Он прямо не отрицал свою вину, а упорно повторял: «Я не против вас, я за народ, я за справедливость»... На свою беду, он нарвался на тех, кто хорошо узнал «справедливость» и «заботу о народе» пославших его. После допроса не оставалось сомнения, что он — большевистский агент. Приговор был короткий — расстрелять. Ординарцы вывели его за избу и, чтобы не делать тревоги, выстрелом из маленького «бульдога» закончили его службу нашему врагу.

2-й полк должен был сменить конных Ижевцев, но в темноте и сутолоке найти его не удалось. Генерал Молчанов приказал командиру Конного полка принять обязанности начальника арьергарда, разыскать 2-й полк и прикрыть поселок Успенский.

Появился пропавший капитан Володкевич. Он, взяв из 5-го Воткинского эскадрона один взвод, отправился на хутор Придорожный набрать патронов для 2-го полка. В этом полку патроны были на исходе. Его предприятие оказалось удачным. Он вернулся из хутора с Воткинцами, и все они были обвешаны башлыками и вещевыми мешками, наполненными пачками патронов. Володкевичу удалось наткнуться на обоз какого-то полка, где среди хозяйственного имущества были запасы нужных ему патронов, а для перевозки их ему дали башлыки и мешки. Обоз этот, на совершенно обессиленных лошадях, дальше двигаться был не в состоянии. Начальник обоза с большей частью своих подчиненных ушел вперед с небольшим количеством повозок.

Капитан Володкевич сообщил выступившей вперед заставе Конного полка, что по его следам двигается отряд красных — слышен был скрип саней. Вместо противника было встречено несколько саней наших отставших, вышедших из хутора При-

ФОТОГРАФИИ ИЗ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
КНИГИ А. Г. ЕФИМОВА «ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ»

Ижевскій Заводъ.

Зарѣчная часть.

Ижевский Завод. Заречная часть

Ижевский Завод. Нагорная часть
(вдали виден Михайловский собор)

Генерал-лейтенант Викторин
Михайлович Молчанов. [1921 г.]

В. М. Молчанов в 1971 году

Полковник
Владимир Никанорович
Дробинин, командир
Воткинського
конного дивизиона

Полковник Дмитрий Иванович
Федичкин

Орден «За Великий Сибирский
поход»

Полковник
Дмитрий Михайлович
Михайлов, командир 1-го
Ижевского полка

Снимок командного состава Ижевско-Воткинской и Поволжской бригад в городе Гирине во главе с ген. Дитерихсом, ген. Вержбицким и ген. Молчановым. Март 1923 года (Подробный перечень изображенных см. на с. 225 текста книги).

Командный состав Ижевско-Воткинской бригады во главе с генералом Молчановым и нач. штаба 3-го корпуса полковником СавчукомСидят (слева направо): полк. Черкес, полк. Ефимов, ген. Молчанов, полк. Савчук и плк. Зуев. Стоят (слева направо): нач. штаба бригады кап. Полунин, полк. фон Вах, полк. Дробинин и кап. Смолин

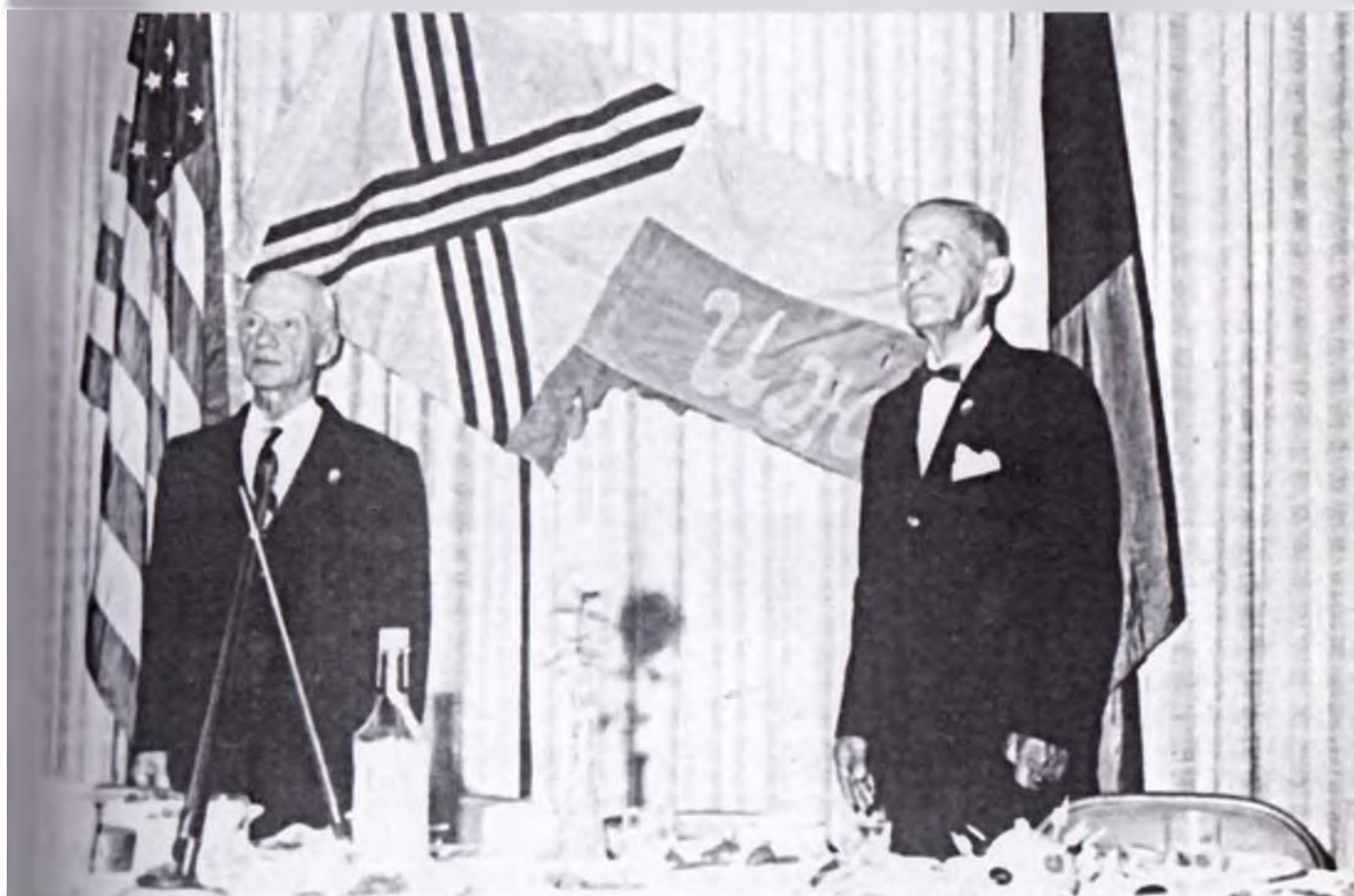
Шанхай 1943 г. 25-летие восстания Ижевцев и Воткинцев. Первая пара (на полу): слева председатель Союза фронтовиков в Ижевске полк. Солдатов, справа кап. Топоров, командир одной из первых рот повстанцев в Воткинске

Памятный знак
к 25-летию
Ижевско-
Воткинско-
го
восстания

Сан-Франциско. Один из годовых юбилеев, чествующих восстание Ижевцев и Воткинцев в ресторане «Ренессанс». Ген. Молчанов, полк. Д.И. Федичкин читает меню и Н.Е. Старцев

Сан Франциско. 50-летие восстания Ижевцев и Воткинцев. Генерал. В.М. Молчанов и полк А.Г. Ефимов. Флаг Ижевской дивизии. На столе штыки, сделанные в Ижевском Заводе

Сан-Франциско. Празднование 40-летнего юбилея восстания Ижевцев и Воткинцев. Стоят справа: В. И. Мерзляков, ген. В.М. Молчанов, В.И. Пикулев, О.В. Блинова, С.М. Коковин, Л.В. Молчанова, А.П. Сапегина. Сидят: слева А.Г. Бутаков, Е.А. Бутакова (Зебзиева), полк. А.Г. Ефимов, В.П. Сапегин, Н.С. Ефимова, М.С. Данилов

Неугасимая Свеча «В память Ижевцев и Воткинцев, восставших 7 и 17 августа 1918 года против коммунистической власти, павших на поле брани или умученных и убиенных или в изгнании скончавшихся», установленная в Берклейской церкви

Подпись к фотографии на 4 полосе вклейки

Снимок командного состава Ижевско-Воткинской
и Поволжской бригад в городе Гирине во главе
с генералом Дитерихсом, генералом Вержбицким
и генералом Молчановым

Март 1923 года

Нижний ряд (сидят на полу) слева направо:

- 1,2,3,4 — чины Поволжской бригады,
- 5 — поручик Богданов, н-к связи штаба Иж.-Вотк. бригады
- 6 — капитан Полунин, н-к штаба Иж.-Вотк. бригады
- 7 — корнет Старцев Адъютант Воткинского Конного дивизиона
- 8 — прапорщик Крюков Ижевского полка

Второй ряд (сидят на стульях) слева направо

- 1 — подполковник Левицкий — Поволжской бригады
- 2 — полковник Сидамонидзе — Командир Уфимского полка
- 3 — ген.-м. Ястребцев — Командир Поволжской бригады
- 4 — генерал Вержбицкий
- 5 — генерал Дитерихс
- 6 — генерал Молчанов
- 7 — полковник Ефимов, начальник Иж.-Вотк. бригады
- 8 — полковник Савчук, начальник штаба 3-го корпуса
- 9 — полковник фон Вах, командир Воткинского полка

Третий ряд (стоят) слева направо:

- 1, 2, 3, 4 — чины Поволжской бригады
- 5 — полковник Сотников, командир Камского полка
- 6 — капитан Монгин, н-к штаба Поволжской бригады
- 7 — полковник Дробинин, командир Воткинского Конного дивизиона
- 8 — полковник Зуев, командир Ижевского полка
- 9 — полковник Черкес, командир Добровольческого полка
- 10 — подполковник Болонкин — Воткинского полка
- 11 — подполковник Столов — Вотк. конного дивизиона
- 12 — капитан Матросов — Ижевского полка

Подпись к фотографии на 4 полосе вклейки (продолжение)

Четвертый ряд (стоят) слева направо:

- 1 — поручик Чермных — адъютанта Камского полка
- 2, 3 — чины Поволжской бригады
- 4 — полковник Белянушкин — Командир Волжского полка
- 5 — капитан Кременецкий
- 6 — подполковник Коврижников — Воткинского полка
- 7 — капитан Смолин — Ижевского полка
- 8 — шт.-капитан Никольский — адъютант Ижевского полка
- 9 — капитан Х
- 10 — капитан Федяшин — Добровольческого полка

Верхние ряды (стоят) слева направо:

- 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9 — чины Поволжской бригады
- 10 — поручик Титов — адъютант ген. Ястребцева
- 11 — капитан Лучихин — Ижевского полка
- 12 — подполковник Быков — Воткинского полка
- 13 — капитан Одинцов — Ижевского полка
- 14 — капитан Колесников — Воткинского полка
- 15 — шт.-капитан Архипов — Ижевского полка
- 16 — поручик Журавлев — Адъютант Воткинского полка
- Прапорщик Федоров — Ижевского полка

дорожного вслед за Володкевичем. Застава заняла место в лесу, верстах в полутора-двух от поселка Успенский. Вперед выехал на разведку офицер с одним всадником.

Об этой разведке офицер вспоминает: «Просека слабо освещалась звездами, но на матовой снежной полосе можно было заметить всадников на полтора-двести шагов. Кругом полнейшая тишина. Появление противника мы могли услышать задолго до того, как его увидеть. По сторонам дороги — брошенные сани, иногда одиночные, в других местах группами. П слышался скрип полозьев. Опять тихо, и снова скрип. Поехали навстречу. Заметили одиночные сани. Ехал больной фельдшер. Измученная лошадь едва плелась и, сделав несколько шагов, останавливалась на отдых. Сказал фельдшеру, что деревня близко и чтобы он поторопился.

Двинулись дальше. Брошенный возок, и оттуда, заслышав нас, слабый голос: “Ваня! Ваня! Скоро ли дальше?” Среди окружающей мертвой тишины показалось, что голос идет из-под могильной плиты — голос заживо погребенного, брошенного больного, которого какой-то Ваня оставил здесь на дороге замерзать, а сам отпряг лошадей и удрал. Мы ничем не могли помочь несчастному и не откликнулись на его зов.

Проехали еще вперед. Еще одни сани, запряженные парой лошадей. На них священник с двумя маленькими дочками, и опять еле бредущие лошади. Священник понукал лошадей вожжами. В меховой шапке, с маленькой заиндевевшей бородкой, с измученным лицом. Глаза священника выражали необыкновенное страдание и покорность судьбе... Если иконописцу нужно было бы найти лицо, с которого писать Лик Спасителя на Кресте, нельзя было бы найти более подходящее. Маленькие спутницы священника, попавшие в одну из самых зловещих трагедий братоубийственной войны, испуганно смотрели на нас. Но, наверное, они не понимали, какая участь может постигнуть их отца — слугителя Христа, военного священника.

Проехали дальше. Красные не появлялись. Но нельзя было зарываться далеко. Прошло полчаса со времени встречи со священником, и никто больше не показывался на опустевшей дороге.

Возвращались назад, остановились в двух местах, где было брошено много саней, и, вытащив на дорогу и запутав их по-

стромками и вожжами, устроили завалы. Препятствие не очень значительное, но, когда красные начнут разрубать веревки, разбрасывать сани и ругаться, застава будет предупреждена об их приближении.

На обратном пути к заставе священника и фельдшера не встретили — они успели добраться до деревушки. Возок, из которого слышался призыв к “Ване”, был безмолвен...»

К полуночи вышло из поселка Успенского всё, что могло дальше двигаться. Как и в Дмитриевке, здесь было брошено много саней и разного имущества. Была оставлена нашими артиллеристами, прошедшими днем или двумя раньше, часть наших пушек. Не было возможности с обессиленным конским составом вытащить всю артиллерию. С большими усилиями вытянули из оврага 4 пушки, сняв с остальных замки и панорамы.

Около полуночи генерал Молчанов со штабом отправился в дер. Глухари, в 9—10 верстах от Успенского. Через час или два после полуночи красные подошли к поселку. Застава наша их обстреляла и отошла к своему эскадрону. Арьергард — два эскадрона, около 120 всадников — перешел через дамбу и остановился на берегу оврага. По слуху определили подход красных к спуску в овраг. Встретили их тремя залпами. Не столько для того, чтобы нанести потери, сколько чтобы дать понять противнику, что двигаться без сопротивления ему не удастся. Вместе с тем эти залпы, пронесшиеся над головами сидевших у костров, предупреждали о подходе неприятеля. Кто еще имел возможность выбраться, — мог это сделать.

Ночь была очень морозная. Стоять на месте и поджидать противника было невозможно. Поочередно сменяясь, эскадроны останавливались на короткое время, спешивались, высылали дозоры и медленно двигались дальше. Красные, видимо, были заняты обезоруживанием оставшихся в поселке Успенском и несколько часов нас не тревожили.

Приближалось утро 27 декабря. Наступали пятые сутки, когда, кроме короткого ночного отдыха в дер. Конюхта, два арьергардных эскадрона были непрерывно в седле или на ногах, двигались или стояли в колонне обозов, несли сторожевку или отстреливались от противника. Отсутствие сна и пищи давали себя знать. Усталость была необыкновенная. Тем не менее,

никто не жаловался на этот изнурительный поход и, падая иногда в снег от усталости на остановках, находил откуда-то силы вскакивать на ноги и быстро выполнять полученный приказ или команду.

В продолжение пяти часов арьергард медленно двигался к деревне Глухари, до которой оставалось еще версты две. Близился рассвет. Выстрелы дозорных предупредили о появлении врага. Об этом немедленно донесено начальнику дивизии.

Деревня Глухари, как и пройденный хутор Успенский, лежала в долине горной речки, но спуски к ней были более пологие. Всем находившимся там частям был отдан приказ выступить дальше.

Арьергардные эскадроны, по-прежнему действуя по очереди, занимали позиции, задерживая красных, и отходили, когда противник рассыпал свои цепи и открывал ружейный и пулеметный огонь. В упорный бой не ввязывались из-за отсутствия пулеметов и за недостатком патронов. Более частые остановки на удобных позициях, обыкновенно у поворотов дороги или на перегибе местности, заставляли преследовавшую нас красную конницу спешиваться, разворачиваться, открывать огонь, потом вновь собираться и проделывать всё сначала. Огонь по красным открывали неожиданно, и это заставляло их двигаться осторожнее и медленнее. Высылкой дозоров они старались вызвать нас на преждевременное открытие огня.

Около 7 часов утра деревня была почти свободна от частей и обозов, когда оба эскадрона подошли к ней и перешли на восточный край оврага. Здесь была занята позиция с хорошим обстрелом к противоположному берегу оврага и спуску в деревню, по которому должны были подойти красные.

Послышались их первые выстрелы. Некоторое количество обозников, еще остававшихся в деревне, бросились в беспорядке удирать, на подъеме дороги сгрудились и перемешались. Кое-как распутались и стали подниматься вверх. Некоторые передумали и спустились обратно в деревню. На той стороне оврага появилось около эскадрона красной конницы и за ней пехота. Оживленная перестрелка продолжалась минут двадцать. Одиночные сани еще покидали деревню, последние из них выскакивали под пулеметным огнем противника. Послышались выстрелы с правого фланга — красные пробовали обойти нас.

Около 8 часов мы начали отход. Дорога шла по пересеченной местности, и это давало возможность часто останавливаться на удобных позициях и задерживать наших преследователей.

На пути от деревни Глухари до деревни Большая Золотогорка останавливались около 15 раз и заставляли противника спешиваться и рассыпаться в цепь. В нескольких местах загородили дорогу брошенными санями. Иногда прекращали огонь, но оставались укрыто на позиции. Красные собирались на дорогу, чтобы двигаться дальше, и вновь попадали под огонь.

Было заметно, что они имели потери. Нам везло. Не давая красным пристреляться и вести действительную стрельбу, мы своевременно отходили и не имели потерь на всем участке пути от Глухарей до Золотогорки.

На улицах Большой Золотогорки было много обозов и людей, видимо не собиравшихся следовать дальше. Всадники, заранее посланные предупредить о скором появлении красных, были встречены недружелюбно. «Отправляйтесь сами, а с нас довольно!» — «Куда там ехать, на край света, что ли?» — и другие ответы в том же роде слышались на предложение покинуть деревню.

За деревней Золотогорка протекала по широкой долине река Золотой Катат, разветвлявшаяся на много рукавов. Через реку шла дамба с мостами. На восточном берегу стоял выселок Малая Золотогорка. Местность сразу переменялась: тайга кончилась, и кругом были открытые поля и редкие небольшие перелески. В выселке, довольно значительной деревне, — также еще находились некоторые наши части и начальник Ижевской дивизии со штабом.

К 12 час. 30 мин. арьергардный эскадрон вел с красными перестрелку, находясь на восточном конце дамбы. Патроны кончались, и с нашей стороны раздавались отдельные редкие выстрелы. Был получен приказ задержать противника два часа. Срочно второй эскадрон был послан в деревню найти патроны в находившихся там обозах. Нашли несколько десятков пачек. Немного. И пришлось экономить... Деревня была вскоре очищена от наших частей. Под угрозой обхода пришлось отойти раньше времени и арьергарду. Противник проводил нас сильным обстрелом из нескольких пулеметов, но, заняв деревню, остановился на привал, дав арьергарду возможность выиграть второй час.

Отойдя на версту, аррьергард остановился у небольшого пригорка и выставил охранение. Всадники спешили. Поджидаем противника. Недалеко от дороги стоял маленький амбарчик с висячим замком. Чутьем голодных людей догадались, что тут можно чем-то поживиться. Четыре дня почти ничего не ели. Скучные запасы сухарей на черный день всадники скормили своим походным друзьям — лошадям.

Сбили замок и нашли сырое замороженное мясо, подвешенное большими кусками. Наструганное ножом тонкими ломтиками, мясо показалось очень вкусным и приятно освежило пустые желудки. Даже некоторые лошади не отказывались от этой, столь несвойственной для них пищи.

Тайга осталась позади. Дорога больше не шла посреди просеки, проделанной в мрачном, непроходимом лесу. Несмотря на необычайную усталость, голод и отсутствие патронов, стало веселее.

После большого привала красные возобновили преследование. Задерживая их, мы стали отходить к селу Красный Яр. Там собрались почти все части дивизии. К вечеру 27 декабря дошли до села. На помощь двум измученным эскадронам вышли остальные эскадроны Конного полка и 1-й Ижевский полк. Ночью подошли красные и повели наступление на село. Их атака была отбита. В 1-м полку убит командир батальона капитан Помосов.

34. Движение к Красноярску

При переходе через тайгу 3-я Армия понесла огромные потери. Погибли у дер. Дмитриевской, почти целиком, 7-я Уральская дивизия и Воткинский кадровый полк. Оставлена большая часть артиллерии, и только Ижевцам удалось вывезти четыре орудия. Брошено много пулеметов, погибло много обозов. Застраило большое количество беженцев, не бывших в состоянии протащить тяжело нагруженные сани на обессиленных лошадях, не получавших корма.

Обозные части Ижевской дивизии, в том числе Конного полка, удачно прошли тайгу, двигаясь через нее на два-три перехода впереди боевых частей. Ижевцы привыкли действовать

дружно во всех случаях: в боях и в походе. Поэтому и тыловые части дивизии шли сомкнуто, не разбиваясь и не перемешиваясь с другими частями, насколько это было возможно в создавшихся тяжелых условиях. Начальники хозяйственных частей и коменданты, в большинстве энергичные и находчивые офицеры и чиновники, прилагали все усилия, чтобы продвигать порученные им обозы в целостности и сохранности. Теперь обозы поджидали боевые части, чтобы двигаться дальше совместно.

После прохода тайги намечался план остановить красных у восточных выходов из тайги, загородив их отрядами с большим количеством пулеметов, обильно снабженными патронами. Если бы это удалось, можно было бы выиграть время для приведения в порядок перепутавшихся частей, подтянуть отставших, дать некоторый отдых и восстановить боеспособность.

Но обстановка этого не допускала. Некоторые части 1-й Армии, двигавшейся на правом фланге фронта, перешли на сторону красных, а частью разоружились и разошлись. Сибирский тракт, проходивший через Томск, был открыт противнику для выхода в тыл 2-й и 3-й Армиям. В Красноярске шли усиленные приготовления левыми группами к восстанию с целью отрезать отступавшим движение на восток. На свою сторону эти группы привлекли командира 1-го Сибирского корпуса генерала Зиневича и подчиненные ему войска. Генерал Зиневич объявил об «окончании» гражданской войны и потребовал от главнокомандующего генерала Каппеля сложить оружие. К взбунтовавшемуся гарнизону Красноярска шли на усиление большие отряды красных партизан Щетинкина, Кравченко и др.

Вместо задержки красных на восточной границе Томской тайги и приведения себя в порядок отступавшим армиям приходилось торопиться к Красноярску и двигаться в тяжелых условиях. От тайги до Красноярска более 400 верст. Не доходя до города, к югу тянется новая полоса тайги, не имевшая дорог с запада на восток. Эта тайга находится на левом берегу реки Енисей, примерно к югу от участка железной дороги ст. Кемчуг — Красноярск. Станция Кемчуг находится в 85 верстах к западу от Красноярска.

Все отряды и обозы, двигавшиеся южнее железной дороги, главным образом из состава 3-й Армии, находились под ударом и угрозой быть прижатыми к этой тайге и отрезанными от путей

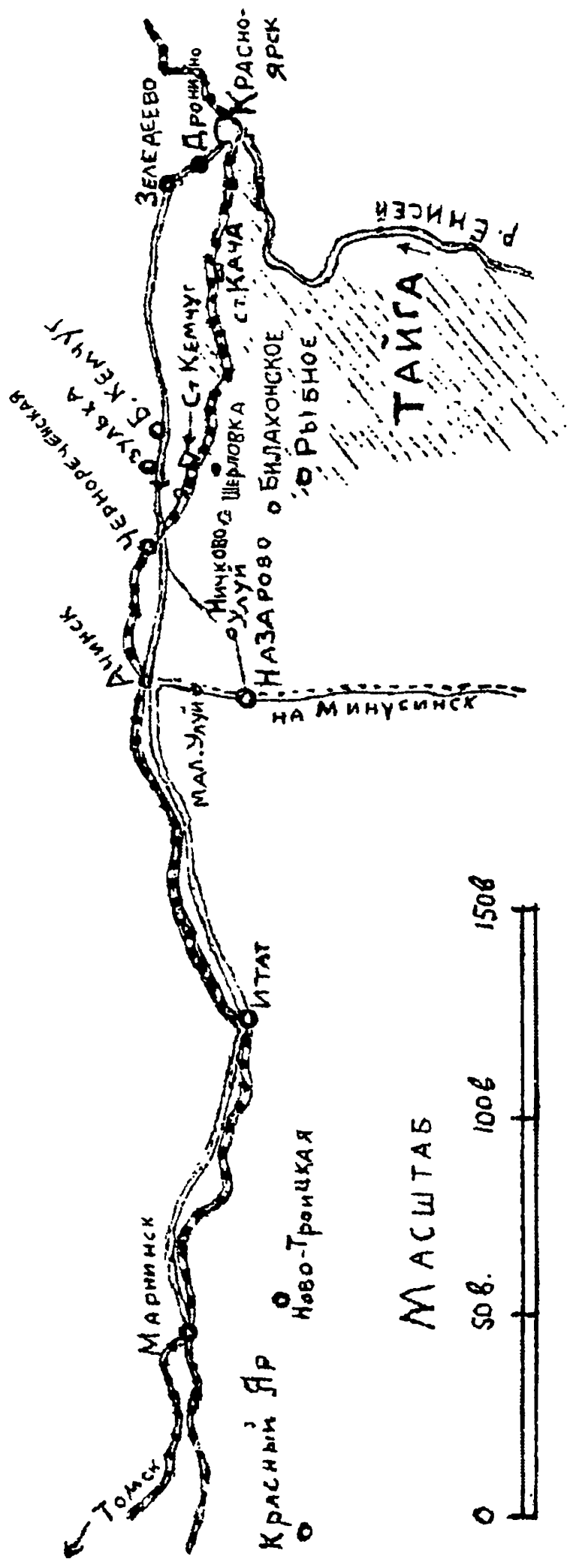

Схема № 15. Район от Щегловской тайги до Красноярска

отступления. Было необходимо выбраться на железную дорогу возможно скорее. Последним пунктом выхода из ловушки являлась станция Кемчуг.

Тяжелые условия перехода через Щегловскую тайгу задержали 3-ю Армию, и она двигалась на полтора-два перехода на уступе позади 2-й Армии. Теперь, после прохода тайги, шли по нескольким дорогам и по сравнительно населенному району. Можно было ночевать под крышей и находить продукты, а для лошадей — корм.

Лошади были сильно изнурены, и многих приходилось заменять покупкой или обменом. Сибирские крестьяне нередко вполне добровольно обменивали изнуренную лошадь на свою в хорошем теле. Это освобождало их от подводной повинности или же захвата крепкой лошади, то есть бесплатно, или за «голубки» — обесцененные кредитные билеты. А изнуренную лошадь можно «выходить».

Измена генерала Зиневича в Красноярске заставляла ускорить движение, чтобы не дать возможности перешедшему на сторону красных гарнизону и подходившим к ним на усиление шайкам партизан организовать оборону города и закрыть нам дальнейший путь отступления.

Не приходилось думать о столь необходимом отдыхе и приведении в порядок перепутавшихся частей. Одневках забыли, ночлеги и привалы были сокращены до предела, величина переходов увеличена.

Несмотря на большие потери в тайге, дороги и на этом участке пути были загромождены большим количеством частей, обозов и беженцев. Только немногие части двигались в порядке. Большинство были разбиты на мелкие группы и перемешались с обозами и беженцами.

На случай потери связи с начальником дивизии частям Ижевцев было приказано пробиваться к железной дороге и двигаться к Красноярску. Конный Ижевский полк в ночь 27—28 декабря выступил из деревни Красный Яр и, проделав большой переход, дошел до деревни Ново-Троицкая. После еще одного или двух переходов полк нагнал свою хозяйственную часть. Кажется, впервые после выступления из Омска, где полк формировался, он оказался собранным в полном составе. Генерал Молчанов захотел посмотреть полк и отдал

приказ, перед выступлением на следующее утро, построить полк для смотра.

Привыкнув за последнее время к малочисленности частей, выстроенный Ижевский конный полк показался по крайней мере конной бригадой. Шесть эскадронов, учебная команда, пулеметная и подрывная команды, штаб с командами связи и комендантской, хозяйственная часть, санитарная и ветеринарная части и, наконец, детище гражданской войны — «семейный» дивизион, в котором насчитывалось около 200 жен, детей и стариков.

За боевыми частями каждого эскадрона в 90—100 сабель стояло по 30—40 всадников «запаса», не имевших седел, многие без шашек, сидевшие на пополах или других приспособлениях. Всего было выстроено более 800 всадников, с обозными и нестроевыми до 1000 человек, не считая семей. Благодаря большому обозу неудивительно, что построенный для смотра полк казался много больше, чем полк нормального состава. Но несмотря на разнообразие обмундирования, разномастность лошадей, не говоря уже про необычный вид обоза, полк представлял стройное зрелище. В условиях тягости похода, после ран, нанесенных всем частям армии проходом через тайгу, здесь чувствовались порядок и дисциплина — результат забот и работы начальников всех степеней и однородности и сплоченности состава.

Адъютант полка отправился доложить начальнику дивизии, что полк построен для смотра. Но вместо прибытия генерала Молчанова был получен приказ отправить обозы дальше, а полку приготовиться к выполнению боевых задач. Полку не пришлось больше встретиться со своей хозяйственной частью.

* * *

Продолжая делать большие переходы, полк к вечеру 1 января 1920 года (по новому стилю) достиг села Назарова, находившегося в 30 верстах к югу от города Ачинска. За пять дней было пройдено 250 верст. Назарово расположено на тракте Ачинск—Минусинск, вдоль которого идет телеграфная линия.

2 января задачей полка являлось движение к гор. Ачинску и удержание этого пункта от захвата противником. Полк приготовился к выступлению, но в 9 час. утра на телеграфной

станции было получено сообщение, что Ачинск уже захвачен большими силами красных. Об этом было немедленно послано донесение начальнику дивизии.

В Назарове большая толкучка. Много частей, обозов и беженцев. Сюда подошел 1-й Прифронтовой полк, действовавший против красных шаек Щетинкина. Полк этот, видимо, накануне распада. Из строя слышны выкрики солдат: одни хотят идти дальше скорее, другие требуют отдыха.

К 11 час. утра получен приказ двигаться на Покровское (Чернореченское) для новой попытки выйти к железной дороге и Сибирскому тракту. В 11 час. 15 мин. два эскадрона с пулеметами двинулись в направлении дер. Улуй — ст. Чернореченская, за ними — остальные части полка. Дойдя до дер. Улуй и выступив дальше, заметили двигавшуюся нам навстречу Оренбургскую казачью бригаду. Высланный вперед офицер узнал от казаков, что район ст. Чернореченской в руках красных. Они опять опередили нас. Чтобы не задерживать двигавшихся навстречу Оренбуржцев, Ижевский полк свернул на восток через Себеж на Плодбище, куда прибыл в полночь и остановился на короткий ночлег.

В 7 час. утра 3 января полк выступил на ст. Козулька, выставив заслон против красных, занявших Чернореченскую. Разведка выяснила, что и Козулька в руках противника. В 16 час. 30 мин. два эскадрона были направлены на Ничково — Шерловка — ст. Кемчуг, чтобы с этой станции выдвинуться на запад и прикрыть ее от захвата противником. Переходы огромные. Вернее, в день делаем несколько переходов, двигаясь и ночью, с небольшими остановками для отдыха в деревнях.

4 января в 5 час. утра, задолго до рассвета, двинулись на Шерловка — ст. Кемчуг. Когда рассвело, увидели знакомую неприятную картину — дорога была загромождена обозами в три-четыре ряда. Но с конными можно было по обочинам двигаться вперед. По дороге выяснилось, что движение остановилось, так как за Шерловкой красные. Они заняли дорогу к ст. Кемчуг, выставили пулеметы и отражают попытки их отбросить. В колонне терпеливое ожидание.

Около 7 часов утра 1-й конный полк Ижевцев собрался в Шерловке. Здесь уже было несколько строевых частей, в том числе 4-й, 11-й и 17-й Оренбургские казачьи полки, один кав-

лерийский полк из 1-й Кавалерийской дивизии и еще несколько небольших частей, почти все конные.

Старшие начальники собрались на совещание, которое происходило под председательством командира 5-й Оренбургской бригады — генерал-майора Кручина. Решили сбить красный заслон и пробиться на ст. Кемчуг. Задачи распределили по взаимному соглашению.

Деревня стояла на поляне, окруженной лесом. Красные занимали северный участок леса, через который шла дорога, и их позицию можно было бы укрыто обойти с обоих флангов. Но в лесу был глубокий снег, и обходящим частям пришлось бы потерять много времени на такой маневр. Поэтому решено было отбросить красных наступлением в лоб.

Слева от дороги повели наступление цепи спешенного Конного полка. Казаки наступали на обоих флангах. Ижевцы должны были атаковать в конном строю, когда цепи подойдут к противнику.

Спешенные всадники Конного полка смело пошли в атаку по ровному снежному полю под жестоким огнем красных пулеметов. Их прорыв замедлялся глубоким снегом. Падали убитые и раненые, но офицеры кричали: «Вперед!» От Ижевского конного полка в голове атакующих шел 1-й эскадрон под командой поручика Лумпова. Снежная поверхность поляны не давала возможности развернуться и атаковать всем полком. Приходилось вести атаку эшелонам, притом только по дороге. Поручик Лумпов собрал свой эскадрон к северной окраине деревни. Но он раньше времени выскочил вперед, и красные пулеметы сосредоточили весь огонь по колонне появившихся всадников. Эскадрон понес большие потери и повернул обратно. Был тяжело ранен выделявшийся своей храбростью прапорщик Чирков.

Все эти действия походили больше на самоубийство от сознания безвыходности положения и от отчаяния. При обходе противника с флангов или с одного из флангов, возможно, было бы потеряно 2—3 часа времени, но успех был более вероятен.

После неудачи атаки расстроенные части скопились на поляне в лесу к востоку от деревни. Было около 2 часов дня. Продрогшие бойцы начали разжигать костры. Положение казалось безвыходным. Отступать назад по загроможденной дороге

или обороняться в деревне было бессмысленно. Повторять атаку и пробиться к железной дороге не сулило успеха — было ясно, что красные крепко там обосновались. Все искали выход из этого безвыходного тупика.

На поляну подошел еще один отряд из остатков Уральских полков под командой генерала Круглевского. В этом отряде было 350—400 человек, все конные. При отряде три-четыре знамени старых Императорских частей.

Генерал Круглевский предложил командиру Ижевского конного полка двигаться дальше вместе. Он сообщил, что у него есть проводник из местных лесничих, который отлично знает тайгу. Проводник обещал через чащу леса вывести на дорогу, которая приведет к железнодорожному полотну к востоку от ст. Кемчуг. Но надо сделать большой обход в 8—10 верст, чтобы обойти полосу непроходимой молодой заросли.

Предложение это вызвало недоверие. Плутать по таежному лесу, когда, по собранным сведениям, железная дорога была верстах в двух от Шерловки, совершенно не улыбалось. Генерал Круглевский отправился с проводником на юг, Ижевский полк на север к железной дороге.

На всякий случай один всадник Ижевского полка был оставлен на месте и должен был запомнить путь генерала Круглевского. На поляне было много следов по всем направлениям, и найти путь генерала Круглевского в темноте приближающейся ночи было бы очень трудно.

Пройдя по редкому лесу не более полуверсты, Ижевцы встретили непроходимую стену молодого березняка. Вынули шашки и стали рубить проход. Но скоро убедились, что работа эта медленная и конца березняку не было видно. Повернули обратно на поляну. Наступал вечер, был сильный мороз, горело много костров. Ижевцы подъехали к большому костру, около которого расположился круг Оренбуржцев. Шло совещание. Говорил, кажется, урядник. Стараясь громким голосом придать убедительность своим словам, он доказывал, что идти дальше некуда, прошли уже много и все жертвы и страдания оказались напрасными... «Если удастся пройти здесь, — говорил он, — то погибнем в другом месте. Надо начать переговоры с красными о сдаче и поставить условие, чтобы всем сдавшимся добровольно, не исключая всех офицеров, была дарована жизнь». Он

заметил, что подъехали Ижевцы, и добавил: «Вот и Ижевцы тут, надо действовать вместе, тогда будет легче сговориться с большевиками, и они примут наши условия».

Мрачно смотрели кругом говорившего остальные казаки. Был тут и их командир бригады, председательствовавший утром на собрании старших начальников. Опершись обеими руками на эфес шашки, он угрюмо возражал оратору. Совещание могло затянуться, а время было дорого. Начинало темнеть. Могли подойти красные. И так было непонятно, почему они еще здесь не появились. Поляна была недалеко от деревни, где они, наверное, уже хозяйничали. Возможно, что разоружение попавших в их руки наших войск и обозов заняло всё их внимание.

Ижевцы двинулись дальше. Оставленный маяком всадник, следивший за уходом генерала Круглевского, показал дальнейший путь. Совсем рядом с костром оказался густой лес молодых сосен, и через него шла узкая, протоптанная в снегу тропинка. Трудно было поверить, что надо было входить в какую-то темную дыру, когда кругом был редкий лес огромных деревьев. Нагнувшись к самому седлу и задевая ветки деревьев, начали пробиваться по этому узенькому коридору в полной темноте. Через сотню-полторы шагов вышли опять в редкий лес и по протоптанным следам пошли дальше. Примерно через час вышли на лесную дорогу. У дороги стоял стог сена, от которого нам достались мелкие клочья, разбросанные кругом. Не побрезговали и этим даром судьбы, чтобы подкормить лошадей. Движение на север.

На рассвете 5 января вышли на железную дорогу. Ближайший верстовой столб указывал цифру «632», но откуда был счет — не знали. Предположительно это было версты три к востоку от ст. Кемчуг. Пошли по сильно укатанной и теперь пустынной грунтовой дороге, шедшей около железнодорожного полотна. Видно было, что тут прошли тысячи саней.

За минувшие три дня, 2—4 января, прошли более 150 верст. От Ачинска до ст. Кемчуг всего около 85 верст, но с попытками выйти к железной дороге приходилось делать кружные движения, возвращаться и проделывать это несколько раз. На измученных задолго до этого лошадях, при плохом питании и коротких остановках для отдыха трудно было рассчитывать обогнать красных, которые, начиная с Ачинска, опередили нас.

Но вот, наконец, обогнали и, казалось, достигли цели последних дней. Но особенной радости не было заметно. Боязнь за оставшихся сзади действовала угнетающе. Где семьи, где остальные части дивизии, где генерал Молчанов?.. Все они следовали позади, и их благополучный выход был под большим сомнением. Не хотелось спастись одним, и не было желания попадать под чье-либо другое начало. Генерал Молчанов являлся для всех Ижевцев незаменимым, и они не представляли себе, чтобы его можно было потерять.

В 9 час. утра 5 января на ближайшем железнодорожном разъезде сделали привал и выпили пустого чая. Через полчаса выступили дальше. К ночи должны были добраться до станции Кача. Впереди широкая, ровная, совершенно свободная дорога. Таковую бы в тайге, — тогда не погибла бы там большая часть нашей армии! Неизвестно, были ли за нами какие-либо наши белые части или нет. На всякий случай прикрывались с тыла, а на север, где шел Сибирский тракт, вели наблюдение.

Поздно вечером добрались до ст. Кача. Около нее небольшая деревня Становая. Вошли в деревню и встретили своего Ижевца. Радостная весть быстро пробежала по колонне полка. Генерал Молчанов с некоторой частью остальных полков дивизии благополучно прорвался через тайгу. Налицо был сильно поредевший, но больше других сохранившийся 1-й полк, часть 2-го и остатки малочисленных 3-го и 4-го полков. 1-й полк, потеряв на походе из Красного Яра связь с начальником дивизии и выполняя приказ пробиваться в таком случае к железной дороге, направился на город Ачинск. В пути командир 1-го полка встретил 3-й и 4-й полки и предложил их командирам взять для верности направление к востоку от Ачинска. Они не согласились и предпочли идти прямо на Ачинск. 1-й полк вышел благополучно на железную дорогу, а 3-й и 4-й полки, по-видимому, погибли при подходе к Ачинску. 1-й полк ждал остальных на станции Кача.

Генерал Молчанов, достигнув со своим штабом и артиллерийским дивизионом села Рыбного, находившегося на окраине тайги, остановился на ночлег. Выяснив к утру, что дорога на Кемчуг забита обозами, он расспросил местных крестьян о тайге и путях через нее. В тайге находился маленький поселок, к которому дороги нет, но охотники ходят туда без затрудне-

ний — тайга проходима. От этого поселка есть лесная дорога к железной дороге, выйдя на которую можно дойти до ст. Кача.

Узнав точно направление, генерал Молчанов по компасу вышел со своим штабом как раз к указанному поселку и из него достиг ст. Кача. Артиллерия под командой полковника Якубовича, по настойчивой просьбе последнего, должна была выйти через полчаса. Лошади артиллерийского дивизиона совершенно выдохлись, и полковник Якубович просил дать им лишнее время для отдыха и корма лошадей. Генерал Молчанов сначала на это не соглашался, но потом разрешил, подтвердив приказ выступить не позже как через полчаса. Артиллерия Ижевцев (последние 4 орудия) уже не выступила с места своего ночлега и была захвачена противником. С артиллерией или где-нибудь в ближайших деревнях погибло и большинство наших обозов.

Станция Кача и расположенная около нее небольшая деревня Становая были забиты большим количеством перемешавшихся частей и обозов. Большинство было из 3-й Армии, но были здесь и отставшие из 2-й Армии и разных тыловых учреждений. По улице бродили отдельные потерявшиеся люди и разыскивали свои части.

Кое-как отдохнули и обогрелись, вклинившись в переполненные избы.

Положение создалось не из блестящих. Далеко не всем шедшим южнее железной дороги удалось преодолеть встреченные препятствия. Осколки перемешавшихся частей представляли собою неорганизованную, уставшую и морально издерганную массу, не способную к бою.

К северу от железной дороги, верстах в десяти, проходил Сибирский тракт, а в чьих руках находились селения на этом тракте — никто не знал. 2-я Армия прошла в Красноярск, но где была она расположена и где были ее арьергарды, — известно не было. Уже несколько дней не было связи ни со штабом Главнокомандующего генерала Каппеля, ни со 2-й Армией.

Ночью начальник Ижевской дивизии дал задачу Конному полку, усиленному имевшимися налицо пешими частями дивизии, выдвинуться утром на тракт и «оседлать» его, заградив противнику дорогу на восток. Предполагалось, что красные уже могли подойти по тракту в район севернее ст. Кача.

В 5 часов утра 6 января Конный полк Ижевцев начал собираться к выступлению, пробираясь через загроможденную санями улицу. Многие обозы также готовились к дальнейшему движению на Красноярск и запрягали лошадей. Не успел полк собраться, как к западу от деревни затрещали ружейные выстрелы. Поднялась паника. Ночевавшие в деревне бросились в беспорядке в сторону Красноярска. Не успевшие запрячь лошадей торопились, волновались и кричали. Деревня быстро опустела. Волна панически настроенных людей вовлекла в свой поток и тех, кто еще не совсем потерял хладнокровие и способность сопротивляться.

На месте остались генерал Молчанов со своим штабом и готовившийся к выступлению Конный полк. Генерал Молчанов взял ближайший 2-й эскадрон и бросился с ним на выстрелы. Врагом, поднявшим панику, оказалась кучка в 20 человек большевиков-железнодорожников, которые учли моральное состояние уставших и потрясенных неудачами белых бойцов и решили этим воспользоваться. Увидав мчавшихся на них всадников, большевики бросились бежать, но были настигнуты, окружены и уничтожены.

Необходимость выхода на тракт отпала. Конный полк получил задачу: после ухода из деревни Становая всем, кто еще здесь застрял, отходить к Красноярску, сдерживая противника, если он начнет преследование.

С генералом Молчановым находилась его супруга, которую обстоятельства похода заставили двигаться верхом. У нее через плечо была большая кожаная сумка — денежный ящик дивизии. При сложившейся обстановке всё могло случиться. Чтобы избежать возможности потерять все деньги сразу и, с другой стороны, облегчить своей жене тяжелую ношу, генерал Молчанов тут же, на дороге, выдал командиру Конного полка 1 200 000 рублей сибирскими деньгами. Ценность их после падения Омска значительно упала, но других денег не было, и эти казначейские обязательства еще служили для расплаты за продукты и фураж. Командир полка в свою очередь снабдил «деньгами» командиров эскадронов.

Эшелонировав эскадроны для последовательной охраны и обороны дальнейшего пути, полк не спеша отходил на восток. Красные не появлялись.

Стемнело, когда полк приближался к последней перед Красноярском станции Минино, находившейся в 15 верстах от города. За 2—3 версты до этой станции на железнодорожных путях стояли вплотную один за другим поезда. Они, не было сомнения, обречены на захват красными. Из вагонов выглядывают беспокойные лица беженцев. Спасти от большевиков им не удалось, и теперь наступило для них томительное ожидание своей судьбы. Ближе к станции, также вплотную, стоят эшелоны польской дивизии. Один из поляков кричит в нашу сторону: «Продайте револьверы, вам они больше не понадобятся», — на что-то намекает он. Из наших рядов ему отвечают: «Вам в вагонах они совсем не нужны!»

Поздно вечером 6 января полк сосредоточился у станции Минино, оставив охранение на железной дороге в будке, верстах в двух от станции. В квартире начальника станции — штаб дивизии. Генерал Молчанов собирает сведения. Ничего отрадного: Красноярск в руках красных; все пункты на путях к городу и в обход его заняты значительными силами взбунтовавшегося гарнизона, местными отрядами большевиков и подошедшими бандами партизан. 5 января утром части 2-й Армии наступали на город, но потерпели неудачу. Армия прорвалась на север. Теперь все пункты на север заняты отрядами противника. В ближайших деревнях большое количество измученных и павших духом людей сдаются красным. На юг дорог нет. Для нас закрыты все пути.

Генерал Молчанов мрачен. Никогда его не видели таким, — он не признавал непреодолимых препятствий. И если он не находит выхода, значит, дело идет к нашему концу.

35. У Красноярска

Для лучшего представления о сложившейся обстановке следует остановиться на тех событиях, которые произошли перед прибытием 3-й Армии. Не приходится говорить о том, что об этих событиях нам пришлось узнать позднее. О многих подробностях удалось услышать через несколько лет — из докладов, воспоминаний и разговоров с участниками похода.

Многое осталось неизвестным, неясным или забытым. Здесь приводятся сведения о движениях и действиях более значительных отрядов, сохранивших некоторый порядок, боеспособность и прорвавшихся из красной западни.

Как указывалось ранее, Томская (Щегловская) тайга, из-за бедности путей, внесла большое расстройство в движение войсковых частей, перемешавшихся с огромными обозами, тыловыми учреждениями и беженцами. Распад 1-й Армии в Томске и восстание генерала Зиневича в Красноярске не позволили 2-й и 3-й Армиям останавливаться для приведения себя в порядок и урегулирования движения по дорогам. Управление было крайне затруднено. Приказы и донесения часто не доходили по назна-

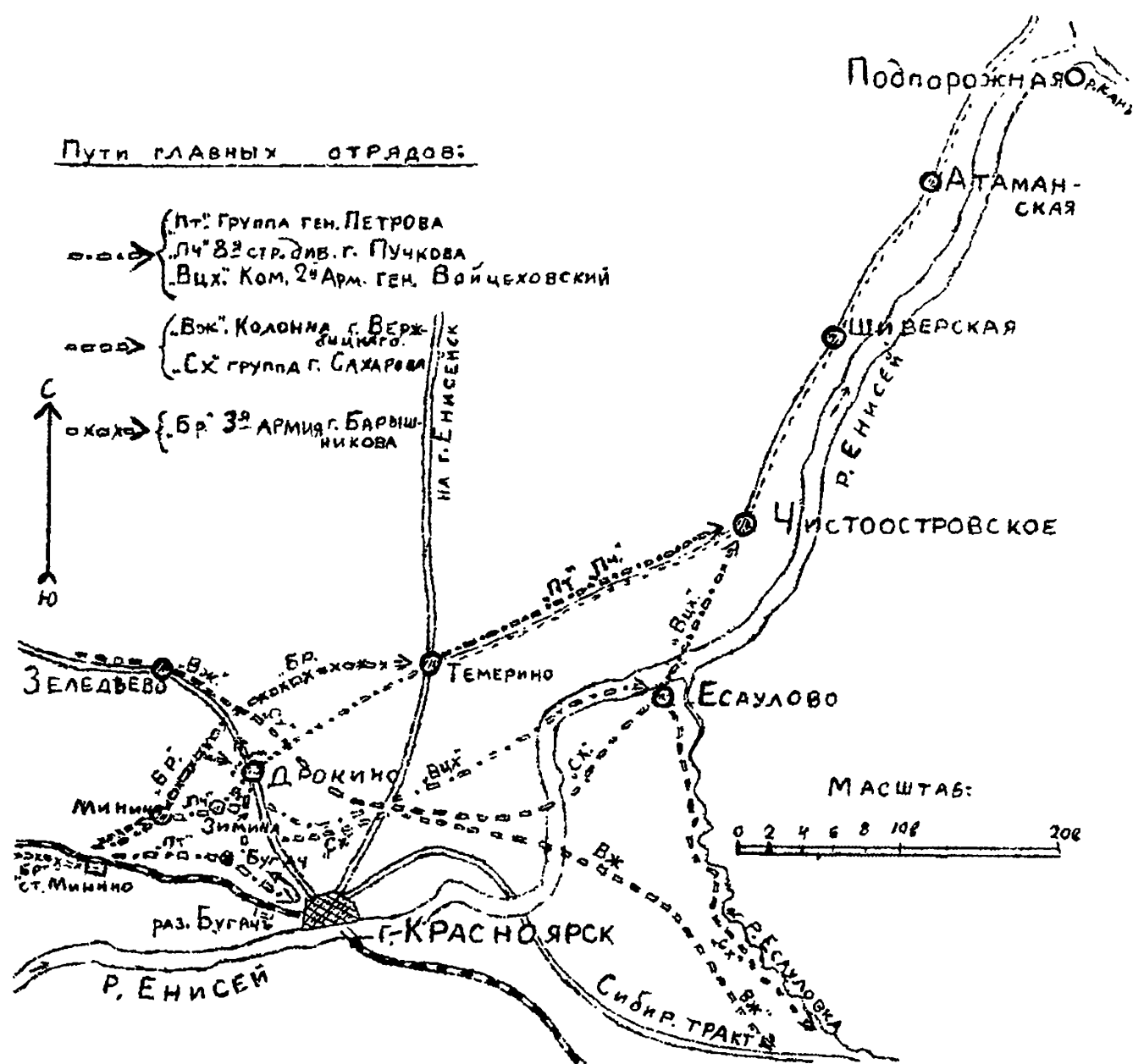

Схема № 16. Прорыв у Красноярска 4—5—6 января 1920 г.

чению. Только немногие части могли поддерживать некоторый порядок и относительную боеспособность.

2-я Армия генерала Войцеховского двигалась в более благоприятных условиях, имея, кроме второстепенных путей, два главных — Сибирский тракт и вдоль железной дороги. Поддержание связи было более обеспечено, и руководство движением было в твердых руках.

Начиная с Ачинска движение шло в предположении, что цель похода — проложить путь на восток. Фронт меняется в этом направлении, или, вернее, приходилось действовать на два фронта: наступать на восток и отражать напор противника с запада.

2-я Армия двинулась в следующем порядке: впереди (на восток), вдоль железной дороги, — авангард в составе частей особого назначения под командой полковника Макри; колонны главных сил двигались: колонна генерала Вержбицкого

Пояснение к схеме.

Действия и движение отрядов по дням:

	4 января	5 января	6 января
Ген. Петров	Переход — Минино. Ночлег — с. Бугач	Бой у Краснояр- ска. Отход	Участие в бою у д. Дрокино, вечером д. Те- мерино
Ген. Пучков	Переход на ст. Кача	В 3 ч. дня ст. Минино. Ночлег Минино и Зимино	Утром бой у Дрокино. 3 ч. дня Теме- рино
Ген. Войцеховский	д. Минино	д. Минино	Ночь 6—7 янва- ря ст. Есаулово
Ген. Вержбиц- кий Ген. Сахаров	в р-не Зелеево	Вечером обход Красноярска с севера. Ген. Са- харов в Есаулово	В движении на восток
Ген. Барышни- ков	У ст. Кемчуг и южнее	Сосредоточение к ст. Кача	Утром движение к ст. и д. Мини- но, ночью прорыв у д. Дрокино

по тракту, в составе Тобольской и Южной групп; вдоль железной дороги, за авангардом — группа генерала Петрова и в переходе, сзади, — группа генерала Бангерского; южнее, по второстепенным дорогам, для прикрытия с юга, шли казачьи части генерала Волкова и 1-я кавалерийская дивизия.

Обозы частей 2-й Армии, тяжелая артиллерия и лечебные заведения двигались отдельно. Передовые части подошли к окрестностям Красноярска 4 января, утром 5 января была назначена атака города. Группа генерала Петрова в составе 4-й Уфимской стрелковой и 2-й Уфимской кавалерийской дивизий должна была атаковать город с запада. Группа генерала Вержбицкого, ночевавшая в селе Зеледееве, получила задачу атаковать Красноярск с севера.

При Уфимской дивизии находился Запасный батальон Ижевцев, принявший участие в наступлении. Этот батальон квартировал в Томске, и к нему собирались для поправки раненые и больные Ижевцы и проходили обучение новички, не бывшие раньше в строю.

Во время восстания в Томске 17 декабря 1919 года подпольных организаций и гарнизона все верные долгу чести покинули город. Запасный батальон выступил в полном составе из Томска, под командой капитана Ильина. Не имея возможности присоединиться к своей дивизии, он был временно прикомандирован к 4-й Уфимской.

В бою 5 января под Красноярском Запасный батальон наступал с Уфимцами от разъезда Бугач, южнее железной дороги, на правом фланге боевого участка. Наступление оказалось неудачным. Кавалерийская дивизия, действовавшая к северу от железной дороги, застряла в снегу. Отряд особого назначения полковника Макри начал отступать без видимых оснований. Польский бронепоезд, появившийся из Красноярска и на флаге которого была заметна только красная полоса, был принят за принадлежавший противнику. Это вызвало смятение в рядах наступавших.

Наступление не было поддержано атакой с севера колонной генерала Вержбицкого. По неизвестной причине эта колонна простояла день в Зеледееве и только вечером двинулась вперед и прошла севернее Красноярска, пробив себе дорогу.

Запасный батальон Ижевцев понес в этом бою большие потери: из состава в 680 штыков вышло из боя только 380 бойцов.

Деревня Зеледеево была вечером 5 января занята регулярными красными войсками, наступавшими по тракту. Противник грозил сжать 2-ю Армию с двух сторон.

При таких условиях предполагаемая повторная атака на Красноярск, с несомненным ударом красных с запада в тыл атакующим, могла закончиться новой неудачей или тяжелым поражением и большими потерями. Неуверенность в успехе побудила старших начальников — Главнокомандующего генерала Каппеля и командующего 2-й Армией генерала Войцеховского — отказаться от захвата Красноярска и обойти город с севера.

Был намечен путь прорыва из района Минино — Зимино, через деревню Дрокино, на деревню Темерино (на старых картах — Темирино) и далее в обход города севернее. Для движения в Темерино из Дрокина, которое располагается на большом тракте, необходимо было пройти по тракту две версты в сторону Зеледеева, находившегося в руках красных, и повернуть к северо-востоку, по дороге на Темерино. Для обеспечения этого перекрестка была назначена 8-я Камская дивизия генерала Пучкова, которая до рассвета 6 января выступила на Дрокино.

Прорваться благополучно намеченным путем удалось только посланным вперед обозам Камской дивизии, под прикрытием 29-го Бирского полка. Навстречу остальным полкам Камской дивизии, развертывавшимся для обеспечения перекрестка, уже подходили цепи противника из Зеледеева.

Произошел упорный бой. Полки Камцев понесли тяжелые потери. Испытывая недостаток патронов, Камцы должны были отойти от перекрестка к деревне. Поворот с тракта на дорогу в Темерино удержать не удалось.

Подходившие к району Дрокино отряды искали возможности прорваться к северу без дорог. Так, одной из первых прошла 2-я Уфимская кавалерийская дивизия, начальник которой генерал Кантакузен сообщил генералу Пучкову, что он имеет хорошего проводника, и прошел мимо, не оказав помощи.

Подошедшие вслед 4-я Уфимская дивизия и некоторые другие части подкрепили Камцев и приняли участие в отражении красных при их попытках захватить Дрокино. Прибывший к полю боя Главнокомандующий генерал Каппель со своим

конвоем выдвинулся для угрозы правого фланга противника, но красные успели предупредить этот маневр своими резервами. Генерал Войцеховский посылал на помощь всё, что еще не потеряло боеспособность, в том числе 3-й Барнаульский полк, в большом порядке подошедший из Минина.

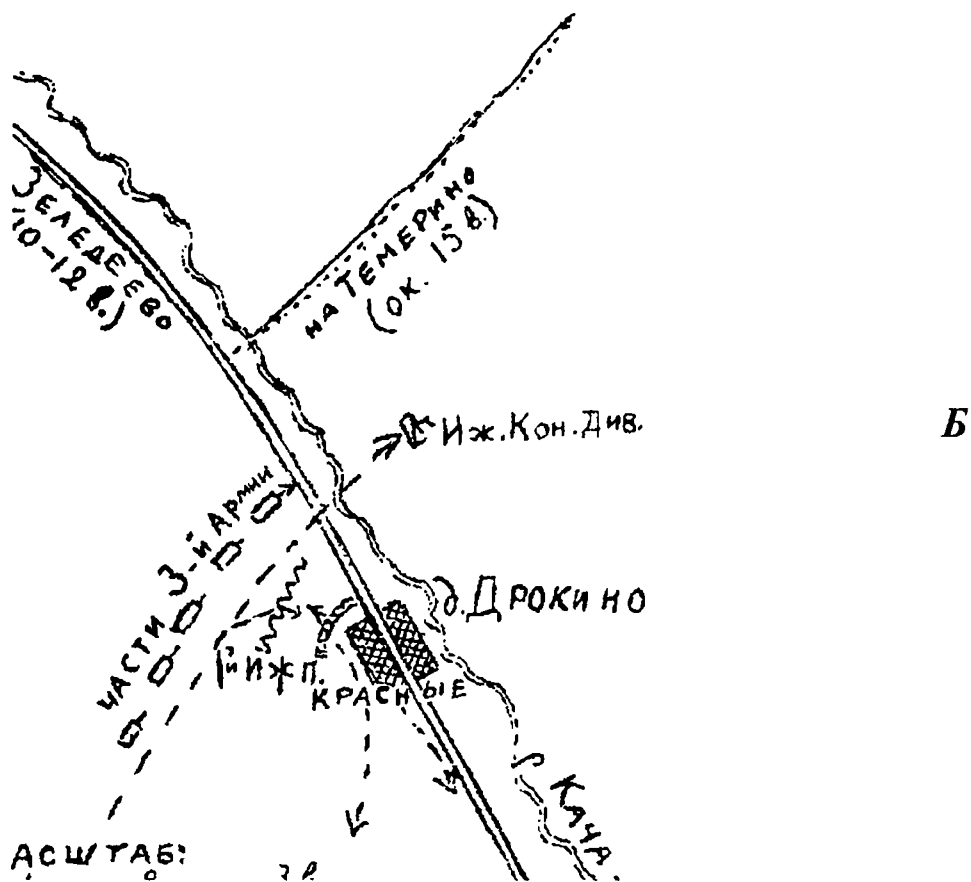
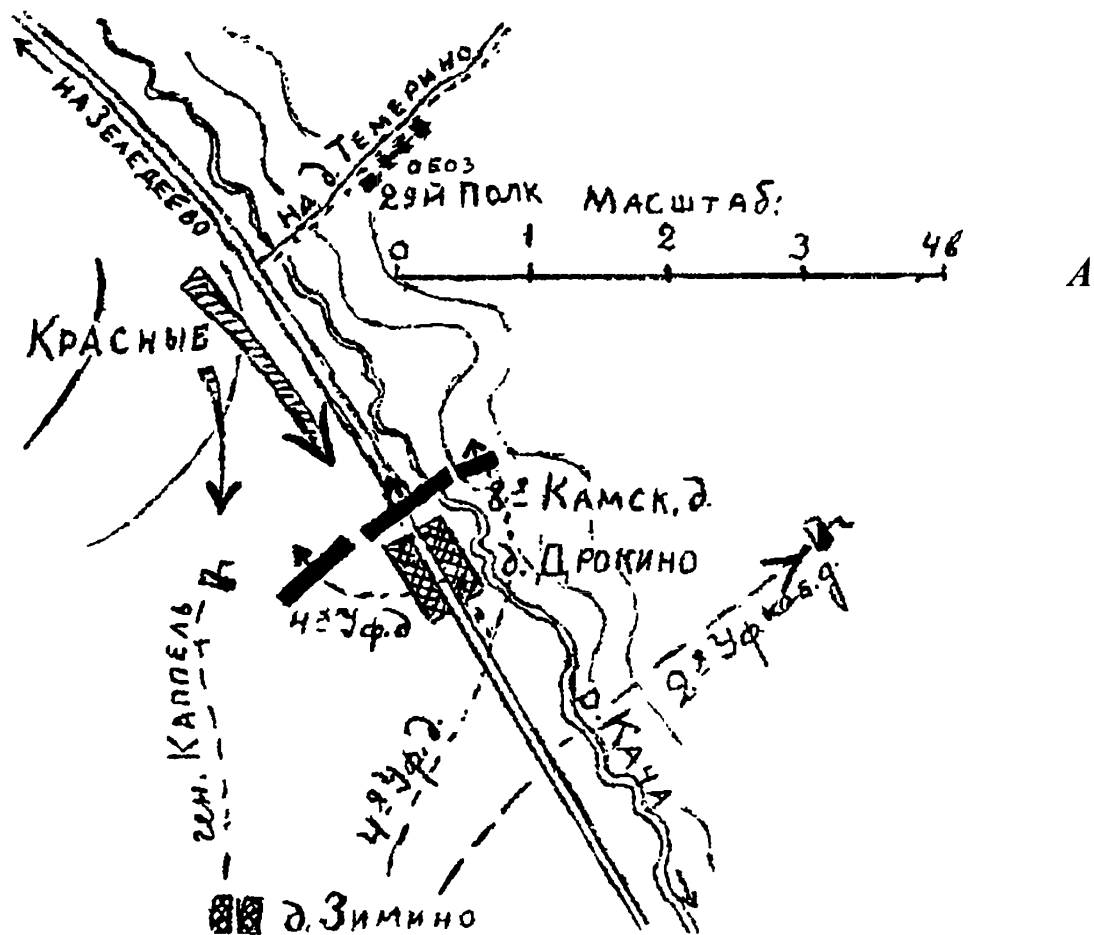
Бой затянулся на несколько часов и дал возможность многим частям проскочить на север. Камская дивизия, выйдя из боя с большими потерями, собралась в Темерине к 15 часам дня. Уфимская дивизия подошла туда же к вечеру.

Генерал Войцеховский, распорядившись в районе Минина, не успел, по-видимому, пройти со своим штабом и штабом Уфимской группы генерала Бангерского через Дрокино и к ночи на 7 января достиг села Есаулова, пробившись туда под прикрытием 3-го Барнаульского и 11-го Оренбургского казачьих полков.

Левая колонна 2-й армии — группа генерала Вержбицкого — вечером 5 января под давлением красных оставила Зелеево и обошла Красноярск с севера, пробившись через красные заслоны. В этой группе находилась Воткинская дивизия, которая сохранила все свои пушки. Воткинцы при подходе к Красноярску выслали разведку в самый город. Отправился для выяснения обстановки начальник конной разведки 57-го Воткинского полка поручик Орел, который и побывал в разных местах города и в штабе красных. Его разведка помогла выбрать правильную дорогу мимо Красноярска. Сам он, послав донесение с переодетым всадником, присоединился к полку после прохода Воткинцев за Красноярск.

Также небольшая группа генерала Сахарова, бывшего Главнокомандующего, прошла севернее Красноярска в село Есаулово и, выступив утром 7 января дальше по реке Есауловка, достигла большого Сибирского тракта. В отряде генерала Сахарова насчитывалось немногим более тысячи человек.

Ко всем крупным отрядам, указанным выше, присоединилось много более мелких частей — осколков полков, батарей и отдельных людей, не желавших попадать в руки красных и находивших в себе силы идти дальше на новые опасности и невзгоды. Но было не меньше, а скорее больше отказавшихся от дальнейшего движения, уходивших в Красноярск сдаваться или ждавших на месте своей участи. Чрезмерная усталость,

А) Кроки к бою у дер. Дрокино 6 января 1920 г.

Б) Кроки к прорыву 3-й Армии около дер. Дрокино ночью 6—7 января

отсутствие средств передвижения, потеря веры в возможность успеха в борьбе с красными и другие подобные причины заставляли павших духом людей сдавать свое оружие и оставаться на милость мстительного победителя.

36. Прорыв у Красноярска остатков 3-й Армии

На квартиру начальника станции Минино, где генерал Молчанов собирал сведения о происходивших за день событиях и о путях возможного выхода из окружения, приехал генерал Круглевский. Было около 22—23 часов в ночь с 6-го на 7 января.

Генерал Круглевский подтвердил сведения, что 2-я Армия прорвалась днем на север, сообщил, что красные обезоруживают оставших и добровольно оставшихся и что в деревне Минино командующий 3-й Армией генерал Барышников собрал старших начальников на совещание.

Генералы Молчанов и Круглевский отправились на совещание. Там очень обрадовались прибытию начальника Ижевской дивизии. Оказалось, что от 3-й Армии вышло не много частей, но и среди пришедших идут колебания: идти ли дальше или сдаваться.

Агенты большевиков ведут усиленную агитацию среди измученных людей и уговаривают идти в Красноярск, где им (якобы. — *Ред.*) ничто не угрожает. Сильное впечатление произвел чей-то доклад о том, что некоторая часть состава Волжской кавалерийской бригады отказывается идти дальше. Бригада пользовалась заслуженной боевой славой, и ее полки считались среди лучших и стойких в армии. Доклад этот, как потом оказалось, не вполне отвечал действительности. Выяснилось, что, кроме поредевших частей Волжского корпуса, налицо есть только группа Уральцев, собравшихся около генерала Круглевского в числе 400 человек, и Ижевцы.

Ижевцы составляли наиболее сильную и крепкую часть армии. Их осталось тоже немного — около 700 человек, половина — Конный полк.

На совещании было решено пробиваться, притом не теряя времени, как только к деревне Минино подтянутся Ижевцы.

Генерал Молчанов вернулся на станцию и отдал приказ немедленно собираться. С собой не бралось ни одной повозки, — все должны были быть верхом или пешими. Путь был без дорог, между деревнями, которые заняты противником, окружившим нас со всех сторон. Предстояло пересекать овраги и прокладывать дорогу по сильно пересеченной местности.

В большой комнате квартиры начальника станции разыгрывалась тяжелая драма. Жена адъютанта, штабс-капитана Виктора К., лишь минувшим летом вышедшая замуж, полная, болезненная и в положении, не может ехать верхом. Также еще две женщины не соглашаются на этот способ передвижения. Их оставляли на попечение жены начальника станции, который обещал им помочь при первой возможности выехать домой в Ижевск.

Многие стали писать письма своим близким. У всех на душе тяжело, некоторые плачут. И трудно было сказать, кто кого оплакивает — остающиеся уходящих в неизвестность или уходящие остающихся во враждебном окружении.

Срочно стянуты эскадроны, бывшие в охране. Двинулись на север и вошли в деревню Минино. Светлая ночь. На улицах и площадях толпы солдат. Масса саней, костры. Ярмарка, а не войсковой бивак. Многие уже решили дальше не идти. Идет агитация за сдачу. Появился корнет Хорошунов, уже без погон и без оружия. Прибыл он в полк во время его формирования, а с началом боевых действий исчез в тыл. Подошел к строю, когда прошла голова колонны, и агитировал за сдачу. Доложили командиру полка, и тот приказал его привести. Хорошунов немедленно скрылся.

Командир 1-го эскадрона корнет Лумпов с несколькими всадниками отправились разыскивать свои семьи. Может быть, Хорошунов толкнул их на это почти наверняка ложными сведениями. Лумпов — хороший офицер и храбрый, исполнительный командир эскадрона, но он отправился на розыски, не спросив разрешения командира полка. Наверное, боялся, что этого разрешения не получит. Что с ним и со всадниками, уехавшими с ним, случилось, — осталось неизвестным. Агитация на Ижевцев не действовала, встретиться с семьей — другое дело.

На улице было сложено несколько больших куч винтовок, шашек, подсумков для патронов и т. п. Часовые если и были,

удрали при приближении полка. Всадники, не имевшие шашек, подобрали их из кучи и пополнили немного запас патронов. Патронов было мало — не во всех брошенных подсумках можно было найти пачку или одну-две обоймы. Патронный голод давно давал себя чувствовать.

Необычно было это прохождение через селение, наполненное толпами людей, большинство которых было еще вчера солдатами, а теперь стали инертной и безличной массой, безучастно относившейся и к себе, и к другим. Не будь сложившиеся обстоятельства столь беспросветны, эти толпы можно было бы объединить, организовать и восстановить из них хорошие боевые части.

Генерал Молчанов поехал доложить генералу Барышникову, что Ижевцы собраны. В штабе у генерала Барышникова всё еще продолжалось обсуждение — что делать. Один из присутствовавших успел съездить на разведку в деревню, которая считалась в руках противника. Там его не было. «Возвратившись с разведки, — пишет “Волжанин” в своих воспоминаниях (журнал “Крестный Путь”, № 4), — [застал] собрание в полном разгаре. Докладываю и настаиваю на немедленном движении. Опять разговоры... Наконец, слава Богу, всё решено, собираемся выходить из хаты... резкий стук в окошко и голос генерала Молчанова: “Ижевцы подошли, айда, поехали!”»

Не ожидая распоряжений и избегая разговоров, генерал Молчанов повел остатки дивизии на север. У него надежный проводник из местных крестьян. Впереди идет 1-й Ижевский полк, за ним — Конный полк. Ночь светлая, местность видна на 2–3 версты.

Пошли без дорог, взяв направление, по совету проводника, западнее Дрокина. 1-й полк высылает свою конную разведку. Она была обстреляна, — противник нас обнаружил. 1-й полк развернулся и продвинулся в направлении выстрелов. Деревни не видно, а с ближайших голых сопок по цепям Ижевцев открыт пулеметный и ружейный огонь. Дистанция предельная, и огонь не действителен. Наши цепи ответили редкими выстрелами и скоро замолчали, сберегая патроны. Командир полка получил задачу сдерживать противника, пока не подойдут все части 3-й Армии, и затем следовать в арьергарде.

Конный полк двинулся дальше на север. Возвышенное плато было занесено снегом, но кони шли без особого труда.

Следовавшая за полком остальная колонна 3-й Армии взяла влево, чтобы избежать потерь. Когда красные заметили большую колонну, они, видимо, посчитали, что их окружают, и начали разбегаться из Дрокина. (См. кроки к прорыву 3-й Армии около д. Дрокино (ночью 6–7 января 1920 г.)

Двигались по разным направлениям, больше в сторону Красноярска. Дозоры Конного полка донесли, что впереди наблюдается что-то странное: по снежному полю от Дрокина в сторону Зеледеева быстро катятся какие-то черные шары. Передовой эскадрон полетел навстречу, развернувшись на ходу в лаву. Черными шарами оказались головы подводчиков и красноармейцев, которые что-то гнали по большому тракту. Перегиб местности скрывал лошадей, сани и туловища людей, видны были только головы.

Заметив опасность, сани помчались быстрее, а находившиеся сзади повернули обратно. Успели захватить только двое саней (некоторые говорят, что только одни). «Давай деньги!» — закричал один всадник конвоиру. «Вот тут много денег», — ответил красноармеец, показывая на мешки. Ближайшие конники спешили и проверили. Действительно, там было мелкое разменное серебро. «На передних санях есть золото», — сказал красный. Поручик Багиянц и несколько всадников помчались догонять сани с золотом. Но меньше чем через десять минут вернулись. Их измотанные кони не могли, конечно, состязаться со свежими лошадками крестьян, и драгоценный груз умчался в Зеледеево.

Всадники Конного полка разбогатели. На одном из следующих ночлегов у одного из них были срезаны переметные сумы с серебром, и столь нужный ночной отдых превратился в неприятную сторожевку своего богатства. Кроме серебра, с санями были захвачены два или три наших солдата, попавших в плен. Конвойный был 269-го полка 30-й красной дивизии.

К северу от большого тракта местность была более пересеченной. Приходилось перебираться через овраги, заполненные снегом. Движение было медленным и утомительным, пока не вышли на дорогу к деревне Темерино. К этой деревне, расположенной на идущем далеко на север Енисейском тракте, подошли глубокой ночью. Здесь сторожить нас был поставлен отряд красных. Ночь была морозная, и красноармейцы забрались

в избы, не выставив даже часовых. Около первой избы захватили два пулемета «максим», находившихся на санях. И пулеметы, и сани с лошадьми были для нас приятным подарком.

В избе встретились с проспавшими нас пулеметчиками, с удивлением смотревшими кругом, когда мы их обезоруживали. Они готовились к обратным действиям.

С печи стали слезать несколько человек наших, попавших в красный плен, и попросили принять их в наш отряд. Генерал Молчанов отнесся к ним очень сурово. «Если вы уже сдались красным, то нам вас не надо».

Головная застава, проехавшая вперед по улице, донесла, что конные и пешие красноармейцы через огороды удирают в поле. Из-за чрезвычайной усталости преследовать их не стали.

1-й полк полтора часа оставался против Дрокина, пока не прошли мимо все части 3-й Армии и присоединившиеся к колонне группы отставших от частей, прошедших здесь днем.

После короткого отдыха, отогревшись в избах, Конный полк двинулся на село Чистоостровское. Забрезжил рассвет, и наступил день 7 января, по старому стилю 25 декабря — праздник Рождества Христова.

Вечером разместились на ночлег в богатом селе. Жители праздновали Великий Праздник и радушно приняли нас. Накормили сытно и вкусно. Давно мы не видели отличного белого хлеба и сладких булок, жареных поросят, гусей, уток и пр. Наши верные выносливые друзья — кони — получили вдоволь сена и овса. К сожалению, отдых продолжался только четыре часа, но это был первый определенный отдых с 3 января. Подходили другие части, и надо было очистить им место.

Выступив в полночь, догнали арьергард 2-й Армии — 2-ю Уфимскую кавалерийскую дивизию. Никакого противника с направления от Красноярска не появлялось. Пошли по пути 2-й Армии к устью реки Кан.

* * *

3-я Армия или то, что от нее осталось, благополучно проскочила у Красноярска мимо заслонов, расставленных красными. Место прорыва было выбрано удачно. Поздний час ночи — около 4 часов — и мороз также содействовали успеху.

Головная часть регулярной красной армии прошла в Красноярск. В Дрокине, по-видимому, был поставлен заслон из состава перешедшего к красным гарнизона или из партизан, стойкостью не отличавшихся. Обнаружив прорыв нашей армии, этот отряд открыл стрельбу издалека, а потом разбежался.

Следующий эшелон красной армии, который мог подойти и заночевать в большом селе Зеледеево, в 10—12 верстах от Дрокина, или не слышал стрельбы, или не поспел на помощь. Но больше всего успеху прорыва содействовали точность и быстрота энергичных распоряжений. Это следует отметить, так как началось далеко не гладко. Обстановка же требовала смелых действий.

Командующий армией генерал Барышников и другие собравшиеся к нему старшие начальники много времени тратили на совещания, которых было несколько, на разведку, на ненужные разговоры, даже на посылку агентов в Красноярск. Об этом довольно подробно говорят воспоминания одного, уже упомянутого участника этих совещаний. Большинство стояло за прорыв, но топтались на месте. Самый прорыв они представляли себе не как боевую операцию, вообще сложную и трудную, а как нечто вроде пробега разъезда конницы через прорыв в расположении противника.

С армией (хотя бы силою не больше полка), даже не обремененной артиллерией и обозом, но уже сильно деморализованной походом, так просто прорваться не удалось бы. Еще не прошло суток, как на станции Кача часть этой армии в несколько сот бойцов, а может быть, и более тысячи, в панике бежала от выстрелов большевиков.

Спас там положение генерал Молчанов. Он же решительно взял на себя руководство прорывом. Командуя дивизией Ижевцев, он не собирался только с ними уйти из окружения, как это сделал со своей дивизией генерал Кантакузен и другие, а вывел благополучно всю армию. Бесплезное совещание он прерывает коротко: «Айда, поехали!» Помощи никакой не просит. Только что прибывшие из арьергарда Ижевцы идут вперед. У Дрокина попадают под обстрел. Что бы получилось с измученными и с подавленным духом бойцами и с такими же измученными и не могущими решить, что делать, начальниками, — показывает приведенный только что пример у станции Кача.

Генерал Молчанов разворачивает против Дрокина 1-й Ижевский полк и приказывает командиру полка оставаться на месте, затем — следовать в арьергарде. Обеспечив проход армии мимо деревни Дрокино боковым отрядом из 1-го Ижевского полка, генерал Молчанов на него же возлагает обязанности арьергарда для прикрытия дальнейшего движения с тыла. Сам же генерал Молчанов догоняет Конный полк и идет с ним на следующую встречу с врагом — у деревни Темерино. Не возьми генерал Молчанов инициативу в свои руки, вряд ли 3-я армия вышла бы из окружения.

В описании этих действий можно прочесть упрек командующему армией генералу Барышникову в его неспособности справиться с управлением армией в исключительно тяжелых условиях, в его стремлении собирать ненужные подробности обстановки, теряя на это время и, с другой стороны, давая этим врагу шансы на разложение и уничтожение наших колеблющихся частей.

Генерал Барышников не пользовался авторитетом опытного военачальника и только временно командовал армией. Это не лишает за ним признания того, что он, как умел, был готов исполнить свой долг и был способен идти на самопожертвование. Когда 3-я армия была отрезана южнее станции Кемчуг от выхода к железной дороге, генерал Барышников прибыл на эту станцию перед самым захватом ее противником. Не получив помощи от частей 2-й Армии, уже находившихся в движении на Красноярск, генерал Барышников не пошел вместе с ними для своего спасения, а вернулся к порученной ему армии, отлично зная, что она почти обречена на гибель. Забегая вперед, надо отметить, что через три месяца, при реформировании пришедших в Забайкалье армий в корпуса, генерал Барышников выдвигал на пост командира 3-го корпуса, составленного из частей 3-й и половины 2-й Армий, генерала Молчанова, а сам принял у него должность начальника штаба.

Действия красных под Красноярском вызывают некоторые недоумения. После боя у Дрокина, когда части 2-й армии прорвались на Темерино или Есаулово, авангард красных прошел в Красноярск. Здесь пришельцы почувствовали себя очень неуверенно. Только этим можно объяснить отправку ценностей казначейства города в свой тыл, на Зелеево. Боялись ли они повторной атаки на Красноярск, или на денежные суммы

предъявляли свои требования местные большевики и партизаны — осталось неизвестным.

Также трудно сказать, какие причины заставили красных отказаться от преследования наших войск в первые дни после прорыва. Если их авангардные части были переутомлены, то за ними шли другие крупные силы. От Омска до Красноярска они располагали пятью дивизиями.

Для полной оценки положения, в котором находилась 3-я Армия после прохода Щегловской тайги, интересно отметить, как красные представляли сложившуюся обстановку. 1 января они подходили к Ачинску. К югу, на уровне с Ачинском, к этому же времени подошли передовые части 3-й Армии. Продвигаясь удобными путями, враги 4 дня опережали наши части, двигавшиеся труднопроходимыми проселочными дорогами. Все эти дороги упирались в бездорожную тайгу, и красные имели полное основание считать, что 3-я Армия не успеет выиграть потерянное пространство, и ее гибель неизбежна. В 1 час ночи на 2 января комиссар авангардной красной бригады говорил по аппарату с Красноярском. Его собеседником был эсер Колосов, который пробовал выговорить какие-то милости от победителей за предательскую работу своей партии в тылу противобольшевицкого фронта. Для комиссара эсер Колосов был только «прихвостнем буржуазии», и он заявил ему: «Завтра мы займем Красноярск... 3-я Армия нами отрезана. Ни на какие соглашения не пойдем» («Последние дни Колчаковщины»¹, стр. 180). Заключительная фраза относилась к представителю партии с.-р.: «Мавр сделал свое дело...»

Расчеты красных полностью не оправдались. Им не удалось, как предполагал комиссар, захватить Красноярск «завтра», то есть 3 января. Да это и не имело большого значения. Город уже несколько дней находился в руках большевиков и их сообщников, преграждая белым армиям дорогу на восток. Не удалось им также уничтожить полностью 3-ю Армию. Понесся большой урон, потеряв еще сохранившиеся остатки артиллерии и обозы, строевые части армии пробились из западни, достигли района Красноярска и отсюда вторично проложили дорогу через заслоны красных.

¹ Последние дни Колчаковщины. Сб. документов. М.—Л., 1926.

37. Река Кан

После коротких ночлегов в селе Чистоостровском части 3-й Армии двинулись следом за 2-й Армией к устью реки Кан. Конный Ижевский полк выступил в полночь с 7-го на 8 января и через некоторое время встретил арьергард 2-й Армии — один из полков 2-й Уфимской кавалерийской дивизии. Восстановилась связь со 2-й Армией и с шедшим с ней Главнокомандующим, генералом Каппелем. Эта связь оборвалась перед подходом к Щегловской тайге, около 19–20 декабря, может быть раньше. Три недели к армии не доходили приказы и ориентировки Главнокомандующего и сведения о движении соседей. Случайные, краткие сообщения от случайных лиц, иногда «по слухам», в счет, конечно, принимать не приходится.

В арьергарде 3-й Армии при движении из Чистоостровского двигался, согласно распоряжения начальника дивизии, 1-й Ижевский полк. Преследования со стороны противника не было.

Конный Ижевский полк, сделав переход около 28 верст, утром 8 января пришел в большое село Атамановское. Село оказалось пустым. Обнаруженный в одной избе дряхлый старик, единственный житель села, оказавшийся налицо, сообщил, что село подвергалось нападениям карательных отрядов. Бывали жестокие расправы с жителями за налеты красных партизан на железную дорогу. При появлении наших частей большевицкие агенты распространили слухи, что идут большие силы «колчаковцев», от которых никому не будет пощады. Поэтому все население ушло в леса.

Вследствие большой усталости и людей, и лошадей полк сделал «большой привал». В брошенных избах можно было найти картошку, муку и сено для лошадей. Приказано было не брать ничего лишнего и никаких вещей.

В 14 часов полк приготовился к выступлению в дер. Подпорожное. От проводника узнали, что в эту деревню жители ездят зимой по льду Енисея — путь короче и удобнее. Но проводник не был жителем села Атамановское и не знал, где удобный спуск к реке. Из села несколько лесных дорог вели в сторону Енисея. Узнать о нужной, правильной дороге было не от кого. Выбрали наугад одну, и по ней, пройдя версты две, вышли к реке.

Берег оказался крутым, высотой 5—6 саженой. Выбрали мелкую ложбину, почти прямо спускавшуюся к реке, — по-видимому, русло небольшого ручья. Сначала несколько спешенных всадников прошли по ложбине, проверили дно и умяли снег.

Сделали пробу сводить вниз лошадей. Первый конь начал скользить, поджал задние ноги, сел на круп и благополучно скатился к реке. Большинство съехало тем же порядком. Некоторые падали на бок и скатывались в таком положении. Сани спускали без лошадей. Они шли вниз хорошо, ни одни не перевернулись и, достигнув ледяной поверхности реки, продолжали с разбега скользить дальше на 100—150 шагов. Примененный способ отправки лошадей и саней с высокого берега реки понравился всадникам и вызвал оживление. Начали биться об заклад: спустится ли очередной конь сидя или повалится на бок, проскочат ли следующие сани дальше других или нет, пролетят ли мимо или ударятся в уже находящиеся внизу...

Операция спуска на лед заняла не больше двух часов. Заседлав коней и запрягши сани, полк двинулся на дер. Подпорожное, куда пришел около 20 часов 8 января.

* * *

В этот же день после полудня из деревни выступили на Кан части 2-й Армии. Впереди шла 4-я Уфимская стрелковая дивизия, в составе которой находился Запасной батальон Ижевцев. За Уфимцами двигалась 8-я Камская дивизия. Главнокомандующий генерал Каппель со своим штабом и конвоем шел впереди с Уфимцами. Его начальник штаба генерал Богословский отстал под Красноярском, сдался врагам и был позднее расстрелян красными.

Указанным передовым частям прокладывание дороги по быстрой горной речке досталось тяжело, со многими жертвами, помороженными и с потерей значительного количества лошадей, саней и имущества. В некоторых местах ледяная поверхность реки была покрыта водой, и под ней было трудно находить безопасный путь. Особенно большими препятствиями оказались пороги, где вода бурлила среди камней, и найти проход было рискованным делом, отнимавшим много времени. Недостаточно крепкие морозы последних дней привели к тому,

что Кан еще не покрылся льдом в той мере, когда движение по нему могло происходить безопасно. Движение ночью еще больше усиливало все трудности. Жители этого района еще не пробовали ездить по Кану.

Совершенно непроходимыми были пороги при впадении Кана в Енисей. Но их можно было обойти, поднявшись на гору, подходившую к деревне, и спустившись на Кан выше порогов.

Подъем на крутую гору, сначала по лесной дороге, потом по просекам и целине, оказался не легким, с частыми задержками и занял много времени. Так же тяжел был и спуск на лед. К реке головная часть добралась в сумерках. Прошли немного верст вверх по Кану и остановились: на реке — вода. Посланы конные разведчики выяснить, возможно ли двигаться дальше. Наступила темная ночь. Ударил сильный мороз. Вдоль пути остановившейся колонны зажгли костры. Долго не возвращались разведчики. Начали опасаться, что дальше не пройти. Заговорили о необходимости бросить сани и двигаться верхом. Раненых, больных и семьи следует отправить назад в Подпорожное. Решение — двигаться ли дальше — пришло из рядов Ижевцев запасного батальона. Участница похода О. П. Петрова, супруга генерала Петрова, вспоминает об этом эпизоде: «Ижевцам, видимо, надоело ждать, и, кроме того, до них дошел слух, что семьи отправят обратно. Они крикнули: “Айда!” и покатали к голове колонны. На минуту остановились перед полыньями, — наверное, представляли себе безнадежность возврата в Подпорожное, — и вновь крикнули “Айда!” и — снова покатали. Лед их выдержал. Это были не настоящие полыньи, и вода сверх льда от каких-то ручьев с берегов... За ними снова все подтянулись. Вопрос разрешился сам собой...»

Движение передового отряда было медленным. Приходилось осторожно выбирать дорогу, так как встречались полыньи, в которые проваливались неосторожные люди. Наступивший мороз укреплял лед, но, когда сани попадали в места с водой, смешанной со снегом, они быстро обмерзали, и усталые лошади с трудом вытягивали их на сухое место. Если лошади не могли быстро протащить сани, то они примерзали ко льду и их с трудом могли освободить. Много таких примерзших саней было брошено.

Наступил день 9 января. Ночной мороз не сковал полностью ледяную поверхность Кана. Движение продолжалось, как накануне, с частыми задержками. Вскоре после полудня 2-я Уфимская кавалерийская дивизия, видимо утомленная медленным движением позади передовых частей, обгоняет колонну, прокладывая свою дорогу. Но пришлось выйти на общую дорогу, перемешавшись с другими частями. Происшедший беспорядок нарушил управление движением. Тяжелый поход продолжается.

Приходит вторая ночь на Кане. Участники вспоминают о необычайной усталости, жестоком морозе, апатии и галлюцинациях, охвативших многих. За каждым поворотом реки ждут появления давно ожидаемой деревни Барга. Начинают мерещиться огоньки, слышится лай собак и крики петухов... Торопятся к этим признакам жилья. Всё пропадает, впереди по-прежнему только ледяная поверхность реки, сжатая темными берегами.

От усталости люди засыпали и в санях, и в седле. Мороз гнал их согреться. Соскакивают на лед и пробуют бегом разогреть промерзшее тело. Часто попадали в воду, промачивали валенки и ноги. Было много обмороженных. Очень тяжело поморозился генерал Каппель, шедший впереди с разведчиками и вместе с ними отыскивавший в воде проходы для двигавшейся сзади колонны. Он обморозил ноги и получил воспаление легких.

Медленное продвижение по Кану передовых дивизий вынудило собравшиеся в деревне Подпорожное части 3-й Армии оставаться на месте весь день 9 января. Они получили неожиданную дневку. Правда, эта дневка не дала настоящего полного отдыха. Небольшая деревня не могла приютить под крышей всех. Люди по очереди сменялись для того, чтобы согреться в избах. Больше времени приходилось проводить у костров на улице деревни, прыгая на месте и оттирая носы и уши, сильно страдавшие от жестокого мороза.

С другой стороны, мороз оказал огромную услугу при дальнейшем движении по реке. Для 3-й Армии переход по Кану до деревни Усть-Барга, равный примерно 80 верстам, был значительно легче, чем для шедших впереди Уфимской и Камской дивизий. К утру 10 января все пороги были скованы морозом и вода, во многих местах покрывавшая поверхность

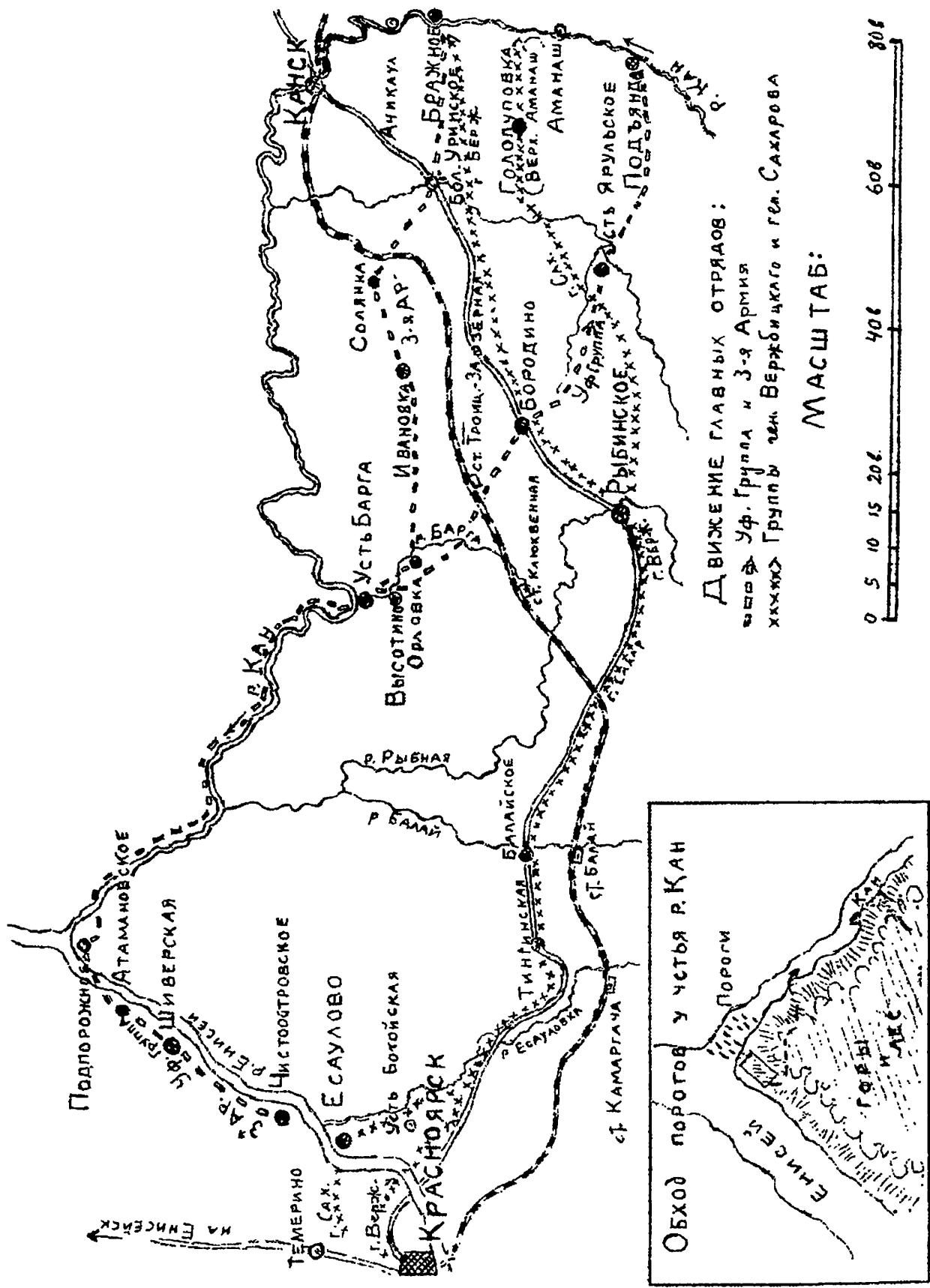

Схема № 17. Движение отрядов после прорыва у Красноярска

льда и сильно затруднявшая продвижение передовых частей, обратилась в крепкий лед.

Ижевский конный полк, выступивший в 5 часов утра 10 января, остановившийся на полпути для короткого, получасового привала, достиг деревни Усть-Барга в 19 часов. Переход занял 14 часов, в то время как Уфимцам, прокладывая дорогу, пришлось потратить около 36 часов, а отставшие подходили еще позднее. К 11 января прошедшие по Кану части собрались в деревне Усть-Барга и в ближайших деревнях. Дальнейший кратчайший и более удобный путь лежал через город Канск.

По сведениям, там собрались крупные силы красных — подошли с севера, из района Тасеево и других мест партизаны, перешел на сторону противника Канский гарнизон и были собраны местные большевицкие отряды. Красные усиленно укрепляли позиции на подступах к городу. Заняты были также селения, лежавшие по реке Кан, к югу от города Канска.

Ввязываться в бой, не приведя в порядок свои силы после событий у Красноярска, после тяжестей перехода по реке Кан, не зная еще, кому удалось пройти, не имея в запасе огнеприпасов, — не было никаких оснований. Связь с отрядами, прошедшими мимо Красноярска, еще не была налажена. Дня через два были получены сведения из группы генерала Вержбицкого, что попытка пройти через город Канск встретила упорное сопротивление красных. Генерал Вержбицкий решил пробиваться в обход Канска с юга.

Такое же решение было принято генералом Войцеховским для движения с Уфимской группой (4-я Уфимская и 8-я Камская стрелковые дивизии, 2-я Уфимская кавалерийская дивизия и несколько мелких единиц). Генерал Войцеховский, чтобы избежать столкновений с противником своими сильно пострадавшими частями в боях у Красноярска и затем понесшими новые потери обмороженными на Кане, приказал двигаться в обход города Канска, по маршруту: Высотино — Заозерная — Бородино, Усть-Ярульское — Подьянда.

3-я Армия двинулась по более короткому пути на село Бражное. В голове армии шла Ижевская дивизия с Конным полком в авангарде. Из штаба армии на разведку в Канск вызвался подполковник Ловцевич. В солдатской шинели без погон он отправился во вражий стан. В одном месте он был задержан

красным патрулем: «Что-то ты похож на колчаковского капитана...» Но Ловцевич сумел отвертеться от подозрений и удачно выполнил свою задачу. Побывав в разных районах города, он собрал ценные сведения, подтвердившие, что красные имеют в Канске значительные силы и продолжают усиленно укреплять свои позиции.

Ижевский Конный полк выступил из Усть-Барги 11 января и через дер. Орловка пришел в дер. Ивановка, где расположился на ночлег. Утром 12 января полк через дер. Солянка и через переезд железной дороги у 909-й версты дошел до села Бол. Уринское на Большом Сибирском тракте. При пересечении железной дороги была встреча с чехами. Их эшелон стоял около переезда. В нем было несколько конских вагонов. Один из всадников спросил у чехов, не могут ли они дать немного овса; те ответили, что есть только для себя.

«А если я заплачу вам серебром?» — задал вопрос всадник. Лица у чехов сразу прояснились: «О, мы очень бы хотели привезти домой на память русские серебряные монеты». Быстро организовался торг, и была установлена цена на овес. За мерку величиной примерно в гарнец¹ взималась плата «на память», что-то около 30 копеек. Захваченное под Красноярском серебро пригодилось, чтобы подкормить наших верных походных друзей.

В другом духе произошла встреча у 1-го Ижевского стрелкового полка. Полк подошел к железнодорожному разъезду, от которого собирался двинуться чешский эшелон. Заметив, что полк начал переходить через полотно железной дороги, чехи, привыкшие к беззастенчивому хозяйничанью в тылу, отправили командиру полка требование приостановить движение, пока их эшелон не пройдет дальше на восток. Требование было предъявлено как подлежащее немедленному исполнению.

Командир полка тут же отдал приказ командиру пулеметной команды поставить по два пулемета с каждой стороны дороги и открыть огонь по вагонам, если эшелон двинется, а чешскому посланцу заявил: «Отправляйтесь к своему командиру и доложите мой ответ». Чехи поспешили удалиться. Эшелон не двинулся, пока весь полк не перешел через железнодорожное полотно.

¹ *Гарнец* — старая русская мера для сыпучих веществ = 1/8 четверика = 3,28 литра.

Необходимо оговориться, что один из чинов 1-го полка уверяет, что этот эпизод произошел раньше, у Ачинска. Это не соответствует ходу событий. К району Ачинска полк подошел 1 или 2 января. В то время все чешские эшелоны были в Красноярске или дальше к востоку.

В селе Бол. Уринское были сделаны попытки узнать от местных крестьян, занято ли Бражное отрядами красных, есть ли у них орудия и т. д. На все вопросы получались ответы, что им ничего не известно. Уклончивые, боязливые ответы говорили о возможности встречи с противником.

38. Обход г. Канска

После атаки Воткинским конным дивизионом красных партизан в Бражном противник быстро очистил большое село и бежал в Канск. Группа генерала Вержбицкого расположилась в селе на ночлег. Это было в ночь на 11 января или, по другим сведениям, в ночь на 12 января. Утром группа продолжала поход. Красные, получив сведения об уходе наших частей, вновь заняли Бражное.

13 января утром 3-я Армия из села Бол. Уринское двинулась на Бражное. Конный полк Ижевцев выступил в 3 часа утра, получив задачу отбросить красных из Бражного и обеспечить проход через него частей армии.

Подойдя к селу, полк развернул два эскадрона в лаву и двинулся в атаку. С севера, из района села Ачикаул, начался обстрел шрапнелью на высоких разрывах. В селе Бражное противника не оказалось. По словам жителей, красные партизаны бежали, как только заметили наше появление. Они удовлетворились артиллерийским обстрелом с расстояния в 6 верст, не причинившим никакого вреда.

Но перед нашим приходом, в промежутке времени после ухода группы генерала Вержбицкого, в засаду попал один Егерский батальон. На льду реки лежали до 200 трупов зверски зарубленных Егерей и среди них несколько женщин и детей. Навстречу нам выбежала обезумевшая женщина и умоляла спасти ее. Из ее истерических слов, прерываемых рыданиями, можно было понять, что красные убедили Егерей сложить оружие

и обещали всем полную пощаду. Когда егеря сдали оружие, их всех перерубили вместе с женами и детьми.

Несчастливая успела скрыться в крестьянском дворе, спрятаться в курятнике и боялась оттуда выходить до нашего прихода. Ее взяли в сани для больных, и впоследствии она вышла замуж за командира 5-го эскадрона корнета Вахрушева.

Выдвинув заслон на северную сторону села с задачей следить за противником и не позволять никому направляться в его сторону, полк пропустил все части армии и через час выступил дальше.

39. К гор. Нижне-Удинску

Дальнейший путь 3-й Армии лежал по малонаселенной местности с труднопроходимыми дорогами. К вечеру, сделав за день 50 верст, полк через Даниловский завод пришел в небольшую деревню Гавриловку и расположился на ночлег. Это был последний пункт, нанесенный на карту. Дальше в течение последующих четырех дней приходилось идти по расспросам от жителей и встречать на пути заимки или выселки. Эти мелкие селения на прилагаемой схеме не указаны.

14 января перешли в поселок Тарамба. 15 января, перед выступлением утром на следующий переход, сильно опьяневший всадник 2-го эскадрона бросил гранату в избу, отведенную для 1-го эскадрона. Причина — ссора из-за какого-то пустяка. Был ранен один всадник и убиты две девочки — дочери хозяйки избы. Немедленно состоялся полевой суд, и бросивший гранату был присужден к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Часть одной Сибирской дивизии, попавшая на нашу дорогу, пошла ночью пробиваться по заброшенному и занесенному старому тракту. Конный полк в 7 часов утра выступил по этому же пути, но через 10 верст уткнулся в застрявшие обозы. Повернули обратно, дошли до поселка Верх-Требушное, немного отдохнули и двинулись по тяжелой заснеженной дороге. Шли медленно остаток дня и всю ночь. В 8 часов утра 16 января, пройдя всего 60 верст за 25 часов, достигли деревни Саранчет, где отдыхали целый день.

17 января к вечеру достигли деревни Камышлеевка. Сверх ожидания, этот район значительно заселен. Можно достать разные продукты и корм для лошадей. Кроме того, сюда доходят разные новости и самые противоречивые слухи. Из последних услышали, например, следующее: о Деникине — армия разбита и отступает... и взял Москву, Самару, Уфу; о чехах — выступили против Семенова и захватили у него три бронепоезда и... вместе с Семеновым бьют большевиков; о красных — получили признание их власти от иностранцев и... бежали из Москвы в Екатеринбург.. и т. д.

18 января переходом в 45 верст через Шелихово — Таловку перешли в село Благодатское.

19 января сделали 70-верстный переход через деревню Тамбор в Алгашет на Большом Сибирском тракте. Здесь встретились с группой генерала Вержбицкого.

20 января из-за тесноты квартирования перешли в Замзор, всего 6 верст.

21 января двинулись на станцию Ук в 30 верстах от Нижне-Удинска. Прошли мимо ст. Камышет, где, по некоторым сведениям,

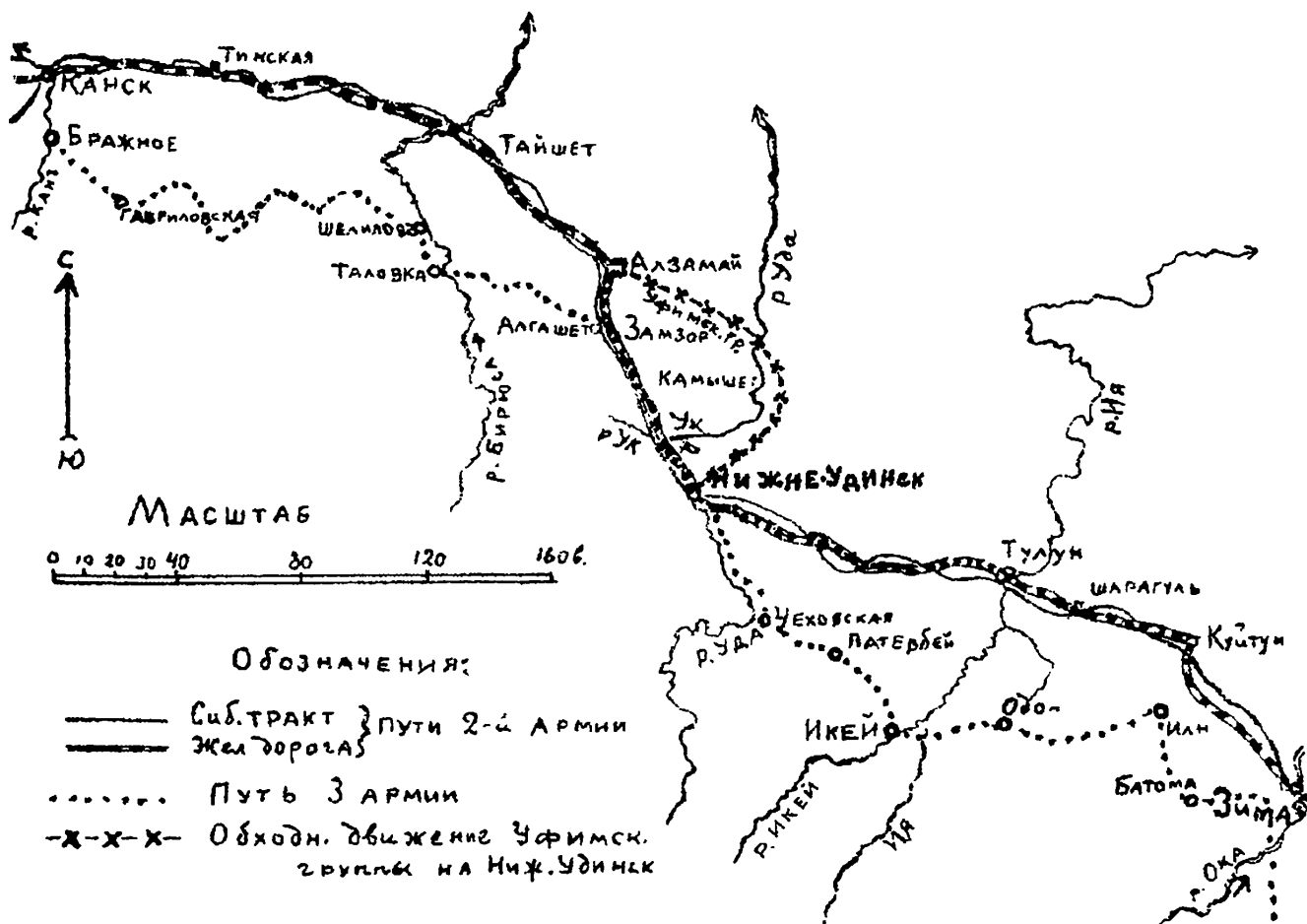

Схема № 18. От рубежа р. Кан до ст. Зима (январь 1920 г.)

за несколько дней до нашего прихода сдался красным Учебный полк Морской дивизии под командой полковника Песоцкого.

У станции Ук красные пытались преградить дорогу, но были разбиты Воткинцами, шедшими в авангарде группы генерала Вержбицкого. После короткой перестрелки отряд противника бросился бежать и столпился на мосту у восточного выхода деревни. Здесь их атаковал Воткинский конный дивизион и изрубил до полусотни человек. Остальные разбежались в лесу, близко подходившему к станции.

Другой очевидец, офицер железнодорожных войск, полковник И., который обычно шел с передовыми заставами, имея под своей командой квартирнеров от всех частей группы, дополняет эти краткие показания. Он сообщает, что навстречу колонне вышла депутация от большевиков. Они обратились к Воткинцам с призывом, что пора прекратить вражду, перейти на мирное положение и зажить счастливой жизнью.

Воткинцы выслушали знакомые медовые речи и перебили всю депутацию. По словам рассказчика, это произвело сильное впечатление на отряд красных, приготовившихся к бою, и они начали разбегаться. По его словам, в рядах отряда было некоторое количество солдат из конвоя какого-то большого штаба, перешедших на сторону красных в Нижне-Удинске. Они первые покинули свои места и убежали в лес. После захвата Воткинцами станции они появились из своего убежища и просили принять их обратно в белые части. Веры им не было, не было и пощады, — их постигла участь красных комиссаров.

Дорога в Нижне-Удинск была открыта. Красные поспешили очистить город, и он был занят частями генерала Вержбицкого без боя.

Достигнув 21 января после полудня села Ук, Ижевская дивизия на следующий день оставалась на месте, получив дневку.

23 января Ижевская дивизия перешла в город Нижне-Удинск. Здесь многим из обросших в походе посчастливилось постричься в парикмахерских. Это удовольствие стоило 550 рублей на омские деньги, еще бывшие в ходу.

Уфимская группа 2-й Армии двинулась от станции Алзамай в обход Нижне-Удинска с севера для удара по красным с тыла. Группа прошла тяжелой и малонаселенной дорогой 4 дня и вышла к городу, когда он был уже в наших руках.

Пространство от рубежа реки Кан до Нижне-Удинска, по тракту около 300 верст, было пройдено сравнительно благополучно. Небольшие шайки партизан нападали только на мелкие отряды и, получая отпор, разбежались после первых выстрелов.

После Кана начал быстро налаживаться порядок. Группы 2-й Армии, двигавшиеся по тракту, 17 января получили распоряжение — в кратчайший срок зарегистрировать все части и дать их списки в штаб армии и соседям. Мелкие части подлежали расформированию и сведению в более крупные. Устанавливались строгие правила для взимания продуктов с обязательной выдачей расписок за подписью командиров отдельных частей. Генерал Макри, исполнявший со своим отрядом обязанности военной полиции, получил право проверки частей и учреждений, не вошедших в группы. Эти части лишались ночлегов и получения продовольствия. Никто из не вошедших в группу не мог идти по пути армии. Генерал Макри должен был принимать претензии от жителей, объяснять им причину необходимости брать у них продовольствие под квитанции и следить за сохранением порядка, арестовывать нарушителей порядка и отправлять их в штаб армии и т. д. Только генерал Макри имел право делать реквизицию в кооперативах.

К сожалению, сам генерал Макри и чины его отряда не были безупречны в исполнении возложенных на них обязанностей и их действия вызывали нарекания.

3-я Армия под командой генерала Барышникова и отряд генерала Сахарова, двигавшиеся южнее железной дороги, прошли более длинный путь. Дорог было мало, особенно в направлении с запада на восток, и приходилось не раз делать большой круг, прибавляя к переходам десятки лишних верст. При этом попадались участки дорог, занесенных снегом, по которым никто перед ними не ездил.

Но и в этих частях порядок был быстро налажен. Никаких мелких, самостоятельно двигавшихся отрядов здесь не встречалось — они шли по тракту и вдоль железной дороги. Не приходилось иметь дело и с шайками красных партизан. В этом малонаселенном районе их, наверное, совсем не было. Кроме того, на двигавшиеся в порядке части, выставившие на ночлегах бдительное охранение, партизаны нападать не любили.

В Нижне-Удинске генерал Каппель 23 января созвал совещание старших начальников. Он тяжело страдал от полученной на реке Кан простуды, и здоровье его ухудшалось. Он уже не был в состоянии нести свои обязанности, и генерал Войцеховский часто распорядился за больного главнокомандующего.

Генерал Каппель назначил генерала Войцеховского своим заместителем. В командование 2-й Армии предназначался генерал Вержбицкий. На должность командующего 3-й Армией, после опроса присутствующих, генерал Каппель назначил генерала Сахарова.

Прорыв армии из окружения под Красноярском и продвижение дальше на восток вызывали у красных большую тревогу до самого Иркутска. С одной стороны, они успокаивали себя тем, что вышли только жалкие остатки разбитой ими армии адмирала Колчака, а с другой стороны, они дрожали от приближения этих остатков и не имели надежды их остановить. Для затруднения нашего движения красные распространяли слухи среди местного населения о жестокостях и насилиях белых и в некоторых случаях заставляли крестьян уходить в горы и леса, забирая с собой всё продовольствие.

Наши иноземные «союзники», в свою очередь и в своих целях, чернили как наших командиров и вождей, начиная с адмирала Колчака, так и солдатскую массу, состоящую, по их мнению, из преступников и всяких отбросов. Захватив в свое пользование железную дорогу и устанавливая вдоль нее «нейтральные» полосы, «союзники» не только хотели обеспечить себе спокойное продвижение, но также затруднить наше движение и содействовать разложению армии, которой они несколько месяцев тому назад помогали.

Генерал Войцеховский счел необходимым напомнить генералу Жанену, из кого состоит армия, к чему привел эту армию нейтралитет «союзников», и предупредил, что армия будет открывать себе дорогу силой.

Здесь приводится телеграмма генерала Войцеховского:

«Чита. Генералу Жанену. Копия — Атаману Семенову, генералу Вержбицкому, генералу Бангерскому и генералу Феофилову.

20 января точка части первой и второй армий объединенные моим командованием подходят к Н.-Удинску точка. Возникшая по Сибирской магистрали новая гражданская власть последовательно перерождается в совдепы точка. В тылу армии исключена возможность образовать фронт против большевиков восточнее Красноярска и Канска точка. По-видимому перерождение в совдеп происходит в Н.-Удинске так как уже имели место боевые столкновения моих частей с бандами и частями стремящимися не пропускать армию на восток точка. Войска армии не могут оставаться в сфере советской власти и вынуждены открывать себе дорогу силой точка. Нейтралитет объединенных иностранных войск фактически выразился в Красноярске в непропуске всех русских эшелонов что привело к оставлению большевикам всех средств к жизни и запасов имевшихся в армии и артиллерии точка. В состав армии входят несколько тысяч добровольцев рабочих ижевцев, воткинцев, михайловцев и других не менее демократических, чем земство Иркутска и Н.-Удинска и добровольно стремящихся уйти из сферы большевистской власти так как предательство в тылу и нейтралитет иностранцев лишили их временно средств борьбы точка. Связи с Главновостоком* в данный момент не имеют точка. Не ориентирован в общей обстановке и полагаю, что в свою очередь разного рода власти русские и не русские военные и гражданские на пути следования армии могут не быть ориентированы в отношении цели и условий движения армии почему и довожу все вышеизложенное до вашего сведения точка. № 034/ок.

Генерал-майор *Войцеховский*».

После взятия Нижне-Удинска выяснилось, что здесь находятся в складах большие запасы нашей армии. При переходе власти к красным чехи выставили к этим складам своих часовых и объявили их своими трофеями. Необычная жадность их ко всему, что плохо лежит, поражала всех, хотя в отступающей армии не знали и малой доли того, что эта хорошо организованная шайка мародеров нагружала в вагоны и везла во Владивосток.

* *Примечание:* Атаман Семенов, которому адмирал Колчак передал всю власть на территории Российской Восточной окраины.

Для подошедших наших солдат, сильно нуждавшихся в обмундировании и теплом белье, чехи открыть склады отказались. По рассказу уже упомянутого полковника И., к чехам был отправлен офицер, знавший многих из них. Он заявил чехам: «Вы помните меня еще с лета 18-го года, когда мы вместе разгоняли красных на Кругобайкальской железной дороге. Теперь вы с удобствами едете в поездах и всем хорошо снабжены; мы идем по дорогам, мерзнем и голодаем. Вы откроете нам наши склады, или мы разрушим все мосты по железной дороге, и вам придется идти также пешком». Чехи открыли склады, и наши части получили нужную одежду, сахар и многое другое.

Перед выступлением из Нижне-Удинска были получены сведения о предательстве адмирала Колчака, выданного чехами «политическому центру» в Иркутске. Другие сведения говорили, что красные готовятся дать нам сильный отпор у станции Зима.

40. От Нижне-Удинска к станции Зима

От Нижне-Удинска армии двинулись в прежнем порядке: 2-я по Сибирскому тракту и вдоль железной дороги, 3-я по проселочным дорогам, отстоявшим от главных путей на 20—50 верст.

Район, по которому шла 3-я Армия, был довольно населенным, и по пути встречались большие села и деревни. Было много легче доставать продукты, и не было так голодно, как на переходах от реки Кан до Нижне-Удинска. Но тяжело ударило другое бедствие — сильно распространившийся тиф. С каждым днем таяли ряды бойцов и увеличивались обозы с больными.

От Нижне-Удинска до ст. Зима было, считая по железной дороге, около 240 верст. Подтверждались сведения, что под Зимой красные готовились преградить нам дорогу. Марши были рассчитаны так, чтобы к 30 января обе армии подошли на переход к Зиме, а 31 января совместными усилиями разгромили противника. Группе генерала Вержбицкого ставилась задача ударить на противника с фронта, 3-й Армии генерала Сахарова — атаковать во фланг и тыл.

3-я Армия выступила из Нижне-Удинска 24 января. Впереди шла Ижевская дивизия. После перехода в 54 версты заночевали

в деревне Чеховская. В следующие дни — 25—30 января, — делая переходы по 30—50 верст через селения Патербей, Икей, Одон (в этой деревне было недостаточно помещений, и Конный полк перешел на ночлег 6 верст дальше, в деревню Карагол), Утолей и Или, достигли 30 января села Батома. Это село находилось примерно в 35 верстах от Зимы. Из Батома часть дивизии вечером перешла в поселок Чебытовский.

29 января, на ночлеге в деревне Или, узнали, что генерал Каппель скончался 26 января. Его смерть тяжело переживалась всем составом армии. Он пользовался большой любовью за его выдающиеся качества военачальника, всегда показывавшего примеры доблести и самопожертвования. Это и было причиной его преждевременной смерти. На суровой горной реке Кан он шел с передовым отрядом разведчиков, разыскивая проходы среди незамерзших порогов, промочил ноги и жестоко простудился. Уже совершенно больной, он заставлял подавать ему верховую лошадь, с трудом садился в седло и отправлялся встречать остатки своих полков, зная, что его появление поднимает силы измученных бойцов.

* * *

Вечером, по приходе в поселок Чебытовский, получили сведения, что на станцию Зима прибыли из Иркутска в поездах значительные силы красных с большим количеством пулеметов. Неопределенно говорилось и о присутствии артиллерии.

Ижевцам отдан приказ чистить винтовки, проверить и распределить ограниченный запас патронов. Перед рассветом должны были выступить на ст. Зима. Сильный мороз — ниже 35 градусов Реомюра (-47° Ф [по Фаренгейту. — *Ред.*]).

Глубокой ночью пришла весть, что у Зимы идет бой. Никаких подробностей не сообщалось. Было 5 часов утра. Генерал Молчанов приказал частям дивизии немедленно двигаться к Зиме. Конный полк собрался по тревоге и выступил в авангарде. В эскадронах были выделены всадники на более крепких лошадях, которые двинулись вперед. Остальные следовали сзади, насколько позволяли силы измученных лошадей.

На рассвете подошли к селу, из которого можно было видеть вдаль станцию Зима. Там было тихо. Крестьяне сообщили, что

накануне был большой бой и красные бежали. Вскоре прибыл из Воткинской дивизии унтер-офицер и подтвердил, что красные были разгромлены и понесли большие потери.

41. Бой у станции Зима

Приказом генерала Войцеховского армиям Восточного фронта № 1 от 27 января, то есть на другой день после смерти генерала Каппеля, сохранившиеся части штабов фронта и 2-й Армии соединены в один «штаб войск Восточного фронта». На должность Начальника штаба войск Восточного фронта допущен генерал-майор Щепихин.

В соответствии с принятой группировкой войск и существовавшей ранее организацией и для удобства управления войска фронта временно составляют три колонны:

- а) части 3-й Армии — колонну генерала Сахарова;
- б) соединенные предыдущими приказами Главнокомандующего части 1-й и 2-й Армий — колонну генерала Вержбицкого;
- в) части Уфимской группы и приданные ей — колонну генерала Бангерского.

Вступив в командование указанной ему колонной, генерал Вержбицкий назначил командующим Южной группой начдива 4-й Сибирский стрелковой дивизии генерал-майора Смолина.

2-я Армия генерала Вержбицкого, или, согласно новому приказу, колонна генерала Вержбицкого, двигалась быстрее, чем это предполагалось. Передовая Тобольская группа под командой генерала Бордзиловского вечером 29 января дошла до села Кимельтей и остановилась на ночлег. До Зимы оставалось 25 верст. По чьему распоряжению или по чьей инициативе было решено не терять времени и атаковать красных на день ранее назначенного срока, — выяснить не удалось. Во всяком случае, Тобольская группа, при необходимости в поддержке, могла рассчитывать на помощь двигавшейся позади Южной группы и следовавшей за ней колонны генерала Бангерского.

Для описания боя у Зимы послужили: 1) статья В. Антоновича «Бой у г. Зимы» (Крестный путь, № 4) и 2) показания участников боя — Воткинцев.

В описании Антоновича сообщаются подробные сведения о действиях Иркутской дивизии и отсутствуют почти полностью данные о действиях Воткинцев. По утверждению Антоновича, бой носил упорный характер, продолжался 5 часов и не может быть сомнения, что все силы Тобольской группы участвовали в бою. К сожалению, о действиях пехоты Воткинцев не удалось собрать каких-либо подробностей, за исключением противоречивых сведений о потерях.

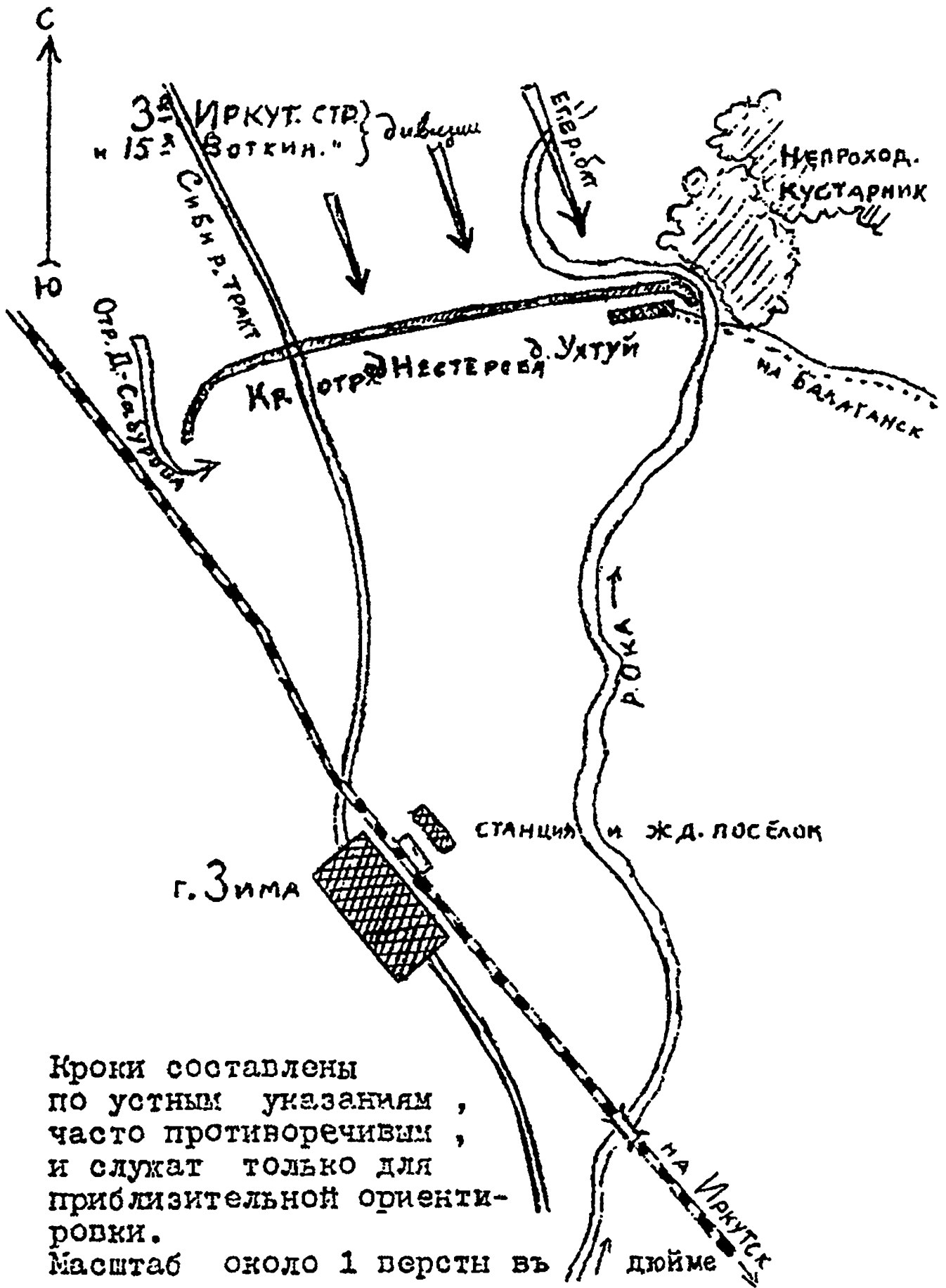
* * *

В 8 час. 30 мин. утра 30 января боевые части Тобольской группы — Иркутская Сибирская и Воткинская дивизии — под командой начальника Иркутской дивизии полковника Ракитина выступили по тракту из села Кимельтей на деревню Ухтуй, где красные поджидали их на укрепленной позиции.

Деревня Ухтуй находилась верстах в трех от Зимы. Позиция красных протянулась по фронту примерно на 3 версты. Правый фланг располагался по возвышенному берегу реки Ока, огибая деревню Ухтуй. Избы деревни были приспособлены для обороны. Левый фланг протянулся к железной дороге и загибал назад для обеспечения от охвата, не доходя до железной дороги. Позиция состояла из снежных окопов, политых водой, и во многих местах перед окопами устроены засеки. Местность перед позицией была совершенно открытой, и на ней лежал глубокий снег. За правым флангом позиции, на противоположном берегу реки, местность заросла густым непроходимым кустарником, не дававшим возможности произвести охват этого фланга.

В общем, позиция была сильной, с отличным обстрелом.

Позиция была занята силами красных численностью около 4 000 бойцов с большим количеством пулеметов. Генерал Сахаров указывает другую численность — 10 000 бойцов при пяти орудиях и даже с двумя аэропланами (Белая Сибирь, стр. 267), но это не подтверждается другими источниками. Отряд красных состоял из надежных, большевицки настроенных шахтеров из Черемховских угольных копей, нескольких партизанских формирований, коммунистов Иркутска и других поборников советской власти. Этот отряд в нескольких поездах, при содействии чехов, был переброшен из Иркутска.

Кроки составлены по устным указаниям, часто противоречивым, и служат только для приблизительной ориентировки.

Масштаб около 1 версты въ дюйме

Кроки к бою у ст. Зима 30.I.1920 г.

Части полковника Ракитина из села Кимельтей выступили в следующем порядке:

— авангард под командой капитана Зилова: конные дивизионы Иркутской и Воткинской дивизий и 10-й Байкальский полк. Всего 400—450 бойцов;

— главные силы под командой начальника Воткинской стрелковой дивизии подполковника фон Ваха: 9, 11 и 12-й полки, Егерский батальон и артиллерийский дивизион Иркутской стрелковой дивизии и Воткинская стрелковая дивизия со 2-й батареей при двух действующих орудиях. Остальные пушки Воткинцев везлись разобранными. Всего около 1500 бойцов при четырех орудиях;

— За главными силами двигались в санях раненые и большое количество больных тифом. В конце Тобольской группы следовали остатки Тобольской стрелковой дивизии в количестве около 100 человек и с ними генерал Бордзиловский.

Конные дивизионы, отогнав разъезды и заставы красных, к 11 часам утра подошли к деревне Ухтуй, развернулись на широком фронте и повели демонстративное наступление для выяснения расположения противника. Задача была успешно выполнена — фронт и фланги противника выяснены.

В 12 часов авангард, а затем и главные силы развернулись и пошли в наступление. Движение сильно затруднялось глубоким снегом по пояс. Противник встретил наступавших сильным ружейным и пулеметным огнем. Наши части залегли в снегу и начали готовить атаку ружейным и пулеметным огнем. Орудие Иркутской батареи открыло огонь по правому флангу противника. На этот участок энергично наступал Егерский батальон капитана Дубова. Егеря трижды переходили в атаку. Капитан Дубов был убит. Красные, обманутые энергичными действиями Егерского батальона, начали передвижение своих резервов к правому флангу.

Полковник Ракитин решил: сковывая противника с фронта, нанести удар в его левый фланг. Для этой цели он направил сюда 11-й Нижне-Удинский полк под командой полковника Долгово-Сабурова. Малочисленность всех полков обеих дивизий, за последнее время сильно ослабленных распространением тифа и насчитывавших в своих рядах всего лишь по 150—200 штыков, вызвала необходимость усилить 11-й полк частью Воткинцев. В составе Воткинской дивизии находились остатки 49-го полка

13-й Сибирской дивизии под командой капитана Ф. Мейбома, принявших участие в ударе на фланг противника.

Отряд полковника Долгово-Сабурова скрытно обошел противника и атаковал его во фланг и с тыла. 2-я Воткинская батарея капитана Верцинского помогла успеху действий пехоты обстрелом из двух своих действующих орудий.

Противник был сбит, и, развивая успех, атакующие части двинулись вдоль позиции красных. Резервов у Нестерова не оказалось, задержать спешно продвигавшийся отряд белых было нечем, и у красных поднялась паника. Этому содействовали также чехи. Совершенно неожиданно для обеих сторон чешская кавалерия, находившаяся на ст. Зима, выгрузила и поседлала своих коней и показалась в тылу у красных. Сведения участников боя о действиях чехов расходятся. Одни говорят, что чехи атаковали и рубили большевиков. Другие отрицают это и уверяют, что появление чехов оказало лишь моральное воздействие на красных, усилив их панику.

Чешская кавалерия выступила по приказу начальника 3-й чехословацкой дивизии майора Прхала, одного из немногих чехов, сохранивших в себе чувства долга и чести и готового прийти на помощь своим братьям по оружию. К этому времени другие чины чешского воинства, во главе с командующим армией генералом Сыровым, уже давно встали на дорогу уклонения от какой-либо помощи и к прямым предательствам. Сыровой выразил большое неудовольствие действиями майора Прхала и приказал вернуть оружие взятым в плен красным солдатам и отправить их в Иркутск.

Потери большевиков были велики. Около 1 000 человек вместе с Нестеровым, которые бежали к своим вагонам, были разоружены, но, как выше указано, были отправлены в Иркутск, с возвращением оружия, по приказу покровительствовавшего им генерала Сырового. Большая часть отряда Нестерова, бросая винтовки, пулеметы и патроны, бежала спасаться из деревни Ухтуй на восток, к Балаганску. На месте боя красные оставили около 800 убитых и раненых. Имея в своих рядах плохо обученных бойцов, привыкших в партизанских действиях нападать на малочисленного противника, и притом врасплох или ночью, они не проявляли упорства в бою, не умели действовать холодным оружием и, конечно, не могли противостоять закаленным бойцам белых частей.

Всё же бой продолжался около 5 часов. Вскоре наступили сумерки. Проходившие мимо побоища с содроганием рассказывали, как стонали и хрипели сотни раненых, кончая жизненный путь на морозном снежном поле. Незначительный кадр медицинского персонала наших частей был занят помощью своим и не имел возможности подать помощь многочисленным павшим врагам.

Наши потери, по сравнению с противником, были незначительны. Антонович указывает, что Иркутская дивизия потеряла 15 убитыми, 67 ранеными и несколько обмороженными. Точных сведений о потерях Воткинцев не сохранилось. Называли цифры от 30 до 100. Начальник Воткинской дивизии определял потери в 50—60 человек.

Следует отметить, что свирепствовавший тиф сильно ослабил боевой состав белых частей. У Воткинцев в конном дивизионе болели в эти дни командир дивизиона ротмистр Дробинин, командир 1-го эскадрона поручик Рябков, еще несколько офицеров и половина всадников. Также сильно были ослаблены стрелковые полки.

Пришлось принять меры к усилению пехоты. У Воткинцев за цепями стрелков шли в наступление артиллеристы тех батарей, пушки которых везлись разобранными, и нестроевые разных категорий. Все были вооружены винтовками, взятыми от больных. Город и станция Зима с находящимся около нее поселком для железнодорожных служащих были заняты без боя.

* * *

Интересное показание о бое написал командир 3-го взвода 1-го эскадрона Воткинцев корнет Бут. Оно приводится здесь с небольшими сокращениями.

«Наше наступление велось по большому тракту, а противник, когда был разбит, отступал через деревню Ухтуй, которая растянулась по высокому берегу реки Ока. Мой 3-й взвод 1-го эскадрона, человек 15, и взвод или два конных Егерей стояли в прикрытии на левом фланге за небольшим бугром и наблюдали, как пехота Воткинцев и Егерей по открытому полю наступала на деревню. А в это время противник был укрыт за постройками домов и обстреливал нашу пехоту из нескольких пулеметов.

Пехотинцам оставалось только залечь. Одно орудие Воткинцев посылало снаряды на деревню.

После некоторого времени красные начали сдавать. (Примечание: корнет Б., видимо, не видел и не знал о действиях обходной колонны.) Егеря первые получили приказ «По коням!». Я сейчас же последовал за ними и скомандовал: «Шашки вон! За мной! Ура!» Мы карьером помчались на деревню, но шашки пришлось отставить, так как мороз давал себя чувствовать, да и противника пока не было видно. Он был уже на главной улице, пехота на подводах и всадники перемешались и торопились к выходу. Мы въехали через боковую улицу, перпендикулярную к главной улице. Для прикрытия отступления противник выставил пулемет на подводе, но на наше счастье 4 пулеметчика не смогли его запустить. Они так там и остались на месте, долго не мучившись.

Я оглянулся назад и вижу, что нас впереди только 5—6 человек моего взвода, а остальные и Егеря отстали. Видимо, лошади были уставшие, да и люди полубольные. Смотрим — последние всадники противника проскакали мимо и, заметив нас, еще больше дали ходу лошадям. Казалось, что бой закончился и на улице никого из противников не осталось. Повернули направо и едем по направлению к городу. Вдруг в одном дворе я заметил четырех красноармейцев, которые ожидали, когда мы будем проезжать мимо этого дома. Ворота были открыты. Черемховцы дали залп и убили моего коня. Я успел только махнуть своим ребятам остановиться, чтобы они не попали в ловушку. Я даже с лошади не упал, а как-то спрыгнул. Смотрю — в проулке стоит поседланная лошадь, как будто ожидавшая меня.

Я быстро вскочил на нее и выехал на главную улицу в надежде, что они еще во дворе. Но красные, увидев, что я удираю от них на ихней же лошади, дали несколько выстрелов. Я почувствовал, что лошадь останавливается и падает. Теперь надежда только на свои ноги. Я одет в ватную куртку и легкую шинельку, а они в дубленых полушубках и от меня отстали, хотя и продолжали стрелять. Это уже было в самом конце деревни. Я увидел, что навстречу мне идет отряд всадников со стороны Зимы. Оказалось, это был эскадрон Иркутского дивизиона. Рассказал им, что за мною гнались 4 черемховца и что они находятся где-то близко, — будьте осторожны.

В последнем доме во дворе я опять вижу лошадь. Видимо, хозяин ее остался на поле брани или прячется где-нибудь. Вот на этой лошади мне удалось добраться до города Зима. На следующий день я обнаружил, что у лошади пробита пулей шея. Пришлось и эту, уже третью лошадь оставить на месте.

Был слух, что чехи напали на красных и отбили от них батарею в 6 орудий, которая стояла на площади, и что это помогло нам завладеть городом Зима».

Из показания корнета Б. видно, что в составе четырехтысячного отряда красных находились бойцы, которые пробовали оказывать сопротивление и тогда, когда почти весь отряд разбежался. Могли также быть и скрывшиеся по дворам, не успевшие бежать с остальными.

Был отдан приказ быть настороже, тщательно обыскать дома и дворы в деревне Ухтуй, в городе Зима, на станции и в примыкавшем к ней поселке, где жили железнодорожные служащие. Среди последних находились большевики. Обыск отнял несколько часов, и из разных укромных мест было извлечено несколько десятков попрятавшихся красных. Часть из них была найдена на сеновалах, где они зарылись в сено.

Под Зимой была одержана полная победа, причем с нашей стороны участвовало не более одной десятой общего боевого состава всех наших сил. Об этом в Иркутске, уже подпавшем, с помощью чехов, под власть большевиков, было хорошо известно. Утешаясь распространением слухов, что идут жалкие, обессиленные остатки армии Колчака, красные правители Иркутска, учитывая опыт Зимы, лихорадочно готовились к защите и в то же время подготавливали свое бегство на север.

Всполошились и наши «союзники», не знавшие, что им делать и как выпутываться из той неразберихи, которая создавалась с их благосклонной помощью.

42. От Зимы к Иркутску

От Зимы генерал Войцеховский двинул войска тремя путями: на правом фланге, к югу от железной дороги, шла 3-я Армия генерала Сахарова; в центре, по большому тракту, двигалась Уфимская группа 2-й Армии под командой генерала

Бангерского, и на левом фланге, севернее главного пути, шла другая часть 2-й Армии — колонна генерала Вержбицкого.

Для необходимого отдыха была назначена всем одна дневка. В следующие дни все группы усиленными маршами должны были двигаться к Иркутску. Подтверждались слухи, что Верховный Правитель был предан генералом Жаненом и чехами и находится в руках своих врагов. Надежда освободить его заставляла торопиться к Иркутску.

3-я Армия выступила из района Зимы 1 февраля. В авангарде армии — Ижевская дивизия генерала Молчанова, имея в голове Конный полк. К вечеру дивизия дошла до села Холмогой, пройдя 49 верст. На 2 февраля была назначена дневка. 3 февраля прошли около 25 верст до деревни Зон и, после привала, достигли селения Куйта, пройдя еще 18 верст. На следующий день сделали переход в 41 версту до большого села Узкий Луг на реке Белая. Не доходя нескольких верст до этого села, начали встречать свадебные партии, ехавшие весело на тройках в разукрашенных санях, с песнями и гармошками. Странно было видеть этих радостно настроенных, счастливых людей, которых как будто не затронули ни война, ни кровавые события революции, которые не хотели знать ни забот, ни тревог.

Несмотря на эту, казалось, совершенно мирную жизнь, население этого района было под сильным нажимом большевиков, и их агенты вели здесь усиленную пропаганду против правительства адмирала Колчака и нашей армии. Недалеко находился крупный очаг красных — Черемховские угольные копи, где большинство рабочих было обольшевичено и посылало немало пополнений в красные партизанские отряды. В бою под Зимой, по некоторым сведениям, участвовало в красном отряде более тысячи черемховцев.

На ночлегах приходилось бдительно охраняться и иметь наготове дежурную часть.

Узкий Луг — большое село, которое двумя параллельными улицами растянулось по берегу реки на 3—4 версты. На ночлег полк расположился сосредоточенно, а дежурный эскадрон был готов ко всяким случайностям. Некоторые крестьяне предупреждали о влиянии красных и необходимости быть настороже. О намерениях тех, которые шли на поводу у большевиков и являлись местной властью, можно судить по следующему случаю.

К командиру полка явился находившийся здесь артиллерийский капитан С. и просил его арестовать и вывести арестованным из села. Местные большевики следили за ним и грозили расправой, — и арест необходимо было проделать, чтобы не пострадала семья капитана — жена, ее родители и родственники.

Перед выступлением на следующий день командир 3-го эскадрона, которому было поручено проделать этот «арест», подъехал к дому капитана С. и предложил ему следовать с полком, как обвиненному в самовольном уходе из рядов армии. Домашние плакали и просили освободить от ареста, но «исполнители» закона были неумолимы. Арест был выполнен, как было условлено. Собравшиеся соседи сочувствовали капитану и его семье, и родные избежали преследования красными властями.

Тяжело переживала «арест» жена увезенного капитана. Она ожидала скорого рождения ребенка, и разлука с мужем была для нее действительной трагедией. Позднее, через несколько месяцев, преодолев много препятствий и испытав ряд всевозможных приключений, она вместе с рожденной вскоре после ареста мужа маленькой дочкой вырвалась в Харбин, где и встретилась с мужем.

В день прихода в Узкий Луг многие Ижевцы Конного полка попали вечером на свадебные пиры. Гостеприимные хозяева любезно их встречали и угощали. Ижевцы же, как разбогатевшие под Красноярском захваченным от красных серебром, щедро делились с собравшимися блестящими гривенниками, пятиалтынными и двугривенниками. Впоследствии пришлось услышать преувеличенные рассказы о том, что Ижевцы целыми горстями разбрасывали серебро.

5 февраля Конный полк перешел в село Тайтурка, которое находилось верстах в десяти от железной дороги и тракта. При подходе к этому селу вновь были встречены веселые свадебные партии местного населения. 6 февраля был назначен переход в 40 с лишним верст в село Биликтуй. Утром этого дня полк вышел к железной дороге и к идущему рядом большому тракту к югу от поселка Мальта (или Мальтинское). К востоку, параллельно к указанным путям, в 7—10 верстах от них протекала река Ангара, в это время скованная льдом. По собранным сведениям, красные расположили свои отряды за Ангарой, по правому берегу реки.

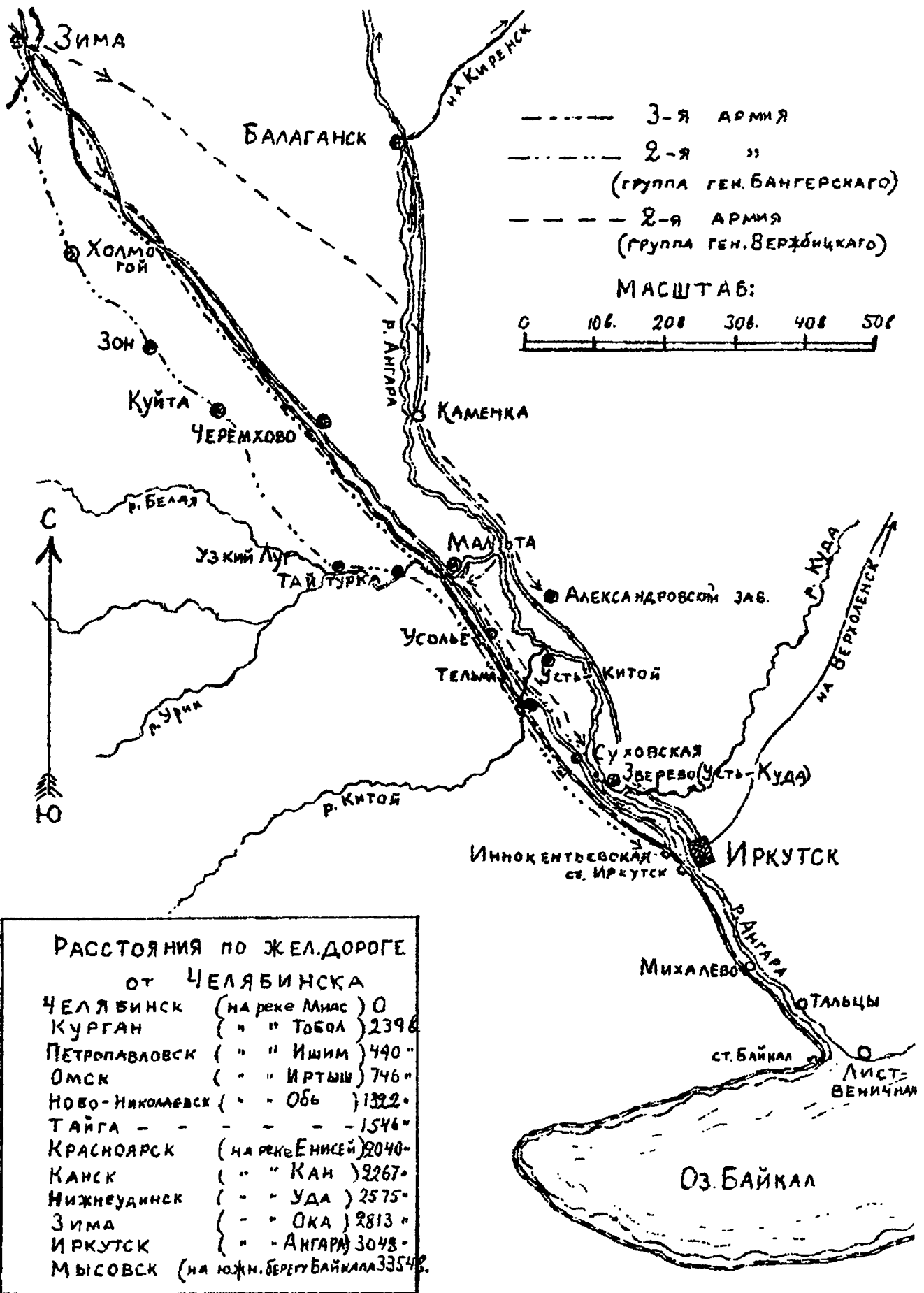

Схема № 19. Движение к Иркутску 1–8 февраля 1920 г.

Нам следовало идти к Иркутску, не обращая внимания на противника, засевавшего за рекой, и очищать от него только пункты на нашем пути, если бы они были заняты его частями.

Красные держались пассивно. Мы прошли спокойно станции и поселки Усолье, Тельма и другие и, сделав переход в 40 верст с лишним, к вечеру без боя заняли село Биликтуй. Находившийся здесь небольшой отряд красных при нашем приближении ушел на Усть-Китой. Один эскадрон был выслан для разведки на Усть-Китой и имел короткую перестрелку с красными, которые отскочили за реку. Ночь прошла спокойно. Задача на 7 февраля — захватить станцию Иннокентиевскую, в 6 верстах от Иркутска.

Город Иркутск лежал на правом берегу реки Ангары. На левом берегу, где проходила Сибирская железная дорога и находилась станция Иркутск, было предместье Иркутска — Глазково. Около этого предместья находились казармы, занятые красными частями. Как потом оказалось, большевицкие главари, по настоянию чехов, боявшихся, что произойдут бои у Глазкова и станции Иркутск, где скопились их эшелоны, увели свои войска в Иркутск. Кроме того, боясь разгрома, подобного тому как у Зимы, они готовились к отступлению от Иркутска на север, и оставлять свои части у Глазкова было бы бессмысленно.

Утром 7 февраля авангард полка — два эскадрона под командой подполковника Соловьева, пройдя станцию Суховская, около 9 часов утра встретил в районе деревни Звереве отряд красных. Здесь дорога сближается с рекой Ангарой. После получасовой перестрелки красные были отброшены за реку. К вечеру полк подошел к ст. Иннокентиевская. У станции были расположены огромные склады нашей армии. Захвачены подводы с красноармейцами, приехавшими из Иркутска за разными продуктами. Обнаружена одна трехдюймовая пушка, не имевшая замка. Несколько в стороне кто-то видел второе брошенное орудие. За неимением необходимых лошадей и сбруи, пушки оставлены на месте, и было только донесено о них начальнику дивизии генералу Молчанову. Эта пушка или пушки объявлялись как «трофеи» несколькими частями, прибывшими позднее, но никто не соблазнился взять их себе.

По сведениям оставшихся на месте сторожей складов, здесь было много разного военного имущества, в том числе обмун-

дирования и продуктов. Одного сахара, несмотря на усиленное расхищение, числилось до 30 тысяч пудов. Нашим войскам удалось использовать эти богатые запасы лишь в небольшом раз- мере. Брали, что находили, из теплого обмундирования и белья, сахар и продукты. Вывозить что-либо на запас было не на чем. Из ближайших деревень красные, подготавливая отступление на север, угнали все крестьянские подводы, а наши ограниченные обозы были загружены ранеными и больными.

К ночи 7–8 февраля у станции Иннокентиевская собрались все части 3-й Армии.

* * *

Уфимская группа следовала от Зимы без задержек по боль- шому тракту. 7 февраля, после ночлега в районе Усолья, группа перешла к ст. Суховская. 8-я Камская дивизия, проходя мимо деревни Усть-Китой, имела бой с красными. Так же как накануне в столкновении с Ижевцами, противник не оказал большого сопротивления и ушел на правый берег Ангары. 8 февраля Уфимская группа получила задачу захватить деревню Звереве на северном берегу Ангары и удерживать этот пункт, пока не пройдет группа генерала Вержбицкого, находившаяся около одного перехода позади. В 9 час. утра группа выбила красных из деревни Звереве. (Следует отметить, что, по некоторым ис- точникам, деревней Звереве называлась упоминавшаяся ранее деревня Усть-Китой, находившаяся на левом берегу Ангары, а на правом, при впадении реки Куда, стояла деревня Усть-Куда.)

Красные в течение дня делали попытки отбросить Уфим- скую группу из захваченной от них деревни, ввели в действие свою артиллерию, но успеха не имели. Вечером группа получила приказ перейти на ст. Иннокентиевская.

Группа генерала Вержбицкого предположительно выступила 1 февраля из города Зима для следования к Иркутску по Бала- ганскому тракту. На этот тракт группа вышла в районе между городом Балаганск и селом Каменка (или Каменское). Точных сведений о задаче, данной генералом Войцеховским этой группе, не имеется. По некоторым данным, группа генерала Вержбиц- кого должна была захватить Александровскую тюрьму и осво- бодить там арестованных большевиками сторонников адмирала

Колчака, а затем подойти к Иркутску с севера. В этой группе, в рядах Иркутской дивизии, было много жителей Иркутска, которым хорошо были известны подступы к городу.

Свирепствовавший тиф продолжал опустошать наши ряды и замедлять движение. На ночлегах часы для отдыха сокращались, чтобы хоронить умерших. Уход за больными был осложнен необходимостью на больших привалах и на ночлегах вносить больных и раненых в теплое помещение и при выступлении обратно укладывать в сани.

В конном дивизионе Воткинцев большую благодарность и добрую память заслужил подпрапорщик Евдоким Кудрин — начальник службы связи. Он, не считаясь с усталостью, работал на остановках, перетаскивая десятки, иногда до сотни раненых и больных, приноровившись делать тяжелую работу часто без помощи других и отказываясь от отдыха, пока все не будут в тепле. Казалось, что сам он не восприимчив к заболеванию тифом. Но вот на ночлеге в Каменке он свалился в тифу и скоро умер, к общему горю всего дивизиона, и особенно всех больных и раненых. Каменка осталась в памяти Воткинцев как место, где они потеряли подпрапорщика Евдокима Кудрина, самоотверженно и не жалея сил заботившегося о раненых и больных.

По воспоминаниям полковника И., которыми приходилось уже пользоваться, головной отряд генерала Вержбицкого, под командованием генерала Бордзиловского, подойдя к Александровской тюрьме, пытался захватить ее открытой силой, но понес потери. Тюрьма представляла собой прочные каменные постройки с толстыми стенами. Чтобы пробить в стенах брешь, требовалось время и значительное количество гранат. У Воткинцев и Иркутян в скудных запасах снарядов были только шрапнели. От штурма пришлось отказаться. По словам полковника И., у Иркутян был убит один из командиров полков. К 8 февраля все части собрались к ст. Иннокентиевской и к ближайшим поселкам.

От Зимы до Иркутска мы прошли довольно спокойно. После разгрома у Зимы красные держались пассивно и лишь разведывательные части следили за нами и быстро скрывались при нашем приближении. Только под Александровским заводом и у деревни Усть-Куда были встречи, которые могут назваться боевыми столкновениями.

Красные главари, привыкшие трубить о достижениях и победах, по-другому изображают приведенные здесь события: «Сильный бой произошел у д. Усть-Куда. Всюду отбитые, неся огромные потери, они (белые) подошли к Иркутску уже бесформенной массой, смешавшись с наседавшими на них собственными обозами... партизанские отряды догнали ее, рубили отступающих, захватили обозы» (*Ширямов А. Борьба за Урал и Сибирь*, стр. 303).

«Остатки каппелевских отрядов атаковали предместья Иркутска, но были отброшены к югу на 15 верст» (*Смирнов И.*, там же, стр. 310).

«Иркутск выдержал нападение каппелевцев и, разбив их наголову, далеко отбросил их за Байкал» (*Сурнов И.*, там же, стр. 334) и т. д. в том же победном духе.

43. Иркутск

В историю гражданской войны Иркутск вписал свои особые страницы с самого начала распространения большевицкой власти. Как Петроград и Москва, Иркутск не покорился без сопротивления власти узурпаторов и дал бой прислужникам красного Интернационала. Как в обеих столицах, в Иркутске отпор большевикам дали те же верные сыны своей родины — офицеры, юнкера, кадеты и учащая молодежь, при бездействии притихших и попрятавшихся горожан. Как и по всей России, большевики ждали, что «это будет последний и решительный бой», наступит их власть и с ними «воскреснет род людской». Но это был только раскат отдаленного грома надвигающейся грозной гражданской войны.

Захватив власть в Иркутске, красные главари собрались обезоружить тревожившие их Иркутское военное училище и две школы прапорщиков. Приказ большевиков о сдаче оружия был отвергнут. Большевики обратились к вооруженной силе и 8 декабря 1917 года повели наступление на район города, где находились училище и школы. Вспыхнули бои. У юнкеров были винтовки и пулеметы, у их противников, кроме того, артиллерия. По сведениям красных историков, бои продолжались 10 дней, до 17 декабря. Юнкера занимали центральную часть города.

Большевицкие отряды наступали с окраин. Подкрепления к ним прибывали по железной дороге из Черемхова, Канска, Красноярска и других мест.

От обстрела города большевицкой артиллерией было разрушено и сгорело много зданий и жилых домов. Убитых насчитывалось у юнкеров около 50 человек и несколько офицеров, у красных убито до 400, и были убитые среди жителей. Несмотря на большое преимущество в силах, большевики не могли одолеть юнкеров и пошли на хитрость. Они согласились на перемирие и переговоры, обещали установить в городе не большевицкую власть, а выбранную на широком представительстве. Был подписан договор, и юнкера доверчиво сдали оружие. После этого большевики вновь захватили власть полностью в свои руки и начали вылавливать безоружных противников. Части из них удалось спастись, скрывшись в Забайкалье и Маньчжурии.

Противники большевиков не сдались и продолжали тайно готовиться к уничтожению их власти, поджидая удобного момента. Выступление против красных Чехословацкого корпуса дало толчок к действиям тайных организаций противобольшевиков. Одним из первых городов был освобожден 25 мая 1918 года, совместными действиями русских организаций и чехов, Новониколаевск. После изгнания затем большевиков из Омска эта группа — из русских под командой Пепеляева и чехов под командой Гайды — двинулась на восток, на Красноярск и дальше на Иркутск.

Чтобы отвлечь внимание и силы большевиков и содействовать скорейшему освобождению железной дороги и города, иркутская местная организация решила действовать. Под руководством полковника Элерц-Усова должны были выступить против красных несколько отрядов, общей численностью в 1 000 штыков. Наиболее крупный отряд в 600 штыков ожидался от Союза фронтовиков. Выступление было назначено в ночь с 12 на 13 июня. Из обещанных фронтовиков явилось 20 человек, и притом без оружия. Часть остальных отрядов захватила тюрьму и освободила 108 заключенных. Этим успех ограничился. Появились красные цепи и броневые машины, — восставшие отступили и расплылись. Некоторые ушли в леса и там прятались от мести большевиков.

Через месяц, 12 июля, Иркутск был освобожден. Большевики заблаговременно покинули город, взорвав пороховые погреба, и бежали по железной дороге в Читу. Первоначальную охрану города приняли небольшие группы местной военной организации. Около 2 часов пополудни с севера вступил отряд конницы под командой есаула Сибирского казачьего войска Красильникова. Вечером подошли с запада сибирские отряды Пепеляева и чехи под командой капитана Гайды. После освобождения от красных Иркутск обратился в главный центр глубокого тыла, как в смысле снабжения белых армий Восточного фронта военными материалами, прибывающими через Владивосток из-за границы, так и в отношении столкновения политических интересов разных партий и группировок, отечественных и иностранных, которые в конце концов и привели к крушению усилий антибольшевицких сил.

В Иркутске была сформирована, первоначально из местных добровольцев, 3-я Иркутская дивизия Сибирской армии, прибывшая осенью 1918 года на Уральский фронт. Дивизия участвовала в весеннем наступлении к Волге и Вятке, прошла Сибирский Ледяной поход и продолжала честно нести свою службу Родине до самого конца. Дивизия Иркутян являлась одной из лучших в Сибирской армии.

Около Иркутска, у станции Иннокентиевская, еще от мирного времени оставались большие интендантские склады. Хотя частично разграбленные, они теперь пополнялись и служили для белых армий Восточного фронта. Ко времени излагаемых здесь событий эти склады привлекали внимание как сменявшихся хозяев с русской стороны, так, в особенности, ненасытных чешских интендантов.

Перед захватом Омска красными Правительство адмирала Колчака (его министры) отправились в Иркутск, куда прибыли 19 ноября. Сам Верховный Правитель, адмирал Колчак, покинул Омск накануне его сдачи и продолжал держаться ближе к фронту.

В Иркутске, который велением судьбы должен был стать новой столицей, правительство оказалось в тяжелом положении. На власть и руководство событиями претендовали группы местных деятелей и разных партий, и во все дела вмешивались иностранные оккупанты. Собравшиеся сюда эсеры и близкие

к ним партийные дельцы образовали «Политический центр», разлагавший власть Омского правительства и стремившийся захватить правление в свои руки. Как и прежде, эсеры встречали большую поддержку у чехов. Агенты большевиков, сначала подпольно, а постепенно всё более открыто вели борьбу против правительства.

В конце декабря начались восстания. Крепких надежных частей для поддержания порядка было немного, и они были малочисленны. Еще в сентябре, при наступлении к Тоболу, адмирал Колчак, предвидя возможность осложнений в тылу, собирался послать в Иркутск испытанную, надежную часть с энергичным командиром для охраны порядка и спокойствия в этом важном пункте. Его выбор пал на Ижевскую дивизию под командой генерала Молчанова. Для предварительной подготовки к передвижению дивизии адмирал Колчак командировал к генералу Молчанову одного штаб-офицера из своего штаба. Посланец прибыл в дивизию, привез на весь состав дивизии в подарок от адмирала Колчака, погоны защитного цвета и имел продолжительный разговор с генералом Молчановым. Переговоры дали благоприятные результаты — необходимость иметь устойчивый тыл вполне была понятна. Но на отправку дивизии в Иркутск не согласился командующий 3-й Армией генерал Сахаров. Он заявил, что отправка Ижевцев в тыл сильно ослабит армию и вести успешные операции он не сможет. На этом вопрос заглох.

В конце декабря около Иркутска загремели выстрелы. 21 декабря восстали рабочие на Черемховских угольных копиях. 25 декабря произошло восстание в Глазковском предместье. Подавить это восстание помешало вмешательство Жанена. Через два дня восстание перебросилось в Иркутск, и начались бои на улицах города. Подошедшие 29 декабря на помощь части из Забайкалья, под командой генерала Скипетрова, имели успех в наступлении на Глазковское предместье, но чехи обстреляли их с тыла. Забайкальские части отступили.

Бои на улицах Иркутска продолжались до 3 января 1920 года. Небольшие отряды, защищавшие город, под командой генерала Сычева, отступили к Байкалу для переправы на пароходах в Забайкалье. Отступившие захватили с собой арестованных в Иркутске большевиков и эсеров, всего 31 человека, подго-

товлявших и руководивших восстаниями. Они были убиты на Байкале, и это вызвало большое возмущение, в особенности сильное среди «союзников». Когда большевики уничтожали сотнями духовенство, «буржуев», офицеров, крестьян и рабочих — это никого из иностранцев не возмущало. Об уничтожении в Ижевске почти 8000 рабочих и их родных и около такого же числа в Воткинске, как месть за восстание против кровавого большевицкого гнета, плакать и вспоминать тоже не стоит. Сочувствие «гуманных» иностранцев не распространяется на тех, кто не пришелся им по вкусу.

Об искренности возмущения со стороны чехов и Жанена после убийства иркутских заложников судить не будем. Но это убийство было впоследствии использовано предателями адмирала Колчака как попытка к оправданию своих подлых действий. По этому поводу следует напомнить, что в это время адмирал Колчак был задержан в Нижне-Удинске и его связь как с армией, так и с тылом была чехами прервана. Что общего мог иметь адмирал Колчак с убийством на Байкале?

В то время, когда в Иркутске происходили события, кратко здесь описанные, то есть в декабре 1919 года и в первые дни 1920 года, армии адмирала Колчака подходили к Красноярску, в 1 000 верстах от Иркутска, чтобы пробить себе путь на восток. В этот же период времени адмирал Колчак торопился к Иркутску к своему правительству и был несколько раз задержан в пути чехами, уже тогда подготовлявшими свое предательство. 17 декабря поезд адмирала Колчака был задержан на 6 дней в Красноярске, 24 декабря, когда адмирал прибыл в Нижне-Удинск, его задержали здесь до 8 января. К этому времени Иркутск уже был в красных руках и тернистый путь адмирала Колчака подходил к концу. 15 января чехи, по указаниям главнокомандующего «союзными» войсками генерала Жанена, предали адмирала Колчака на расправу большевицким палачам. Этим злодеянием они купили себе у большевиков право двигаться дальше беспрепятственно.

7 февраля на рассвете адмирал Колчак и председатель Совета министров В. Пепеляев были расстреляны на берегу реки Ангары дружиной левых эсеров. Более подробно путь и смерть славного адмирала Колчака были описаны во многих изданиях, из которых следует выделить книгу генерала Петрова «Роковые

годы»¹, где автор посвятил адмиралу Колчаку отдельную главу. К вечеру этого же, печальной памяти дня передовые части нашей армии — немногочисленные остатки когда-то крупных сил адмирала Колчака — начали сосредоточиваться к ст. Иннокентиевская.

44. В обход Иркутска

Три вооруженных группы собрались к 8 февраля в районе Иркутска — белые, красные и «союзники». Взаимоотношения между первыми двумя были совершенно ясны: это были враги, каждый из которых искал полного уничтожения другого. Третья группа — «союзническая» — состояла из частей Чехословацкого корпуса, и отношение их к русским постоянством не отличалось, колебалось и менялось в зависимости от разных обстоятельств.

Стремление чехов и прочих «союзников» к этому времени заключалось в желании скорее выбраться из-под перекрестного огня русских враждующих сторон. Огромное количество грузов, вывозимых чехами из Сибири, сильно замедляло их движение на восток. После Красноярска регулярные части красной армии настигли чехов. Попытки чехов задержать преследование взрывами мостов оказались безрезультатными. Как военная сила чехи за год с лишним на охране железной дороги основательно разложились, и боеспособность их сильно понизилась.

Около Канска в середине января красные бьют чехов и захватывают их бронепоезд вместе с командой. Продолжая взрывать мосты, чехи, однако, пробуют прибегать к переговорам о перемирии. Сначала им это не удается. В конце января, желая остановить красных, чехи под Нижне-Удинском вводят в бой значительные силы с пятью бронепоездами. Их снова бьют, они теряют 4 бронепоезда, артиллерию и 16 эшелонов. Часть чехов, бросив вагоны, покидает поле боя и поспешно удирает пешим порядком.

Через несколько дней, в самом начале февраля, у станции Тулун (в 100 верстах за Нижне-Удинском) красные вновь опрокидывают чешский арьергард и забирают 9 эшелонов. Сведения

¹ *Петров П. П.* Роковые годы: 1914—1920. Калифорния, 1965.

эти взяты из красных источников, и, возможно, их трофеи преувеличены. Чехи о своих поражениях хранят полное молчание. Наконец, чехам удастся добиться перемирия, и 7 февраля в селе Куйтун (75 верст за ст. Тулун) они подписывают договор о прекращении военных действий.

Пункт 5-й этого договора гласит: «Чехо-войска оставляют адмирала Колчака и его сторонников, арестованных Иркутским Ревкомом, в распоряжении советской власти под охраной советских войск и не вмешиваются в распоряжения советской власти в отношении к арестованным».

Пункт 6-й говорит о передаче золотого запаса.

Обращает на себя внимание содержание пункта 5-го. Адмирал Колчак был предан чехами уже 15 января, а в день подписания мирного договора, рано утром, он погиб. Представитель на мирной делегации (переговоры затянулись на три дня) от красной армии комиссар Смирнов мог не знать о расстреле адмирала Колчака. Он беспокоится, что чехи еще могут его спасти или вмешаться в его судьбу. Поэтому пункт 5-й требует от чехов, чтобы «чехо-войска **оставили** адм. Колчака в распоряжении советской власти» и **не вмешивались** в распоряжения «в отношении к арестованным». Беспокойство комиссара Смирнова было напрасным. Чехи тщательно подготовили и «добросовестно» выполнили предательство. Смирнов в своих воспоминаниях (Борьба за Урал и Сибирь, стр. 257) отдает чехам должное: «Его (адмирала Колчака) ждала более горькая участь. В Нижне-Удинске поезд Правительства захватывают чехо-словаки; Колчака везут заложником, выдают образовавшейся в Иркутске революционной власти, и этой ценой чехи получают выход из Сибири».

* * *

Предательство чехами адмирала Колчака и его смерть вызвали огромное озлобление в рядах войск, дошедших до Иркутска. Горячие головы были готовы повернуть оружие против чехов. Но главные предатели — генерал Жанен и генерал Сыровой — были уже за Байкалом. Жанен 14 января, накануне выдачи адмирала Колчака, утвердив предательство, скрылся в Верхне-Удинск. Сыровой также «своевременно» исчез за Байкал. Оттуда, в безопасности от возмездия, он диктовал свои приказы

оставленному на станции Иркутск начальнику 2-й чешской дивизии полковнику Крейчию.

Последний при подходе наших передовых частей к ст. Иннокентиевская прислал им свое распоряжение, где пишет: «Я решил ни в коем случае не допускать занятия Глазкова вашими войсками...»

Чехи привыкли себя считать полными хозяевами Сибирской железной дороги и заводили там свои порядки. Вдоль железной дороги они установили трехверстную «нейтральную» полосу, в которой запретили появляться вооруженным отрядам как красных, так и белых. Нарушителей этого распоряжения они угрожали разоружать. Отступающая армия не обращала внимания на наглое требование. Колонны наши двигались, в зависимости от имевшихся путей, рядом с колеей железной дороги, иногда по полотну железной дороги, занимали для ночлегов и привалов станции, разъезды и прилегающие к ним поселки.

Это, конечно, хорошо знал и полковник Крейчий. Знал он и то, что его грозное предупреждение является лишь пустой угрозой. Навряд ли он мог сомневаться в том, что белые части, пробившие себе дорогу через все препятствия на протяжении 3 000 верст, разоружить себя **никому** не позволят. Его предупреждение **не допустить и разоружить**, скорее всего, предназначалось вниманию его начальников, уже удравших в тыл.

Отметим запись одного красного писателя, по-видимому правильно определяющую действительное настроение чехов: «Из чешской информации было также известно, что белых движется не меньше 35 000, что это самые крепкие части Белой армии и что их даже «сами» чехи вынуждены бояться» (*Парфенов. Борьба за Дальний Восток, стр. 59*)¹. В подтверждение сказанного советский писатель ссылается на газету «Чехословацкий Дневник» от 18 января 1920 года.

* * *

Дальнейшую судьбу нашей армии решали не красные и не чехи. С приближением к Иркутску дошли сведения, что предан-

¹ *Парфенов П. С. Борьба за Дальний Восток, 1920—1922. Ленинград: Прибой, 1928.*

ный чехами адмирал Колчак погиб рано утром 7 февраля, в то время, когда армия начала движение к ст. Иннокентиевская с последнего ночлега. Армия не успела спасти его. Вернее, приближение армии с намерением освободить адмирала Колчака, о чем красные знали из требований генерала Войцеховского, заставило беспощадных убийц поспешить с расправой над ненавистным для них Верховным Правителем.

Главная цель нашего движения для захвата Иркутска отпала. Встал вопрос — нужно ли теперь атаковать и брать город? Генерал Войцеховский утром 8 февраля прибыл на станцию Иннокентиевская, где уже находились все части 3-й Армии, и собрал старших начальников на совещание.

Немногие были за захват Иркутска. Большинство стояло за то, чтобы миновать город и направиться, без ненужных задержек, в Забайкалье. Генерал Войцеховский согласился с мнением большинства. Причиной такого решения было тяжелое состояние людского и конского состава в армии. Огромное количество раненых, больных и обмороженных, по приблизительному подсчету, доходило в частях до 80 процентов. Для захвата Иркутска можно было собрать около 5 000 здоровых бойцов. Этого количества было достаточно, чтобы разгромить собранные наскоро неустойчивые красные отряды. Бой под Зимой показал ясно их низкую боеспособность. Приготовления к отступлению на север говорили, что красные командиры не надеялись на успешную оборону Иркутска.

Но захват большого города, размещение там 15—20 тысяч раненых и больных и потом новые сборы в неизбежный дальнейший поход не соблазняли отступающую армию. Было неразумно делать остановку на несколько дней, когда впереди можно было рассчитывать на долгий отдых в благоприятных условиях, устройство раненых и больных в госпиталях, пополнение боеприпасов и приведение всех частей в полную боевую готовность.

* * *

По вполне понятным причинам были недовольны указанным решением чины армии, у которых в Иркутске находились родные. В том числе у некоторых Ижевцев и Воткинцев сюда

были эвакуированы их семьи, и теперь они поджидали встречи со своими отцами и мужьями. Некоторые семьи заранее, когда в Иркутске начали захватывать власть красные, переправились в Забайкалье и там ждали прихода армии. Тяжелая драма произошла в Воткинском конном дивизионе. Со дня своего формирования 25 мая 1919 года в командование 2-м эскадронном дивизиона вступил прибывший из Иркутского военного училища хорунжий Аристарх Пуцилло. Все походы и бои он провел, командуя своим эскадроном, был выдающимся командиром, его любили подчиненные и сослуживцы, его очень ценил командир дивизиона ротмистр Дробинин. За свою отвагу Пуцилло получил два производства в следующие чины и дослужился до штаб-ротмистра. В Иннокентиевскую он прибыл, болея тифом в тяжелой форме. В Иркутске у него оставалась семья. Его отец — офицер Императорской армии — был в отставке. Известие, что армия не будет брать города, сильно взволновало штаб-ротмистра Пуцилло. Будучи в полубредовом состоянии, он незаметно для присутствующих вынул револьвер и застрелился. Через пять дней, когда Воткинцы были уже в Мысовке, в штаб дивизиона пришла сестра Пуцилло и спросила, где она может встретить своего брата. Его семья успела заранее выехать из Иркутска. Не трудно представить себе отчаяние и горе семьи, узнавшей о его преждевременной, напрасной смерти.

* * *

Генерал Войцеховский отдал приказ о дальнейшем движении с обходом Иркутска с юга. Начало движения — в полночь с 8 на 9 февраля. Путь был выбран со ст. Иннокентиевской вдоль железной дороги, переход через реку Иркут и, не доходя до Глазковского предместья, сворот на юго-запад к селу Смоленское. Отсюда по ряду мелких поселков и дачных мест — движение в обход большой лесистой возвышенности, расположенной к югу от Глазкова. Затем снова поворот к востоку и выход к реке Ангаре. Дальше можно было двигаться к селу Лиственичное, у истока Ангары из Байкала, по реке, или выйти на правый берег, где проходит тракт.

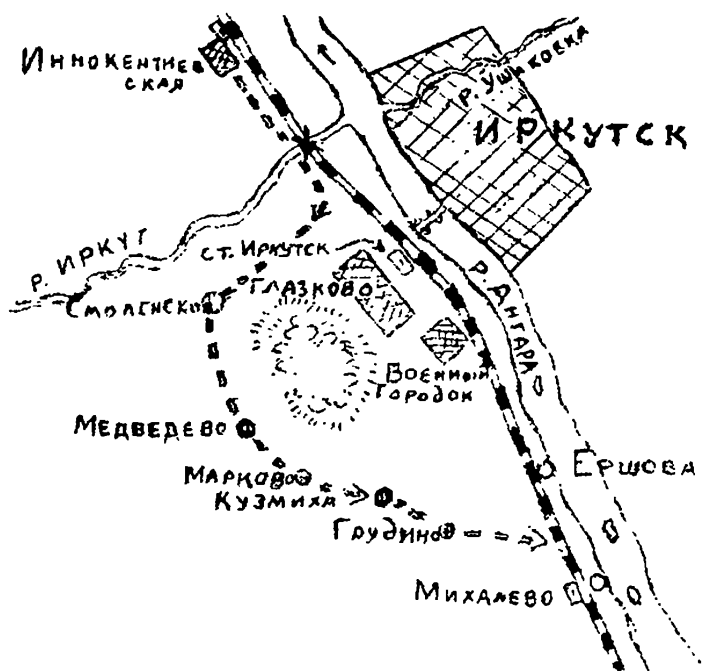
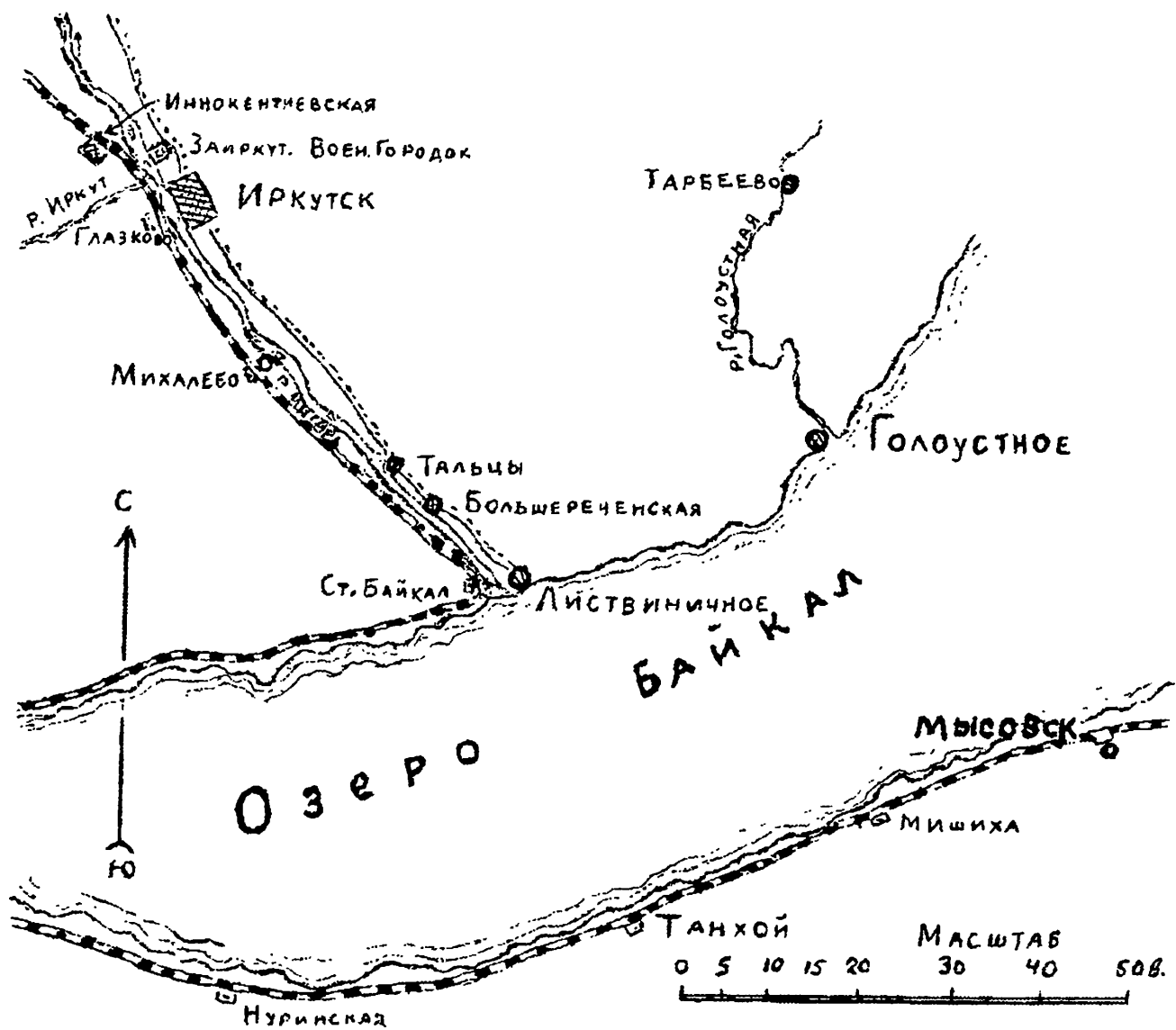
Об этом решении генерал Войцеховский предупредил чехов, чтобы избежать недоразумений с их стороны. Чехи были

удовлетворены решением не брать город и обещали не чинить никаких препятствий. Впереди шла 3-я Армия с Ижевской дивизией во главе. За ней Уфимская группа 2-й Армии и в конце — группа генерала Вержбицкого. В авангарде Ижевской дивизии шел Конный полк, выступивший в 23 часа. Ночь была темная и морозная. Пройдя Смоленское, продолжали движение через поселки Медведево, Марково, Кузьмиха, Грудино и к утру достигли Ангары около станции и поселка Михалево. После спуска на лед пошли по реке. Недалеко от Михалева с небольшого острова, находившегося на середине реки, раздались выстрелы. Пули просвистели высоко над головами.

Передовой эскадрон бросился в атаку, и выстрелы немедленно прекратились. Без сопротивления 38 человек — весь «гарнизон» острова, поставленный, чтобы задержать наше движение, — побросал винтовки. Эти люди, поняв, что им дали непосильную задачу и что отступить с острова им некуда, благоразумно сдались. Для очистки совести они дали несколько выстрелов поверх наших голов. Они поспешили сдать свои патроны, ручные гранаты и сложить тут же брошенные винтовки. Далее до самого села Лиственичного никаких столкновений не было.

В Лиственичное Ижевская дивизия пришла в 19 часов вечера 9 февраля, пройдя 80—90 верст и останавливаясь по дороге лишь на короткие привалы, чтобы погреться, дать отдых и подкормить лошадей. Вслед подошли остальные части 3-й Армии и расположились на ночлег. Уфимская группа ночевала в Михалево, Тальцах и Большереченском. Группа генерала Вержбицкого также благополучно, без столкновения с противником, обошла Иркутск по пути, пройденному предыдущими частями.

Первые 2—3 дня преследования красные не вели, по крайней мере сколько-нибудь значительными силами. В Уфимской группе, при подходе к реке, были слышны со стороны города орудийные выстрелы. Кто и куда стрелял, — было не ясно. Возможно, что нашим врагам, засевшим в городе, нужно было создать впечатление, что белые атакуют Иркутск, но были отброшены. В описании одного красного историка можно прочесть: «А бои за Иркутск всё продолжались. Кровь лилась рекой. Наконец, белые двинули свои силы на Глазково и захватили там

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫЙ
ПУТЬ ДВИЖЕНИЯ АРМИИ
В НОЧЬ 8-9 ФЕВ. 1920 Г.

=====> ОБОЗНАЧЕНИЕ
ПУТИ.

Схема № 20. Город Иркутск и часть оз. Байкал
(к событиям 8-13 февраля 1920 г.)

Приблизительный путь движения армии в ночь 8-9 февраля 1920 г.

артиллерию. Немедленно решили пустить ее в ход. Но в этот момент в продолжающуюся борьбу вмешались чехословаки...» (Парфенов П. Борьба за Дальний Восток, стр. 65).

45. Переход через Байкал

Лиственичное — большое село, прижатое горами к озеру и вытянувшееся по берегу на 5—6 верст. Расположившись по квартирам, начали собирать справки о том, что делается кругом. По сведениям жителей, отряд красных, находившийся здесь, при нашем приближении бежал через Ангару на станцию Байкал, где нашел убежище в чешских вагонах. Жители также сообщили слух о большом бое накануне где-то в районе Мысовска. Кто с кем дрался — они не знали. Мысовск, по их сведениям, в руках красного отряда с бронепоездами.

О возможности перехода через Байкал сведения были неутешительны. Еще никто в эту зиму не переправлялся через Байкал. Незадолго до нашего прихода на середине Байкала стояло озеро тумана — признак, что здесь находится «попынь» — место, не покрытое льдом. Этого облака теперь не видно, но лед на середине озера не может быть достаточно окрепнувшим. Местные жители советовали для перехода Байкала пройти сначала вдоль берега до села Голоустное, а из него пересечь Байкал на Мысовск. Переход напрямик, около 70 верст, был бы очень утомительным.

Вскоре по приходе в Лиственичное генерал Молчанов собрал командиров ижевских частей и дал им важные указания. Еще в 1910 году, будучи молодым офицером 6-го Сибирского саперного батальона, стоявшего около Иркутска, он получил задачу, совместно с другим офицером, сделать инструментальную съемку острова Ольхон. Этот остров, расположенный в 200 верстах к северо-востоку от Лиственичного, служил для жительства прокаженных. Генерал-губернатор и командующий военным округом генерал Селиванов предполагал дать острову другое назначение и приказал сделать точную съемку. Поручик Молчанов не только сделал съемку, но подробно ознакомился с особенностями Байкала и окружающей природы. По печатным источникам и по расспросам местных жителей он отлично знал,

какие препятствия можно встретить при переходе озера в зимнее время, и теперь его знания весьма пригодились.

Прежде всего, он указал, что гладкая поверхность льда на озере является пагубной для лошадей, имеющих стертые подковы и шипы. Приказал перековать лошадей, большинство которых давно не перековывались; навинтить новые шипы на подковы, которые допускают это сделать. Затем рассказал, что на льду могут встретиться трещины или эти трещины могут образоваться неожиданно под ногами идущих, и при этом раздается грохот, похожий на пушечную пальбу. Это не должно вызывать беспокойства. Трещина образуется от перемены температуры и от притока в озеро воды из многочисленных речек и ручьев, впадающих в Байкал с окружающих гор. Трещина медленно расходится, и ширина ее доходит иногда до 2—3 аршин. В длину она простирается на многие версты. Потом лед начинает сходить, края трещин сталкиваются, ломаются, и обломки льдин нагромождают барьеры до 2 аршин и выше. При этом происходит грохот, напоминающий стрельбу из нескольких пулеметов.

Для перекрытия трещин генерал Молчанов приказал запастись досками, а для устройства проходов в барьерах захватить лопаты, топоры и другие подходящие инструменты. Затем он сообщил, как поступают местные жители, если лошадь соскользнет в трещину. В этом случае крестьяне накидывают под шею лошади уздечку и начинают ее душить. Задыхаясь, лошадь набирает воздух и легче плавает. Улучив момент, двое сильных людей, взявшись за гриву и хвост, вытаскивают лошадь на лед.

Окончив свои указания, генерал Молчанов приказал немедленно приняться за перековку возможно большего количества лошадей. Кроме того, приказал вызвать желающих пойти со следующего ночлега на разведку дороги на Мысовск и выяснить, что там делается и кто занимает станцию и поселок. В Ижевском конном полку успели перековать, с помощью местных кузнецов, больше половины лошадей.

Утром 10 февраля части 3-й Армии выступили на Голоустное. В авангарде шла Ижевская дивизия с Конным полком впереди, но все всадники как полка, так и конной разведки 1-го полка и разных команд, успевшие перековать лошадей, были собраны вместе и двигались впереди. Они должны были «нацарапать» дорогу для идущих за ними.

Лед, действительно, оказался гладким и чистым. Двигались вдоль западного берега Байкала на расстоянии от него не более 1—2 верст. Необычайная чистота льда и воды позволяла отлично видеть дно Байкала на глубину десятков саженей. День был морозный, но почти безветренный. Переход в 45 верст показался неустойчивым. Тяжело пришлось лишь лошадям, имевшим изношенные подковы. Две сотни перекованных лошадей не смогли сделать путь по льду достаточно шероховатым и не скользким.

К вечеру дошли до села Голоустного. По количеству дворов — около 230 — село было достаточно большим, но крестьяне не были зажиточными — необходимых продуктов было мало и еще меньше фуража. Здесь удалось перековать еще многих лошадей. Сведения о той стороне Байкала были те же, что и в Лиственичном. Мысовск считался занятым красными. О переходе через Байкал ничего определенного — никто еще на ту сторону не переходил. На разведку вызвалось несколько желающих. Генерал Молчанов назначил от 1-го Ижевского полка поручика Лучихина и от штаба дивизии поручика Понятовского. Они переоделись крестьянами, должны были ночью дойти до Мысовска, сделать разведку и встретить колонну 3-й армии где-то на середине Байкала. С большим трудом был найден проводник. Никто из местных жителей не хотел взяться за рискованное дело. Наконец, уговорили одного сравнительно молодого парня, который согласился отправиться за вознаграждение золотом и с условием, что он поедет не как проводник, а как пассажир двух «крестьян». Старики снабдили его разными советами из опыта прошлых лет: как идти через замерзшее «море», где в этом году поздно замерзали полыньи, как обойти эти места, как ориентироваться ночью по контуру сопок или по огням станций и деревень и так далее.

Перед заходом солнца разведчики в санях отправились в дорогу. 11 февраля, еще до рассвета, части Ижевцев спустились на лед и начали переход. Двинулись по указанному жителями направлению. Начало светать, и вскоре на той стороне из-за гор появился красный шар восходящего солнца. Байкал показал свою величественную зимнюю красоту. Особое внимание привлекали ледяные барьеры. Как только солнце поднялось повыше, причудливые осколки льда засверкали всеми цвета-

ми радуги. Казалось, мы проходили мимо скал, осыпанных бриллиантами. Через барьеры пришлось пройти несколько раз, расчищая проходы. Величина некоторых осколков льда была очень значительна. По ним можно было судить, что ледяной покров Байкала является прочным.

Больше половины пути мы прошли без задержек. Оставалось не более 20 верст. Неожиданно позади раздался гром, и глухие раскаты, отражаясь от берегов, прокатились по Байкалу. Заранее предупрежденные и готовые к появлению трещин, мы спокойно продолжали движение. Прошло несколько минут, и от следовавшей за нами части подлетел генерал Х. Молодой и нервный, он был храбрым командиром в обычной боевой обстановке, но очень недолго любил те случайные происшествия, которые именуется «внезапностями». Такой «внезапностью» оказалась для него трещина, образовавшаяся, как потом выяснилось, как раз под его лошадью. О возможности появления трещин он был осведомлен и в своем отряде имел доски для устройства перекрытий. От неожиданности и грохота он забыл о предупреждениях. Решил, что трещина возникла оттого, что шедший впереди отряд Ижевцев двигается тесной колонной по три. Генерал яростно обрушился на командира полка: «Полковник! Что вы делаете? Вы губите армию! Хотите ли вы, чтобы все потонуло? Потрудитесь двигаться в строю по одному!»

Было ясно, что какие-либо доводы или объяснения являлись бесполезными. Командиру отряда, который не был подчинен генералу Х., оставалось или предложить ему не вмешиваться не в свое дело, или растянуть полк «гуськом». Первое, в присутствии всего полка, было нежелательно — не позволяло чинопочитание, и без того не крепкое в гражданскую войну. Командирскомандовал перестроиться в колонну по одному.

Едва успели на ходу сделать это перестроение, как с командиром полка поравнялись сани, в которых ехали командующий 3-й Армией генерал Сахаров и начальник дивизии генерал Молчанов. Сани пошли рядом. Послышался голос генерала Сахарова: «Полковник! Для чего вы растянули свой полк? Вы должны знать, что толщина льда может выдержать тяжелую полевую артиллерию. Соберите полк в колонну по три!.. Разведчики вернулись. В Мысовске красных нет. Там японцы. Разведку и охранение высылать излишне!» — «Слушаюсь, Ваше

Превосходительство!» — последовал ответ. Сани прибавили ход. Генерал Молчанов успел сказать: «Полковник! Я же вас предупреждал!»... Плохо в чине полковника пересекать зимой Байкал. За 15 минут можно получить разнос от трех генералов и чувствовать себя «без вины виноватым».

Перейдя Байкал, части 3-й Армии разместились в Мысовске на ночлег; на 12 февраля назначена дневка. Переход был совершен благополучно, ветра почти не было, и это было особенно важно для наших многочисленных раненых и больных. Единственно, на что можно было жаловаться, — это тяжелая дорога по льду для лошадей, имевших сношенные подковы и шипы. Когда они падали на лед, их трудно было вновь поставить на ноги, а если это удавалось, то не надолго. Они вновь падали, и большое количество их было оставлено на льду.

Следовавшие за 3-й армией определяли число брошенных лошадей до 300. Крестьяне в Мысовске получили разрешение забирать оставленных на льду лошадей в свою собственность. Значительная часть этих лошадей была таким образом спасена от замерзания.

Вслед за частями 3-й Армии двигалась Уфимская группа, которая 11 февраля вышла из Лиственичного утром и к вечеру достигла Голоустного. После краткого шестичасового ночлега группа выступила в ночь на 12 февраля на Мысовск и к вечеру без особых приключений достигла этого пункта. В этот день на Байкале дул сильный ветер и идти было труднее — часто сани заносило в сторону.

Группа генерала Вержбицкого выступила из Лиственичного утром 12 февраля, из Голоустного ночью 12—13 февраля и днем 13-го прибыла в Мысовск. Генерал Вержбицкий оставил для прикрытия со стороны Иркутска арьергард в составе двух дивизий — Воткинской и Добровольческой. Добровольческая дивизия должна была удерживать Лиственичное до утра 13 февраля. Дивизия выставила в сторону Иркутска заставу с большим количеством пулеметов (около 10) под командой поручика Нагурского. В дивизии не все части оказались надежными. Инженерным дивизионом командовал капитан Синев, но за его спиной работал его заместитель капитан Гастиан, оказавшийся предателем. Во время стоянки под Иркутском на ст. Иннокентьевская капитан Гастиан подговорил некоторых чинов дивизи-

зиона остаться у красных, и свой замысел он скрытно и ловко выполнил, воспользовавшись частыми отлучками командира дивизиона капитана Синева, уходившего в штаб дивизии. От двух офицеров — прапорщика Семененко и сильно болевшего поручика Грибули — честных и верных своему долгу офицеров, Гастиан свои планы скрывал. Этим двум офицерам удалось в последнюю минуту, с большими трудностями, выскочить из западни и догнать свою уходившую после всех дивизию.

Приключения энергичного прапорщика Семененко, болевшего вскоре тифом, чрезвычайно интересны, но сообщить их в краткой форме невозможно — они составляют целое повествование.

Застава Добровольческой дивизии, выставленная в 7—10 верстах по дороге на Иркутск, ждала возможного появления красных. Но рота мадьяр, видимо единственная вполне надежная для красных часть, обошла заставу по горам и неожиданно напала с тыла. Часть заставы с поручиком Нагурским прорвалась к своим. Остальные с несколькими пулеметами попали в руки мадьяр и, по всей вероятности, были перебиты. Мадьяры, может быть, и не были сторонниками большевиков, но отличались большой жестокостью и за это пользовались доверием у красных.

Прапорщик Семененко, догнав с больным поручиком Грибулей дивизию, достиг села Лиственичного и устроился на ночлег. Среди ночи дивизия была поднята тревогой. Раздались команды «в ружье», и все подготовились к встрече врага. Красные не появлялись — не хотели вступать в бой с более многочисленным противником или пошли в обход.

Село Лиственичное растянулось вдоль берега Байкала на 5—6 верст и было пересечено несколькими оврагами. По оврагам в село спускались с гор дороги. Обороняться в селе, при невозможности определить, где появится противник, было трудно. Начальник дивизии генерал Крамаренко приказал спускаться на лед и двигаться на Голоустное. Дивизия дошла до Голоустного к вечеру 13 февраля, остановилась на большой привал и ночью выступила на Мысовск, куда прибыла в полдень 14 февраля.

В Голоустном оставалась Воткинская дивизия, выставившая охранение на Лиственичное и на север. Были получены сведения, что конный отряд партизан под командой Каландарашвили (более известен как «Карандашвили») должен был обойти с севера через

деревню Тарбеево (30 верст от Голоустного) на район нашего перехода через Байкал и преградить нам путь. Со стороны Лиственичного красные не показывались. С севера появились красные партизаны, но описания встречи с ними противоречивы.

Начальник Воткинской дивизии полковник фон Вах в своем докладе о переходе через Байкал сообщает о бое Добровольцев у Голоустного и об атаке красного разъезда Воткинским конным дивизионом. Разъезд был изрублен, и только начальник разъезда — юнкер Иркутского военного училища — был взят в плен. Он дал сведения о действиях красного гарнизона Иркутска.

При отходе Воткинского конного дивизиона из деревни шальной пулей был тяжело ранен в живот прапорщик Худяков. Он был оставлен в избе ввиду сильного мороза, который не позволял спасти его при продолжительном переходе через Байкал. Один из офицеров дивизии посвятил ему стихотворение. Последние строки его говорят:

...Раной смертельною
Измучен он был, и не мог он вздохнуть.
В жару он метался... и труп свой страдальческий
По смерти Байкалу в бреду завещал.
И память о нем и о жизни скитальческой
Байкал нам — свободным — хранить обещал.

Воткинцы конного дивизиона не подтверждают этих показаний, не помнят об атаке в этом месте красного разъезда, что могло быть где-то в другое время, и в своих рядах в это время у них не было прапорщика Худякова. Тяжело раненный был, предположительно, из Воткинцев, пехотинцев или из какой-либо команды. После ухода Воткинцев из Голоустного красные партизаны спустились с гор в деревню. Они осторожно появились на берегу, когда ушедшие были на льду Байкала.

На одних санях, где везлась разобранная пушка Воткинцев, сломалась оглобля. Артиллеристы остановились для починки. Партизаны обстреляли эту группу. Их выстрелы никакого вреда не нанесли и едва были замечены, когда несколько пуль на излете упали невдалеке. На лед красные спуститься не решились и не выслали даже разъезда вслед за последними белыми частями, уходившими на ту сторону Байкала. К вечеру 14 февраля переход всей армии был закончен.

В Мысовске, вместо предполагавшихся там красных врагов, мы встретили японцев, принадлежавших к отряду их экспедиционных войск. Японцы отлично знали о нашем движении и встречали нас очень приветливо. По имени нашего погибшего последнего Главнокомандующего генерала Каппеля мы получили прозвание «Каппелевцы», и это наименование осталось за нами до конца борьбы с большевизмом. Японские часовые, встреченные на берегу Байкала, весело кричали нам: «Карашо каппель!» Из всех «союзников» японцы оказались единственными, которым было чуждо предательство и которые не заботились только о спасении своей шкуры.

Настроение в наших рядах повысилось. Правильно генерал Петров писал: «...после всех невзгод Мысовск нам показался обетованной землей. Главное, не обманулись в надежде, что можно будет отдохнуть, а там, впереди — будь что будет». Из Читы Атаманом Семеновым в Мысовск был прислан поезд с продуктами и фуражом. Первая получка, кажется, со времен перехода в середине ноября через реку Иртыш, когда прекратилась доставка продовольствия, и приходилось питаться на местные средства и часто голодать.

Комендантом поезда был полковник Бельский. Он также доставил первые санитарные вагоны для раненых и больных. Для встречи нашего командующего генерала Войцеховского был выслан почетный караул из юнкеров Читинского военного училища. Присланный караул отличался от наших частей отличной пригонкой обмундирования, блестящей выправкой и строевой подготовкой. У нас это всё было давно забыто. Вспомнились слова Аракчеева: «Война портит войска».

Самое большое удовольствие вызвало то, что раненые и больные могут быть размещены в госпиталях, получать хороший уход и не будут страдать и умирать от морозов или от отсутствия медицинской помощи. Правда, огромное количество раненых и больных, прибывших с армией, не могли быть быстро переправлены в госпиталь. Значительная часть еще оставалась при своих частях и должна была вместе с ними совершить некоторый путь походным порядком на санях, прежде чем санитарные поезда могли справиться с неожиданно большим количеством раненых и больных.

46. О Сибирском Ледяном походе

Сибирский Ледяной поход явился таким исключительным событием, которое не могло забыться его участниками. Тяжести похода пережили все, каждый по-своему. По величине пройденного пути и продолжительности времени, а также по трудности преодоления встреченных препятствий вряд ли можно найти подобный пример в истории войн.

К сожалению, подробного описания он не получил, и сделать это в настоящее время невозможно. Документы (приказы, дневники военных действий, сводки и т. д.) и личные записки и воспоминания участников в большинстве погибли в походе или попали в руки красных.

Частично поход описан в воспоминаниях генерала Ф. А. Пучкова «8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе» (Вестник первопоходника (Лос-Анджелес), № 44—52, 1965—1966.— *Ред.*), в книгах генерала П. П. Петрова «От Волги до Тихого Океана в рядах белых» и «Роковые годы» и в последних главах очерка автора этих строк «Ижевцы и Воткинцы». На следующих страницах даются краткие дополнительные сведения, характеризующие поход.

* * *

Сентябрь 1919 г. прошел на Восточном фронте в ожесточенных боях. Красная армия потерпела ряд поражений и была отброшена за реку Тобол. Обе стороны понесли большие потери и нуждались в отдыхе и пополнении своих рядов. Красным удалось за первые две недели октября удвоить свои силы, и 14 октября они перешли в наступление. Наши части не получили никаких пополнений и, после нескольких дней упорных боев, были принуждены к отступлению.

По ряду неблагоприятных причин попытки прекратить отступление и дать противнику отпор не удавались, и отступление превратилось в долгий, непрерывный и изнурительный поход, проделанный в суровое время сибирской зимы. Поход продолжался, считая за его начало возобновление боев на р. Тобол 14 октября 1919 г. и до перехода через озеро Байкал 14 февраля 1920 г. — четыре месяца, — 123 дня.

Подсчитать количество пройденных верст не так легко. Поход проделан вдоль Сибирской железной дороги и Сибирского тракта. Для более правильного определения пройденного пути лучше всего обратиться к точным цифрам железнодорожных расстояний, сделав необходимые поправки. По железной дороге от станции Курган (на р. Тобол) до станции Байкал (против села Лиственичное) расстояние равно 2871 версте. Прибавив два больших перехода в 90 верст по льду озера Байкал, поход насчитывает 2961 версту, то есть почти 3 тысячи верст.

Большой Сибирский тракт, проложенный через те же важнейшие пункты (кроме города Томска), как и железная дорога, и во многих местах рядом с ней, также равняется примерно трем тысячам верст. Но по тракту шли не все войска, а которые и шли, то не на всем его протяжении.

3-я Армия проделала весь путь южнее железной дороги и тракта. Ее частям приходилось идти более извилистыми путями, по дорогам, часто находившимся в трудно проходимом состоянии или не употреблявшимся зимой и засыпанным снегом. Наконец, отклонение от кратчайших расстояний по разным причинам (обходам для размещения на ночлеги и т. д.) накидывали на переходы лишние версты. Прибавка к указанному расстоянию 10—15 процентов дает приблизительную, но более точную длину пройденного пути — 3 300 до 3 500 верст.

Так как дневок почти не было, — переходы в среднем равнялись 27—28 верст в сутки. Были переходы и до 100 верст в сутки, и, с другой стороны, приходилось за день продвинуться 10—15 верст, так как дороги были забиты сверх всякой меры. Долгий поход был совершен в различных условиях обстановки, повлиявших на характер действий и движения. Его можно разделить на три части:

1) от реки Тобол до реки Иртыш (г. Омск) с 14 октября до 14 ноября пройдено около 550 верст (по жел. дороге — 507 верст);

2) от реки Иртыш до города Красноярска (на реке Енисей) за 53 дня, с 15 ноября 1919 г. до 6 января 1920 г., пройдено 1500 верст (по жел. дороге 1294 версты). Это была самая трагическая часть похода с огромными потерями в людском составе, вооружении и войсковом имуществе.

3) От Красноярска до озера Байкал и с переходом через него было пройдено за 39 дней, с 7 января до 14 февраля, око-

ло 1300 верст (по железной дороге 1070 верст и через Байкал 90 верст).

Отряд из 3-го Барнаульского стрелкового и 11-го Оренбургского казачьего полков от Красноярска сделал более тяжелый и кружной поход по реке Верхняя Тунгуска (Ангара), переправившись через Байкал в его северной части 4 марта, и после переправы продолжал идти в тяжелых условиях до города Читы.

* * *

ПЕРВАЯ часть отступления от Тобола до Омска велась нашими войсками в нормальных боевых условиях. Отходили на широком фронте, ведя упорные арьергардные бои. Организация войск не была нарушена, руководство действиями находилось в руках начальников, и только в 1-й Армии генерала Пепеляева не всё было благополучно. Войска регулярно получали боевые припасы и продовольствие. С задержками начало прибывать зимнее обмундирование, что было чрезвычайно важно, т. к. наступала суровая сибирская зима.

В начале этого периода следует отметить затяжные бои 3-й Армии на всем ее фронте. Тяжело достались Ижевцам дни 14—17 октября. Они находились на стыке Уральской и Степной групп, где красные собрали пятерное превосходство в силах. Ижевская дивизия со 2-й Оренбургской казачьей бригадой попала в окружение, и только 18 октября эти части пробились на фронт армии.

В последние дни октября на р. Ишим ожесточенные бои за город Петропавловск вела Волжская группа генерала Каппеля. Уфимская группа сдерживала красных к северу от Волжан, а южнее Петропавловска 1-й Ижевский полк в ночном бою у станции Бишкуль разгромил отряд красных и отбил пушки и обоз, захваченные у нас противником.

На север от 3-й Армии красных сдерживала 2-я Армия и далее, на правом фланге фронта, находилась армия генерала Пепеляева. Во многих частях этой армии были заметны признаки разложения и падение дисциплины. 27 октября главнокомандующий генерал Дитерихс отдал приказ об отправлении этой армии в район ее первоначального формирования: Новониколаевск — Томск — Красноярск, для переформирования и отдыха.

На сильно ослабленном правом фланге фронта, вместо 1-й Армии была поставлена Тобольская группа слабой численности. В группу входила и крепкая боевая единица — Воткинская дивизия, стоявшая на самом правом фланге.

ВТОРОЙ период начался с подходом фронта к реке Иртыш. Здесь предполагалось дать противнику отпор и отстоять Омск. Но несвоевременная смена главнокомандующих (5 ноября генерал Дитерихс был смещен генералом Сахаровым), отправка в тыл 1-й Армии, отсутствие в Омске надежных боевых частей, отсутствие подготовки к обороне Омска — были главными причинами, приведшими к потере Омска и обороны линии по реке Иртыш.

Противник воспользовался ослаблением правого фланга и прорывом с севера захватил столицу Сибири. Омск не был своевременно эвакуирован. Лишь за несколько дней до приближения фронта к городу началось срочное и беспорядочное движение на восток.

По железной дороге отправлялись Правительство, военные и гражданские учреждения, поезда с больными, ранеными и семьями, некоторые склады... Торопились выбраться на восток иностранные миссии со своими штатами сотрудников и с конвоями, требовавшие отправления в первую очередь. Двинулись беженцы, скопившиеся в большом количестве со многих мест России и теперь не желавшие оказаться в «советском раю». Кто не мог достать место в поездах, отправлялись в тяжелый путь на лошадях по грунтовым дорогам.

Массы вынужденных кочевников перемешались с войсковыми частями и обозами, загромождали дороги, внесли невероятную путаницу, захватывали для ночлегов жилые дома и избы. С трудом части воинских организаций могли соблюдать порядок и поддерживать связь между собой и со своими начальниками.

Чем дальше, тем положение на дорогах усложнялось и ухудшалось. На железной дороге начались задержки с движением поездов, на станциях образовывались загромождения эшелонов без паровозов, их несчастные пассажиры должны были уходить на дороги или обрекаться на смерть от замерзания.

Отступление от р. Иртыш в первые дни происходило по заселенной местности. Можно было получать, хотя и не всегда,

отдых под крышей, доставать припасы для пропитания и фураж. Были еще и свои запасы. Имелись также и патроны, но их расход пополнялся с трудом. Местность была равнинная, и проселочные дороги были легко проходимы. Наступившая зима сделала почву крепкой, снега было немного, и, при необходимости, возможно было двигаться без дорог.

При подходе к реке Обь (около 600 верст от р. Иртыша) предполагалось остановить красных на линии Томск — Новониколаевск — село Бердское (70 верст к югу от Новониколаевска). Этот план не был выполнен вследствие распада 1-й Армии. Разложение этой армии началось с верхов. В армии уже давно велась эсэровская пропаганда. Начальник 1-й Сибирской дивизии полковник Ивакин арестовал 7 декабря командующего 2-й Армией генерала Войцеховского, а 9 декабря генерал Пепеляев вместе со своим братом — председателем Совета Министров, арестовал главнокомандующего генерала Сахарова. В частях 1-й Армии увеличивалось брожение. Остановки для задержки красных и для отдыха сделать не пришлось. Отступление продолжалось. Новониколаевск был оставлен 14 декабря.

Во второй половине декабря 2-я и 3-я Армии приближались к Щегловской тайге (около 220 верст от реки Оби). Здесь предстояло пройти через совершенно непроходимый лес всем многочисленным войскам с их артиллерией и обозами и вклинившимися в их колонны десятками тысяч «беженцев». Последних, по приблизительным подсчетам участников, было не меньше, чем солдат в строю и в обозах.

В войсках числилось не менее 100—120 тысяч, по предположениям других — около 150 тысяч. Для всей массы людей и повозок имелось только две дороги для прохода тайги — одна около железнодорожного полотна и другая — переселенческий тракт, проходивший в 40—50 верстах южнее. На обеих этих дорогах не было сколько-нибудь значительных поселений, и нельзя было рассчитывать ни на отдых под крышей, ни на какое-либо снабжение из местных средств. Если что-либо и можно было найти у бедных новоселов в маленьких деревушках, то это все попадало в руки впереди идущих. Следующие за ними не получали ничего.

Ширина тайги была около 80 верст, и при регулировании движения каждая воинская часть могла пересечь тайгу за 3 или

2 дня. В создавшихся условиях переход длился 6—7 дней. Даже сохранившие порядок части не могли выполнять отданных приказов и, случалось, двигались по дорогам, им не назначенным. Особенно тяжело приходилось арьергардам. Им не доставалось ни крошки из местных средств, и им не могли помочь их же обозы, прошедшие раньше тайгу, но не имевшие возможности что-либо послать в боевую линию — забитая дорога не позволяла встречного движения.

Тяжело было беженцам. Эти несчастные люди, нередко большие семьи, старавшиеся вывезти большое количество своего имущества, двигались в полном беспорядке. Их лошади, измотанные от тяжелой поклажи, непрерывного движения и отсутствия корма, падали. Реквизировать крестьянских лошадей или купить они не могли — их не было. Движение через тайгу продолжалось непрерывно. О ночлегах забыли, коротких привалов избегали, чтобы не потерять место в колонне, а колонна двигалась медленно, с частыми остановками по разным причинам. Кто не выдерживал тягости похода, — выходил в сторону, присоединялся к другим, и в оврагах можно было видеть группы людей, собравшихся у костров. Среди них обычно было значительное количество беженцев. Они пошли в поход, не зная, какие препятствия они встретят, какие невзгоды их ожидают, а если и предполагали, — то стремление уйти от красного гнета пересиливало все другие доводы. Большие массы беженцев были поглощены тайгой. Они губили и себя, и войска. После прохода тайги, потеряв большое количество артиллерии, обозов, лошадей и несколько боевых частей полностью, армия вышла в последние дни декабря в сравнительно хорошо заселенную местность.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор книги об Ижевцах и Воткинцах генерального штаба полковник Авенир Геннадиевич Ефимов скончался 25 апреля 1972 года. Мы скорбим о потере из нашей среды его, как большого труженика. Он был одним из организаторов объединения и нашим председателем со дня его образования до дня его смерти.

Мало нас осталось теперь в живых участников и свидетелей борьбы Ижевцев и Воткинцев, восставших в защиту поруганных моральных человеческих прав, против чисто материалистических основ коммунистической власти. Эти моральные права, основанные на учениях православной веры: любви и уважения к ближним — явились главным источником, побудившим восставших на героическую борьбу против коммунистических зверств, грабежа, ночных арестов и расстрелов невинных людей без суда и следствия.

Память о всех павших в бою, умученных и умерших в изгнании наших соратников, родных и друзей нам дорога, а посему мы чтим их память, молимся о них и удостоились возможности в память их установить НЕУГАСИМУЮ СВЕЧУ в Берклейской¹ церкви Св. Иоанна Крестителя. Подсвечник для этой свечи и установка были сделаны ручным способом, имея в виду, что большинство погибших героев были чудными мастерами и знаменитыми кустарями заводов.

НЕУГАСИМАЯ СВЕЧА была освящена перед панихидой 28 января 1973 года в присутствии членов Объединения Ижевцев и Воткинцев в городе Сан-Франциско.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ВАМ, ПАВШИЕ ГЕРОИ!

Подполковник *Геннадий Блинов*

¹ *Берклей* — русский вариант названия города Berkeley (близ Сан-Франциско), который принят в среде русской эмиграции. В современной России принят другой вариант — Беркли. — *Ред.*

МАРШ ИЖЕВЦЕВ

Порваны цепи кровавого гнета;
Гневно врага уничтожил народ,
И закипела лихая работа:
Ожил рабочий и ожил завод.

Молот заброшен, штыки и гранаты
Пущены в ход молодецкой рукой.
Чем не герои и чем не солдаты
Люди, идущие с песнями в бой!..

Люди, влюбленные в светлые дали,
Люди упорства, отваги, труда,
Люди из слитков железа и стали,
Люди, названье которым «руда».

Кто не слышал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой?
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец — русский рабочий простой...

Годы пройдут, на отчизне свободной
Сложится много красивых баллад,
И не забудется в песне народной
Ижевец, истинный русский солдат...

ИЗ ПЕСНИ ВОТКИНЦЕВ

Мы знамя подняли восстанья,
Рабами мы жить не могли
И, в руки взяв крест испытанья,
Из края родного ушли...

Мы долго боролись за счастье...
Была непосильна борьба,
И темные тучи ненастья
Дарила нам злая судьба...

Мы долго боролись — устали,
Сражаясь в кровавой пыли.
Враги нашу силу отняли,
Но дух угасить не могли...

В нас дух наших предков великих,
Служивших родимой стране,
Нас с неба приветствуют лики
Погибших в жестокой войне...

Мы русского счастья основы,
Без страха мы смотрим вперед.
Всегда мы бороться готовы
За правду, за Русь, за народ!..

ПРИМЕЧАНИЯ

К запискам полковника А. Г. Ефимова о Воткинцах

В разделе 10-м записок полковник Ефимов говорит, что, за отсутствием документов и достаточно полных показаний участников, восстановить ход борьбы рабочих и крестьян со все увеличивающимися силами красных возможно лишь в самых общих чертах. Это замечание полковника Ефимова особенно соответствует запискам о Воткинцах.

В разделе 7-м записок перечислено несколько уездов Вятской губернии и указан только один Оханский уезд Пермской губернии, но не указан Осинский уезд. В действительности эти два соседних уезда Пермской губернии дали в ряды Воткинцев добровольцев-крестьян не меньше, чем перечисленные уезды Вятской губернии. Впоследствии из отдельных рот и отрядов Воткинской Народной армии были сформированы: 1-й Воткинский заводский 17 августа полк, 2-й Сайгатский полк, 3-й Осинский имени Минина и Пожарского полк и 4-й Воткинский имени Учредительного собрания полк. Кроме того были сформированы артиллерийский и инженерный дивизионы. Полковые конные разведки были сформированы отдельными эскадронами при каждом пехотном полку и только во второй период борьбы, 25 мая 1919 года, был сформирован Воткинский конный дивизион в составе 2-х эскадронов и пулеметной команды. Позднее численный состав дивизиона увеличился до 500 сабель, и он равнялся кавалерийскому полку, но продолжал числиться дивизионом, в соответствии со штатными расписаниями.

В разделе 12-м о последних днях восстания говорится, что на совещании в Воткинске в присутствии членов комитета Учредительного собрания, командующего Ижевско-Воткинской Армией капитана Юрьева, начальника штаба армии полковника Альбокринова и командующего Ижевцами штабс-капитана Журавлева было решено оставить район Ижевского и Воткинского заводов и отвести армию за реку Каму.

Следует заметить, что полковник Альбокринов перешел через фронт от красных на Кельчинском боевом участке. Если

он впоследствии и находился при штабе армии, а потом дивизии, но он никогда не занимал должность начальника штаба. Начальником штаба был капитан 2-го ранга (а не 1-го, как пишет полковник Ефимов) В. П. Вологдин. Он занимал этот пост до февраля месяца 1919 года, когда в штаб Воткинской дивизии в город Осу прибыл из Омска ротмистр фон Вах и сменил на посту начальника штаба капитана 2-го ранга Вологодина.

Далее в этом же 12-м разделе говорится, что когда на совещании было принято решение оставить заводы, то в штаб армии был вызван командир 4-го полка поручик Болонкин. Поручик Болонкин в то время был начальником Мишкинского боевого участка, самого напряженного участка в обороне, так как красные бросали сюда свежие силы, подвозя подкрепления из центра по железной дороге на ст. Чепца, двигались по тракту и вели упорные атаки, стараясь прорваться к Воткинскому заводу, находившемуся всего в 17 верстах от села Мишкина.

Только позднее роты и отряды Мишкинского участка, бывшие под командой поручика Болонкина, вошли в состав 4-го Воткинского полка.

Правее находился Кельчинский боевой участок, начальником которого был поручик Дробинин. Роты и отряды этого участка позднее вошли во 2-й батальон 1-го Воткинского полка и во 2-й Сайгатский полк.

Дальше на восток, к правому берегу реки Камы примыкал Бабкинский боевой участок, начальником которого был поручик Мудрынин. Роты и отряды этого участка позднее вошли целиком в состав 1-го Воткинского полка.

На левом берегу Камы против красных, наступавших со стороны города Осы, действовали роты и отряды, вошедшие позднее в 3-й Осинский полк, которым командовал капитан Жуланов. Южнее, рядом с 3-м Осинским полком, были роты и отряды, которые впоследствии вошли в состав 2-го Сайгатского полка, которым командовал штабс-капитан Ветошкин.

Далее в этом разделе говорится, что поручик Дробинин у деревни Мишкино нанес сокрушительный удар 4-му Латышскому полку, захватив орудия и пулеметы, такое сообщение ошибочно. Поручик Дробинин всё время был на Кельчинском участке и здесь красные вели упорные атаки, бросая свежие силы, доставляя подкрепления со ст. Бородулино Пермской жел.

дороги. Здесь красные старались прорваться к Воткинскому заводу вдоль правого берега реки Сивы.

Воткинцы, чтобы парализовать действия красных, принимали здесь неоднократно контрнаступления. В этих боях всегда оказывали помощь роты соседнего Бабкинского участка. Каждый раз красные несли большие потери, от них было захвачено много пулеметов, захватывались патроны, в которых была большая нужда. В бою 15 октября у села Кленовой были взяты в полной исправности два орудия, с имевшимся при них запасом снарядов.

Далее, в отношении отхода от Воткинского завода последнего отряда поручика Болонкина сказано, что он должен был взорвать железнодорожный мост через реку Сиву, в 5-ти верстах от завода, на узкоколейке от завода на пристань в Галево. Здесь следует заметить, что от Воткинского завода до пристани в Галево, на протяжении 12 верст, была ширококолейная линия жел. дороги. Узкоколейная линия жел. дороги, протяжением около 40 верст, соединяла Ижевский завод с пристанью Гальяны на реке Каме.

Мост для переправы при отступлении на левый берег Камы строился по указанию начальника штаба капитана 2-го ранга Вологодина. Фактическим руководителем работ на месте был техник поручик Лотков, позднее ставший начальником инженерного дивизиона (умер в Сан-Франциско в 1969 году). Вот некоторые детали постройки моста по запискам поручика Лоткова. Он говорит, что лесного материала у нас было вполне достаточно. Командированный из Воткинского завода инженер Никольский пустил в ход заводскую лесопилку в Галево, и мы своевременно получали пиленные материалы потребных размеров. На всем протяжении Камы от пристани у села Елова до пристани в Галево (примерно 75 верст) мы нашли всего шесть деревянных барж, годных для понтонов, но этого было недостаточно, и нам пришлось перевезти две железных плоскодонных баржи в Галево с заводского пруда. Было недостаточно якорей. Для крепления моста на случай низового ветра пришлось применить изложницы из мартеновского цеха, которые на цепях вместо якорей были брошены в реку. Он говорит, что все инженеры и техники завода в числе 118 человек составили саперный батальон, который уходил вместе с армией, и оказывали ей помощь во время трудного похода.

Воткинская Народная армия, свернутая к тому времени в Воткинскую стрелковую дивизию, с тяжелыми боями вышла из окружения и прибыла в район города Красноуфимска в первых числах января месяца 1919 года. 1-й Воткинский полк пришел в село Богородское 7 января — в первый день праздника Рождества Христова. Штаб дивизии разместился в Саранинском заводе, в 18 верстах от Красноуфимска, а дивизия заняла участок фронта, от села Богородского (включительно) до линии жел. дороги Казань — Екатеринбург. Полковник Ефимов говорит, что капитан Юрьев, по неизвестной причине, был отозван в тыл. Капитан Юрьев был не отозван, а был вызван в Омск для доклада Верховному Главнокомандующему о восстаниях на заводах и, в заслугу за руководство борьбой восставших, был произведен в полковники и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Полковник Юрьев вернулся из Омска в марте и вступил в командование дивизией, когда она уже была перебросена в район города Осы.

В октябре 1919 года, во время тяжелых боев с красными на Тоболе, на правом фланге Восточного фронта находились две дивизии: 15-я Воткинская и 7-я Тобольская. Когда красные заняли Тобольск, то 7-я дивизия отступила вниз по Иртышу, а Воткинцы отходили по левому берегу Иртыша в сторону города Тары. Соответственно разделились и красные, одни ушли вслед за Тобольцами, а другие вслед за Воткинцами.

Позднее, когда в Омске была разработана операция контр-наступления, так называемая Тобольская операция, то для руководства наступлением прибыл из Омска генерал Редько.

Случилось так, что при обратном наступлении 7-я Тобольская дивизия вышла раньше и, заняв город Тобольск, преследовала красных вдоль Тобола, в сторону Тюмени, а красные (во главе с Блюхером), бывшие против Воткинцев, оказались отрезанными, так как из-за тайги и болот они могли отходить только по берегу Иртыша на Тобольск.

Полковник Юрьев, учитывая безвыходное положение красных, по собственному почину атаковал их в селе Усть-Ишим. Противнику был нанесен сокрушительный удар, красные понесли большие потери и стали поспешно уходить в сторону Тобольска. Но наступление Воткинцев было остановлено, а красные, видя, что их не преследуют, сами ускорили отступление

ФОТОГРАФИИ ИЗ АРХИВОВ
(большая часть публикуется впервые)

Надпись на обороте (почерк отличается от почерка Ефимова):
«Смотр Ижевской дивизии адмиралом А. В. Колчаком, переданный
мне 29 марта 1959 г. во время Открытого собрания о Февральской
революции в Банкетном зале Русского центра г-ном Переваловым»
(Музей русской культуры в Сан-Франциско)

Боевое знамя Ижевской дивизии, в настоящее время его
местонахождение неизвестно
(Музей русской культуры в Сан-Франциско)

Генерал В. М. Молчанов,
1921 г. (личный архив М. В. Молчанова)

Генерал С. Войцеховский (Музей
русской культуры в Сан-Франциско)

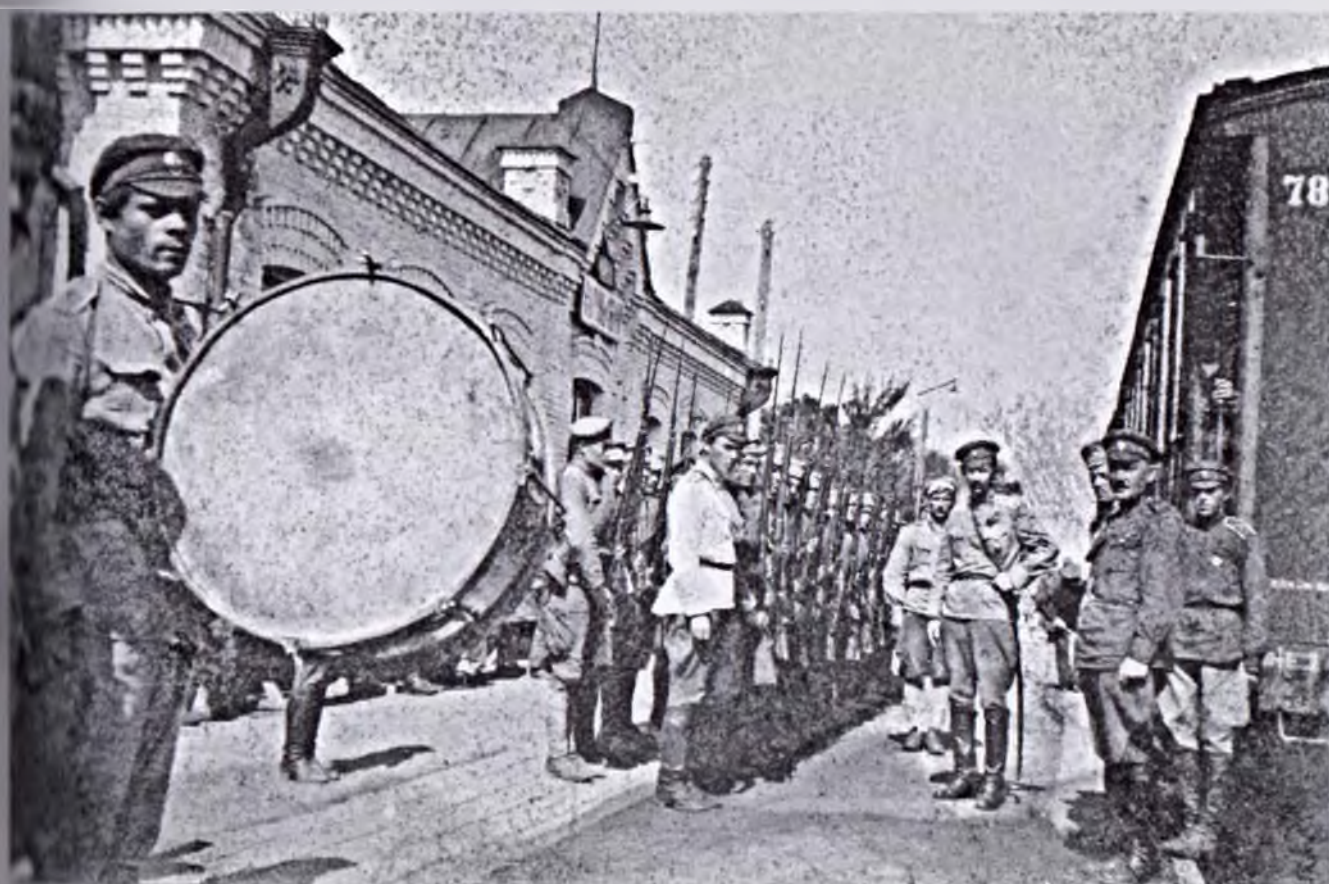
А. Г. Ефимов (Музей русской
культуры в Сан-Франциско)

Надпись на обороте: «Сучан [ныне г. Партизанск. – Ред.], осень 1921 г. П-к Ефимов (третий слева), Дробинин, Зуев, Баев, нач-к яп. гарнизона» (Музей русской культуры в Сан-Франциско)

Надпись на обороте: «Ст. Евгеньевка (у г. Спасска). Почетный караул от Ижевской дружины – встреча ген. Молчанова. 1922 г.» (Музей русской культуры в Сан-Франциско)

Гирин, 1923 г. Слева [направо]: полк. Белянушкин, полк. Сидамонидзе, подп. Левитский, полк. Сотников, кап. Монгин (позади), ген. Ястребцев, ген. Молчанов, ген. Хрущев, полк. Ефимов, полк. фон Вах (позади), полк. Зуев, пор. Шебеко (позади), подп. Дробинин, полк. Черкес, кап. Смолин, кап. Полунин (Музей русской культуры в Сан-Франциско)

Генерал Молчанов с супругой Наталией Константиновной и сыном
Михаилом. Лагерь в Гирине, весна 1923 г.
(личный архив М. В. Молчанова)

Надпись на обороте: «полк. Ефимов, полк. фон Вах». Гирин, 1923 г.
(Музей русской культуры в Сан-Франциско)

Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, около 1930 г. (частичная идентификация – М. В. Молчанов). 1-й ряд (сидят на полу) слева направо: <трое неизв.>, Седых, Игумнов, ?, ?, Мацуков.

2-й ряд: И. Н. Березин, А. Г. Ефимов, ген. Ф. А. Пучков, ген. В. М. Молчанов, ген. бар. А. П. Будберг, ген. В. И. Хилковский, ?, ген. А. Е. Мартынов, Н. И. Мамонтов, ?. 3-й ряд: Троицкий, ?, ?, Блохин, Соколов, Старостин, Точилин, ?, ?, Обухов?, <четверо неизв.>, Борисенко?, Шебеко?, Б. Э. фон Вах, ?. 4-й ряд: неизв.

(Музей русской культуры в Сан-Франциско. То же: личный архив М. В. Молчанова)

Проводы генерала Молчанова (отъезд из Гирина), [май] 1923 г.
(личный архив М. В. Молчанова)

А. Г. Ефимов с женой Наталией Степановной – за праздничным
Пасхальным столом, г. Хуарес (Мексика), между 1925 и 1927 гг.
(личный архив М. В. Молчанова)

Полк. А. Г. Ефимов, ген. В. М. Молчанов, полк. Б. Э. фон Вах. Тирин (Китай),
1923 г. (личный архив М. В. Молчанова)

Полковник
А. Г. Ефимов.
Тирин, 1923 г.
(личный архив
М. В. Молчанова)

и ударили в тыл частям 7-й дивизии. Части Тобольской дивизии сами очутились в окружении и с трудом выбрались из западни только благодаря средствам речного транспорта, которым они располагали на р. Тобол.

Вот за то, что полковник Юрьев без разрешения атаковал и разбил красных, он был отстранен генералом Редько от командования дивизией.

Профессор Гинс, сопровождавший Адмирала Колчака в поездке на фронт по Иртышу говорит, что вся операция не принесла ожидаемых побед, а герой Воткинского завода полковник Юрьев был отстранен за то, что он без разрешения победил красных.

Подполковник Вольский прибыл из Омска в село Богородское и 25 января 1919 года вступил в командование 1-м Воткинским полком (он никогда не командовал 4-м полком), приняв полк от прапорщика Ощепкова. Подполковник Вольский оставался командиром этого полка до тех пор, когда в 15-ю Воткинскую дивизию в первых числах июля месяца 1919 года на станции Шамары были влиты остатки 16-й Сарапульской дивизии. Начальником дивизии оставался полковник Юрьев, но в соответствии с номером дивизии была изменена и нумерация полков, и только за первым полком было оставлено прежнее наименование, а остальным трем были присвоены наименования полков Сарапульской дивизии. Командирами первых трех полков были назначены сарапульцы, и только полковник Отмарштейн удержался на своем месте. Словом, получилось так: 57-й Воткинский заводский 17 августа полк — командир полковник Родзевич, 58-й Казанский полк — командир полковник Иванов, 59-й Лаишевский полк — командир полковник Заалов и 60-й Чистопольский полк — командир полковник Отмарштейн. В конце Сибирского похода, а тем более когда Воткинцы пришли в Забайкалье, от всей этой перетасовки не осталось даже и помина.

Первым командиром 2-й бригады Воткинской дивизии был поручик Балабанов. Позднее 2-й бригадой командовал командир 3-го Осинского (а не Сайгатского) полка капитан Жуланов. После ранения штабс-капитана Болонкина во вр. командование 4-м Воткинским полком вступил штабс-капитан Дробинин, последнего сменил у города Осы полковник Отмарштейн, прибывший из Омска.

Там, где полковник Ефимов приводит описание боевых действий Воткинцев под Бикбардинским заводом по повести Н. А. Протопопова «Воткинцы», эти описания во многом не соответствуют действительности. Полковник Ефимов прав, подчеркивая свои сомнения в истине этих повествований.

После того, как 28-я красная дивизия была разбита Воткинцами на линии фронта у села Богородского и когда на участке 2-й бригады к нам перешли полностью остатки разбитого какого-то Петроградского полка в числе 17 офицеров и 340 красноармейцев, забравших с собой десять полковых пулеметов, красный фронт покатился на запад. Перешедшие красные, бывшие мобилизованные Нижегородской губернии, почти полностью вступили на пополнение нашего 4-го Воткинского полка. Красные отступили около 100 верст и остановились на линии село Ведряж — ст. Чернушка (на линии Казань — Екатеринбург). Вот здесь, у ст. Чернушки, на участке 2-й бригады, Воткинцы вновь вели упорные бои с красными. В этих боях иногда принимал участие и соседний 2-й Сайгатский полк 1-й бригады, и часто руководство боем протекало при совместном командовании поручика Балабанова и капитана Мудрынина. 1-й Воткинский полк в то время вел упорные бои на правом фланге дивизии у деревни Верх-Ашап.

Бикбардинский завод Воткинцами не был взят. Был получен приказ, и Воткинская дивизия была переброшена вправо по фронту, к городу Осе. На фронте у Бикбарды полки Воткинской дивизии стояли на позиции справа налево, а под Осой дивизию поставили в обратном порядке. 1-й Воткинский полк встал слева у дер. Субботино, на левом берегу Камы. Остальные полки прошли мимо города Осы, перешли Каму у села Богомягкова и встали от правого берега Камы до реки Сивы, у села Черновского.

17 апреля 1919 года Воткинцы вернулись в свой завод.

15 июня 1919 года Воткинцы были вынуждены снова оставить свои родные места. Начался второй период борьбы с красными, закончившийся в ноябре 1922 года у границ Китая.

Участник Воткинской эпопеи *Н. Старцев.*

ПИСЬМА В. К. БЛЮХЕРА ГЕНЕРАЛУ В. М. МОЛЧАНОВУ

Генералу Молчанову

Единственное желание предотвратить излишнее пролитие драгоценной народной крови при Вашем бесполезном сопротивлении, заставляет меня обратиться к Вам с настоящим письмом.

Игра, затеянная на владивостокской бирже при участии японских и других дирижеров подходит к своему естественному концу, поэтому я, хотя и знаю жестокость класса, к которому Вы принадлежите и алчность интересов, которые Вы защищаете при посредстве обманутых остатков бывшей старой армии, все же хочу последний раз обратиться к голосу Вашего благоразумия, к Вашей честности — как солдата, к Вашей совести — как Русского человека.

Что предполагаете делать Вы с этой кучкой Русского офицерства и солдат, которых животная боязнь ответственности и тоска по родине заставили вверить Вам свою судьбу для последней безнадежной попытки на японские деньги атаковать родную Москву, начав атаку на нее за много тысяч верст от Кремля?

Знаете ли Вы, что Вы делаете Каиново дело, помогая японской дипломатии нажимом педалей в Приморье, оказать поддержку их унижительным для Русского величия и достоинства требованиям, которые они диктуют нам в Дайрене?

Я сам был в Дайрене в числе военной делегация и знаю закулисную сторону этого предприятия, так же как и то что, по последним сведениям, Меркулов соглашается на все унижения для защиты своей личной лавочки.

Какое же солнце предпочитаете Вы видеть на Дальнем Востоке? То ли, которое красуется на Японском флаге, или восходящее солнце новой Русской государственности, начинающее согревать нашу родную землю, после дней очищающей революционной грозы?

Какая участь Вам более нравится, участь Колчака, Врангеля или Унгерна, или жребий честного гражданина своей революционной родины?

Вы всюду твердите — и во Владивостоке, и в Харбине, и за границей, и в кабаках, и в храмах, и в газетах, что боретесь за великую Россию, за национальное возрождение ее, за укрепление ее от большевиков, ведущих антинациональную политику.

Так ли это?

Вы — разумный государственный деятель, несомненно в курсе международных отношений последнего времени, не простой солдат, которого можно обмануть статьей продажного газетного писаки или слезливой проповедью захудалого полкового попа, и, конечно, знаете, что единственным, кто стоял за единство РОССИИ, кто отстаивал ее от вожделений иностранных империалистических акул была существующая в революционной РОССИИ Советская власть, которая несмотря на тяжесть условий революционной эпохи до сих пор ни одного клочка Русской территории не отдала в цепкие лапы иностранных претендентов, не в пример русским временным правительствам, которые как продажные сваты обивали пороги иноземных посольств и банков.

Кто до сих пор делал истинно-национальное русское дело, хотя и имел интернациональные задачи?

Советская власть и только она одна. И эта русская власть, доказавшая всю жизненность своей организации, уже скоро будет признана всеми остальными державами Европы, ведущими с ней переговоры.

А кто до сих пор срамил и отдавал на поругание само имя русского человека, не говоря уже о том, что обрекал Россию на величайшие муки гражданской войны, лишений, болезней, голода.

Те, которые на всех перекрестках чужеземных столичных городов, распинаясь в любви к Родине, призывали к борьбе с революционной Россией, к борьбе с большевиками, опирающимися на русских рабочих и сознательное русское крестьянство.

Те, кто называли себя русскими людьми на словах и были иностранными агентами на деле.

Те, кто в настоящую тяжелую минуту на своих реакционных плечах торжественно ввозят на нашу Дальневосточную Азиатскую окраину азиатских хозяев, любящих Россию и все русское, как волк овцу.

Ведь разрешать задачи возрождения России из Владивостока по меньшей мере смешно. Значит есть в этом деле другая сторона.

Подумайте над этим вопросом Вы, русский генерал. Уже многие русские большие головы — не упоминая даже о тех, которые трудятся над воссозданием экономической мощи России, находясь внутри ее, как эмигранты Устрялов, Ключников и другие после точного профессорского подсчета всех шансов и возможностей политической реставрации пришли к заключению, что всякая попытка таковой, даже путем учредительного собрания, принесет только неисчислимы бедствия и страдания русскому народу.

Не говоря уже о военных авантюрах Деникина, Врангеля и др., которых разбила наша Красная Армия, все перенес и переносит могучий русский народ, ибо таков его исторический путь.

И если из этого пути делают некоторые называющие себя русскими людьми путь к Голгофе, то это не вина народа, а его беда, как народа малокультурного с величайшим трудом и медленностью восстанавливающего свое разрушенное империалистической войной и революцией хозяйство.

Я уже не буду говорить о Вашей последней попытке причинить великому русскому народу Дальне-Восточной Республики последние ненужные страдания, — она также будет ликвидирована историческим ходом возрождения России, как были ликвидированы все предыдущие, более чем Ваша оборудованные в техническом и финансовом отношениях западными союзниками.

Пролита только лишняя кровь и без того измученного русского народа, но он своих революционных завоеваний и своей новой свободной государственности не сдаст никому.

Я солдат революции и хочу говорить с Вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек.

Вас и Ваших офицеров пугают расправою за прежние ошибки? Это — ложь. Спросите тех офицеров, которых мы взяли в последних боях в плен. Мы не можем дать им тех показных трех фунтов хлеба, которые вы сулите нашим пленным, но мы делимся с ними тем боевым пайком, который имеем сами, и теми медицинскими средствами, которые есть в нашем распоряжении.

Спросите всех бывших колчаковцев-офицеров, которые бьются против Вас в наших рядах. За что они бьются? Я не думаю, чтобы за большевиков и комиссаров. Они бьются за то, против чего идете Вы — за Великую Свободную от иностранного хищничества Родину.

У Вас есть несколько дней, чтобы подумать и решить вопрос: будем ли мы продолжать проливать кровь, как враги, или начнем говорить как братья — дети одного Свободного Великого Народа.

На этих сопках и без того много могил — в случае продолжения борьбы одна из них будет Вашей.

Подумайте над этим, русский генерал, последний поднявший руку на Свободную Революционную Россию и ее дочь — Дальне-Восточную Республику.

Я именем русского революционного народа в последний раз гарантирую Вашим солдатам, офицерам и Вам сохранение жизни в случае, если Вы добровольно прекратите эту ненужную попытку сопротивления народной воле и сложите Ваше оружие.

Драгоценная кровь русского народа заставляет меня обратиться к Вам с последним словом.

Своих слов я на ветер не кидаю, так же как и не на ветер будут выпущены пули нашей Народно-Революционной Армии, если борьба будет продолжаться.

Ваш ответ ожидается мною срочно, так как времени для разговоров тратить много не приходится.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОГО СОВЕТА
И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ Н. Р. А.
ВОЕННЫЙ МИНИСТР Д.В.Р.**

Блюхер
ст. Ин. 9 Февраля 1922 года.

Генералу Молчанову

И еще раз — теперь уже в последний — призываю Вас, Генерал, к частному благоразумию и искреннему отказу от той жестокой роли, которую чужая воля навязала Вам в последней кровавой затее интервентов и чужеземных капиталистов.

Вы не ответили на мое первое письмо, потому ли что Ваши руки разучились писать искренние русские слова без диктовки закулисных суфлеров, или потому, что Вы еще верите в торжество реакционной Приморской кривды над Русской революционной правдой — меня это интересует мало.

Но любовь к моему Великому народу, поднявшемуся как один за свою Республику, и нежелан<ие> проливать его драгоценную кровь, властно диктует мне обязанность, как революционера и гражданина Великой России, сделать еще попытку обратиться к Вашим уже разбитым нами рядам с братским напоминанием Ваших обязанностей перед Родиной и Революцией.

Попытайтесь, Генерал, воскресить в своей душе действительную любовь к своей Родине, найти солдатское мужество сознаться в ошибках перед Русским делом Дальнего Востока и сделать из этого честный вывод.

В своем письме, отправленном Вам перед боем под Волочаевкой, я указывал Вам на закулисную дипломатическую работу интервентов, которая идет теперь за Вашей спиной, на ненужность Вашего сопротивления.

Теперь боями под Волочаевкой и Козакевичево, Народно-Революционная Армия доказала Вам безумие дальнейшей борьбы против народной воли.

Сделайте из этого честный вывод и покоритесь воле трудового Русского народа без дальнейшей упорной игры человеческими головами, которые доверили Вам свою судьбу.

Вся Ваша авантюра — марионеточная затея тех чужих, продающих Россию рук, о которых Вы осведомлены не хуже меня и которые продадут Вас в ту минуту, когда им понадобится уходить под крыло японских и других империалистов.

Как всякая марионеточная авантюра, она обречена на скорый крах, и Вы уже почувствовали это по тем могучие ударам, которые нанесла Вам, кадровому офицерству, рабоче-крестьянская серьяжная Народно-революционная сила.

Не пора ли подумать о дальнейшем?

Мне хотелось бы знать, какое же количество жертв, какое число Русских трупов необходимо еще, чтобы убедить Вас в бесполезности и бесплодности Вашей последней попытки бороться с силою Революционного Русского народа, на пепле хозяйственной разрухи воздвигающего свою новую Государственность?

Какое число Русских мучеников приказано Вам бросить к подножию японского и другого чужеземного капитала?

Сколько Русских страдальческих костей необходимо, чтобы устроить мостовую для более удобного проезда интервентских автомобилей по Русскому Дальнему Востоку?

Нет, Генерал, мы этого не позволим. Мы мужики, защищающие свое родное достояние, свою родную Русскую землю, впервые в течение столетий увидевшие свою, истинно народную власть.

Понятно ли Вам теперь то упорство, с которым бьются под красным знаменем наши стойкие революционные полки за свою великую новую Красную Русь.

Мы победим, ибо мы боремся за прогрессивные начала в истории, за новую в мире государственность, за право Русского народа строить свою жизнь так, как подсказывают ему его пробужденные от векового оцепенения силы.

Вы погибнете, ибо Вы продали шпагу для защиты чужеземных интересов.

Кучка глупых и жадных коммерсантов на чужие деньги купила Ваши Русские души для достижения целей, не имеющих ничего общего с историческими задачами национального возрождения, но зато имеющих тесную связь с интересами иностранного кошелька, пытающегося за дешевую цену по Вашим телам проникнуть к использованию наших Русских богатств на Дальнем Востоке.

Оглянитесь назад и Вы увидите наглые физиономии этих торгашей на<шей> родною русскою кровью, этих людей, потерявших всякое национальное чувство и срамящих низкопоклонством перед чужеземцами самое имя Русского человека, ради ничтожных подачек и животного страха.

Неужели Вы будете продолжать помогать им в их вредной для великого Русского дела продажной работе.

Среди Ваших рядов во время боев под Волочаевкой и Казакевичево, я заметил много дельных людей, необходимых в настоящую минуту для Государственной работы в России и Дальне-Восточной Республике, — не губите их в угоду чужеземному золоту, и грядущая история родной страны скажет Вам за это спасибо!

Их опыт и знания необходимы для дела возрождения хозяйственной жизни нашей Родины, — не делайте из них наемных

кондотьеров иностранного капитала, а возвратите их Родине, которая их ждет, как заблудших сыновей.

Единственный выход для Вас — и выход почетный, при теперешнем Вашем положении — это сложить братоубийственное оружие и закончить последнюю вспышку гражданской войны честным солдатским признанием в своем заблуждении и отказом в дальнейшей службе чужеземным Штабам.

Наши силы и наши исторические цели слишком велики для того, чтобы в данный момент заниматься мелкою мстью по отношению к Вам и к тем, кто идет за Вами.

Слова: Свободный народ не мстит — есть голая историческая правда, и Ваши офицеры, которые находятся у нас в плену, могут Вам засвидетельствовать ее, равно как и те многочисленные Колчаковцы, которые доблестно бьются в наших рядах за свое родное Русское, национальное дело, за свою молодую Дальне-Восточную Республику.

А что они честно и доблестно бьются, в этом Вы, Генерал, уже имели не один случай убедиться.

Еще раз подтверждаю Вам мое твердое решение не дать Вас в обиду в случае добровольной сдачи оружия, но прошу не обижаться, если при продолжении борьбы это оружие будет вырвано из Ваших рук тем жестоким способом, который диктуется всей исторической обстановкой.

Для того, чтобы облегчить Ваше положение, я предлагаю Вам следующее: 1) не допуская каких-либо обид и оскорблений, я гарантирую полную неприкосновенность личности и свободное возвращение на Родину всем подчиненным Вам войскам. 2) Командному составу я предлагаю, в случае нежелания возвратиться в Советскую Россию, занять соответствующие места в рядах Народно-Революционной Армии. 3) Вам лично с группой лучших Ваших офицеров предлагаю соответствующую должность в рядах Народно-Революционной Армии, так как такие люди нам необходимы. 4) Ваш ответ будет ожидаться мною в срочном порядке через подателя этого письма.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОГО СОВЕТА
И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ Н. Р. А.
ВОЕННЫЙ МИНИСТР Д.В.Р.**

Блюхер
Хабаровск 9 февраля 1922 г.

ПИСЬМО ЛУЦКОВА ГЕНЕРАЛУ В. М. МОЛЧАНОВУ

Господин Генерал

Не первый раз обращаюсь я к Вам как к руководителю группы бывших Каппелевцев, или как Генерал Вержбицкий назвал Вас «беженцев».

Еще год тому назад, встречаясь на Пограничной от имени Приморского Правительства, я был у Вас и предупреждал о том, что в Приморье, пользуясь Вашей материальной необеспеченностью, интервенты пустят Вас в авантюру.

Вы лично уверяли в невозможности такого положения, так как на себе испытали помощь иностранцев, после которой оказались у Тихого океана, испытав в довершение издевательство китайцев при проезде по Китайско-Восточной ж.-д.

С Комвойсками Лепехиным я в марте месяце прошлого года был у Вас. Мы искали выход из создавшегося положения и Вы опять уверяли, что Ваша мысль, только «устроить» своих людей — бывших Ваших подчиненных.

С Вашим Начальником Штаба Ловцевичем мы не раз вели переговоры и он у меня находил поддержку в устройстве Ваших подчиненных, он с нашего ведома и разрешения формировал рабочие дружины, а потом повел их вооруженными на нас.

Я писал Вам в октябре месяце прошлого года, взывая к Вашему национальному чувству и Русской гордости, указав на беспочвенность и ложность избранного пути, и обещал от имени Главкома Блюхера полную неприкосновенность личности и имущества.

Все было напрасно.

Не идея, а деньги победили в Вас чувство сознания.

И вот настал час, когда Вы воочию убедились, что деньгами нельзя купить счастья ни себе, ни Родине.

Вы, пользуясь нашим фактическим желанием перейти к мирному строительству (демобилизация), подбиваемые продажными купцами, гонимые интервентами, насыщенные заведомо ложными сведениями о восстаниях в глубине Дальне-Восточной Республики и Советской России, — надеясь, а может

быть и веря в победу над разоружившейся Дальне-Восточной Республикой — двинули вперед.

Но что же вышло?

Да, мы не хотели и не ждали войны.

Мы оставили войска только для внутреннего порядка и сразу не могли сдержать Ваше наступление. До Бикина мы задерживались почти тремя ротами, а от Бикина, бросив гарнизон Хабаровска, — немногим больше.

Вас же было много больше и почти половина офицеров рядовыми.

Но народ Дальне-Восточной Республики, увидев Вашу авантюру, встал как один.

Вы увидели, что невозможное стало реальным, и в короткий срок у нас снова стала армия.

Наша, казавшаяся недействующей Амурская дорога перебрасывала на много верст людей и материалы, у нас люди могли шесть дней лежать в снегу на морозе под Вашим огнем, мешавшим доставке продуктов и идти на Ваши укрепленные позиции.

Вы увидели, что в народе нет Вам поддержки, не глядя на Ваше задабривание массою денег.

К Вам никто не пошел.

Почему?

Да потому, что у Вас не было идеи борьбы, в Ваших рядах видели знакомых Калмыковских палачей, в Вас видели авангард японцев. Кроме денег Вы ничего не могли дать.

Чем объясняли Вы свое движение? За что Вы шли? Что Вы несли?

Те идеи, за что Вы шли когда-то, были теперь проведены в жизнь здесь. Вы кричали об Учредительном Собрании, оно было здесь, а у Вас злая пародия Народного Собрания, где только и разговоров было, что о воровстве членов Вашего Правительства.

Вы говорите о национализме, а защищает Родину от интервентов Народно-Революционная Армия, а Вы — интересы японцев и каких то купцов, которые оптом и в розницу распродают достояние России.

Вы несли за собою засилье интервентов, в названии «демократизма» шла власть Меркулова и Лихойдова.

Так неужели правы те офицеры и солдаты, попавшие к нам в плен, которые говорили, что они дрались за «корку хлеба»?

Они за корку хлеба, а повыше стоящие — за сладкий пирог.

Так ведь это продажа Родины за чечевичную похлебку.

Вы, люди, стоящие во главе, не могли не видеть, куда Вы идете и за что ведете на смерть людей.

Неужели боязнь за свою жизнь? Так ведь вы же не побоялись бросить в объятие смерти своих людей.

Вы же не могли не знать, что здесь давно прошло то время, когда кого-либо преследовали за прошлое. Вы должны были знать, как в Советской России, так и здесь в Дальне-Восточной Республике, самым спокойным образом служат большинство Ваших бывших и Начальников, и товарищей, и подчиненных. Вы знали по фамилиям, где кто служит. Вы знали, что Начальником Штаба Н. Р. А. — Генерального Штаба Токаревский, что в Штабе Главкома много Ваших Каппелевцев занимают высокие должности (Вы от них получили воззвание). Вы должны были знать, что никого здесь не расстреливают, что Ваши раненые получают медицинскую помощь вместе с нашими. А не знали, так опросите первого посланного с письмом, который видел в лазарете раненых Ваших, взятых за много времени перед ним.

Вы знаете, что была возможность многим перебежать на Вашу сторону, и кто же перешел? Несколько мальчишек, которым захотелось поносить погоны, или люди, которым нужны иены и за это они продадутся не только интервентам, а и черту, или люди обиженные, что им не по чинам давали должности, или люди, которым не понравилось, что их грязные поступки карались тюрьмой. Вот этот хлам, что перешел к Вам, и то наверное не больше десятка.

А кто из наших, взятых в плен Вами, остался у Вас — посчитайте. Наверно тоже немного. Кто пошел из города за Вами. Город, временно нами оставленный, не уменьшился, а увеличился. Откуда? Видимо, с Востока.

Да, Генерал. Вы теперь поняли, испытав на своей спине, или вернее на спине подчиненных, что Вы ошиблись в своих расчетах. И если Вы не думаете «устраивать» своих подчиненных «на тот свет» и если Вы действительно человек Русский и честный солдат, — бросьте авантюру, поймите, что ведь это продажа Родины.

Откройте глаза, посмотрите кругом, покопайтесь у себя в сердце и увидите, где правда.

Вы один из генералов, с которым можно еще говорить, как с Русским человеком.

Главком обращался к Вам с письмом перед Волочаевкой, где мы равными силами стояли друг против друга — Вы сильные проволочными заграждениями и офицерскими ротами, мы сильные духом.

Теперь он снова обращается к Вам, как победитель к побежденному и бегущему, может быть, опять под крылышко японцев.

Но он снова, не желая пролития лишней капли Русской крови, говорит Вам: 1) Довольно бесцельной борьбы, довольно производить эксперименты чужой политики тысячами жизней Русских людей.

И я, как и все Вас знающие за истинно русского человека, хочу крикнуть Вам и всем Вашим подчиненным: «Да довольно же крови!»

Поверьте же, наконец, что интервенты и купцы Вам лгут, что никого здесь не уничтожают.

Ведь мы Русские. Ведь нужны будут нам Русские силы, еще много работы впереди для создания крепкой России, что и Вы здесь нужны, как всякий честный гражданин, может быть в данное время и запуганный специальной информацией и по ошибке стоящий на той стороне.

Глазком Блюхер дает слово, что никто из Вас не будет уничтожен, что жизнь и имущество Ваше будут в полной сохранности.

Давайте протянем руку и пойдем друг друга.

Давайте без содействия интервентов найдем выход из положения.

Сложите оружие.

Условия, которые предлагает Главком, те же, которые предлагались нами еще в прошлом году, а именно: 1. Полная неприкосновенность всех. 2. Возможность вернуться на родину. 3. Разрешение вступить в ряды Народно-Революционной Армии, или Красной Армии.

Можете выбрать кого-нибудь и прислать сюда, или же всякий из нас согласен приехать к Вам, чтобы найти выход. Я сам

не боялся ехать в стан Гродековцев, уговаривать их бросить авантюру и не боюсь поехать к Вам и ехать куда угодно, только бы достичь прекращения бесцельной гибели Русских людей.

Ваши условия просим переслать с передавшим наши письма.

Начальник Полевого Штаба Главкома

*Луцков
февраль 1922 г.
гор. Хабаровск.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СТАТЬИ А. Г. ЕФИМОВА

Памяти Адмирала Колчака¹

7 февраля 1920 г. погиб Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий Адмирал Александр Васильевич Колчак, выданный «союзниками» в руки его палачей.

Яркая жизнь и трагическая судьба выпала на долю этого выдающегося русского патриота и воина. Отважный исследователь Ледовитого океана, доблестный моряк, участвовавший в войнах с Японией и Германией и заставивший немецко-турецкий флот в Черном море прекратить нападения на русские берега, он — верный сын России, был известен еще до революции.

Во время революции имя адмирала Колчака вновь пронеслось по пределам России как образец славного витязя, не знавшего сделок с совестью и честью. Он заставил уважать себя даже распущенных революцией матросов. Широко известен случай, когда адмирал Колчак бросил свой кортик за борт корабля и объявил окружающим его матросам, что он не желает командовать теми, кто забыл свою присягу. Матросы достали кортик со дна моря и вернули его своему начальнику, признав этим свою готовность подчиниться его приказам.

В октябре 1917 г. немощное Временное Правительство Керенского было разогнано большевиками. Свирепствовал красный террор. Германцы со своими союзниками завладели целыми российскими областями. Большевики заключили «похабный» Брест-Литовский мир.

Наша Родина содрогалась от тяжелых бедствий. Началось, казалось, отрезвление от революционного угара. Вспыхивают и разрастаются очаги сопротивления большевизму и внешним врагам. В середине 1918 г. большевики уже окружены со всех сторон. Образуются фронты гражданской войны.

Адмирал Колчак, находившийся на Дальнем Востоке, решает пробраться через Сибирь на Юг Европейской России к ген. Деникину и к Черному морю. Он стремится к родному флоту, которым он еще недавно блестяще командовал.

В Омске, куда адмирал Колчак приехал в середине октября, он был встречен очень благожелательно. Омск в это время обратился из Сибирской столицы в местопребывание «Временного Всероссийского

¹ Военная Быль (Париж), март 1964, № 66. С. 2—10.

Правительства», составленного после долгих трений, переговоров, споров и совещаний между отдельными независимыми «государственными» образованиями и областями. Людей крупного государственного калибра в Омске не было. Приезд адмирала Колчака привлек внимание как правительства пятичленной «директории», так и руководителей разных политических групп и партий.

Адмирала Колчака убеждают не ехать на юг, а остаться в Омске. Стремясь вернуться на привычную для него и любимую им морскую службу, адмирал отказывается, потому что здесь нет флота и он не принесет той пользы, которую может дать на юге России. Его помощи ищут и настойчиво добиваются, и 1 ноября он вступает в должность Военного и Морского министра Временного Всероссийского Правительства.

Не долго просуществовало это правительство с его попытками сплотить около себя противобольшевицкие силы. Не пользуясь доверием и не имея широкой поддержки, оно продержалось менее двух месяцев. Прекратило оно свое бытие в ночь на 18 ноября, когда двое из его пяти членов были арестованы заговорщиками.

Совет министров срочно собрался утром 18 ноября для обсуждения создавшегося положения. Он принял на себя полноту Верховной власти, но не нашел возможным ни оставлять власти за собой, ни восстановить неработоспособную Директорию.

Оставался один выход. Этот выход — создать единоличную власть, не подчиненную влиянию отдельных политических партий, власть, могущую объединить все противобольшевицкие силы и способную действовать энергично, без ненужных промедлений и задержек, столь свойственных многоликим правительствам. Такой власти давно добились уже массы уставших от безвластия людей.

Обсуждение кандидатуры не заняло много времени. Голосами всех собравшихся, за исключением одного, выбор пал на адмирала Колчака. Учитывая тяжесть переживаемого момента, Совет министров постановил недопустимость отказа.

Адмирал Колчак становится Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим.

В тяжелые дни вступил Колчак в управление государством (фактически, в первое время только районом Урала и к востоку от него) и в командование противобольшевицкими силами (также только армиями Восточного фронта).

В эти дни, точнее 11 ноября, на Западном фронте Мировой войны, было заключено перемирие между нашими союзниками и германским блоком. Пока длилась война, наши союзники помогали противобольшевицким русским армиям, надеясь восстановить уничтоженный революцией Восточный фронт (наш Западный) и отвлечь на него

германские силы со своего фронта. Для восстановления русского фронта союзники привлекли Чехо-Словацкий корпус, двигавшийся через Сибирь во Владивосток для предполагавшейся переброски во Францию, но потом повернутый на запад.

После перемирия с Германией союзники, уставшие от четырехлетней войны и оказавшиеся неспособными понять грядущее зло от распространения красной заразы, перестали интересоваться восстановлением порядка в России. Их вооруженные силы на русской территории, в общем очень незначительные, участия в борьбе почти не принимали. Их высокие комиссары и другие представители разных рангов своей неопределенной и извилистой политикой вносили путаницу и разлад среди и без того распыленных русских людей. Чехи бросили фронт и ушли в тыл для охраны Сибирской железной дороги, где скоро забрали все движение в свои руки и для своих целей. К этому следует прибавить также и приезд в эти дни французского ген. Жанена — главнокомандующего всеми союзными частями. Деятельность его, вместо помощи в борьбе с большевиками, принесла много вреда и оказалась не последней причиной в гибели русского дела.

Неблагоприятно отразились в некоторых случаях на ход событий и личные качества адмирала Колчака. Он был человеком исключительно военного склада — прямой, честный и не умевший кривить душой. Ему была чужда «политика» с ее обманами, ложными обещаниями, интригами, предательствами и другими приемами действий, выработанными в этой области веками. Он эту «политику» не понимал, но являлся не раз ее жертвой со стороны других.

Не повезло и в том отношении, что среди его помощников не нашлось опытных, умелых и энергичных администраторов. Также и в отношении командования войсками дело стояло не на высоте. Сам адмирал не был сведущим в организации и ведении боевых операций сухопутными армиями, а среди его ближайших военных помощников, часто менявшихся, не нашел таких, которые имели бы признанные заслуги в военном деле.

Несмотря на все неблагоприятные условия и помехи, адмиралу Колчаку удалось в марте — апреле 1919 г. нанести красным армиям большевиков сокрушительный удар и отбросить их от Уральских гор к Волге. У красных поднялся переполох. Они бросили на Восточный фронт огромные подкрепления и в мае перешли в контрнаступление.

С тяжелыми боями армии Колчака отходят к Уралу, потом за Урал. В июле происходят упорные бои у Челябинска. В сентябре удастся вновь перейти в наступление, разбить красных на всем фронте и вытеснить их за реку Тобол. В октябре противник, значительно усилившись, вновь переходит в наступление, и армии адмирала Колчака уходят в глубь Сибири.

14 ноября сдан Омск. Правительство переезжает в Иркутск. Туда же направляется и Колчак. Его поезд чехи задерживают надолго в Нижнеудинске. Потом перевозят под своей охраной в Иркутск и здесь предательски передают в руки местной власти, недавно организованной при их участии левыми элементами под названием «Политический Центр». Большевики вскоре уничтожили эту «власть», и Верховный Правитель адмирал Колчак попадает в руки красных.

Прежде чем выяснить, кто предал и погубил адмирала Колчака и с ним его армию, боровшуюся за освобождение России от большевистского гнета, познакомимся с адмиралом Колчаком по характеристикам близко знавших его лиц.

Министр снабжения в правительстве Колчака — И. И. Серебренников — сообщает о первой встрече с ним после его приезда в Омск: «...я с огромным интересом и даже с некоторым волнением стал ждать встречи с этим выдающимся русским человеком, который уже тогда представлялся весьма крупной фигурой в нашем антибольшевицком лагере».

«Адмирал вошел в мой кабинет в сопровождении своего секретаря. Насколько припоминаю, оба были в штатских костюмах. После кратких вступительных фраз, приличествующих случаю, у меня с адмиралом завязалась длительная беседа. Мне понравилась манера А. В. Колчака говорить краткими, отрывистыми фразами, точными и определенными, не допускающими не малейшей неясности».

«Я предложил адмиралу принять, в той или иной форме, участие в работе Сибирского Правительства, но он ответил, что не намеревается надолго задерживаться в Омске и в недалеком будущем, по всей вероятности, проедет на юг России, к Деникину».

... «Появление А. В. Колчака в Омске вызвало, вообще, различные толки. Невольно как-то всем казалось:

— Вот человек, за которым стоит будущее! Он непременно заставит еще говорить о себе...»

Когда адмирал Колчак вступил в обязанности Военного и Морского министра, И. И. Серебренников отмечает: ... «адмирал Колчак усердно занялся вверенной ему работой по военному министерству; сравнительно редко посещая заседания Совета Министров, он часто выезжал на фронт, где знакомился с нуждами действующей армии».

Позднее, когда Колчак стал Главой Правительства, И. И. Серебренников точнее освещает личность адмирала и пробует угадать его судьбу.

«Долгожданный диктатор — и все же не диктатор, Верховный Правитель, связанный, однако, во всех своих действиях — адмирал Колчак в моих воспоминаниях заслоняет собой все другие фигуры Омска. Я не мог не видеть в нем честнейшего, искреннейшего рус-

ского патриота, в лучшем смысле этого слова, и человека кристальной душевной чистоты. Благороднейшие порывы, падавшие на бесплодную почву, и стремления ко благу родины, опрокидываемые ужасной действительностью — вот что создало трагизм его положения и усиливало неравность и неуравновешенность его натуры. Какая участь подстерегает его? — думал я: триумфальный ли въезд в Москву или трагическая гибель в непосильной борьбе?.. Что бы ни ждало благородного адмирала на его трудном пути, я верил, что имя его войдет в историю России, как имя одного из лучших ее сынов»...

Обратимся к характеристике адмирала Колчака, данной ему другим министром, генералом бароном Будбергом (главный начальник снабжения с апреля 1919 г. и с августа этого же года военный министр). Генерал Будберг метко и ярко освещает события и дает красочные характеристики своим современникам. Он очень строгий критик и не прощает самых незначительных людских слабостей и ошибок, а за более крупные недостатки и промахи безжалостно бичует, иногда без достаточных оснований. Это следует иметь в виду при знакомстве с его произведениями. Он сам признается, что «слишком неудержим в проявлениях своих симпатий и антипатий (не личных, а служебных)».

Приведем краткие выписки: «Характер и душа адмирала настолько налицо, что достаточно какой-нибудь недели общения с ним для того, чтобы знать его наизусть. Это большой и больной ребенок, чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее и России; несомненный неврастеник, быстро вспыхивающий, чрезвычайно бурный и несдержанный в проявлениях своего неудовольствия и гнева... Он всецело поглощен идеей служения России, спасения ее от красного гнета и восстановления во всей силе и неприкосновенности ее территории; ради этой идеи его можно уговорить и подвинуть на все, что угодно; личных интересов и личного честолюбия у него нет, и в этом отношении он кристально чист».

«Он бурно ненавидит всякое беззаконие и произвол, но по несдержанности характера сам иногда неумышленно выходит из рамок закона, притом преимущественно при попытках поддержать этот самый закон и всегда под чьим-нибудь влиянием».

«Он избалован успехами и очень чувствителен к неудачам и неприятностям; особенно болезненно реагирует на все, что становится на пути осуществления главной задачи спасения и восстановления России, причем, как и во всем, тут нет ничего личного, эгоистичного, честолюбивого...»

«Попав на высший пост Военного Командования, Адмирал со свойственной ему подвижнической добросовестностью пытался получить не приобретенные раньше знания, но попал на очень скверных и недобросовестных учителей. Не думаю, что они делали это созна-

тельно. ибо и сами учителя были малограмотны, сами знали только отвлеченные теории и не имели практического опыта. Они не знали тех серьезных практических коэффициентов, кои только и определяют боевое значение войск, и не смогли передать поэтому знания и Адмиралу. На наше горе эти учителя не были даже третьестепенными подмастерьями своего ремесла, и это сыграло самую роковую роль во всей истории первого года нашего Верховного Командования».

«На свой пост Адмирал смотрел как на тяжелый крест и великий подвиг, посланный ему свыше, и мне думается, едва ли есть еще на Руси другой человек, который так бескорыстно, искренно, убежденно, проникновенно и рыцарски служил идее восстановления единой и неделимой России. Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий и готовый всем пожертвовать, безвольный, бессистемный и беспамятливый, детски и благородно доверчивый, вечно мятущийся в поисках лучших решений и спасительных средств; вечно обманывающийся и обманываемый, обуреваемый жаждой личного труда, примера и самопожертвования; не понимающий совершенно обстановки и неспособный в ней разобраться; далекий от того, что вокруг него и его именем совершается — вот беглый перечень отличительных черт характера того человека, на котором скоро уже год лежит тяжелый крест олицетворять и осуществлять временную Верховную Власть России»...

Генерал Сахаров (командующий 3-й армии и в ноябре 1919 г. главнокомандующий) дает такую характеристику: «...адмирал А. В. Колчак не только сам не добивался власти, но и уклонялся от нее. Личность Верховного Правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски чистой и прямой; это был крупный русский патриот, человек большого ума и образования, ученый путешественник, и выдающийся моряк-флотоводец. Александр Васильевич Колчак, как человек, отличался большой добротой, мягким и даже чувствительным сердцем, его волевой характер, надломленный революцией, был очень вспыльчив. Настроения быстро менялись под давлением незначительных событий и первых известий, амплитуда колебаний от полной надежды до упадка ее проходила легко и быстро. В дни подъема настроения влияние его на людей было почти неограниченно; прямой, глубоко проникающий взгляд горящих глаз умел подчинить себе волю других, как бы гипнотизируя их силой многогранной души. Адмирал принял на себя тяжесть власти, как подвиг, руководимый чувством самопожертвования и спасения Родины; и все его дальнейшее служение до конца было проникнуто сильной любовью к России и высоко развитым сознанием долга».

В указанных характеристиках обращается большое внимание на вспыльчивый нрав адмирала Колчака. Ген. Будберг считает его даже неврастеником и человеком, не обладающим собственной волей.

Трудно согласовать деятельность и всю жизнь адмирала Колчака с понятием отсутствия у него сильной воли. Уже признание за ним бескорыстного и искреннего служения России, постоянного исполнения им своего долга, готовность идти на подвиг и совершение ряда подвигов, готовность жертвовать собой и принесение себя в жертву — говорят о наличии сильной воли. Вспыльчивый нрав адмирала не может служить доказательством неврастения. Время было такое, что могло портить нервы кому угодно, и сам генерал Будберг не вытерпел служебного напряжения и в октябре ушел в отставку. Адмирал Колчак, когда обстоятельства требовали, умел владеть собой, как никто. Пишет С. П. Мельгунов: «Когда видишь Колчака в эти сумбурные дни (декабрь — период особенно тяжелых дней отступления), невольно поражаешься, до чего люди могут быть несправедливы. Удивительное спокойствие отмечает Верховного Правителя по сравнению с истерикой, которая подчас схватывает его министров. С редким хладнокровием и достоинством отвечает он даже на глубоко оскорбительные по форме требования. У него не видно дряблой растерянности в тяжелый момент, и он как бы стоит над мятущейся толпой».

Необходимо также дать образ адмирала Колчака, каким он представлялся той среде, к которой тяготел всей душой — армии и широким слоям населения. Перед весенним наступлением Колчак поехал на фронт. Об этой поездке Правитель дел Г. К. Гинс пишет:

«Вот он в Троицке у оренбургских казаков. Четкими и твердыми словами он характеризует задачи борьбы и уезжает бурно приветствуемый Кругом, обещая удовлетворить все справедливые пожелания войска. Через несколько дней он в бронированном поезде отъезжает от Златоуста до самых передовых позиций. В одной версте от сторожевых охранений он обходит по снежным тропинкам боевые части, заходит в перевязочную летучку, раздает в землянке награды. Солдаты видят Верховного Правителя рядом с ними, на расстоянии выстрела, и они остаются очарованными, согретыми. Воодушевленные приездом своего вождя, они идут в атаку, берут несколько деревень, отбивают орудия, пулеметы».

«Адмирал едет дальше на Северный фронт. В Перми он идет на пушечный завод, беседует с рабочими, обнаруживает не поверхностное, а основательное знакомство с жизнью завода, с его техникой. Рабочие видят в Верховном Правителе не барина, а человека труда, и они проникаются глубокою верою, что Верховный Правитель желает им добра, ведет их к честной жизни. Пермские рабочие не изменили правительству до конца. Опять адмирал едет на передовые позиции. Едет так далеко, что о нем начинают беспокоиться, просят остановиться, наконец, говорят, что путь испорчен и поезд не может идти.

Тогда он требует лошадей и проезжает все-таки дальше, осматривая позиции. Несколько раз деревня, где находился Верховный Правитель, обстреливалась красными. Мужество Главнокомандующего окрыляло солдат. Повсюду, где проезжал Верховный правитель, ему подносили хлеб-соль и адреса, засыпанные подписями. Подносили рабочие, крестьяне, купцы, духовенство. Все выражали восторг по поводу избавления от страшного ига и в самых искренних выражениях благодарили за спасение. Произносил большие речи и сам Правитель. Встречаясь лицом к лицу с деятелями общественности, с земскими и городскими представителями, он разъяснял программу и цели правительства. Три мысли были ярко выражены в этих речах: непримиримая борьба с большевиками, единение с обществом; земля — крестьянам».

В неудачах борьбы с большевиками на Восточном фронте было много причин, и в некоторых из них не легко разобраться. Но трагическая гибель адмирала Колчака вырисовывается отчетливо, если не вдаваться в рассмотрение мелочей и подойти открыто к главным фактам этой трагедии. Здесь было двойное предательство, в котором участвовали: во-первых, социалисты-революционеры и, во-вторых, чехи со своим покровителем — главнокомандующим «союзными» войсками ген. Жаненом.

Для большей яркости необходимо обратиться к первым дням возникновения Восточного фронта.

8 июня 1918 года Самара была захвачена чехами и русскими противобольшевицкими организациями. Сразу же появились из подполья пять социалистов-революционеров и в чешском автомобиле, под чешской охраной, отправились в Городскую Думу Самары и объявили себя правительством.

Эта пятерка состояла из членов Учредительного Собрания, которое, почти пять месяцев перед этим, открылось в Петрограде 18 января и в этот же день было разогнано большевиками. Никто не выступил на защиту этого собрания, выбранного под руководством и давлением левых революционных партий, в том числе и большевиков, и с нарушением выборных правил, составленных ими же самими. Большинство собрания состояло из членов социалистов-революционеров. На основании этого большинства они считали себя неоспоримыми избранниками народа и наследниками Верховной власти, которая была вырвана у них большевиками. В Самаре в день изгнания из города большевиков находившиеся здесь с.-ры поспешили восстановить свои «права» и объявить себя правительственной властью.

Как в день разгона Учред. Собрания в Петрограде их никто не поддержал, так никто не собирался и здесь в Самаре идти за с.-рами и их «поддерживать». Народные избранники обратились к более верной

для них помощи — чешским штыкам. Так появилась власть «Комитета Учредительного Собрания» — сокращенно «КОМУЧ», пополнявшаяся вновь прибывающими новыми членами, в большинстве все теми же с.-рами.

Протестов на появление самозванной власти вначале не было. Надо было организовывать силы для борьбы с большевиками и вести эту борьбу. За это дело горячо принялись все, кто желал избавиться от гнета большевиков. Мешало ли им присутствие «правительства» или помогало — мало интересовало тех, кто брал в руки винтовки.

Многие действия «Комуча» сразу же вызвали неудовольствие и даже озлобление среди добровольцев формирующихся отрядов, среди населения приволжских губерний и особенно среди офицеров. Подъем красного флага над зданием «Комуча» указывал, что заседавшие там с.-ры хотели уничтожить большевиков только для того, чтобы продолжать дело «углубления революции» по своим старым рецептам.

«Комуч» не мог обойтись без офицеров при формировании войсковых частей, но не доверял им и организовал свои «надежные» отряды и русско-чешские полки. Мобилизация населения для развертывания армии им не удалась. Призванные на службу, главным образом крестьяне, не являлись вовсе или разбежались. Пришлось поступиться «демократическими принципами» и объявить за дезертирство смертную казнь.

Организацию первых добровольческих отрядов и их успехи «учредиловцы» приписали себе. Захват Казани в начале августа был пределом успехов на Восточном фронте осенью 1918 года. В сентябре начались неудачи. Партийная власть с.-ров, умевшая только разрушать, не была способна использовать благоприятные обстоятельства, приступить к созданию порядка и к организации сильной армии.

Начался отход к Уралу.

Учредиловцам стало ясно, что на одной победе при выборах в Учр. Собрание далеко не уедешь, что для дальнейшей борьбы необходимо в первую очередь объединить усилия всех самостоятельных областей России, разъединенных революцией, и образовать одно правительство.

В Сибири было много противников с.-ровского «Комуча», и на пути организации единого правительства встало много преград. «Комучу» пришлось пойти на уступки и лишиться того доминирующего положения, на которое он претендовал на основании своего «права» происхождения от Учредительного Собрания. В конце концов 23 сентября была выбрана Верховная Власть, в лице Директории из пяти членов. В их число вошли двое с.-ров, из них Авксентьев был выбран председателем правительства, другой с.-р., ставший членом Директории, — Зензинов был в прошлом руководителем и участником террористических убийств.

Если часть с.-ров была вынуждена на сотрудничество с представителями других партий и групп населения, то другая часть этой партии, во главе которой стоял Чернов — бывший председатель однодневного Учредительного Собрания, — не признавала никаких уступок. С.-ры черновской группы опубликовали 22 октября пространную прокламацию к своим партийным организациям, призывая «сомкнуться, сплотить теснее свои ряды, излечиться от неуверенности, колебаний» и т. д., и ждали, что тогда возвратятся «в сферу влияния партии те массовые элементы, которые были от нее оторваны беззастенчивой демагогией и революционным угаром бурного времени».

Далее в прокламации говорилось, что все «силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены, чтобы выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевицкого фронта. «...только деятельность Учр. Собрания и руководящей в ней фракции с.-ров способны гарантировать народ от смены большевицкого засилья контрреволюционным».

Из этих фраз эсеровской прокламации видно, что указанная группа только свою партию считала способной «гарантировать народ от засилья» и призвала к оружию и против большевиков, и против контрреволюционеров, в число которых попадают все, кто не состоит в партии с.-ров.

Прокламация эсеров вызвала общее возмущение. С трудом созданное правительство оказалось уже расколотым. Входящие в него с.-ры состоят в партии, которая мобилизует своих членов к вооруженным выступлениям. Директория ничем не реагировала на эту прокламацию, и доверие к ней, и без того весьма незначительное, поколебалось еще больше. Кончилось это тем, что противники директории арестовали в ночь на 18 ноября обоих членов правительства, состоящих в партии с.-ров. Совет министров, в заседании которого присутствовало два члена директории, передал власть адмиралу Колчаку.

С.-ры хотели слишком много и потеряли все. Правда, они еще не сдались. Пробовали поднять на фронте некоторые войсковые части против власти адмирала Колчака, в том числе рассчитывали на рабочие полки Ижевцев и Воткинцев. Но никто на их призыв не откликнулся.

Так же пробовали с.-ры обратиться за помощью к чехам. Последнее, после признания власти адмирала Колчака другими иностранными представителями, ограничилось заявлением, в лице своего национального совета, что они не сочувствуют насильственным переворотам и надеются, что кризис власти будет разрешен законным путем. Отказ чехов от вооруженного выступления один из с.-р. назвал «черным предательством».

После 18 ноября с.-ры рассыпались. Председатель Директории Авксентьев, член ее Зензинов и некоторые другие уехали за границу, не постеснявшись принять от нового «реакционного» правительства денежную помощь на проезд. Часть с.-ров, в том числе председатель «Комуча» Вольский, перешли к большевикам. Другие, уйдя в подполье, начали вести борьбу с «черной реакцией», продавая Россию и русский народ, как большевикам, так и иностранцам.

Перейдем к действиям чехо-словаков.

С начала русской революции чешские войска, состоявшие в небольшой части из добровольцев чехов, проживавших в России, а в большинстве из пленных чехов австрийской армии, с развалом русской государственности очутились в тяжелом положении в районе недавних боевых действий. Перед ними стояли германские и австрийские войска, после большевицкого захвата власти перешедшие в наступление для оккупирования русских областей. Чехам пришлось отходить на восток, чтобы не попасть в руки австро-германцев, где большинство из них, как подданные Австрии, подлежали расстрелу за измену. Союзники России предполагали их перебросить на французский фронт, где в это время шли ожесточенные бои, решавшие судьбу Первой мировой войны. Эшелоны чехов через Курск, Пензу, Самару, Уфу и далее через Сибирь двинулись в путь.

25 мая большевики отдали приказ о разоружении чехов, эшелоны которых были растянуты от Пензы до Забайкалья. На этот приказ большевиков чехи ответили вооруженным выступлением.

К ним присоединились местные русские противобольшевицкие организации. Но, в общем, для русского дела восстание чехов оказалось преждевременным. Сибирь не узнала еще ужасов большевизма и жестокости красной власти, население колебалось в своих отношениях к враждующим лагерям, и это не могло не отразиться впоследствии на ходе борьбы с большевиками.

За полтора месяца вся железнодорожная магистраль от Волги до Байкала была освобождена от красных. В августе большевики были изгнаны из южной части Забайкальской области. Открылось сквозное движение через Маньчжурию на Владивосток.

В это время на Волге уже третий месяц шли бои. Большевики с большой энергией приводили в порядок свои плохо организованные, недисциплинированные и много раз битые отряды. Переформированные в полки и дивизии, узнавшие «революционную» дисциплину и подкрепленные для воодушевления сзади пулеметами отрядов особого назначения, красные войска стали драться более умело и упорно.

Чехи, повернутые державами «согласия» на запад к Волге для восстановления русского Восточного фронта, сначала действовали

хорошо. Но это продолжалось недолго — два-три месяца. Уже под Казанью, в августе, у них появились признаки нежелания участвовать в дальнейших боях. Они жаловались, что их не поддерживают, что они устали.

Конечно, война не легкое дело, — походы и сидение в окопах утомляют. А чехи привыкли передвигаться в хорошо оборудованных вагонах и выходить из них только на короткие стычки против слабого противника. Они не желали далеко и на продолжительное время отходить от своих эшелонов и вести бои с противником, который стал проявлять упорство.

После оставления Казани 1-й Чешский полк, считавшийся лучшим в Чешском корпусе, отказался идти в арьергарде, когда ему пришла очередь. Сильного нажима со стороны красных не было. Причина отказа лежала, как выяснилось, в желании скорее добраться до своих вагонов.

Дальнейший развал чехов, как боевой силы, быстро прогрессировал. В октябре тот же, когда-то образцовый полк отказался выполнить боевой приказ. Его командир, доблестный полковник Швец, не перенес разложение своего полка и 25 октября застрелился.

Эта смерть сильно подействовала на чехов, и, казалось, их образумила. На некоторое время возвратилась их бывшая боеспособность. Во время боя 10—13 ноября к северу от гор. Белебея чехи хорошо дрались под командой ген. Войцеховского. Вместе с частями ген. Каппеля они нанесли красным сильное поражение. Но от преследования красных, чтобы добить расстроенного противника, они отказались. В этом бою они справили тризну по своему достойному начальнику и этим закончили участие в боевых действиях на фронте. Как раз в это время пришло известие, что на французском театре мировой войны заключено перемирие, и после этого никакими способами нельзя было притянуть чехов к действиям на фронте.

Для командования Сибирской армией был приглашен чешский генерал (два месяца тому назад — капитан) Гайда. Предполагалось, что он привлечет на фронт чешских солдат. Из этого ничего не вышло, и генерал Гайда оказался во главе русских войск.

На передовых линиях остались только русские части, многие из которых пришлось выдвинуть из тыловых районов, не закончив даже начальной подготовки.

Братская помощь России, любовь к русскому народу и единство славян — всё, о чем приходилось слышать в пламенных речах чехов, — оказалось пустыми словами. Пять месяцев тому назад чехов встречали как освободителей и забрасывали цветами, а теперь освободители бросали фронт и спешили в глубокий тыл.

Чехи были отправлены на охрану Сибирской железной дороги.

Посеянный революцией хаос внес большой беспорядок во все области жизни. В административном управлении, в торговле, в транспорте — всюду старые порядки были расшатаны или разрушены, а новые были в периоде исканий и испытаний. Особенно остро это чувствовалось и переживалось в тылу. Этим русским безвременьем пользовалось немало рыцарей легкой наживы, как своих, так и иностранцев. Воспользовались этим и чехи.

По почину заведующего финансовой частью чешского войска — полковника Шипа — чехи занялись в тылу «коммерческими делами». Они начали реквизировать, скупать или просто отбирать всё, что представляло какую-либо ценность. На каких основаниях происходили эти невоенные операции не на поле военных действий, объяснил сам полк. Шип: «...в то время на большевицкой территории, значит, в Симбирске и Казани, которые были временно заняты нашими и самарскими войсками, частная собственность была отменена, ибо известными советскими декретами: частное имущество было национализировано и, следовательно, сражавшиеся армии были вправе считать его своей военной добычей, тем более что дело шло об имуществе, имевшем для военных операций большое значение. Ведь Советы никому ничего не платили за национализированное имущество, и правительства уже освобожденных территорий также производили реквизиции для своих военных нужд».

Полк. Шип очень хитро и выгодно для чешских дельцов объяснил «законность» операций, во главе которых он стоял: 1) на территории, освобожденной от большевиков, он признает силу советских декретов; 2) после ухода чехов с фронта он говорит об имуществе большого военного значения; 3) территория, временно взятая у большевиков, ограничена почему-то Симбирском и Казанью, а его «операции» простирались от Симбирска до Владивостока и, наконец, 4) чешскому банку, который он организовал для своих «коммерческих» дел, он дает прерогативы и, ссылаясь на советы, считает правильным никому ничего не платить.

В результате деятельности полк. Шипа у чехов скопилось «национализированного» имущества столько, что для его вывоза пришлось «реквизировать» 20 000 вагонов, больше 50 процентов того, что имелось в Сибири.

40-тысячный корпус чехов, по установленной норме «8 лошадей — 40 человек», мог поместить свой людской состав в одной тысяче вагонов. Свои штабы, хозяйственные и другие учреждения, свои продовольственные и вещевые запасы, конский состав для кавалерийских полков и несколько полевых батарей поместились бы в другой тысяче вагонов. Для быстроты движения домой это было бы, без сомнения, весьма достаточно.

Нет возможности останавливаться на подробностях — почему вместо 2 000 вагонов у чехов оказалось в десять раз больше. Конечно, они не были пустыми. Только скажем, что «трофеи» оцениваются в сотни миллионов рублей, а один исследователь гражданской войны называет сумму, по снисходительной оценке, около миллиарда золотых рублей.

14 ноября 1919 года Омск был оставлен противобольшевицкими войсками. Пришли ли чехи в эту тяжелую минуту на помощь русским бойцам, которые в первые же дни их восстания поддержали и помогли им быстро справиться с большевиками? Нет!

Как раз наоборот. Чехи, видя, что боевое счастье повернулось в сторону большевиков, зная, что они немало сами содействовали этому, и торопясь спасти себя от красных и вывозить свои «трофеи», подобно вору, который в суматохе толпы громче других кричит: «держите вора», выпустили «меморандум». В этом обращении ко всему миру, за подписями их представителей Павлу и Гирса, они клеветают на «реакционное» правительство адмирала Колчака, а себя почитают безгрешными демократами, бессильными в своих действиях навязанным им нейтралитетом, который они будто бы строго соблюдали.

Они обвиняли русские власти в «выжигании деревень, избивании мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелами без суда» и т. д., в тех преступлениях, которые они сами проделывали в больших масштабах в районах, прилегавших к охраняемой ими же дороге. Оправдывая себя перед «мировым общественным мнением», меморандум Павлу и Гирса явно призывал к выступлению против власти Колчака и был, конечно, на руку союзникам чехов — социал-революционерам.

Отход фронта на восток заставил чехов торопиться. Но это не так легко было сделать с огромным вагонным «обозом». Порядок движения, с одобрения ген. Жанена, был установлен такой: впереди всех двигались чехи, за ними сербы и румыны, потом поляки и последние «хозяева» страны — русские. Командующий чехами ген. Сыровой заявил Жанену, что в случае отказа чешским эшелонам двигаться в первую очередь он не ручается за последствия.

Движение происходило вне зависимости от того, кто или что перевозилось. Никакого преимущества поездам с больными и ранеными или семьями бойцов и беженцам не давалось. Чехи удирали вперед со всем своим «благоприобретенным» имуществом. Железная дорога не могла справиться с движением огромного количества поездов, двигавшихся в одном направлении и при тех «порядках», которые были установлены чехами. На участке пути у гор. Ново-Николаевска застряли двести поездов с русскими ранеными, больными, семьями бойцов и мирными жителями, бежавшими от радостей «советского рая».

Поезда эти обратились в неподвижные «кладбища» на колесах. Чехи, в страхе быть настигнутыми красными, не стеснялись совершенно и силой отбирали паровозы.

Отступавшие белые части, сдерживавшие напиравших красных, оказались в тяжелом положении, отрезанными от тыловых баз. Если продовольствие, которое можно было получить от местного населения, было далеко не всегда в достаточном количестве, то с огнестрельными припасами дело обстояло много хуже.

После Красноярска у станции Клюквенной погибла польская дивизия. Поляки просили чехов пропустить из их 56 эшелонов только пять, в которых находились раненые, больные и семьи, обещая двигаться дальше походным порядком, в арьергарде и защищать тыл чехов. Ответ ген. Сырового был: «...вы обязаны идти последними. Ни один польский эшелон не может быть мною пропущен на восток, ...дальнейшие переговоры по сему вопросу считаю законченными, ибо вопрос исчерпан». За поляками пострадали румыны и югославы.

Предавая своих «союзников», чехи искали своего собственного спасения.

Пришла и их очередь защищать самих себя. Взрывами мостов они пробовали задержать красных, но неудачно. В происшедших столкновениях чехи понесли большой урон, потеряв несколько бронепоездов и эшелонов, но об этом чехи не говорят.

Готовилось новое предательство. Выдачей адмирала Колчака чехи подготавливали себе дальнейший безопасный проезд на восток. Но сделать это надо было так, чтобы подлость предательства не выступила слишком открыто, и надо было прикрыться какими-нибудь обстоятельствами, вынуждавшими чехов на этот шаг.

Поезд адмирала был задержан 18 декабря на ст. Нижнеудинск. В действительности адмирал Колчак оказался арестованным. Эта задержка должна была продолжаться, пока правительство адмирала Колчака, находившееся в Иркутске, и верные ему войска там же не будут уничтожены разными приемами провокации, пропаганды и вооруженными выступлениями. За эту работу принялись как большевики, так и с.-ры. Последние не теряли еще надежды пробраться к власти хотя бы на небольшом клочке разрушенной с их помощью России. При содействии чехов так называемый «Политический Центр», состоявший в большинстве из членов партии с.-ров, давно уже творивший против адмирала Колчака свое каиново дело, объявил себя властью в Иркутске. Остатки правительственных войск и некоторые члены правительства 5 января отступили в Забайкалье. Теперь чехам можно было привезти адмирала Колчака и передать его, по требованию «народа», представителям «Политического Центра».

15 января адмирал Колчак был доставлен в Иркутск, точнее на ст. Иннокентьевскую, в вагоне, на котором были выставлены, кроме чешского, флаги четырех великих держав.

Но что для предателей могла означать честь флагов? С согласия ген. Жанена чехи в этот же день выдали адмирала Колчака и председателя его совета министров В. Пепеляева «Политическому Центру».

Накануне Жанен, как Пилат умывший руки, умчался из Иркутска в Забайкалье.

Через неделю, 22 января власть в Иркутске захватили большевики — военно-революционный комитет. Привыкшие болтаться, как при Керенском, между разными течениями бурной эпохи, с.-ры и на этот раз проложили дорогу к торжеству большевизма. От чего они, по своим воззрениям, далеко никогда не отходили. Революция всегда была для них выше России, и интересы русского народа они исповедовали только в своих программах и речах на пути к ненасытной жажде власти.

7 февраля 1920 года рано утром Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий адмирал Колчак и с ним его Председатель Совета Министров В. Пепеляев были расстреляны дружиной левых социалистов-революционеров, и их тела были брошены под лед р. Ангары.

Это гнусное злодейство чехи и Жанен пробуют оправдать разными причинами, перекладывая вину друг на друга и на всякие случайные, мало что объясняющие, обстоятельства.

Договор с красными о беспрепятственном пропуске чешских войск дальше, при условии выдачи адмирала Колчака и его сотрудников, и невмешательство в распоряжение советской власти в отношении к арестованным не оставляют сомнения, что предательство было; и чешским легионерам не смыть его позор никакими оправданиями.

Жизнь адмирала Александра Васильевича Колчака и его смерть — это жестокий урок для русских людей. Этот урок указывает, что строить свою жизнь надо самим. Никакие чуждые нам учения западных и иных учителей, реформаторов и других передовых властителей дум нам не нужны. Никаких союзников нигде и никогда не найти. На помощь придут только те, кто может извлечь выгоду, и только тогда, когда это можно получить легким путем. В минуту неудач нас не только покинут, но продадут и предадут, если надо, самым постыдным образом, забывая о своих обещаниях, о своих принципах и о своей чести. Первая мировая война, последовавшая за ней революция и, наконец, Гражданская война свидетельствуют об этом.

Не будем забывать светлый образ русского витязя адмирала Колчака, его жизнь для блага России и его смерть за Родную Страну.

А. Ефимов

Сибирский зимний поход¹

Прошло сорок лет. Уходят в прошлое воспоминания мрачных лет Гражданской войны, и поток новых событий заслоняет их туманной пеленой. Но не все исчезает в бездне забвения. Многие из того, что было пережито, забыть невозможно.

Кто из участников Гражданской войны в Сибири не помнит зиму 1919—20 годов?! От Тобола до Забайкалья в течение четырех суровых месяцев пробивалась на восток армия адмирала Колчака, не желая положить оружия перед красными полчищами.

Не забыть этих длинных утомительных переходов, жестоких боев в неравных условиях с врагом, появившимся со всех сторон, стонувших замерзающих раненых, бреда тифозных, вагонов с замерзшими больными и ранеными, измен своих, предательства «союзников», борьбы с суровой сибирской природой...

Казалось, чтобы уничтожить до последнего человека остатки отступающей армии, все объединилось в крепкий союз — и злая воля людей, и слепые силы природы.

Но это не так. И именно слепые силы природы были к нам более благожелательны, более «человеколюбивы», чем ослепшее, озверевшее среди войн и революционного угара человечество.

В особенности с чувством глубокой признательности вспоминаются могучие сибирские реки. Не они ли своими величавыми размерами, широкими и глубокими, многоводными и быстрыми, могли преградить нам дорогу и уничтожить всякую возможность к дальнейшему движению?! Но они ни разу не предали нас. По чудесному приказу Небесных Сил они покрывали свою поверхность ледяным покровом в последний момент и пропускали нас дальше.

В первой половине ноября армия широким фронтом подходила к Иртышу. Единственная переправа — железнодорожный мост у Омска, приспособленный для пешего и конского движения. Через него поток повозок, людей и лошадей. Только часть армии могла переправиться через этот мост.

Переправа остальной части армии зависела от Иртыша. Покроется он льдом — переправятся, а нет — катастрофа неизбежна.

В 1812 году 14 ноября самоотверженные саперы Наполеона, работая по горло в воде, построили мосты через Березину, и часть его армии спаслась от преследования Кутузова. У этой переправы Наполеон потерял $\frac{2}{3}$ своих сил из имевшихся у него к этому времени 30 тысяч. До 20 тысяч были убиты, утонули, замерзли или взяты в плен. Погибла почти полностью артиллерия.

¹ Часовой, № 401, сентябрь 1959.

Но Иртыш не был Березиной, и никакие саперы не смогли бы здесь соорудить моста. Части армии, которые должны были переправляться южнее Омска, выслали вперед своих саперов, чтобы искусственно утолстить и укрепить лед, если Иртыш станет. Но когда саперы подошли к реке, она еще не замерзла. Правда, на поверхности плыли мелкие льдины и «сало». Нужен был крепкий мороз, чтобы «сало» обратилось в ледяной покров... Иначе судьба худшая, чем наполеоновской армии на Березине, ожидала всех, кто подходил к Иртышу южнее Омска.

Мороз начал усиливаться 10 или 11 ноября, лишь за три дня до подхода армии к реке.

Иртыш покрылся тонким льдом. Саперы начали усиленно укладывать солому и ветки, поливая их водой. Так была укреплена дорога на слабом льду Иртыша саперами Ижевской и других дивизий. В 11-й Уральской дивизии саперы достали рыбацьи сети и перегородили реку, когда по ней еще плыло «сало». Сети задержали мелкий лед и «сало», и, как только грянул мороз, получился сразу довольно толстый слой ледяной коры. Всячески изощрались саперы, торопясь подготовить Иртыш к приему подходивших войск.

При первой возможности начали осторожно переправлять обозы. Дорога была опасная. Шаг в сторону — и можно было оказаться подо льдом. Где-то провалилась и утонула партия беженцев, торопившихся переправиться раньше времени, несмотря на предупреждение саперов. На нашей переправе свернули в сторону и сразу пошли под лед два быка с санями.

Постепенно обозы переправились. За ними начали переходить реку войска. Это было 14 ноября, в тот самый день, в который наполеоновские саперы 107 лет тому назад строили свои мосты через Березину. С особой осторожностью перетаскивали пушки, таща их веревками на больших дистанциях друг от друга. Переправа прошла благополучно.

Когда последние дозоры перешли на восточный берег Иртыша, артиллерия разбила снарядами укрепленную на льду дорогу и на два-три дня задержала преследование врага.

Иртыш нас пропустил.

Понесся огромные потери, особенно при проходе через Щегловскую тайгу, армия в начале января подошла к Красноярску.

Здесь нас ожидал новый удар. Командир 1-го Сибирского корпуса генерал Зиневич с частью своих полков перешел на сторону красных и закрыл путь на восток. Попытки передовых частей армии, измученных тяжелым походом и перемешавшихся с толпами беженцев, выбить из менников из Красноярска и проложить себе дорогу — не удались.

Новое испытание судьбы тяжким молотом ударило по истомленным, издерганным, изголодавшимся и иззябшим бойцам. Многие

потеряли веру в возможность пробиться дальше и пошли сдаваться в Красноярск.

Некоторым частям удалось проскочить мимо города на восток. Остальные, во главе с главнокомандующим генералом Каппелем, двинулись на север, чтобы обойти Красноярск кружным путем по реке Кан, притоку Енисея. Пробившись с боями на север, части армии, растянувшись по Енисею, встретили Рождество Христово (7 января 1920 г. по нов. ст.).

Ижевская дивизия встретила Великий Праздник в богатом селе, придя туда поздно вечером. Крестьяне гостеприимно приняли нас и досыта накормили. Наши верные походные друзья — лошади получили дачу овса, которого не видали много дней.

Здесь был ночлег в течение четырех часов, и это был первый определенный отдых с 3 января. Пять дней мы почти не вылезали из седла.

Ночью 8-го пришли к устью реки Кан в деревню Подпорожную. Она была забита ранее прибывшими частями, которые готовились к дальнейшему движению.

Река Кан протекала между отвесными скалистыми берегами, пробив себе в горах дорогу. В нескольких местах на ней были «пороги», где вода бурлила и пробивалась на поверхность льда. Эти места окончательно замерзли только после сильных морозов, обычно после Рождества. К нашему приходу некоторые наиболее бурные пороги еще не замерзли. Кан не хотел нас пропускать.

Но двигаться было надо — отступления назад не было.

9 января авангард тронулся в путь. Первые пороги у самого устья, особенно трудно проходимые, обошли, поднявшись на крутую лесистую гору и спустившись с нее выше порогов. Следующие пороги обходить было невозможно. Две каменных стены по бокам не допускали другого движения, как только по льду реки. Нужен был крепкий мороз, который бы окончательно сковал реку. Плохо одетые, мы сильно страдали от морозов в 15–20 градусов, но теперь молили о морозе в 40 градусов. И он «закургузил», когда передовые части двинулись вверх по Кану. Тяжело пришлось этим первым частям — Уфимской и Камской дивизиям, — с которыми шел и генерал Каппель, показывая пример.

На порогах вода не успела замерзнуть и вырывалась на поверхность льда, и в этот жестокий мороз нужно было ходить по ледяной воде и искать проходимые места. Люди промачивали ноги, и валенки обращались в ледяные глыбы.

При проходе Иртыша вода замерзла под нашими ногами. Кан замерзал вместе с ногами шедших впереди. В этих гиблых местах сани сразу примерзали ко льду, если усталые лошади не смогли протащить их через порог «одним духом», не останавливаясь. Много примерзших

саней было брошено. Легко прошли на второй день по проторенной дороге следующие части, когда вся река была скована крепким льдом. Пропустил нас и Кан, но взял за это тяжелый выкуп. Было много помороженных. Особенно тяжела была для всех потеря нашего главнокомандующего — генерала Каппеля, который промочил ноги, сильно простудился и после тяжелых страданий умер 26 января.

Впереди оставалась большая и грозная преграда — Байкал.

Обходных путей вокруг Байкала нет, или где-то один, очень кружной, у самой монгольской границы, удлинявший дорогу верст на триста.

Сообщение через Байкал зимой поддерживалось сначала ледоколами, потом по льду. После постройки Кругобайкальской железной дороги ледоколы не ходили. Железная дорога теперь была в руках чехов-«союзников». Захватив подвижной состав, они стремились скорее выбраться в Приморье — к Владивостокскому порту.

Пока сзади был надежный щит — Белая армия, «союзники» беспечно жили в Сибири в 1919 году, спекулируя, скупая ценности и грабя, плетя сети интриг, занимаясь тайными предательствами, жестоко расправляясь с сопротивлявшимися им сибиряками карательными экспедициями...

Теперь на их хвост наступил большевизм. В стремлении спастись и вывезти свои «трофеи» союзники перестали чем-либо стесняться. Предавали и продавали всё и всех — и свои честь и достоинство, и Белую армию, и мирное население, и в своей собственной среде одни других.

Этот период знаменуется цепью самых гнусных, отвратительных и уже не тайных, а открытых предательств. Перестали пропускаться по русской железной дороге поезда с русскими беженцами, ранеными и больными. Они тысячами гибли, замерзая в холодных вагонах поездов без паровозов. После Красноярска была предана и попала в руки красных Польская дивизия, составлявшая часть сил «союзников». Дошла очередь до главных сил союзнической армии — чехов.

Но они купили себе право двигаться дальше новым омерзительным предательством — выдачей Адмирала Колчака, которому за несколько дней до этого гарантировали свою защиту. Продвигавшейся Белой армии ставился ряд преград и затруднений.

Трудно было сомневаться в том, что эти «друзья» втайне желали отступающей армии гибели в пучинах Байкала, чтобы не осталось в живых опасных для них и неподкупных свидетелей их злодейств и предательств. Участи армии обрекались шедшие с нею семьи — женщины, старики и дети. Для них не было места в 20 тысячах русских вагонов, в которых ехали 40 тысяч чехов и везлось их «благоприобретенное» добро.

Такова была удручающая обстановка, когда армия адмирала Колчака, преданного союзниками и замученного врагами, подходила к озеру Байкал.

Можно ли было надеяться хотя бы на небольшую помощь от всех этих «друзей» и «союзников»? Нет! Все наши надежды были, как и раньше, только на чудесную помощь Всевышнего, на то, что Байкал замерзнет раньше срока и пропустит нас с нашими ранеными, больными и семьями.

Байкал, когда начинаются морозы, покрывается льдом сначала у берегов. Середина не замерзает очень долго. Там остается полоса открытой воды — «попынья». Над «попынью» в безветренную погоду стоит туманное облачко и предупреждает о непроходимости Байкала.

Мы подошли примерно недели на две раньше того времени, когда устанавливается переправа, и на три-четыре недели ранее, когда можно быть уверенным, что переправа уже существует. Санный путь через Байкал открывается во второй половине февраля, иногда в начале марта.

9 февраля передовые части поздно вечером прибыли на берег Байкала в большое село Лиственничное. Жители сообщили, что еще никто не пытался переходить на тот берег.

Наш путь через Байкал лежал на Мысовск, до которого было около 60 верст. Расстояние слишком большое, чтобы сделать его в один переход на усталых лошадях и при полной неизвестности о том, что делается на середине Байкала. Поэтому 10 февраля прошли по льду Байкала вдоль берега на север, к деревне Голоустной, лежавшей против Мысовска. Отсюда переход был в 4 версты.

В Голоустной крестьяне также еще не пробовали переправляться на ту сторону, считая, что рано и опасно. Нужно было выслать разведку, чтобы выяснить, замерз ли Байкал посередине и кто находится в Мысовске. Вызвались на это два офицера Ижевской дивизии — поручик Понятовский и Лучихин. Они переоделись в крестьянское платье.

Долго никто из жителей деревни не решался идти проводником. Наконец один молодой парень, после обещания щедрой награды в 25 рублей царскими золотыми, согласился. Старики напутствовали его многочисленными советами, накопленными из опыта десятков лет ими самими и их прадедами.

Трое разведчиков спустились на лед и двинулись в путь, скрывшись вскоре в просторах ледяной пустыни. В передовых частях армии шли деятельные приготовления для завтрашнего перехода. Начальник авангардной Ижевской дивизии — генерал Молчанов, еще будучи молодым офицером, делал съемки на Байкале на острове прокаженных Ольхон и уже тогда познакомился со свойствами Байкала. Он рассказал об особенностях озера и дал инструкции для перехода.

При неожиданной прибыли воды лед на Байкале дает трещины, появляющиеся с оглушительным грохотом. Их бояться не следует. Но нужно запастись досками, чтобы перекрывать трещины мостками. В трещины иногда попадают лошади. В таком случае надо накидывать узду на шею лошади и начинать ее душить. Задыхаясь, лошадь вбирает воздух и легче плавает. Улучив момент, надо за голову и хвост вытолкнуть ее из трещины на лед.

Когда лед снова сходится, края трещины ломаются и нагромождают целый вал ледяных осколков. Нужно иметь лопаты для расчистки этих барьеров.

На гладкой как зеркало поверхности льда с истертыми подковами наши лошади скользили и падали. Чтобы «наковырять» дорогу, вперед посылался сборный отряд, составленный из всадников, которым удалось перековать своих лошадей на новые подковы с острыми шипами. 11 февраля утром, не дожидаясь возвращения разведчиков, авангардные части начали переход. Движение шло благополучно.

Наставления генерала Молчанова оказались весьма полезными. Как раз в этот день стала прибывать вода, и Байкал приветствовал нас громом своих трещин. Как будто стопушечная батарея давала залп, и могучее эхо раскатывалось по ледяной глади.

Трещины покрывались досками, и движение протекало без задержек. Только для несчастных истомленных лошадей этот переход был страшно тяжел. Они скользили и падали, и многие, обессилев, остались на льду Байкала. После нашего перехода крестьяне подбирали их и вывозили к себе на санях.

Бегут немереные версты одна за другой. Вот и середина Байкала. Всюду крепкий лед. От одного к другому передают, что вернулись с того берега разведчики: весь Байкал проходим, в Мысовске красных нет, там отряд японцев.

Байкал нас пропускает.

Байкал пройден.

Байкал остался позади, и мы в Забайкалье...

Еще один этап борьбы с красным гнетом закончился. На очереди — следующий.

*А. Ефимов
б. командир Ижевско-Воткинской бригады*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Биографии некоторых старших начальников Ижевской и Воткинской стрелковых дивизий

Составители А. А. Петров, И. В. Купцов

Молчанов Викторин Михайлович родился 23 января (4 февраля) 1886 г. в городе Чистополе Казанской губернии, в семье почтового чиновника. Окончил Елабужское реальное училище (1904) и Алексеевское военное училище в Москве, по первому разряду (1906). В службу вступил 29 августа 1904 г. 24 марта 1906 г. произведен в подпоручики и направлен для прохождения службы во 2-й Кавказский саперный батальон. Ему довелось принять участие в подавлении революционных волнений в Закавказье: с 6 сентября 1906 г. по 20 июля 1907 г. Молчанов был командирован в составе роты 2-го Кавказского саперного батальона в Шушинский район для содействия гражданским властям в подавлении беспорядков; а затем с 11 апреля по 23 июня 1908 г. командирован в Ленкоранский карательный отряд. 28 августа 1908 г. он был переведен во 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон, а 11 августа 1910 г. — в 6-й Сибирский саперный батальон. Последний был расквартирован в с. Раздольном в Приморье. В нем Молчанов нес службу до 1914 г., в 1910 году был произведен в поручики, и в 1912 г. — в штабс-капитаны.

В 1914 г. вышел на фронт командиром роты в 7-м Сибирском саперном батальоне, затем назначен командиром 3-й Отдельной Инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В последней должности пробыл всю войну до весны 1917 г. В 1915 г. был отравлен газами на реке Бзуре. Последствия отравления сказывались у него всю жизнь; когда по излечении он заехал в отпуск к родным, те обратили внимание на желтый цвет его лица и на то, что волосы на голове у него «из черных превратились в сталисто-серые». В 1915 г. Молчанов был произведен в капитаны. В мае 1917 г., когда на фронте началось разложение, рота Молчанова, по его собственным воспоминаниям, вынесла постановление о нем, *«как весьма храбром мужественном командире, обладающем большими специальными знаниями, но совершенно не современном офицере», а потому и не могущем оставаться в должности»*¹. Перешел на должность штаб-офицера для поручений и делопроизводства при Корпусном инженерере 6-го Сибирского корпуса, произведен в подполковники (производство было подтверждено лишь

¹ Молчанов В. М. Борьба на Востоке России и в Сибири // Первопоходник (Лос-Анджелес), № 17, 1974. С. 37.

осенью 1918 г. Главным Штабом Народной Армии Комуча). 2 февраля 1918 г., при попытке эвакуировать инженерное имущество корпуса, Молчанов с группой подчиненных был застигнут на ст. Вольмар наступающими немцами. В завязавшейся перестрелке был ранен в обе ноги осколками гранаты и взят в плен. По излечении и выходе из госпиталя ему грозила опасность быть направленным в лагерь для военнопленных в Германии. Но Молчанову удалось нелегально перейти демаркационную линию, и в апреле 1918 г. добраться до Елабуги. Месяц спустя он вынужден был скрыться от красных в селе Алнаши, где его брат, Александр Михайлович, был мировым судьей.

В сентябре 1918 г. село Алнаши восстало против красных, и Молчанов на общем сходе был избран командиром Алнашской дружины. Вскоре вызван в Елабугу, где возглавил уже всю Елабужскую Народную армию. В октябре 1918 г. после отхода за Каму переформировал Елабужцев в 32-й Прикамский стрелковый полк. Осенью — зимой 1918 г. подполковник Молчанов, возглавляя отряд в составе 32-го Прикамского и 13-го Уфимского стрелковых полков с двумя батареями, сдерживал красных в районе реки Белой, дав им ряд боев за Мензелинск, пристань Дюртюли и город Бирск. 20 января 1919 г. был произведен в полковники «за отличия в делах против неприятеля» и в тот же день назначен командиром Ижевской стрелковой бригады.

За отличия в боях под Уфой 20 апреля 1919 г. произведен в генерал-майоры. Во время Златоустовской операции Ижевская бригада обороняла Кусинский завод, обеспечивая отход Волжской группе войск через горные проходы Урала. В Челябинской операции, насчитывая 542 штыка (!), действовала в составе Северной ударной группы ген. С. Н. Войцеховского против 35-й стрелковой дивизии красных в районе Дербешева — Аргаяш, таким составом разгромила 1-ю бригаду 35-й дивизии (три полка в среднем по 3,5 тыс. чел. в полку) и отбросила ее за Аргаяш. Затем, совместно с личным составом Челябинской инструкторской школы полк. М. И. Москаленко, вела ожесточенные бои в районе дер. Муслюмово (28—31 июля 1919), сдерживая продвижение 5-й стрелковой дивизии красных, чем обеспечила успешный отход на восток 2-го Уфимского армейского корпуса. Пополненная 52 офицерами и 842 солдатами (1 августа 1919), совместно с частями 3-й Оренбургской казачьей отдельной бригады ген. Ю. И. Мамаева прикрывала общий отход 3-й армии за Tobol. 14 августа была выведена в армейский резерв для отдыха и пополнения. 29 августа бригада была развернута в дивизию, комплектовалась в основном из рабочих и крестьян на добровольческой основе (к концу августа действовали 14 пунктов вербовки в Омске, Томске, Ишиме, Новониколаевске и др. городах). На 31 августа 1919 г. личный состав дивизии насчитывал 182 офицера, 1309 штыков и сабель (с приданными частями соответственно — 223 и 1618).

В. М. Молчанов бессленно командовал Ижевской бригадой, затем дивизией, вплоть до выхода ее в Забайкалье в феврале 1920 г.

11 сентября 1919 г. приказом Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Молчанов был награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. «за то, что, лично предводительствуя дивизией, находясь в сфере действительного огня противника, своими действиями способствовал успехам Уральской группы, без которых был невозможен упомянутый успех». За те же бои Ижевская дивизия была награждена Георгиевским знаменем (16 сентября 1919).

Участник Великого Сибирского Ледяного похода, получил Знак Отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский Поход» 1-й степени за № 6.

Другие награды Молчанова: орден Св. Владимира 3-й ст. с мечами, орден Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, орден Св. Анны 2-й ст. с мечами, орден Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, орден Св. Станислава 2-й ст. с мечами, орден Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом.

По выходе в Забайкалье и продвижении на Читу в бою у деревни Хараузное, при атаке на красных партизан во главе своих ординарцев, Молчанов был ранен в обе руки. В апреле 1920 г. в Забайкалье принял командование 3-м стрелковым корпусом. 30 июня 1920 г. «за взятие Нерчинского завода и станицы Багдадской» был произведен атаманом Семеновым в генерал-лейтенанты. В 1921 г. после разрыва «Каппелевского командования» с Семеновым снял с себя это производство, но позднее в эмиграции, после разъяснения Великого князя Николая Николаевича, восстановил его.

При отходе из Забайкалья составлял со своим корпусом арьергард белой Дальне-Восточной армии, выдержал ряд жестоких боев за станции Борзя и Даурия и последним отступил на территорию Маньчжурии. В Приморье после переворота 26 мая 1921 г. Молчанов был 1 июня назначен начальником гарнизона Раздольного и одновременно вступил в исполнение обязанностей начальника гарнизона Владивостока.

В ноябре 1921 г. возглавил Действующий отряд Дальне-Восточной армии, в целях конспирации переименованный в «Белоповстанческую армию», и повел его на север в Хабаровский поход. В течение месяца провел ряд блестящих боев, освободил от красных северное Приморье и 22 декабря 1921 г. во главе своих победоносных войск вступил в Хабаровск. Однако неравенство сил было слишком велико. После большого Волочаевского боя 10–12 февраля 1922 г. Молчанов вынужден был поспешно отводить Белоповстанческую армию из-под удара. Ему удалось сохранить основные силы армии, но пришлось вернуться на прежние позиции за Иман. В течение Хабаровского похода «генерал Молчанов сделал всё, что было в пределах человеческих сил, и свой долг выполнил до конца».

После реорганизации Дальне-Восточной армии в Земскую Рать генерала М. К. Дитерихса Молчанов возглавил в ней Поволжскую группу (фактически свой же прежний 3-й стрелковый корпус). С нею он 8—9 октября 1922 г. защищал г. Спасск и участвовал в сражении 13—14 октября 1922 г. под Монастырищем, после которого Земская Рать вынуждена была покинуть Родную землю. До конца мая 1923 г. в лагерях беженцев в Гирине (Китай), затем в эмиграции в США, в Сан-Франциско.

Скончался 10 января 1975 г. от рака горла.

Федичкин Дмитрий Иванович¹ родился 9 февраля 1885 г. Окончил Оренбургское реальное училище (1902). В феврале 1903 г. поступил на военную службу в Орловский резервный батальон, в июне 1904 г. окончил учебную команду и был переведен в пехотный полк (к сожалению, название и номер полка в источнике отсутствуют). В июле 1904 г. был произведен в унтер-офицеры и 3 августа 1904 г. направлен в Действующую армию на театр военных действий Русско-японской войны. Отличился в сентябре 1904 г. в боях на р. Шахе и 1 января 1905 г. был произведен в подпрапорщики. 12 января 1905 г., в бою под дер. Сандепу был ранен в левую ногу. 13 февраля в бою под дер. Мамыкай был ранен ружейной пулей и осколком снаряда в другую ногу. За подвиги в этих боях был награжден Знаком Отличия Военного Ордена (Георгиевским крестом) 4-й степени за № 15513 и Знаком Отличия Военного Ордена 3-й степени за № 7196. 25 февраля 1905 г. в бою под Мукденом был в третий раз ранен пулей в правую лопатку навывлет и захвачен японцами в плен. 13 марта 1906 г. вернулся из плена в Россию и был прикомандирован к Казанскому пехотному юнкерскому училищу.

По окончании курса был произведен в подпоручики и выпущен в 6-й Закаспийский стрелковый батальон. 10 июня 1911 г. был переведен в 13-й Туркестанский стрелковый полк и 12 июня 1913 г. произведен в поручики. Был женат на уроженке Вятской губернии, потомственной дворянке Евгении Михайловне Мотовой.

В 1914 г. со своим полком выступил на Кавказский фронт. В январе 1915 г. принял участие в сражении под Саракамышем. В 1916 г., командуя ротой, участвовал в штурме Эрзерума; в ночь с 14 на 15 января отличился при атаке на сильные укрепления у селения Выхыл-Капу и был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Затем вновь отличился в боях под Байбутом, у Калкиты и Эрдзиджана, награжден пятью орденами. 29 октября 1917 г., ввиду разложения армии, ушел в отпуск на два месяца, а 13 апреля 1918 г. в г. Казани окончательно уволился со службы.

¹ В основу положена биографическая справка о Федичкине, предваряющая его воспоминания в журнале «Первопоходник» (№ 17. 1974. С. 62—63).

Примкнул в Казани к противобольшевистской подпольной организации. В начале августа выехал к своей семье в Ижевск. С 8 августа 1918 г., с начала восстания на заводе, участвовал в боях против большевиков, сначала как командир отряда фронтовиков, затем как командующий Ижевской Народной Армией и, наконец, как Главнокомандующий Народными Армиями Прикамья. 20 октября 1918 г. на собрании старших начальников и гражданских властей предложил принять меры к своевременной эвакуации Ижевска (ввиду грозящей ему опасности). В ответ Уполномоченный Временного Правительства по Прикамскому краю Евсеев грубо обвинил Федичкина в трусости. Оскорбленный Федичкин подал в отставку, 23 октября 1918 г. был снят со своего поста и уехал со своей семьей в Уфу, «в распоряжение генерала Болдырева».

Штабом Верховного Главнокомандующего (Болдырева) Федичкин был командирован в штаб Западно-Сибирского военного округа и 3 декабря 1918 г. был назначен комендантом гор. Томска. 15 мая 1919 г. был командирован в освобожденный Ижевск для ликвидации дел Прикамской армии, и с одобрения Молчанова развернул здесь агитацию за возвращение Ижевцев в родную бригаду. Эта агитация имела успех, и 1 июня 1919 г. Федичкин был назначен помощником начальника Ижевской стрелковой дивизии (вместо полковника Кузьмина) и был отправлен в г. Томск, где организовал сбор выздоравливавших Ижевцев, а также вербовку добровольцев из числа ижевских беженцев на пополнение дивизии. Вместе со своей семьей — женой, ее матерью и тремя малолетними дочками — Федичкин проделал Великий Сибирский Ледяной поход до Забайкалья, откуда попал в Маньчжурию и Америку. «Жил в Сан-Франциско, тяжело работал, часто болел. Мало говорил о своем военном прошлом и только в торжественных случаях надевал на свой штатский костюм белый крест». Скончался 24 октября 1966 г. в возрасте 81 года.

Юрьев Георгий Николаевич, настоящая фамилия Бимман¹, сменил ее на фамилию «Юрьев» 14 августа 1915 г., последовав примеру неко-

¹ Дореволюционная биография Юрьева написана на основании статьи К. И. Куликова «Руководители Ижевского восстания» (Гражданская война в Удмуртии. 1918—1919 гг., сб., Ижевск, 1988. С. 148—155). Именно Куликов установил факт смены фамилии на основании послужного списка Биммана-Юрьева. С другой стороны, некоторые утверждения автора (не подкрепленные ссылками на надежные источники), как, например, то, что Юрьев ездил в Швейцарию следить за революционерами-эмигрантами, или то, что он устроился на Воткинском заводе по заданию некоей тайной монархической организации, которая уже в июле 1917 г. планировала организовать спасение Государя и его семьи, представляются надуманными и недостоверными.

торых других офицеров, из патриотических побуждений сменивших свои немецкие фамилии на русские в годы войны с Германией.

Георгий Николаевич Бимман родился 5 апреля 1876 г. в семье потомственных дворян Подольской (по другой версии — Киевской) губернии. Учился в Киевском Владимирском кадетском корпусе, затем в Михайловском артиллерийском училище (в службу вступил юнкером рядового звания 3 августа 1895 г.). 12 августа 1896 г. был выпущен подпоручиком в Новогеоргиевскую крепостную артиллерию. Женился на дочери генерала Софье Ипполитовне Юрьевой, супруги имели двух дочерей Елену и Веру. 30 апреля 1900 г. Бимман был прикомандирован к 3-му гвардейскому Летучему артиллерийскому парку и назначен заведующим хозяйством парка, а 12 августа того же года произведен в поручики.

Вскоре после этого он уволился в запас и поступил на службу сверхштатным чиновником для особых поручений при Псковском губернаторе, а 1 января 1903 г. назначен помощником Псковского полицмейстера. Далее, 29 ноября 1903 г. он был переведен в штат Санкт-Петербургской столичной полиции с присвоением ему за выслугу лет чина Титулярного советника. С началом Русско-японской войны вновь был призван в армию и направлен на усиление крепостной артиллерии Николаевска-на-Амуре. Непосредственного участия в боях с японцами не принимал. Приказом Командующего Маньчжурскими армиями № 1301 от 8 июля 1905 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 31 декабря 1905 г. был уволен в запас и вновь вернулся на службу в Санкт-Петербургскую полицию. 22 сентября 1906 г. был назначен офицером конно-полицейской стражи Орловской губернии, а затем 20 февраля 1907 г. полицмейстером г. Ельца. 31 июля 1907 г. был уволен от службы по домашним обстоятельствам и уехал в Швейцарию. В сентябре того же года вернулся в Россию и поселился в Москве.

С началом Первой мировой войны вновь был 18 июля 1914 г. призван на военную службу и 7 августа того же года в звании зауряд-капитана был назначен в Кишиневе ротным командиром (надо полагать, в одной из дружин Государственного ополчения). 11 февраля 1915 г. «за ревностную службу и труды, вызванные обстоятельствами текущей войны», был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. 12 июня 1915 г. произведен в штабс-капитаны и назначен командиром 6-й роты 413-го Порховского пехотного полка. 7 июля 1915 г. полк выступил на позиции, а месяц спустя, 7 августа Бимман был эвакуирован в тыл «вследствие контузии и болезни». Неделью спустя, 14 августа 1915 г. последовало Всемиловейшее разрешение «именоваться с семейством по фамилии Юрьевым, вместо прежней Бимман». Фактически, Георгий Николаевич взял фамилию своей жены. В течение какого-то времени Юрьев находился на лечении в Ялте (лечился от воспаления седалищного нерва),

затем вернулся на службу и состоял в качестве члена военно-полевого суда гарнизона г. Бердичева. Впрочем, другие источники называют его штабс-капитаном 5-й артиллерийской бригады.

В июле или августе 1917 г. он покинул ряды армии и вскоре устроился в заводоуправлении Воткинского завода. В апреле 1918 г. был избран секретарем коллегии заводоуправления. По воспоминаниям рабочих, ходил прихрамывая, с тросточкой. Член Воткинского союза фронтовиков. Активный участник восстания 17 августа 1918 г. в Воткинске, сразу же был назначен комендантом города, а со 2 сентября 1918 г. — Начальник штаба Воткинской Народной Армии. 23 октября 1918 г. назначен вместо Федичкина Главнокомандующим Народными Армиями Прикамья. 14 ноября увел Ижевцев и Воткинцев за Каму, вошел в оперативное подчинение начальнику Камской группы генералу С. Н. Люпову. Вскоре вступил в конфликт с Люповым на почве колебаний последнего в отношении признания переворота 18 ноября 1918 г. и Верховного Правителя адмирала А. В. Колчака. Юрьев через голову Люпова послал Колчаку телеграмму о признании его Верховным Правителем. В декабре 1918 г. Юрьев — начальник Сводной Воткинской дивизии (4 полка, около 8 тыс. человек.).

Двумя последовательными приказами Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего от 24 и 29 января 1919 г. «числящийся по полевой легкой артиллерии Командующий Ижевско-Воткинским отрядом капитан Юрьев» был произведен «за отличия в делах против неприятеля» вначале в подполковники со старшинством с 30 августа 1918 г., а затем — в полковники со старшинством с 3 декабря 1918 г. 24 января 1919 г. был выпущен Приказ Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака № 102 следующего содержания¹:

«Жалую орден Святого Георгия 4-й степени Командующему Сводной Воткинской дивизией полковнику Георгию Юрьеву за то, что он:

1. 29–30 августа 1918 г. — лично командуя боевой флотилией из трех судов на реке Каме, взял с боя сильно укрепленное село Частых (пункт 109-й статья 8-я Георгиевского статута)

2. 12–27 ноября 1918 г., лично руководя боевыми действиями отряда, при отходе от Воткинского завода под давлением превосходных мадыаро-большевицких сил, задерживал противника на переправе через реку Каму в течение двух дней и тем спас артиллерию, имущество и жизни беженцев — рабочих (пункты 6-й и 9-й, статья 8-я Георгиевского статута)

3. 3 декабря 1918 г., у деревни Фоки, находясь во главе Образцовой роты, личным примером увлек отступавшие Ижевские отряды, заста-

¹ ГАРФ. Ф. 176. Оп. 14. Д. 31. Л. 115.

вил их вступить в бой с противником, чем остановил наступление его и дал возможность нашей армии, окруженной под городом Осой, выйти из «мешка» (пункт 6-й статья 8-я Георгиевского статута)».

Кроме того, в следующем приказе Колчака за № 103 говорится: *«...Душой и руководителем этой борьбы и работы был Командующий Воткинской дивизией Капитан Юрьев, вложивший в это дело все свои силы и потерявший все здоровье в тяжелых боях с изменниками».*

Если учесть, что с 11 января 1919 г. врем. командующим дивизией становится Н. П. Альбокринов, можно предположить, что Юрьев получил отпуск для поправления здоровья. Он вновь возглавил дивизию в мае или июне 1919 г., в это время в нее была влита 16-я Сарапульская стрелковая дивизия, сама она получила при этом название 15-й Воткинской. В ходе сентябрьского наступления 1919 г. в междуречье Тобола и Ишима дивизия вошла в состав Тобольской группы генерала М. Е. Редько. Последняя, действуя на крайнем правом фланге белого фронта, нанесла поражение красной 51-й стрелковой дивизии В. К. Блюхера и освободила г. Тобольск. Однако отчаянное сопротивление Блюхера не дало развить успех. Редько, оказавшийся не слишком хорошим полководцем, решил свалить вину за свои неудачные действия на Юрьева и оклеветал его перед Колчаком. В результате 17 октября 1919 г. Юрьев был снят с поста командующего дивизией и направлен в резерв чинов при штабе Омского военного округа¹, позднее он был назначен помощником начальника дивизии Морских стрелков. В ходе Сибирского Ледяного похода Юрьев попал в плен к красным под Кемчугом и в июне 1920 г. был расстрелян в Ачинске по постановлению Губчека² за то, что он, *«состоя начальником Воткинской дивизии, проявлял жестокость и расстреливал арестованных сторонников Советской власти; по его приказу было расстреляно несколько сот арестованных, содержащихся на баржах на Каме при отступлении белых банд из Воткинска».*

Вах (фон Вах) Борис Эммануилович родился 10 мая 1889 г. в г. Петергофе. Из потомственных дворян, сын отставного генерал-майора армейской кавалерии. Окончил курс наук в частном реальном училище А. С. Черняева в Санкт-Петербурге, затем, 25 июля 1912 г. — двухгодичные статистические курсы при Центральном статистическом комитете

¹ Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего и Главнокомандующего армиями Восточного фронта № 1314 от 17 октября 1919 г. (ГАРФ. Ф. 176. Оп. 2. Д. 33. Л. 10).

² Смерть негодяям // газета «Дело Революции» (Новониколаевск), № 114, 10 июня 1920 г. (Информацию любезно предоставил С. К. Простнев).

МВД в Санкт-Петербурге. 12 июля 1914 г. окончил Елисаветградское кавалерийское училище по 1 разряду и выпущен корнетом в 3-й гусарский Елисаветградский Ее Императорского Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны полк. Командирован в 22-й пехотный полк. С 12 января по 14 марта 1915 г. — командир 7-й роты 222-го пехотного полка. С 6 марта 1915 г. прикомандирован на время войны к 1-му драгунскому Московскому полку, а с 28 ноября 1915 г. переведен в этот полк. 11 февраля 1916 г. произведен в поручики, с 31 марта 1916 г. — начальник команды связи полка. 16 августа 1916 г. произведен в штабс-ротмистры. Имел награды: ордена Св. Анны 2-й ст. с мечами (06.07.1915) и 3-й ст. с мечами и бантом (04.05.1915), 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й ст. с мечами (06.07.1915) и 3-й ст. с мечами и бантом (31.12.1914), светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования дома Романовых (21.02.1913).

14 апреля 1917 г. фон Вах принял 4-й эскадрон 1-го драгунского Московского полка. 20 апреля 1917 г. был назначен инструктором для действия с ручными гранатами того же полка. 7 июля 1917 г. избран секретарем общего офицерского собрания полка, секретарем командной наградной Думы и председателем дисциплинарного суда команды связи полка. 15 октября 1917 г. командирован для прохождения подготовительного курса в Николаевскую Военную академию Генерального Штаба. 17 октября 1917 г. зачислен на подготовительные курсы 3-й очереди академии. 19 октября 1917 г. произведен в ротмистры. Избран членом комитета младшего класса Военной академии. До 12 августа 1918 г. проходил курс в Военной академии. Вместе с Академией перешел в Казани на сторону белых, 13 августа 1918 г. поступил добровольцем в ряды Народной армии Комуча и назначен начальником отделения по разработке штатов отдела формирования Главного управления Генерального штаба Народной армии. 1 октября 1918 г. назначен вр. и. д. штаб-офицера для делопроизводства и поручений при начальнике Организационного отдела управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего генерала В. Г. Болдырева. С 1 января 1919 г. помощник начальника 1-го отделения Организационного отдела управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. 23 января 1919 г. командирован в распоряжение начальника штаба Сибирской армии в г. Екатеринбург для назначения на должность Генерального штаба. 2 февраля 1919 г. назначен начальником оперативного отдела штаба Воткинской стрелковой дивизии. С 21 марта 1919 г. — вр. и. д. начальника штаба дивизии. 5 июня 1919 г. назначен начальником штаба обороны г. Воткинска и Воткинского района с исполнением прежней должности. 13 июня 1919 г. назначен начальником штаба 8-го Камского армейского корпуса. 26 июля 1919 г., в момент слияния двух дивизий корпуса, Воткинской и Сарапульской,

в одну, переведен начальником штаба 15-й Воткинской стрелковой дивизии. 9 августа 1919 г. переведен в Томский гусарский полк с назначением командиром полка. 11 ноября 1919 г. назначен вр. и. д. начальника 15-й Воткинской стрелковой дивизии. 12 февраля 1920 г. произведен в полковники. С 13 февраля 1920 г. — командующий той же дивизии. 14 марта 1920 г. вследствие переформирования дивизии в отряд из 3-х родов оружия назначен командиром Воткинского отряда. С 12 февраля 1920 г. причислен и в тот же день переведен в Генеральный штаб. 7 ноября 1920 г. назначен командиром Ижевско-Воткинского кавалерийского полка. 28 ноября 1920 г. назначен командиром Воткинского стрелкового полка. 28 ноября 1920 г. назначен командиром Воткинского отряда с исполнением должности командира полка. 25 июля 1921 г. при сформировании Ижевского-Воткинской бригады назначен помощником начальника бригады (А. Г. Ефимова) с правами помощника начальника дивизии; ввиду расформирования Воткинского отряда, вошедшего в состав бригады, остался в должности командира Воткинского полка. 22 августа 1922 г. при переформировании Ижевско-Воткинской стрелковой бригады в Прикамский стрелковый отряд (полк) назначен начальником Воткинской пешей дружины (батальона) и помощником командира Прикамского полка. После ранения Ефимова 14 октября 1922 г. в бою под Монастырищем фон Вах временно исполнял обязанности командира Прикамского полка.

За годы Гражданской войны награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1919), знаком ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й ст. № 1158 (08.07.1921), серебряной медалью в память Приамурского Земского собора (22.08.1922).

2 ноября 1922 г. перешел с армией границу Китая, где армия была интернирована. Находился в лагере беженцев в Гирине. Эмигрировал в США. Член Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. Умер в Сан-Франциско 26 июня 1958 г.

Альбокринов Николай Петрович родился в Саратове в 1887 г. Окончил военное училище (1907). В службу вступил (1905), выпущен подпоручиком в 3-й гренадерский Перновский короля Фридриха-Вильгельма IV полк (1907), поручик (1908), штабс-капитан (09.08.1911), капитан (1914), подполковник (1917). Участник Первой мировой войны в составе 3-го гренадерского Перновского полка. Награжден орденами: Св. Георгия 4-й степ. (27.09.1916) *«за то, что в бою 6 мая 1915 года, командуя батальоном своего полка, получившего задачу выбить противника с позиции на линии д.д. Тыхов и Нивы-Тыховские, лично произвел до боя отважную разведку расположения противника, при условиях исключительной трудности и опасности; воспользовавшись добытыми сведениями, атаковал противника, обойдя*

его фланг, захватил, после упорного боя, укрепления противника южнее д. Тыхова, которые и удержал за собой, вследствие чего сражение приняло решительный оборот в нашу пользу», Св. Анны 2-й степ. с мечами, 3-й степ. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степ. с мечами и 3-й степ. с мечами и бантом.

После октября 1917 г. занимался частным трудом. Был мобилизован в РККА, летом 1918 г., в сентябре или октябре того же года на Кельчинском боевом участке перешел на сторону Воткинской Народной Армии. 21 октября был назначен командиром 1-й пехотной бригады Воткинской Народной Армии, 23 октября — Начальником штаба Главнокомандующего Народными Армиями Прикамья (Юрьева) и 31 октября — Командующим Воткинской Народной Армией. С ноября 1918 г., после отхода за Каму, являлся Начальником штаба у Юрьева, на начало 1919 г. — начальником штаба Сводной Воткинской дивизии. За боевые отличия произведен в полковники и 11 января 1919 г. вступил во временное командование Воткинской дивизией. 16 мая 1919 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. По возвращении в строй Юрьева 1 июня 1919 г. Альбокринов был назначен помощником начальника 15-й Воткинской стрелковой дивизии, а 27 июля 1919 г. произведен в генерал-майоры (через голову Юрьева, который так и остался полковником), при этом переведен в другую дивизию.

Во время Красноярской катастрофы 5—7 января 1920 г. Альбокринов добровольно сдался в плен красным и в составе эшелона № 51 прибыл в распоряжение штаба 5-й армии красных. В январе 1920 г. направлен в Омский окружной военкомат. В 1920 г. арестован в Томске и приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Михайлов Дмитрий Иванович¹ родился 25 октября 1888 г. в г. Мариамполь, Сувалкской губернии. Окончил Виленское военное училище (1914); офицер 154-го Запасного полка в г. Глазове Вятской губернии, откуда был направлен на Юго-Западный фронт. Поручик, к началу 1918 г. — командир батальона 46-го Сибирского стрелкового полка 12-й Сибирской стрелковой дивизии. В феврале—марте 1918 г. этот полк одним из последних покинул фронт в Галиции и двинулся к станции Проскурово. Застигнутый на станции Жмеринка боями между большевиками с одной стороны и наступающими германцами с другой, полк отказался выступить на стороне первых и объявил о своем нейтралитете. Несмотря на это, сразу же после занятия станции, немцы объявили всех чинов полка военнопленными и заключили их под арест. При этом штаб 46-го Сибирского полка на всякий случай

¹ Статья составлена на основании биографии Д. Н. Михайлова, опубликованной в альманахе «Михайлов день», № 1 (Ред. С. Г. Зирин), Ямбург, 2005. С. 155—157.

раздал всем офицерам удостоверения на имя нижних чинов. В одну из ночей, воспользовавшись небрежностью охраны, группе из 20 человек удалось бежать, среди них был и поручик Михайлов. Далее, с большими сложностями, через Брянск, Москву он в первых числах марта 1918 г. прибыл в г. Глазов Вятской губернии. Устроился делопроизводителем в «Коллегию по делам пленных и беженцев», одновременно создал в городе подпольную офицерскую организацию, которая вскоре разрослась до 100 человек. Вскоре Михайлов, вместе с шестью другими людьми, был арестован в качестве заложника. Накануне перевода в Вятскую тюрьму сумел бежать вместе с тремя офицерами, некоторое время скрывался в окружающих г. Глазов лесах. Затем, узнав о восстании на Ижевском заводе, решил пробираться туда. После долгих скитаний, в сентябре 1918 г. вышел на заставу Ижевцев и был принят в ряды Ижевской Народной Армии.

Дальнейшая его служба: офицер Северного отряда Ижевской Народной Армии; затем в Правой группе той же армии; по выходе за Каму — командир 1-го стрелкового полка Ижевской бригады (затем — дивизии), бессленно занимал этот пост с января 1919 г. и до выхода в Забайкалье. Капитан (1919). Полковник (1920). Участник Великого Сибирского Ледяного похода. Его жена, Вера Михайловна, была сестрой милосердия в 1-м Ижевском полку.

В вынужденной эмиграции в Китае, проживал в Харбине, служил в русской бригаде в частях Китайской армии Чжан-Цзун-Чана, участвовал в Китайской гражданской войне. В конце Второй мировой войны выехал с супругой через Таиланд в Аргентину. Позже они переехали на жительство в Бразилию и поселились в Сан-Паулу. 26 ноября 1965 г. решением Корпуса Императорских Армии и Флота Дмитрий Михайлович был награжден орденом Святителя Николая Чудотворца (Свидетельство № 325-ю). 23 марта 1973 г., решением расширенного совещания Общества Ижевцев и Воткинцев (Сан-Франциско, США), Михайлов был принят почетным членом Объединения. Скончался он в Сан-Паулу 8 мая 1979 г.

Дробинин Владимир Никанорович¹ родился в 1890 г. в зажиточной крестьянской семье в с. Петропавловское Сарапульского уезда Вятской губернии. В 1913 г. закончил Сарапульское реальное училище. Служил рядовым в 6-м Волынском уланском полку, в 1914 г. участво-

¹ При подготовке статьи была использована статья С. К. Простнева «Создание и боевая деятельность формирования Народной армии Прикомуча. Воткинский (отдельный) конный дивизион» // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ижевско-Воткинское восстание: история, проблема изучения и восприятия». Ижевск, 2006. С. 64–70.

вал с полком в боях в Восточной Пруссии. Награжден Георгиевским крестом. В 1916 г. окончил Ораниенбаумскую школу прапорщиков. На 1917 г. — подпоручик или поручик, командир батальона 75-го пехотного Севастопольского полка.

Участник восстания на Воткинском заводе, 13 сентября 1918 г. назначен командиром взвода 1-го Воткинского кавалерийского эскадрона, затем 9 октября — начальником Кельчинского боевого участка и командиром 2-го батальона 1-го Воткинского пехотного полка. В ноябре 1918 г. он — командир батальона 2-го полка, с 1 января 1919 г. вр. и. о. командира 4-го Воткинского полка, штабс-капитан. С 25 мая — командир Воткинского конного дивизиона, 17 августа 1919 г. произведен в ротмистры. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920 г. подполковник, командир Воткинского конного дивизиона. Участник Хабаровского похода и боев в южном Приморье. В эмиграции жил в Китае — Гирин, Харбин, Шанхай. Умер в лагере русских беженцев на о. Тубабао (Филиппины) 7 марта 1950 г.

Заалов Александр Михайлович родился 20 ноября 1884 г. в Тифлисе. В 1906 г. окончил реальное училище, в 1908 г. — Алексеевское военное училище. С 1908 г. по 1 января 1918 г. служил в армии на командных должностях — командир роты, батальона, помощник командира полка. Участник Первой мировой войны. С октября 1918 г. — начальник Тюменской Инструкторской школы прапорщиков. В декабре 1918 г. школа была переброшена в Екатеринбург и развернута в 16-ю Сарапульскую стрелковую дивизию, Заалов возглавил в ней 58-й Казанский стрелковый полк. На 1 мая 1919 г. он уже командир 59-го Лаишевского стрелкового полка той же дивизии, подполковник. После того как в конце июня 1919 г. Сарапульская дивизия была влита в 15-ю Воткинскую дивизию, Заалов уже в ней возглавил полк, получивший номер и название его прежнего полка — 59-го Лаишевского. В начале января 1920 г. этот полк полностью попал в плен под Красноярском; Заалов при этом сумел выбраться из окружения. Далее он — участник Сибирского Ледяного похода, вышел в Забайкалье с частями армии генерала Каппеля. Полковник (март 1920). Ушел из рядов армии и эмигрировал в полосу отчуждения КВЖД. С 1 марта 1920 г. преподаватель Бухэдинского начального училища КВЖД. С 1 сентября 1925 г. по 8 февраля 1931 г. конторщик, табельщик, заведующий маршрутным столом, письмоводитель 2-го участка службы тяги КВЖД. Затем уволен, преподавал в русских эмигрантских гимназиях. Член Дальневосточного отдела РОВС. На 12 февраля 1935 г. работал конторщиком в Маньчжурской транспортной компании. С 17 апреля 1937 г. начальник БРЭМ в г. Маньчжурия. Состоял в ВФП. Член Дальневосточного союза военных в Маньчжурской империи. Член совещательного комитета Киовакай

в Маньчжурии. Награжден орденами Св. Владимира 4-й степ. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й и 3-й степ. с мечами и бантом, 4-й степ. с надписью «За храбрость», Св. Станислава 2-й степ. с мечами и 3-й степ. с мечами и бантом, медалью в память 300-летия царствования дома Романовых (1913), знаком отличия Военного ордена «За Великий Сибирский поход» (1920), орденом БРЭМ «За усердие» (08.06.1941). 17 октября 1943 г. был арестован отделением жандармерии в г. Маньчжурия по обвинению в шпионаже в пользу СССР. 19 января 1944 г. дело было передано в военный трибунал 10-го военного округа, и 31 марта 1944 г. Заалов был приговорен к десяти годам каторжных работ. Умер в тюрьме 1 апреля 1944 г.

А. А. Петров

О знаменах Ижевской стрелковой дивизии

Одной из наиболее распространенных легенд о восставших Ижевцах, закрепившейся в современном сознании, стало утверждение о том, что Ижевская бригада ходила в бой против красных под красным знаменем.

Это утверждение лично мне кажется сомнительным. Действительно, на восставшем заводе, над зданием, где заседал Прикомуч, развевался красный флаг. Однако делать его боевым знаменем и выносить на поле боя — означало сознательно создавать путаницу и резко повышать вероятность в разгар схватки принять своих за чужих или наоборот¹. Ни один боевой командир на такое никогда не пошел бы. К тому же, по некоторым данным, знамена у Ижевцев были не чисто красные, а двухцветные, красно-зеленые².

Блестящая боевая репутация Ижевской бригады, а затем и дивизии, и многочисленные победы Ижевцев над красными заставили в конце августа 1919 г. Командующего 3-й армией генерала К. В. Сахарова ходатайствовать перед адмиралом А. В. Колчаком о награждении дивизии особым, Георгиевским знаменем. Это ходатайство совпало с началом контрнаступления белого Восточного фронта в междуречье Тобола и Ишима, в первых же боях которого — 28 августа у поселков

¹ К слову сказать, первоначальным «боевым отличительным знаком» бойцов Ижевской Народной Армии, упоминаемым во многих источниках, была белая повязка на левом рукаве, принятая именно для отличия в бою от красных.

² Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск. 1992. С. 290.

Михайловского, Дубровного и деревни Малая Приютная, 3 и 4 сентября в районе поселка Сенжарский и деревни Большое Приютное и, наконец, 5 сентября у деревни Теплодубровной дивизия одержала целый ряд новых побед. Все это укрепило адмирала Колчака в решении удовлетворить ходатайство генерала Сахарова.

9 сентября 1919 г. Верховный Правитель прибыл в расположение Ижевской дивизии в с. Гусиное и произвел ей торжественный смотр. Во время него Колчак поблагодарил Ижевцев за их самоотверженную боевую работу, раздал отличившимся солдатам Георгиевские кресты, а многих офицеров произвел в следующие чины. После чего он объявил о награждении начальника дивизии генерала В. М. Молчанова орденом Святого Георгия 4-й степени и о награждении самой дивизии Георгиевским знаменем.

Приказ об этом был издан лишь неделю спустя, 16 сентября на станции Петухово¹:

«Ижевская стрелковая дивизия, сформированная из добровольцев-рабочих Ижевского, а последнее время и других заводов Урала, с момента своего существования, неизменно выказывала высокую доблесть и образцовую стойкость в жестокой борьбе с врагом, на благо возрождающейся России. Особенно геройскими, боевыми подвигами ознаменовала себя Ижевская стрелковая дивизия в период времени с 30-го августа по 5 сентября сего года в боях у посадков Богатый, Дубровный, Сунджарский и сел Большое и Малое Приютное, когда особенно жестокими ударами сломила упорство врага, нанеся ему громадные потери, и, захватила большое количество трофеев и пленных, заставив бежать неприятеля на Запад.

В воздаяние доблестных геройских заслуг, мужества и храбрости, жалую Ижевской стрелковой дивизии Георгиевское знамя. Знамени этому оказывать почести и хранить его, согласно надлежащих установлений».

Эта награда Ижевцев уникальна. Во-первых, это единственная коллективная Георгиевская награда в армиях адмирала Колчака. Но, кроме этого, в Российской Императорской армии всегда практиковалось награждение Георгиевскими знаменами только полков и отдельных батальонов, но не дивизий. Полковые знамена считались военными святынями, которые бойцам части при любых условиях следовало хранить как зеницу ока. Кроме них, в войсках всегда существовало множество иных значков: жалонерных или квартирмейстерских в ротах, батальонах, эскадронах и батареях, а также штабных значков

¹ Петерс Д. И. Материал к истории наград периода Гражданской войны и Белого Движения 1918—1922 гг. Филадельфия. 1996. С. 14. Задержка выхода приказа связана с тем, что, посетив Ижевцев, адмирал продолжил затем объезд других наступающих частей своего фронта и лишь по возвращении из поездки оформил свои награждения письменно.

вышестоящих соединений — дивизий, корпусов и армий. Все они по своему статусу были ниже полковых знамен и не считались войсковыми святынями. Таким образом, эта награда Колчака представляет собою первый в нашей истории случай перевода штабного значка дивизии в разряд полноправной войсковой святыни.

Знамя для дивизии было заказано заранее, но к приезду адмирала Колчака в дивизию оно еще не было готово. В дальнейшем его судьба сложилась печально: дивизия его так и не получила. Пока знамя изготавливалось, успех на фронте начал склоняться на сторону красных. Белые армии Восточного фронта вынуждены были оставить линию реки Тобол и поспешно отступать к Омску и далее к Байкалу. Между тем, адмирал Колчак хотел сам передать новое знамя бойцам любимой им Ижевской дивизии. В ожидании этой встречи знамя хранилось в поезде Верховного Правителя. Но этой новой встрече адмирала с Ижевцами уже не суждено было состояться; вместе с Колчаком Ижевское знамя проделало скорбный путь до Иркутска, где Александр Васильевич был предательски выдан чехами местным большевикам. Вместе с ним в руки большевиков попало и знамя. В настоящее время оно хранится в Иркутском областном краеведческом музее (инв. № 10271)¹.

Согласно справке музея, знамя первоначально поступило в 1924 г. в Иркутский музей революции из штаба 12-го стрелкового корпуса Забайкальского военного округа РККА. После закрытия музея революции в 1928 г. оно было передано в Иркутский областной краеведческий музей. Впервые экспонировано в отделе истории этого музея в декабре 1987 г. В мае 2008 г. знамя Ижевской дивизии было передано в Национальный музей Удмуртской Республики им. К. Герда (г. Ижевск) для временного экспонирования на выставке, посвященной 90-летию Ижевско-Воткинского восстания.

Приводим ниже описание знамени.

«Знамя Ижевской дивизии 1918–1919 г.

Лицевая сторона:

На белом фоне рамка с желтыми краями, надпись на кайме «Ижевская дивизия 1918 1919 г.», Андреевский крест георгиевской ленты, по центру черный двуглавый орел, с гербом Георгий Победоносец, поражающий змея.

Оборотная сторона:

Надпись «Сокрушу пред ним врагов его и поражу ненавидящих его. Псалом 88 стих 24», в центре лик Спаса Нерукотворного Образа.

Размер 115,5 см × 105 см. Шелк, вышивка шелковой нитью».

¹ Фотографии обеих сторон знамени, любезно предоставленные руководством Иркутского областного краеведческого музея, можно увидеть на форзацах данной книги.

В конце 1919 г. или в начале 1920 г. взамен не попавшего к ним Георгиевского знамени Ижевцы пошили другое, под которым и ходили в бой. Позднее, в эмиграции, это знамя хранилось в Объединении Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско, и его можно видеть на фотографии празднования 50-летней годовщины восстания в 1968 г. в Калифорнии. К сожалению, дальнейшая судьба его неизвестна¹. Это знамя состояло из двух почти квадратных полотнищ: Андреевского флага, составленного из перекрещивающихся Георгиевских лент, и Национального трехцветного бело-сине-красного. На последнем видны буквы «Иж» (такая же шифровка была и на погонах ижевцев), а на первом, между лучами Андреевского креста, стоят две даты: «7/VIII 1918 г.» (дата начала восстания на Ижевском заводе) и «9/IX 1919 г.» (дата парада, на котором адмирал Колчак объявил о награждении дивизии Георгиевским знаменем).

Стоит отметить, что соединение Андреевского (военно-морского) и Национального (бело-сине-красного) не было уникальным для армий адмирала Колчака. Так, 1 января 1919 г. английский представитель генерал А. Нокс вручил Учебно-инструкторской школе на Русском острове во Владивостоке знамя, которое представляло собою «соединение Русского национального и Андреевского флагов с образом Св. Георгия Победоносца и девизом “За Веру и Спасение Родины”»². Кроме того, генерал К.В. Сахаров упоминает также, что в момент перехода через Байкал над колонной Каппелевской армии трепетал штабной значок (по-видимому, Главнокомандующего армиями Восточного фронта), который также был наполовину русский трехцветный, наполовину белый с синим Андреевским крестом³. Похоже, что внешний облик обоих знамен совпадал с «эмигрантским» знаменем Ижевцев, но при этом у последнего, так же, как и на первоначальном Георгиевском знамени дивизии, косой Андреевский крест был составлен из перекрещивающихся Георгиевских лент.

Относительно же формы одежды Ижевских и Воткинских частей существует известное свидетельство Б. Б. Филимонова:

«Символом неразрывной связи со своими заводами — железом и сталью — у Ижевцев и Воткинцев считался синий цвет — цвет их погон, выпушек, петлиц. Буквы “Иж” были на погонах Ижевцев, буквы

¹ Черно-белые фотографии этого знамени представлены на первой и второй вклейках данной книги. Информация о нем очень скудна, однако сын генерала Молчанова Михаил Викторович считает, что это было именно боевое знамя Ижевцев, вынесенное ими из России. (См. Приложение 3.)

² Сахаров К. В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920). Мюнхен. 1923. С. 62.

³ Сахаров К. В. Ук. соч. С. 283.

“Втк” — у Воткинцев. Галунных погон офицеры и подпрапорщики Ижевско-Воткинских частей никогда не носили: на тех же синих погонах были белые просветы, зигзаги, канты»¹.

Именно такие погоны носили в 1921—1922 гг. в Приморье начальник Ижевско-Воткинской стрелковой бригады полковник А. Г. Ефимов (с шифровкой «Иж») и командир Воткинского стрелкового полка полковник Б. Э. фон Вах (с шифровкой «Втк»). Наконец, командующий 3-м стрелковым корпусом, затем Белоповстанческой армией, генерал В. М. Молчанов носил те же «ижевские» погоны: синие, с белым кантом и белым матерчатым генеральским зигзагом, однако вовсе без шифровки².

*Автор выражает признательность В. Л. Юшко (Москва),
С. К. Простневу (Воткинск) и А. С. Кручинину (Москва)
за предоставление материалов для данного издания.*

¹ *Филимонов Б. Б.* Белоповстанцы. Ч. 1. Шанхай. 1932. С. 32. Первоначально в тексте у Филимонова говорилось: «*буквы “И” были на погонах Ижевцев, буквы “В” — у Воткинцев*», но затем, во второй книге он исправил допущенную ранее ошибку и специально оговорился, что на погонах Ижевцев была шифровка «Иж», а на погонах Воткинцев — «Втк». Однако следует иметь в виду, что данные Филимонова относятся к Забайкалью и Приморью, когда Ижевская и Воткинская дивизии были уже свернуты в полки. В Сибири в 1919 году шифровки на их погонах должны были быть другими, по крайней мере, на них должны были быть номера полков.

² Похоже, Филимонов допустил неточность, написав, что Викторин Михайлович всегда ходил «*в серой солдатской шинели с синими петлицами, кантами и погонами с белым матерчатым, а не серебряным, генеральским зигзагом и буквой “И” на них*» (Филимонов Б. Б. Белоповстанцы. Ч. 1. Шанхай. 1932. С. 63). Ни на одной из известных фотографий Молчанова шифровок у него на погонах мы не видим.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

В настоящем приложении представлены материалы, связанные с пребыванием Ижевцев и Воткинцев в эмиграции в США – в г. Сан-Франциско и его окрестностях. Эти материалы, а также фотографии, помещенные на второй вклейке, были собраны Л. Ю. Тремсиной из нескольких источников, любезно предоставивших их для публикации. В их числе: Музей русской культуры в Сан-Франциско, Личный архив М. В. Молчанова, Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, Православная церковь Св. Иоанна Крестителя в г. Беркли, Сербское кладбище в г. Колма. Заметки М. В. Молчанова и А. А. Ефимова подготовлены на основе записи их устных воспоминаний. Большинство материалов публикуется впервые.

НЕКРОЛОГ **Генерального Штаба полковник** **Авенир Геннадьевич ЕФИМОВ¹**

Авенир Геннадьевич родился 19 октября 1888 года, православного вероисповедания. Образование получил в 1-м Симбирском Кадетском Корпусе, а затем поступил в Николаевское Инженерное Училище. В 1910 году произведен в чин Подпоручика с назначением в 16-й Саперный батальон. 1 октября 1912 года произведен в поручики. 14 июля 1914 года назначен начальником кабельного отделения 16-го Саперного батальона и с 1 июля 1915 года назначен командующим телеграфной ротой. 20 августа произведен в чин штабс-капитана. 9 октября 1916 года командирован в Штаб 120-й пехотной дивизии для подготовки к службе в Генеральном Штабе. 27 октября 1916 года командирован на подготовительные курсы Императорской Николаевской Военной Академии. 28 января 1917 года назначен Старшим Адьютантом по службе Генерального Штаба в штаб

¹ Архив Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, Альбом некрологов № 4. Материал любезно предоставлен для публикации С. Н. Забелиным.

37-го армейского корпуса и 14 августа 1917 года в штаб 14-го армейского корпуса. В сентябре 1917 года произведен в чин капитана со старшинством 10 декабря 1916 года. Находился в действующей армии до 25 февраля 1918 года. 25 февраля 1918 года, при распадении армии, уволен со службы.

11 июля 1916 года был контужен на Иксульском¹ предместном укреплении. Во время 1-й войны награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, медалью в память юбилея Дома Романовых, медалью в память юбилея Отечественной войны, мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й степени, орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами, орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

7 августа 1918 года вступил в ряды Народной Армии в должность помощника начальника разведывательного отделения Штаба Войск Северной Группы и 18 октября на должность помощника начальника службы связи Ставки. 15 января 1919 года принял должность старшего адъютанта Оперативного отдела Штаба 2-го Уфимского корпуса. 24 февраля 1919 года — должность Начальника Штаба стрелковой бригады², а потом дивизии. 11 декабря 1919 года занял должность Командира Ижевского Конного полка. В дальнейшем занимал последовательно следующие должности: 12 марта 1920 года — помощника Начальника 1-й Сводной Дивизии, 26 мая 1921 года — Командира Отдельного отряда, 25 августа 1921 года — Начальника Ижевско-Воткинской стрелковой бригады, 11 декабря 1921 года — Начальника 3-го Белоповстанческого отряда, Командиром Прикамского полка, образованного из свернутой Бригады, состоящего из трех родов оружия. 2 ноября 1922 года в составе Армии перешел границу Китая. Произведен «за боевые отличия» в чин подполковника 22 августа 1919 года и в чин полковника — 23 января 1920 года.

Ордена: Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Георгиевское Оружие³, Орден за Великий Сибирский поход 1-й степени.

¹ Обычно этот плацдарм именуют «Иксульским». — *А. Петров.*

² Явно пропущено «Ижевской». — *А. Петров.*

³ Приказ войскам Российской Восточной Окraiны № 110 от 6 апреля 1920 г. Согласно ему А. Ефимов был награжден Георгиевским Оружием «за то, что в бою 5 сентября 1919 г. у деревни Теплодубровной, командуя Конным Ижевским полком, когда противник в превосходных

Ранения: 20 ноября 1920 года у поселка Даурия Забайкальской области, 27 февраля 1922 года при поселке Васильевский Приморской области, 14 октября у деревни Монастырище Приморской области.

По прибытии в Сан-Франциско поступил в Общество Ветеранов Великой Войны в ряды Действительных Членов Общества. В дальнейшем был переведен в число Постоянных Гостей Общества по собственному желанию и переведен Общим Собранием Действительных Членов Общества в разряд «Почетных Гостей Общества». Последние годы отдал большой работе издания «Вестника» Общества как помощник редактора.

Да упокоит Господь Бог душу Честного Русского Воина, боровшегося за честь своей Родины, в Царствии Своем Небесном.

Фрагмент некролога А. Г. Ефимова

в журнале «Первопоходник» (Лос-Анджелес),
№ 7, июнь 1972 г. С. 53–54

<...> Ушел верный друг первопоходников и наших журналов — бывшего «Вестника Первопоходника» и нового «Первопоходника». И в одном, и в другом печатались его статьи и воспоминания. В тяжелые минуты он один из первых приходил на помощь — добрым, ободряющим словом и материальной поддержкой. Свои пожертвования для нуждающихся первопоходников он неизменно сопровождал просьбой не печатать в журнале его фамилии.

силах быстрым ударом выбил полк из деревни и привел его в полное расстройство, он с десятью смельчаками-охотниками остался в деревне в засаде и, пропустив красных, в самый решительный момент, когда Ижевский Конный полк был близок к полному уничтожению, бросился в тыл красным с криком «ура» и открыл стрельбу. Это неожиданное смелое нападение посеяло панику среди красных, а среди отступавших подняло дух. Красные были обращены в бегство, и в результате этого боя было разбито пять красных полков, взято в плен 300 человек, захвачено 20 пулеметов, обоз и много военного имущества» (Номер, дату и выписку из приказа любезно предоставил исследователь В. А. Юшко. — *А. А. Петров.*)

Несмотря на многолетнюю переписку, встретиться с полк. Ефимовым нам довелось только в сентябре 1968 г., когда члены редакции бывшего «Вестника» были приглашены присутствовать на историческом собрании, посвященном 50-летию восстания против большевиков на Ижевском и Воткинском заводах.

С теплым чувством вспоминаются часы, проведенные накануне собрания в доме полк. Ефимова и его супруги, покойной Наталии Стефановны, их радушный и ласковый прием. С присущей ему скромностью Авенир Геннадиевич говорил о своих начальниках, соратниках, расспрашивал о Первом походе и борьбе на Юге России, но всякие разговоры о себе с застенчивой улыбкой прекращал. За собой он не признавал никаких заслуг.

Белая идея была для него не только частью прошлого, но настоящим, живым делом. Своим долгом он считал, как писал он в одном из писем, — «стоять на посту служения далекой Родине, пока не будешь сменен или снят, хотя бы жизни твоей угрожала опасность».

Правление Объединения Первопоходников и Редакционная коллегия приносят искреннее соболезнование сыну полк. Ефимова с семьей, ген. В. М. Молчанову и всем Ижевцам и Воткинцам в постигшем их горе.

Вечная память истинному русскому человеку и воину.

Полный текст песни Воткинцев¹

Мы подняли знамя восстанья,
Рабами мы жить не могли,
И тягостный крест испытанья
Несем из родимой земли.

Оставили села и нивы,
И храмы, и сладостный труд.
И в скорби своей молчаливо
Мы вышли с врагами на суд.

¹ Архив Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. Материал предоставлен для публикации С. Н. Забелиным.

Покинули в горькой разлуке
Мы жен и малюток детей.
И, стиснувши зубы от муки,
Мы в бой поспешили скорей.

Внезапно над вражеским станом
Взвивались, рубя и грозя,
А солнце кровавым туманом
Нам жгло и слепило глаза.

И темные тучи ненастья
Кружились, как злая судьба,
Мы долго боролись за счастье —
Была непосильна борьба.

Враги нашу силу отняли,
Но дух угасить не могли.
С собою на память мы взяли
Щепотку родимой земли.

До волн голубых океана
Через множество, множество мест,
Грозою для вражьего стана,
Высоко несли мы свой крест.

Нас предков и братьев великих,
Погибших в жестокой войне.
Незримо приветствуют лики
На дальней чужой стороне.

Мы можем нести испытанья,
Чтоб ринуться снова на бой,
Чтоб гордое знамя восстанья
Опять расцвело над страной.

Мы Русского счастья основы,
Без страха мы смотрим вперед.
Всегда мы бороться готовы:
За правду, за Русь, за народ...

О моем отце, полковнике А. Г. Ефимове и его книге¹

Мой отец Авенир Геннадьевич Ефимов родился в 1888 году в Нижнем Новгороде, а мама, Наталия Степановна (урожденная Гусева), — в 1892 году в Одессе. Оба они происходили из семей потомственных офицеров, поженились еще до начала Первой мировой войны.

К сожалению, отец мало рассказывал мне о Гражданской войне — по разным причинам эти разговоры все время откладывались «на потом». В то время, когда он воевал в Сибири и на Дальнем Востоке, мама с маленьким сыном скрывалась от большевиков у своей матери в Одессе. Она немного рассказывала о тех годах, об ужасающих условиях, в которых они жили. Их квартиру постоянно обыскивали. Они голодали, каждый день ей приходилось издалека приносить воду и таскать ведра на третий этаж. Мама говорила, что с первых дней установления власти большевиков везде царила коррупция, за всё требовались взятки. Лекарства были доступны только для большевистской «верхушки». Когда её сын заболел одной из детских болезней, его нечем было лечить, и он умер (ему было около трёх лет).

После ухода Белой Армии из Приморья в Китай в конце 1922 г. отец был в лагере в Гирине, затем в Шанхае. В конце 1923 г. вслед за генералом Молчановым он перебрался в Америку, в Сан-Франциско. Оттуда в 1924 г. он отправил маме в Одессу короткую телеграмму: «Natalie come to Mexico Avenir»². Ей удалось с помощью взятки (они спрятали дома кое-что из драгоценностей) получить документы на выезд за границу. Она бежала, а её мать осталась в Одессе. Маме удалось добраться до Франции, затем на пароходе в Англию и через Атлантический океан — в Мексику. Отец поехал на восточное побережье Мексики и проверял списки всех прибывающих на пароходах из Европы. Наконец они встретились...

Но в Америку, где жил отец, мама тогда въехать не могла — как раз в это время изменилось иммиграционное законодательство, квоты на въезд были сокращены. Она должна была

¹ Перевод с английского и примечания — Л. Ю. Тремсиной.

² «Наталия приезжай в Мексику Авенир» (англ.).

ждать, когда ей дадут визу. Мама не хотела пересекать границу нелегально и решила ожидать получения визы в Мексике. Но отец, как недавний иммигрант, не имел права надолго покидать Америку. Поэтому родители поселились в двух соседних городах по обе стороны границы: она — в мексиканском городе Хуарес, он — в Эль-Пасо (штат Техас), разделенных пограничной рекой Рио-Гранде. Папа устроился рабочим на железной дороге. Они снимали квартиру в Хуаресе и комнату для папы в Эль-Пасо. Он каждый день приезжал к маме, так как имел право пересекать границу. Но существовало правило: в 8.30 вечера в обоих городах гудел гудок, по которому каждый пересекший границу должен был вернуться обратно на «свою» сторону.

Я родился в г. Хуарес в феврале 1928 года, а въехать в Америку мы с мамой смогли, когда мне было около полутора лет, т. е. в конце 1929 года. Мы приехали в Сан-Франциско, меня крестили в Свято-Троицком соборе¹, моим крёстным был генерал Молчанов. Всю жизнь мы с его сыном Мишей считали себя братьями. Наши отцы были очень близкими друзьями.

Вскоре жена Молчанова скончалась, и мы поселились в одной квартире с Викториним Михайловичем и Мишей. Сначала отец работал уборщиком вместе с Молчановым, а позже, во время Второй мировой войны, устроился работать электриком в порту. Он устанавливал на днищах военных кораблей устройства, благодаря которым они должны были стать «невидимыми» для подводных лодок. После войны работал инженером на фабрике, выпускавшей оконные жалюзи; вышел на пенсию в 1965 году.

Я закончил Калифорнийский университет в Беркли (недалеко от Сан-Франциско), затем в 1955 году нашел работу в штате Вайоминг и переехал туда.

По характеру мой отец был спокойным, выдержанным, очень скромным — в буквальном смысле *никогда* не говорил и не писал о себе лично, а тем более о своих заслугах. Он стал работать над

¹ Свято-Троицкий кафедральный собор в Сан-Франциско берет свое начало от первой русской православной церкви в Сан-Франциско, основанной в 1868 г. Современный храм построен в 1909 г. на участке, до этого приобретенном и освященном Преосвященным Тихоном, епископом Сан-Францисским (позднее Патриархом Всероссийским). В настоящее время собор относится к юрисдикции Православной Церкви в Америке. (Ист.: Сто лет первого православного прихода в Сан-Франциско. Сан-Франциско, 1968. С. 6.)

своей книгой сразу после приезда в Америку. Помню с детства, что он все свободное время сидел за столом и писал — помногу часов в сутки. Часто он откладывал работу над своей книгой и помогал писать другим. Дело в том, что во время Гражданской войны он вел подробный дневник всех событий. Я храню три записные книжки (размером примерно 5 × 12 см), в которых он исключительно мелким почерком записывал все даты, описания боевых действий, передвижений войск и т. д. Эти дневники он писал карандашом, а не чернилами, чтобы записи не пострадали от влаги.

Многие обращались к нему с просьбами — проверить по дневнику ту или иную дату, уточнить подробности событий. В течение ряда лет отец почти каждую неделю получал письма от Б. Б. Филимонова, который в это время работал над своими книгами, и садился писать ему подробный ответ на нескольких страницах. Кроме этого, он очень помог писать воспоминания генералу Пучкову и другим. Помню, как папа и два генерала — Молчанов и Пучков — раз в неделю собирались вместе, играли в карты, обсуждали события Гражданской войны.

В 1960-е годы отец был Председателем Объединения Ижевцев и Воткинцев, а также готовил к печати свою книгу «Ижевцы и Воткинцы». Он скончался 25 апреля 1972 г. (мама умерла раньше, в 1969 г.). Затем Геннадий Блинов (который был младше Ефимова и Молчанова и лучше знал английский язык) занялся изданием книги отца, а я оплатил расходы на публикацию. Книга вышла в начале 1975 года.

Авенир Геннадьевич прекрасно осознавал, что «историю пишут победители». Самым большим его желанием было, чтобы «победители» не смогли навсегда стереть ту часть истории Гражданской войны, в которой он принимал непосредственное участие. Как Вы знаете, в течение долгих лет именно это и происходило.

Папа улыбнется оттуда, сверху, когда увидит свою книгу опубликованной в России, в ее столице — Москве... Это и будет выполнением той задачи, которую он считал самой важной в своей жизни.

Алексей Авенирович Ефимов
США, июль 2008 г.

Воспоминания о моем отце, генерале В. М. Молчанове¹

Родители мало делились со мной воспоминаниями о Гражданской войне, о своей жизни до моего рождения. Много о том периоде я узнал уже позднее, в том числе из воспоминаний отца, записанных Б. Рэймондом в 1970 году².

Моя мама, Наталия Константиновна Скордули (в роду у ее отца были греки), родилась в 1892 году в Вятской губернии³. Уже после ее смерти жена А. Г. Ефимова рассказывала мне, что сначала мама была замужем за другим человеком, кажется, полковником. Мои родители поженились в начале Гражданской войны, в 1918 году. Мама была очень привязана к папе, прошла с ним через всю Сибирь — на санях или на лошади (они почти не передвигались по железной дороге — Ижевская дивизия шла либо севернее, либо южнее от нее). Мама рассказывала, что во время одного из переходов ее лошадь резко дернулась в сторону, и мама упала в снег, а все продолжали двигаться дальше. Она не могла выбраться и стала замерзать, но потом ее вытащили. Видимо, во время войны мама подорвала здоровье, потом все время болела и рано умерла.

Я родился во время Гражданской войны в Приморье, 26 октября 1921 года во Владивостоке. В удостоверении о моем крещении записано, что меня крестил 6 ноября 1921 года Главный священник Земской Рати протоиерей Леонид Викторов⁴. В конце

¹ Запись устных воспоминаний М. В. Молчанова, подготовка текста к публикации и примечания — Л. Ю. Тремсиной.

² *Moltchanoff V. M. The Last White General. Oral history transcript, tape recorded interview conducted by B. Raymond [Romanoff]. University of California, Berkeley, 1972.*

³ В семейном архиве М. В. Молчанова хранится свидетельство, выданное Наталии Константиновне Скордули, дочери дворянина, окончившей в 1909 г. общий курс Слободской женской гимназии и в 1910 г. отлично окончившей дополнительный VIII класс «для специального изучения русского языка». С марта по декабрь 1912 г. она «состояла исполняющей обязанности классной надзирательницы» той же гимназии.

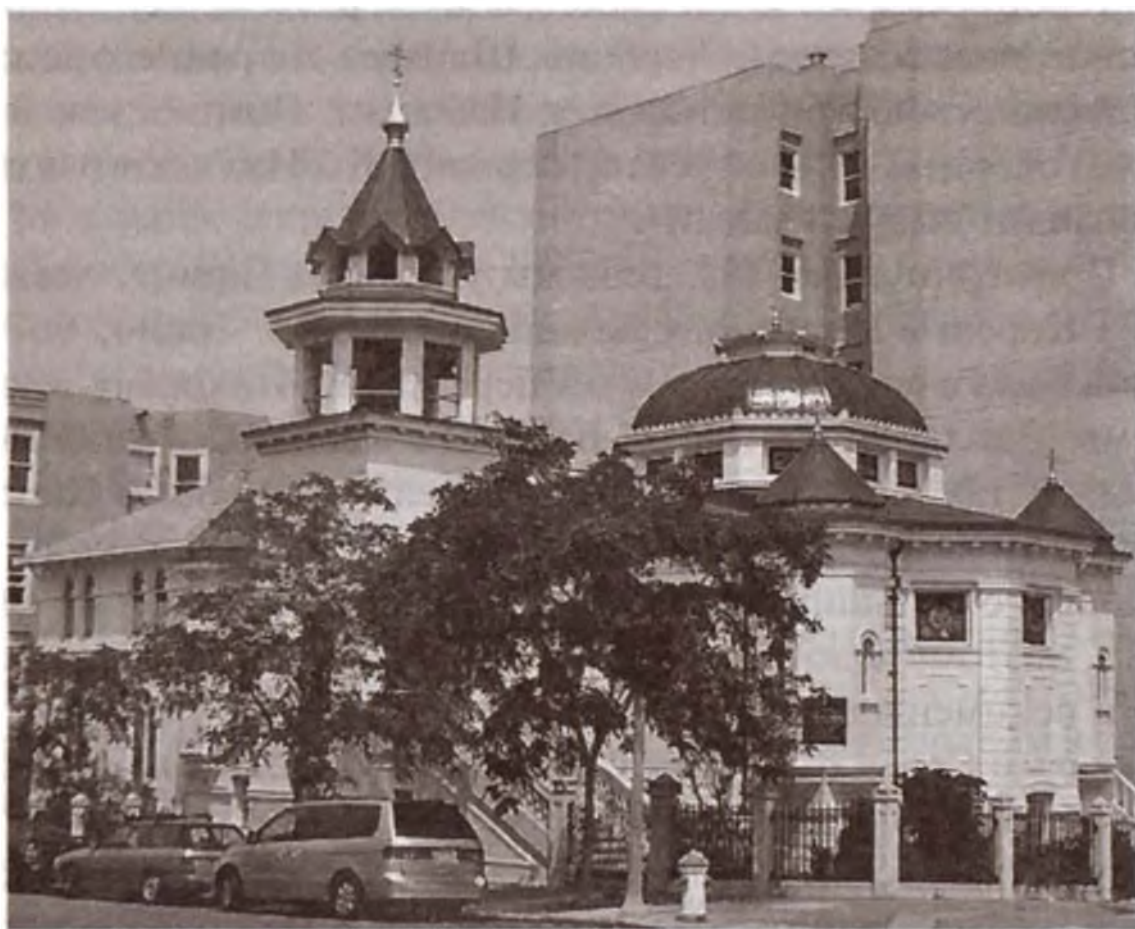
⁴ Протоиерей Леонид Викторов (позднее архиепископ Никандр) (1891–1961) — участник Сибирского Ледяного похода, затем Главный военный священник Приамурской Земской Рати. После исхода из Приморья проводил богослужения в Хунчуне и Гирине. С 1923 г. в Харбине (см.: *Коростелев В. В., Караулов А. К. Последний Архипастырь Маньчжурии // Русская Атлантида (Челябинск), 2001, № 6, с. 3–11, № 7, с. 3–9.*

1922 г. наша семья покинула Приморье вместе с Белой Армией, которая перешла границу с Маньчжурией и затем военным порядком прибыла в Гирин, где был организован лагерь. Там некоторое время все жили вместе, а затем разъехались. Многие обосновались в Китае (в Харбине, Шанхае). Я с раннего детства чувствовал свою причастность к Ижевцам. Помню, как меня учили говорить: «Я — ефрейтор первой роты Ижёвского полка, белобандит высшей марки».

Примерно в мае 1923 года мы уехали из Гирина, поехали через Корею в Японию. Сначала прибыли в Токио, но там жизнь была очень дорогая, и мы переехали в Йокогаму, вместе с семьей полковника Б. фон Ваха. Его жена была тогда моей нянькой, так как мама всё время болела, у неё было больное сердце. Поскольку отец был генералом, японцы к нему относились с большим уважением, но работать там он не имел права, поэтому надо было уезжать в другую страну. Кроме этого, врачи рекомендовали маме теплый климат. Папа сначала хотел ехать в Сербию, так как сербский язык похож на русский. Но российский консул в Йокогаме (это был оставшийся там консул Российской Империи) сказал ему: «Зачем Вам ехать в Сербию — перебирайтесь в Америку!» Когда папа ответил, что он не знает английского языка, консул сказал: «Ничего, научитесь, поезжайте туда, там климат лучше». Так родители решили ехать в Америку. У меня хранится заграничный паспорт, выданный моему отцу «от Российского Консульства в Йокохаме июня 28 дня 1923 года». Мы отбыли из Йокогамы на пароходе незадолго до того, как там произошло землетрясение. Сначала прибыли в Ванкувер (Канада), затем в Сиэтл и далее в Сан-Франциско¹ (полковник Борис фон Вах, кажется, приехал вместе с нами, а А. Г. Ефимов — немного позднее). В порту их встретил священник о. Владимир Сакович, настоятель Свято-Троицкого собора. Он встречал все пароходы, на которых

¹ Как значится в иммиграционной декларации В. М. Молчанова (хранящейся в семейном архиве Молчановых), виза для въезда в Соединенные Штаты была выдана ему, его жене Наталии и сыну Михаилу в американском консульстве в Йокогаме 29 июня 1923 г. Штамп о въезде в страну поставлен 8 августа 1923 г. в г. Сиэтл, куда они прибыли на пароходе «Президент Мэдисон».

прибывали русские эмигранты, всячески помогал им устроиться. В те годы вся жизнь «русской колонии» в Сан-Франциско была связана со Свято-Троицким собором.

*Свято-Троицкий кафедральный собор в Сан-Франциско
(фото Л. Тремсиной, 2008)*

В те годы эмигрантам в Америке было трудно, многим приходилось зарабатывать на жизнь физическим трудом. Все жили довольно бедно. Сначала мы жили в Берклее, папа работал грузчиком на консервной фабрике «Дель Монте». Потом он решил заняться разведением кур, в 1924 г. мы переехали в Петалуму (к северу от Сан-Франциско), арендовали ферму — сначала самостоятельно, а затем у папы появился партнер — Березин¹. У нас было несколько тысяч кур, но чтобы что-то заработать, нужно было иметь десятки тысяч кур и свою землю. Папа купил небольшой грузовик «Форд», который называл «Фордяга». Жизнь на ферме мне очень нравилась. Жили мы уединенно, говорили только по-русски, я тогда не

¹ Березин Иван Николаевич (1882—1964), полковник, участник Первой мировой войны, Белого движения на Восточном фронте Гражданской войны, в т. ч. Хабаровского похода (Ист.: Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, Альбом некрологов № 2).

знал ни слова по-английски. К нам часто приезжали гости: барон Будберг, супруги Орловы, наши близкие друзья Вениковы --- Мария Ефимовна, ее муж¹ (он, видимо, служил у отца, так как они хорошо друг друга знали) и дочь Тамара. Ефимов в эти годы жил в г. Эль-Пасо (штат Техас). В этот же период отец перенес операцию (у него была удалена половина желудка), всю жизнь после этого он мог кушать только понемногу. Он смог опять работать только через 6—7 месяцев после операции.

Затем отец арендовал другую ферму, но она прогорела, и мы переехали в Сан-Франциско (примерно в 1927 г.). Он некоторое время работал маляром на судовой верфи. Потом ее закрыли, с 1929 г. началась «Великая депрессия», работу найти было трудно. Папа вместе с А. Г. Ефимовым ходили по городу, искали работу (это было сложно еще из-за того, что они тогда плохо знали английский). Папа устроился уборщиком в одном из первых «небоскрёбов» в Сан-Франциско — 25-этажном здании по адресу 111 Саттер Стрит (на углу Саттер и Монтомери Стрит), сначала оно было вторым в городе по высоте, в нем размещались разные компании. Затем он стал суперинтендентом (управляющим) этого здания, в его подчинении было 20—30 человек; он помогал устроиться на работу многим вновь приезжающим русским эмигрантам, в основном бежавшим из Китая в 50-е годы. Он проработал там до 80 лет. Ефимов тоже сначала работал там, но во время войны устроился работать электриком на судовой верфи.

В 20-х годах папа входил в Общество Ветеранов Великой Войны² в Сан-Франциско, был заместителем Председателя — барона Будберга. У них были сложные отношения (к сожалению, не знаю почему). Примерно в 1930 году папа покинул Общество, вместе с ним еще несколько человек, в том числе Ефимов.

После смерти Веникова его вдова Мария Ефимовна и дочь Тамара поселились с нами в одной квартире. Моя мама работала

¹ Веников Вячеслав Лукич (1887—1929), подполковник, во время Гражданской войны воевал в составе Ижевской стрелковой дивизии. С 1924 г. член Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. (*Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Сан-Франциско—С.-Петербург, 2005. С. 94.*)

² Общество было образовано в мае 1924 г. на основе созданного на несколько месяцев раньше Кружка артиллеристов. В 1924—1945 гг. его председателем был генерал барон А. П. Будберг.

на швейной фабрике (как и многие жены русских эмигрантов); после школы я ходил в «Детский мир», где проводились занятия для русских детей. По субботам посещал русскую школу при Свято-Троицком соборе, нам преподавали Закон Божий, историю, географию, пение. Все русские ребята в Сан-Франциско ходили в эту школу.

В 20-е годы мама еще могла переписываться со своими родственниками, оставшимися в России (у нее была большая семья). Я храню присланные ими фотографии тех лет. Отец переписывался со своими родными через родственников мамы, но после ее смерти это прекратилось. К тому же в 30-х годах они могли бы уже поплатиться жизнью за наши письма. Наша связь с родными прервалась.

Мама скончалась, когда мне было 9 лет, в январе 1931 года. Через некоторое время Мария Ефимовна Веникова вышла замуж за генерала Мартынова¹, они уехали от нас (мы продолжали общаться, ходили к ним в гости). Тогда мы поселились в одной квартире с Ефимовыми (две комнаты у них и две — у нас). Жили очень дружно, мы с Алешей Ефимовым росли, как братья (оба мы были единственными детьми своих родителей). Наталья Степановна стала мне второй матерью, она готовила еду на всех. Но перед своими именинами отец обычно долго готовил разные блюда сам, потом приглашал гостей. Летом Ефимовы иногда брали меня с собой на Русскую речку (Russian River, к северу от Сан-Франциско), где они снимали дачу. Помню, что уже тогда, в 30-е годы Авенир Геннадьевич начал работу над книгой об Ижевцах и Воткинцах, которую потом писал много лет. Позднее, в последние годы жизни он работал редактором «Вестника Общества ветеранов Великой войны».

Папа дружил также с генералом Ф. А. Пучковым². Помню, что они часто собирались втроем, играли в винт и жарко обсуждали события Гражданской войны, «разыгрывали» битвы, спорили. «Так было!», «Нет, не так!». Они всю свою жизнь жили теми событиями.

¹ Мартынов Алексей Евгеньевич (1887–1963), Ген. штаба генерал-майор. С конца 1917 г. на Кавказском фронте (*Александров Е. А.* Указ. соч. С. 331).

² Пучков Федор Абрамович (1886–1953), Ген. штаба генерал-майор, участник Белого движения на Востоке России. В 1946–1953 гг. возглавлял Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско.

Я думаю, что в первые годы эмиграции они верили, что советская власть падет и они смогут вернуться в Россию. Но впоследствии отец уже не думал о возвращении, он считал, что страна стала уже совсем другой, там были уже совсем другие люди, которые не приняли бы его.

Перед 1940 г. я пошел служить в армию (затем учился в колледже), с тех пор жил отдельно от отца. Он женился на Лидии Васильевне, она до этого развелась со своим первым мужем Старостиным (он, кажется, тоже был в армии Колчака), у нее было две дочери: Мила и Лариса (одна чуть старше меня, другая — чуть младше). После войны отец купил дом в Сан-Франциско. Лидия Васильевна была очень энергичная, много готовила и любила приглашать гостей.

Папа был очень строгим, но справедливым. В детстве я знал, что если я поступлю неправильно, то мне сильно попадет. Но на старости лет он сделался мягким. Он был очень сильным человеком: все, кто его знал, — либо любили, либо ненавидели его. Авенир Геннадьевич был очень спокойным, уравновешенным, но твердым, иногда упрямым. Они были лучшими друзьями.

С полковником Б. фон Вахом у отца были близкие отношения сначала, когда они вместе приехали в Америку из Японии. Потом, видимо, их пути разошлись. Фон Вах открыл в Сан-Франциско книжный магазин «Новинка». Когда Гитлер напал на Советский Союз, фон Вах сказал, что он жалеет, что в годы Гражданской войны не перешел в Красную Армию. После этого отец полностью прервал с ним отношения.

Помню я и полковника Федичкина. Во время Гражданской войны у него была контузия, после которой потом были осложнения. Но он был настоящим «гением» по части радио.

Мой отец был церковным человеком, в течение ряда лет возглавлял Церковный совет Свято-Троицкого собора. Они устраивали вечера, продавали пельмени, чтобы собрать деньги для прихода¹. Папа готовил пельмени для собраний в разных

¹ В 20-е гг. приход Свято-Троицкого собора собирал средства для выплаты долга по ссуде, полученной на строительство собора в 1909 г. Долг был погашен в 1931 г. (Ист.: 75-летний юбилей Русского православного прихода в Сан-Франциско, Калифорния (1868–1943). Сан-Франциско, 1943. С. 10).

русских организациях — сначала и в Обществе ветеранов. У него был свой особый рецепт; он сидел на кухне с женщинами, и они лепили пельмени под его руководством.

Общество Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско образовалось уже после Второй мировой войны, когда из Китая приехало много бывших Ижевцев и Воткинцев. Они выбрали папу и Авенира Геннадьевича своими руководителями, регулярно устраивали заседания.

В 1968 году папа пригласил меня с моей женой Аллой на празднование 50-летия Ижевско-Воткинского восстания. Оно проходило в банкетном зале Русского Центра на Саттер Стрит. Сначала священник служил литию по погибшим Ижевцам и Воткинцам. Затем был банкет. За центральным столом сидели Молчанов и Ефимов, за ними разместили боевое знамя Ижевцев (к сожалению, неизвестно, где оно теперь находится). Присутствовало несколько десятков человек, все пришли с женами, сначала произносили речи папа и Авенир Геннадьевич, потом и другие. Вспоминали события войны, в том числе и то, каким строгим был генерал Молчанов. Я помню, что рядом сидел один из бывших солдат-ижевцев. Он спросил: «Викторин Михайлович, почему Вы во Владивостоке в нашу сторону стреляли?» «Потому что вы воровали, хотели крышу с дома снять». «Мы голодные были!» «Всё равно нельзя так делать!» Ведь в то время отец не мог отправить никого из нарушителей в тюрьму — они всё время воевали. Не было у них времени и фотографировать.

О Гражданской войне отец мне мало рассказывал. Помню один его рассказ: у него было много документов, свидетельствующих о том, что генерал Гревс, который возглавлял Американский экспедиционный корпус, на самом деле помогал красным. Документы лежали на складе, и папа сказал, что американцы подожгли этот склад, чтобы уничтожить их. Про белочехов он говорил, что это были враги и предатели. Он упоминал об этом во время празднования 50-летия восстания, которое проходило как раз после событий в Праге в 1968 году.

Отец долго не хотел признавать себя генерал-лейтенантом (его произвёл в этот чин Семёнов), но в конце жизни всё же признал это. Интересно, что ему выдали два удостоверения на Орден за Великий Сибирский Поход (оба за номером 6):

первое — на имя генерал-майора Молчанова, второе — генерал-лейтенанта Молчанова¹.

После смерти А. Г. Ефимова (в 1972 г.) председателем Объединения Ижевцев и Воткинцев был Геннадий Блинов (он был земляком отца — кажется, родом из Елабуги). По его инициативе в 1973 году Объединение установило икону и лампаду в память Ижевцев и Воткинцев в Берклейской церкви Св. Иоанна Крестителя, прихожанином которой был Блинов. Эту идею поддержал настоятель храма о. Николай Веглайс. Мы с Аллой присутствовали на церемонии освящения лампы. Затем каждый год в этой церкви служили панихиду по Ижевцам и Воткинцам.

Папа участвовал в публикации книги Ефимова «Ижевцы и Воткинцы» (уже после кончины Авенира Геннадьевича). Ефимов писал ее всю жизнь, публиковал отдельные главы в журналах. Организовал публикацию Г. Блинов. Сначала хотели напечатать ее в русской типографии, но это было слишком дорого и пришлось найти более дешевый вариант. Часть денег на публикацию дал Алексей Ефимов, другую часть средств собрали среди членов Объединения. Мой отец очень ждал выхода книги и успел прочитать ее, когда она была напечатана на машинке, но уже не увидел ее в окончательном виде.

У папы было неплохое здоровье, но в конце жизни у него развился рак горла. Опухоль перекрыла ему горло, он почти не мог дышать и кушать. Врачи предложили ему сделать трахеотомию, но он отказался, сказав, что и так уже прожил долгую жизнь. Ему становилось все хуже и хуже, и 10 января 1975 года

¹ Удостоверение № 6: Знак Отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский Поход» 1-й степени <...> пожалован Генерал-Майору Молчанову <...> г. Чита, 31 мая 1920 г.

Удостоверение № 6: Знак Отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский Поход» 1-й степени <...> пожалован Генерал-Лейтенанту Молчанову <...> 30 апреля 1921 г.

Удостоверение № 25: Знак Отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский Поход» 2-й степени <...> пожалован Наталье Константиновне Молчановой, г. Чита, 11 мая 1920 г.

Оригиналы удостоверений М. В. Молчанов несколько лет назад передал в Приморский государственный музей им. В. К. Арсеньева (г. Владивосток). — Л. Т.

он скончался... Отпевали его в Троицком соборе, похоронили на Сербском кладбище недалеко от Сан-Франциско.

*Надгробие на могиле генерала В. М. Молчанова
на Сербском кладбище в г. Колма близ Сан-Франциско
(фото Л. Тремсиной, 2008)*

Вскоре после этого книга «Ижевцы и Воткинцы» была напечатана. Блинов продавал ее, чтобы возместить затраты, а также рассылал ее в разные американские университеты. Напечатано было около 400 экземпляров. Средства от продажи покрыли расходы на книгу, и было выручено еще немного денег, которые потом посылали нуждающимся вдовам Ижевцев и Воткинцев. После смерти папы мы с женой стали принимать участие в делах Объединения, Алла несколько лет была казначеем. Она продолжала посылать деньги вдове полковника Михайлова, которая жила в Сан-Паулу (Бразилия). Г. Блинов был последним председателем Объединения, после его смерти их собрания прекратились. Последним членом Ижевско-Воткинского Объ-

единения был Е. А. Леонтьев¹, но последним Ижевцем я считаю себя — «ефрейтора первой роты Ижевского полка»...

Мы с Алексеем Ефимовым старались, чтобы о книге «Ижевцы и Воткинцы» стало известно в России. Лет 15 назад я передал примерно 15–20 экземпляров М. Н. Иваницкому, который работал в Музее русской культуры в Сан-Франциско, чтобы он мог дарить их историкам из России, посещающим Музей. Сам я отправил несколько экземпляров книги в разные города: Москву, Ижевск, Владивосток, Хабаровск и др.

Мы с Аллой женаты уже почти 60 лет, недалеко от нас живут наши дети: сын Михаил и дочь Анна со своими семьями (у нас две внучки и трое внуков). Несколько лет назад нас разыскали наши родственники из России, теперь мы поддерживаем связь с сыном и внуками Сергея Михайловича Молчанова — младшего брата моего отца.

*Михаил и Алла Молчановы
(фото Л. Тремсиной, июнь 2008)*

В России мы с женой были три раза, в период с 1993 по 1996 гг. Во время последней поездки мы посетили места, где воевал мой отец: Владивосток, Хабаровск, Забайкалье, Иркутск. Мы пересекли Байкал на теплоходе по тому же пути, по кото-

¹ Леонтьев Евгений Александрович (1901–2001).

рому он прошел во время Сибирского Ледяного похода, но в обратную сторону — с востока на запад. В том городке, откуда мы отплыли, все выглядело так, как будто с тех пор ничего не изменилось. Папа, наверное, там бы все узнал...

В заключение хочу сказать, что обе наши семьи — Молчановы и Ефимовы — искренне рады, что книга Авенира Геннадьевича теперь будет опубликована в России, — в год, когда отмечается 90-летие Ижевско-Воткинского восстания. Наконец людям в России станет известна правда о тех событиях.

*Михаил В.
Молчанов.*

*Михаил Викторинич Молчанов
штат Калифорния, США
июнь 2008 г.*

Ижевцы и Воткинцы в Сан-Франциско (по материалам из собрания Музея русской культуры в Сан-Франциско¹)

В архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско хранятся некоторые материалы, связанные с пребыванием бывших Ижевцев и Воткинцев в эмиграции в США. В их числе: архив А. Г. Ефимова (2 архивных коробки) и материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.

Большой интерес представляет хранящаяся в коллекции А. Г. Ефимова (кол. 63, коробка 1) переписка Ефимова с Б. Б. Филимоновым² (проживавшим в Шанхае), за период с 14 ноября 1932 г. до 25 октября 1934 г. Переписка включает рукописные оригиналы писем Ефимова и копии писем Филимонова, напечатанные под копирку, — общим объемом 276 стр. Большую часть текстов (более 200 с.) составляют письма Ефимова. В Музей русской культуры эти письма поступили от А. Н. Князева³, по-

¹ Museum of Russian Culture, 2450 Sutter Street, San Francisco, California 94115, USA. www.museumofrussianculturesf.org. Благодарим Правление Музея за предоставленную возможность ознакомиться с материалами, посвященными Ижевцам и Воткинцам.

² Филимонов Борис Борисович (1901–1952), участник Белого движения на Восточном фронте, автор книг: «Белоповстанцы» (1932–1933), «На путях к Уралу» (1934), «Конец Белого Приморья» (1971).

³ Князев Алексей Николаевич (1909–1993), инженер, член Общества рус. ветеранов Великой войны, начальник Организации русских скаутов за границей (НОРС), собиратель архива (*Лит.*: Архив ОРВВВ, Альбом некрологов, № 6).

лучившего их, вероятно, от Филимонова, с которым он в начале 50-х гг. находился в беженском лагере на о. Тубабао (Филиппины)¹. Основная тема переписки — обсуждение книги Филимонова «Белоповстанцы», присланной автором Ефимову. Авенир Геннадьевич в нескольких письмах (объемом от 10 до 30 с. каждое) подробно излагал свои критические замечания и дополнения к книге. В частности, в одном из писем он делает существенную поправку по поводу шифровок на погонах: у Ижевцев — «Иж» (а не «И», как было ошибочно написано у Филимонова), у Воткинцев — «Втк» (а не «В»)². К одному из писем Ефимов приложил несколько страниц со своими выписками из книги Н. Какурина «Современная тактика» (М., 1927).

Последние из имеющихся в архиве писем касаются второй книги, над которой работал Филимонов, — «На путях к Уралу». Он, в частности, обсуждал с Ефимовым будущее название этой книги. Как явствует из переписки, Авенир Геннадьевич оказал неоценимую помощь Б. Б. Филимонову в подготовке его книг. Это отметил и сам Филимонов: *«Вы пишете так много мне, так подробно и основательно разбираете мою работу, что я считаю, что Вы во всяком случае должны не столько помогать, сколько работать самостоятельно»*³. В ответном письме Ефимов пишет, что для него это пока затруднительно, к тому же первая часть дневника, который он вел во время Гражданской войны, была утрачена: *«более подробные дневники и документы первой части пропали под Красноярском, а привести в порядок то, что еще сидит в голове — нет времени»*⁴. Он ссылается и на то, что ему приходится много работать, чтобы прокормить семью, и заниматься воспитанием сына. Его работа над воспоминаниями затянулась на долгие годы...

Лишь спустя 20 лет, в 1950-х годах Ефимов начал публиковать свои очерки «Ижевцы и Воткинцы» (главы будущей книги) в издававшемся в Сан-Франциско «Вестнике Общества русских ветеранов Великой войны», начиная с № 198 за июнь 1954 г.⁵. Публикацию предваряла заметка от редакции:

¹ Информация получена от Ю. А. Таралы, зам. Председателя Правления Музея русской культуры.

² Письмо А. Г. Ефимова Б. Б. Филимонову от 2 марта 1933 г. (Музей русской культуры в Сан-Франциско, коллекция А. Г. Ефимова).

³ Письмо Б. Б. Филимонова А. Г. Ефимову от 1 апреля 1934 г. (Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРКСФ), колл. А. Г. Ефимова).

⁴ Письмо А. Г. Ефимова Б. Б. Филимонову, получено 23 мая 1934 г. (МРКСФ, коллекция А. Г. Ефимова).

⁵ Благодарим заведующего Архивом и библиотекой ОРВВВ С. Н. Забелина за предоставленную возможность ознакомиться с полной подборкой «Вестника ОРВВВ».

«Ижевское восстание произошло в тот момент, когда части Народной Армии под начальством полк. Каппеля на Волге и чешские части на Волге и в Сибири имели наибольшие успехи после двухмесячной борьбы. Ижевское восстание было принято в Самаре, как неожиданное чудо, сулившее расширение площади, освобожденной от большевиков, во всем Заволжье. Мы с удовлетворением приступаем к печатанию в «Вестнике» исторического очерка полковника А. Г. Ефимова, одного из видных участников Гражданской войны на Восточном фронте. Победности исторических работ этот фронт ген. Пучков называл «забытым». Очерк значительно пополняет материалы о героической борьбе Ижевцев и Воткинцев»¹.

В последующих номерах «Вестника», в течение более чем десяти лет, были фактически опубликованы все главы будущей книги (включая схемы и кроки). Последняя, 46 глава появилась в № 239 (декабрь 1968 г.).

Затем главы из будущей книги Ефимова печатались также в «Вестнике Первопоходника», затем в «Первопоходнике» (Лос-Анджелес). Вот что писал об этом в 1973 г. председатель Ижевско-Воткинского Объединения Н. Е. Старцев в письме полковнику Михайлову: *«Благодарю Вас за адрес четы Мяч², я с ними познакомился, когда они были у нас на пятидесятилетии и адрес их у меня имеется, а печатают они покамест по инерции статьи Авенира Геннадьевича, надо полагать, из Вестника Ветеранов в Сан-Франциско. Этот Вестник здесь в свое время редактировал покойный А. Г. Сейчас, после его смерти, выпуск «Вестника» ветераны прекратили — нет сил, собираются возобновить, но едва ли хватит “пороху”»³.*

В 1950-х годах, после прихода к власти в Китае коммунистов, многие Ижевцы и Воткинцы, жившие до этого в Харбине и Шанхае, перебрались в Сан-Франциско. Стали проводиться ежегодные собрания в честь годовщин начала Ижевско-Воткинского восстания. На очередном собрании, в августе 1961 года, по инициативе генерала В. М. Молчанова было образовано Объединение Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско (см. Документы 1–2). Объединение было создано

¹ Вестник ОРВВВ (Сан-Франциско), № 198, июнь 1954 г. С.20.

² А. П. Мяч издавал журнал «Первопоходник».

³ Письмо Н. Е. Старцева Д. М. Михайлову от 15 июня 1973 г. (МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев). Следующий номер «Вестника ОРВВВ» вышел спустя почти десять лет после кончины Ефимова.

В фонде Ефимова в Музее русской культуры имеются также фотографии, некоторые из них с любезного разрешения Музея впервые публикуются в данном издании (см. вклейку 2). В их числе — обнаруженная нами фотография боевого знамени Ижевцев.

для поддержания связи между Ижевцами и Воткинцами, увековечения памяти погибших, распространения информации об их героической борьбе против советской власти (см. Документ 3). Председателем Объединения был избран полковник А. Г. Ефимов.

В 1967 г. Правление Объединения начало подготовку к празднованию 50-летия Ижевско-Воткинского восстания в августе 1968 г. Было решено составить памятную брошюру о тех событиях¹. Правление обратилось к членам Объединения с просьбой присылать свои воспоминания А. Г. Ефимову; брошюра была подготовлена и отпечатана на ротаторе летом 1968 г.

В воскресенье 29 сентября 1968 г. в банкетном зале Русского Центра Сан-Франциско состоялось торжественное празднование 50-летия восстания против большевиков в Ижевском и Воткинском заводах. В 1 час дня протоиерей Роман Штюрмер (в то время кафедральный протоиерей Свято-Троицкого собора в Сан-Франциско) в сослужении диакона о. Сергея Прозоровского совершил «молебен о здравствующих и литию с поминовением павших на поле брани, умученных большевиками и умерших в изгнании»². Затем состоялся банкет, на котором присутствовало около 65 человек, в том числе 32 члена Объединения.

Объединение поддерживало связь с Ижевцами и Воткинцами, жившими в эмиграции в других странах. В числе скончавшихся в 1969–1970 гг. Ижевцев были указаны проживавшие в Австралии Павел Петрович Зуев и Андрей Лаврентьевич Болонкин³. С 1973 г. Объединение оказывало финансовую помощь тяжело больному полковнику Д. М. Михайлову, который проживал в Буэнос-Айресе (Аргентина), а затем у дочери в Бразилии.

Важным событием в жизни Объединения Ижевцев и Воткинцев стало освящение 28 января 1973 г. неугасимой свечи и таблички в память погибших Ижевцев и Воткинцев, изготовленных Г. Н. Блиновым и установленных в Православном храме Св. Иоанна Крестителя⁴ в

¹ Извещение Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско от 15 июня 1973 г. (МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев).

² Извещение Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско о праздновании 50-летия восстания (МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев).

³ Протокол годового собрания Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско 26 октября 1969 г. (Музей русской культуры в Сан-Франциско, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев).

⁴ По-английски: St. John the Baptist Russian Orthodox Church (не следует путать с церковью баптистов).

городе Беркли (недалеко от Сан-Франциско), см. Документ 4. Подполковник Блинов и еще несколько прихожан этого храма были участниками Ижевско-Воткинского движения (см. Документ 5). Чуть позже, 15 февраля 1973 г. в том же храме была освящена и установлена памятная икона Св. Иоанна Крестителя, изготовленная супругой Г. Н. Блинова — О. В. Блиновой (см. Документ 6). С тех пор в храме Св. Иоанна Крестителя ежегодно служили панихиды в память погибших Ижевцев и Воткинцев. В 1980 г. неугасимая лампада была заменена на электрическую свечу. В храме сохранился Помянник, принадлежавший Объединению Ижевцев и Воткинцев; в его разделе «О упокоении» перечислено 66 имен.

*Икона, табличка и свеча памяти Ижевцев и Воткинцев
в Православном храме Св. Иоанна Крестителя в Беркли
(фото Л. Тремсиной, 2008)*

В последние годы жизни А. Г. Ефимов начал переговоры об издании своей книги «Ижевцы и Воткинцы», но после его скоропостижной смерти 25 апреля 1972 года дело приостановилось. Председателем Объединения стал Николай Ефимович Старцев (до этого бывший секретарем Объединения).

ПОМИНАНИЕ

Сие принадлежит.

ОБЪЕДИНЕНИЮ
ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ

О упокоении

АВЕНИРА
ПРОТ. АЛЕКСАНДРА
АЛЕКСАНДРА 3

АЛЕНСИЯ 4

АНДРЕА

БОРИСА

ВАСИЛИЯ
ВИКТОРИНА
ВЛАДИМИРА 6
ВИКТОРА

ГЕОРГИЯ 2
ГРИГОРИЯ

ДИМИТРИЯ 2

ЕНАТЕРИНЫ

9

О упокоении

ПРОТ. ИОАННА
ИОАННА 5 3
КОНСТАНТИНА 2
ЛЕОНИДА
ЛЮДМИЛЫ

МИХАИЛА 8

НАТАЛИИ 2
НИКОЛАЯ 4

ПАВЛА
ПЕТРА
ПРОКОПИЯ

СЕРГЕН
СТЕФАНА
Василий
ТЕРЕНТИЯ
8 м. Заветки
ИАНОВА 3

10

О упокоении

Федора

Киррилла

Лавра

Теннадия

Афанасия

ВООХ ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ
ВОСТАВШИХ ПРОТИВ КОММУНИСТОВ,
УМУЧЕННЫХ, УБИЕННЫХ, НА ПОЛЕ
БРАНИ ПАВШИХ И В ИЗГНАНИИ СКОУ-
ЧАВШИХСЯ.

ДА ПРОСТИТСЯ ИМ ВСЯКИЕ
ПРЕГРЕШЕНИЯ ВОЛЬНЫЕ И НЕВОЛЬ-
НЫЕ, И НЕВОЛЬНЫЕ, АЖЕ ДЕЛОМ,
АЖЕ СЛОВОМ, АЖЕ ВЕДЕНИЕМ И НЕ-
ВЕДЕНИЕМ.

11

Раздел «О упокоении» из «Поминания о здравии и о упокоении», принадлежавшего Объединению Ижевцев и Воткинцев и хранившегося в храме Св. Иоанна Крестителя в Беркли. Любезно предоставлен для публикации членом Приходского совета храма, многолетней старостой, проф. Ольгой Петровной Раевской-Хьюз

Издание книги А. Г. Ефимова стало общим делом для Ижевцев и Воткинцев. Из письма Н. Е. Старцева от 6 февраля 1974 г.: «*Большим начинанием в жизни Объединения сейчас можно считать издание книги «Ижевцы и Воткинцы» по запискам покойного полковника Ефимова. Здесь в С.-Фр. проживает от издательства В. Камкина его однобатареец-поручик Е. Леонтьев. Дело об издании книги застопорилось после смерти полк. Ефимова, и вот только на днях этот вопрос, когда его от имени Объединения подняло Правление, во главе с ген. Молчановым, разрешился положительно. Камкин взял на себя полностью издание 500 книг*»¹. Однако из-за ухудшения состояния здоровья издателя Виктора Камкина весной—летом 1974 г. и его последовавшей смерти книга в его издательстве опубликована не была.

Из-за тяжелой болезни Н. Е. Старцева весной 1974 г. его сменил на посту Председателя Геннадий Николаевич Блинов (возглавлял Объединение до своей кончины в 1981 г.). Он продолжил дело публикации книги полковника Ефимова. Было решено издать ее более дешевым способом — на ротаторе. Средства на издание предоставил сын автора книги Алексей Ефимов. В феврале 1975 г. ротаторные копии (в количестве 387 экземпляров) были отпечатаны и сброшюрованы в фирме, выполнявшей копировальные услуги, — Bay Valley Office Equipment and Printing², в г. Конкорд (около 50 км к северо-востоку от Сан-Франциско), где жил в то время Блинов. В дальнейшем он и другие члены Объединения приложили немало усилий для распространения книги. Кроме продажи ее в среде русской эмиграции, Блинов рассылал информацию о книге в славянские отделения американских университетов. Он писал об этом: «*Я разослал 114 копий конспекта книги на английском языке профессорам 30 штатов Америки и надеюсь получить заказы от них. Я считаю, что главная цель — это опровержение, хотя бы частичное, интерпретации большевиков о рабоче-крестьянской революции. Полковник А. Г. Ефимов в своей книге ярко подчеркнул лживость этой пропаганды. Идея, за которую дрались Ижевцы и Воткинцы, не умерла*»³.

После кончины Г. Н. Блинова в 1981 г. деятельность Ижевско-Воткинского Объединения приостановилась, но свеча у иконы и таблички в память Ижевцев и Воткинцев в храме Св. Иоанна Крестителя в Беркли постоянно горит и по сей день.

Л. Ю. Тремсина

¹ Письмо Н. Е. Старцева П. А. Дубницкому от 6 февраля 1974 г. (МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев).

² Письмо Г. Н. Блинова С. С. Пинковски от 26 августа 1975 г. (МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев).

³ Письмо Г. Н. Блинова С. П. Рождественскому 2 ноября 1975 г. (МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев).

Ниже публикуются некоторые документы из фонда Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско, хранящегося в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско. Материалы любезно предоставлены Музеем для публикации в настоящем издании.

Документ 1¹

Протокол № 1 [фрагмент]

Собравшихся Ижевцев и Воткинцев 13 августа 1961 года на Панихиду и Молебен в Храм Воскресения Христова² по случаю 43-й годовщины восстания Ижевцев и Воткинцев. После окончания Церковной службы все проследовали на завтрак, устроенный в помещении аудитории Храма Тихона Задонского.

СЛУШАЛИ:

1. Во время завтрака генерал Викторин Михайлович Молчанов предложил Собравшимся об оформлении Объединения Ижевцев и Воткинцев.
2. Затем Викторин Михайлович предложил собравшимся избрать 3-х человек должностных лиц.
3. Выборы трех должностных лиц.

ПОСТАНОВИЛИ:

Предложение генерала В. М. Молчанова принимается единогласно.

Предложение всеми присутствующими принимается без возражений

Выбраны: Председателем Авенир Геннадьевич Ефимов, Секретарем Михаил Константинович Данилов, Казначеем Владимир Петрович Сапегин. <...>

Документ 2³

Проживающие в Калифорнии, в районе города Сан-Франциско, Ижевцы и Воткинцы ежегодно вспоминают годовщины своих восстаний, для чего собираются в ближайший к их памятным датам 7-го и 17-го августа воскресный день.

¹ Машинопись, МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.

² В Сан-Франциско.

³ Машинопись, МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.

На такой дружеской встрече 13 августа 1961 года их организация была оформлена под названием «ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ в г. Сан-Франциско». Первое правление объединения было избрано в составе: А. Г. Ефимов — председатель, М. К. Данилов — секретарь и В. П. Сапегин — казначей.

Здесь же, по предложению избранного правления, были удостоены звания почетных членов: генерал Викторин Михайлович МОЛЧАНОВ и полковник Дмитрий Иванович ФЕДИЧКИН, а 16-го марта 1973 года звания почетного члена был удостоен полковник Дмитрий Михайлович МИХАЙЛОВ.

Участники Объединения:

1. АГАФОНОВ Владимир Иванович	[Втк] ¹
2. БЕЗНОСОВ Михаил Григорьевич	
3. БЛИНОВ Геннадий Николаевич	[Иж]
4. БЛИНОВА Ольга Васильевна	[Иж]
5. БУСЫГИН Владимир Васильевич	
6. БУТАКОВ Александр Григорьевич	[Втк]
7. БУТАКОВА Елизавета Александровна	[Иж]
8. ВЕРЦИНСКИЙ Владимир Николаевич	[Втк]
9. ДРОБИНИНА Павла Федоровна	[Втк]
10. ДУБНИЦКИЙ Павел Александрович	[Иж]
11. ДАНИЛОВ Михаил Константинович	
12. ЕФИМОВ Авенир Геннадиевич	[Иж]
13. ЕФИМОВА Наталья Степановна	[Иж]
14. ЗЕБЗЕЕВ Яков Иванович	[Иж]
15. ЗАЙЦЕВ Кирилл Максимович	[Втк]
16. ЗУБРИЛИН Леонид Михайлович	
17. КИРИЛЛОВ Василий Гаврилович	
18. КИРИЛЛОВА Анна Петровна	[Иж]
19. КОКОВИН Степан Матвеевич	[Иж]
20. ЛОТКОВ Степан Никитич	[Втк]
21. МОЛЧАНОВ Викторин Михайлович	[Иж]
22. МОЛЧАНОВА Лидия Васильевна	[Иж]
23. МАК-КЕЙ (Михеев) Виктор Павлович	[Сарапульск.]
24. МАК-КЕЙ Елена Ивановна	[Сарапульск.]
25. МЕРЗЛЯКОВ Василий Иванович	[Иж]
26. МЕРЗЛЯКОВА Антонина Ивановна	[Иж]
27. МИХАЙЛОВ Дмитрий Михайлович	[Иж]
28. МИХАЙЛОВА Вера Михайловна	[Иж]

¹ В квадратные скобки заключены сведения, добавленные нами из другого списка членов Объединения, хранящегося в том же архиве.

29. НАУМОВ Владимир Михайлович	[Втк]
30. ПИКУЛЕВ Василий Иванович	[Втк]
31. ПИКУЛЕВА Анастасия Павловна	[Втк]
32. ПЕТРОВ Владимир Николаевич	
33. СОЛОВЬЕВ Георгий Владимирович	
34. САПЕГИН Владимир Николаевич	
35. САПЕГИНА Антонина Павловна	
36. САПЕГИНА Клавдия Ивановна	
37. СМАГИН Михаил Николаевич	
38. СИМАНОВСКАЯ Александра Сергеевна	[Иж]
39. СТАРЦЕВ Николай Ефимович	[Втк]
40. СТАРЦЕВА Занаида Даниловна	[Втк]
41. ТУЛЯКОВ Прокопий Артемьевич	
42. ФРОЛОВ Михаил Афанасьевич	
43. ФЕДИЧКИН Дмитрий Иванович	[Иж]
44. ХАЗОВ-ПОЛОНСКИЙ Иван Михайлович	
45. ЧУХЛАНЦЕВ Михаил Георгиевич	
46. ШИКАЛОВ Федор Дмитриевич	
47. ШОРНИН Афанасий Филиппович	
48. ШОРНИНА Людмила Ивановна	
[УСПЕНСКАЯ Мария Васильевна	Иж]

Документ 3

УСТАВ

Объединения Ижевцев и Воткинцев¹

§1. Объединение Ижевцев и Воткинцев создается:

А. Для поддержания связи между всеми лицами, жившими в Ижевском и Воткинском заводах и соседних селениях или служивших во время борьбы с большевиками в частях Ижевцев и Воткинцев.

Б. Для периодических и дружеских встреч. Одно общее собрание устраивается не реже, чем раз в год.

В. В установленный день служится молебен о здравии Ижевцев и Воткинцев с литией в память об умерших, убитых в боях и замученных большевицкой властью. О времени молебна и панихиды объявляется для общего сведения в газете. Днем церковной службы избирается, по установленному обычаю, Воскресенье между памятными днями восстаний 7 и 17 августа.

¹ Машинопись, МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.

Г. По мере возможности каждый член объединения должен бороться с клеветой, распространяемой соввластью и их агентами о прошлом нашей Родины, освещать давшим нам приют американцам и лицам других национальностей злодеяния большевицких властей, четырехлетнюю вооруженную борьбу с ними, и причину нашего ухода из родных краев, наш отказ иметь какое-либо сношение с соввластью и содействовать тем мерам, которые направлены к уничтожению коммунистической власти в России и во всем мире.

§2. На расходы по делам организации каждый член вносит 50 центов в месяц. Десять центов из этого взноса откладывается в особый счет на благотворительность.

§3. Для руководства делами объединения на годовом собрании выбираются сроком на один год три должностных лица: 1) Председатель, 2) Секретарь и 3) Казначей. Они составляют правление Объединения. Постановлено на общем собрании в 1961 г.

§4. Для проверки денежной отчетности Правление выбирает контрольную комиссию с приглашением необходимого числа членов.

§5. Изменения и добавления к этим правилам производятся Правлением и утверждаются Общим Собранием.

Документ 4

Н. Старцев

Собрание Ижевцев и Воткинцев¹

В минувшее воскресенье, 28 января с. г. [1973] Ижевцы и Воткинцы, во главе со своим почетным членом генералом В. М. Молчановым собрались в храме Св. Иоанна Крестителя в Берклее.

После литургии настоятель храма митрофорный протоиерей о. Николай Веглайс освятил на амвоне подсвечник для неугасимой свечи в память Ижевцев и Воткинцев, погибших в Гражданской войне и умерших в изгнании, после чего инициатором сооружения подсвечника, членом Объединения, Геннадием Николаевичем Блиновым была зажжена неугасимая свеча и подсвечник был перенесен в нишу перед образами, с левой стороны в храме.

После этого митрофорным протоиереем о. Николаем при протодиаконе Михаиле Кошлакове была совершена панихида по погибшим в борьбе и умершим в изгнании Ижевцам и Воткинцам. Богослужение

¹ Машинопись: статья, опубликованная в газете «Русская жизнь» (Сан-Франциско) 2 февраля 1973 г. (МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско).

сопровождалось проникновенным пением прекрасного церковного хора под управлением Д. М. Авраменко.

В своем слове перед панихидой о. Николай отметил жестокие притеснения «советской власти на местах», которые и послужили причиной восстаний рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Сразу же к восставшим рабочим примкнули крестьяне окрестных селений, успевшие испытать на себе зверское обращение представителей «рабоче-крестьянской власти». Так возникла героическая борьба рабочих и крестьян против большевиков, называвших себя властью «рабочих и крестьян». Отец Николай отметил также память управляющего Ижевским заводом генерала Александра Григорьевича Дубницкого, погибшего в Петрограде в дни Февральской революции.

Служение панихиды совершалось при многолюдном присутствии Ижевцев и Воткинцев и прихожан храма. После панихиды состоялся дружеский завтрак в аудитории при церкви, сервированный сестричеством храма.

Правление Объединения выражает глубокую благодарность инициатору сооружения подсвечника Геннадию Николаевичу Блинову, взявшему на себя не только труд по сооружению, но и значительную долю материальных затрат на построение.

Правление Объединения уверено, что таким образом на многие годы будет увековечена память о погибших в борьбе и умерших в изгнании Ижевцах и Воткинцах, так как среди прихожан храма находятся несколько наших семейств, такие как коренная Ижевка Елизавета Александровна Бутакова с семейством, семейство Агафоновых во главе с коренной Воткинкой Елизаветой Ивановной Агафоновой, а председатель церковно-приходского Совета храма Михаил Александрович Дубницкий является сыном генерала А. Г. Дубницкого.

Правление Объединения Ижевцев и Воткинцев приносит свою признательность и сердечную благодарность настоятелю храма Св. Иоанна Крестителя митрофорному протоиерею о. Николаю Веглайсу и Церковно-Приходскому Совету за предоставление места в храме и за наблюдение за подсвечником с неугасимой свечой в память наших соратников.

Документ 5¹

Члены семейств прихожан Берклейской церкви, принимавшие участие в Ижевско-Воткинском движении:

Елизавета Александровна Бутакова и Павел Александрович Дубницкий — в подпольном движении перед восстанием.

¹ Машинопись (вероятно, составлен Г. Н. Блиновым), МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.

Первый муж Елизаветы Александровны — шт.-капитан Зебзиев был начальником Штаба Ижевской Армии.

Александр Григорьевич Бутаков был офицером Воткинской дивизии.

Отец Павла Александровича и Михаила Александровича — генерал Александр Григорьевич Дубницкий был начальником Ижевского завода. Незадолго до восстания генерал Дубницкий был переведен и назначен директором Путиловского завода и во время революции был зверски на смерть замучен.

Документ 6¹

Фрагмент письма Г. Н. Блинова Н. Е. Старцеву от 16 февраля 1973 г.

[по поводу освящения иконы Св. Иоанна Крестителя
в память погибших Ижевцев и Воткинцев в Церкви
Св. Иоанна Крестителя в г. Беркли]

<...> Вчера было освящение иконы Св. Иоанна Крестителя, сделанной моей женой. Икона повешена на стене позади неугасимой лампы. На обратной стороне иконы я написал посвящение, такое же, как на подсвечнике, с прибавкой, что икона сделана из литографической копии, написанной в Греции в начале 17 века. <...>

Начиная с 18 сего февраля поминовение за упокой умерших Ижевцев и Воткинцев будет совершаться на всех годовых литургиях, установленных канонами Православной церкви для этой цели. <...>

Документ 7²

Фрагмент из письма Г. Н. Блинова С. Е. Хитуну от 30 октября 1975 г.

<...> Я был студентом Коммерческого института в Москве и от туда был призван на военную службу в октябре 1916 года, и в ноябре я был послан в 4-ю студенческую школу прапорщиков в Москве. В мае

¹ Машинопись (копия), МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.

² Машинопись (копия), МРКСФ, материалы Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.

1917 года был произведен в прапорщики и назначен в запасной полк в городе Вольске (около Саратова). В августе я был отправлен на фронт на пополнение 82-го Дагестанского полка 3-го Кавказского корпуса 7-й Армии, расположенного к западу от города Каменец-Подольска. На фронте я оставался до образования Украинской самостийности (атамана Скоропадского). 7-я армия была отрезана от командования и снабжения ее Россией. Нам было предложено присоединиться к войскам Петлюры, на что корпус не согласился и 19 февраля 1918 года на полковом собрании на станции Рахны решили расформироваться, отдать оружие местным крестьянам и двинуться единоличным порядком в Россию. Не доходя станции Жмеринка, мы попали в плен к немцам. Нас посадили в товарные железнодорожные вагоны. Ночью мы выломали крышу нашего вагона и нас три офицера двинулись параллельно ж. д. пути по направлению Киева. Киев мы обошли с севера и двинулись на Курск—Орел—Рязань—Казань и Сюгинский стекольный завод — место моего рождения. Нам пришлось с большими приключениями пройти около 600 верст пешком, пока я добрался до своей семьи в июне. В августе произошло восстание против советской власти, и я присоединился к отряду ген. Молчанова (тогда подполковника) и ижевцам, и с ними я провел всю Гражданскую войну. <...>

*Могилы А. Г. Ефимова и Д. И. Федичкина
на Сербском кладбище в г. Колма близ Сан-Франциско
(фото Л. Тремсиной)*

Иллюстрации, использованные в оформлении книги

Первая сторона переплета:

Боевое знамя Ижевской дивизии (реконструкция по ч/б фото из архива Музея русской культуры в Сан-Франциско)
Бойцы армии адмирала А. В. Колчака (октябрь 1919 г.)

Корешок переплета: Знак отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» 2-й степени, миниатюрный вариант, принадлежал Н. К. Молчановой (фото Л. Тремсиной)

Четвертая сторона переплета:

Полк. А. Г. Ефимов и ген. В. М. Молчанов (фото из личного архива М. В. Молчанова)
Адмирал А. В. Колчак вручает награды на фронте («Родина», 2000, № 5)
Знак отличия Ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й степени генерала В. М. Молчанова (фото Л. Тремсиной)

1-й форзац:

Генерал В. М. Молчанов
Панорама Ижевского Завода с Михайловским собором (Нац. музей Удмуртской Республики им. К. Герда)
Георгиевское знамя Ижевской дивизии, лицевая сторона (Иркутский обл. краеведческий музей)
Воины белых армий на привале
Смотр Ижевской дивизии адмиралом А. В. Колчаком (Музей русской культуры в Сан-Франциско)
Полк. А. Г. Ефимов, полк. Б. Э. фон Вах среди боевых товарищей. Гирин, 1923 г. (Музей русской культуры в Сан-Франциско)

2-й форзац:

Памятный значок, выпущенный к 25-летию восстания Ижевцев и Воткинцев, принадлежавший ген. В. М. Молчанову (фото Л. Тремсиной)
Восстановленный Михайловский собор в г. Ижевске
Георгиевское знамя Ижевской дивизии, оборотная сторона (Иркутский обл. краеведческий музей)
Храм Св. Иоанна Крестителя в г. Беркли (фото Л. Тремсиной)
Икона, памятная табличка и Неугасимая Свеча в память Ижевцев и Воткинцев в храме Св. Иоанна Крестителя в г. Беркли (фото Л. Тремсиной)

Контр-титул:

Подпись А. Г. Ефимова из его письма Н. Е. Старцеву от 2 декабря 1968 г. (Музей русской культуры в Сан-Франциско).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авксентьев Н. Д., эсер 344, 345
Агафонов М. И. 59
Азин В. М., крас.ком. 17, 18, 67, 88
Алексеев, ст. ординарец 202
Алмазов П. А., поруч. 198
Альбокринов Н. П., ген. 31, 79, 82, 317, 365, 367, 368
Андерс, полк. 222
Анисимов, крас.ком. 67
Антонов-Овсеенко В. А., крас.ком. 12, 56, 57
Антонович В. 274, 275, 279
Арнольд Н., поруч. 28, 115
- Бабушкин, ком.бат. 180
Багиянц, прап. 107, 112, 113, 147, 210, 221, 222, 253
Балабанов И. Е., поруч. 118, 321, 322
Бангерский Р. К., ген. 157, 248, 270, 274, 282
Барышников С. Н., ген. 215, 245, 252, 255, 256, 269
Белов П. А., ген. 129, 131
Бельский, полк. 307
Беляев В. Т., ген. 184, 188
Березин И. Н., полк. 386
Бильдерлинг, заводчик 47
Блинов Г. Н. 42, 216, 314, 383, 391—392, 398, 400, 402, 404—406
Блюхер В. К., крас.ком. 32, 34, 44, 68—70, 320, 323, 326, 329, 330, 365
Богословский Б. П., ген. 259
Болдин Е., полк. кр. армии 139, 148
Болдырев В. Г., ген. 74, 362, 366
Болонкин А. Л., кап. 69, 80, 82, 83, 95, 102, 149, 225, 318—321, 397
- Бондарев, полк. 219
Бордзиловский А. В., ген. 259
Будберг А. П., барон, ген. 22, 36, 340—342, 387
Бузанов, член «Прикомуча» 13
Булычев, юнкер 110
Бускин, поруч. 80
Бут, корнет 279
- Ваврженкевич, комиссар 114
Вах фон Б. Э., полк. 32, 225, 275, 306, 318, 365—367, 385, 389
Вахрушев, корнет 266
Вацетис И. И., главком. кр. ар. 85, 88, 125
Великанов, крас.ком. 114
Веников В. Л., подполк. 386, 387
Вержбицкий Г. А., ген. 35, 150, 225, 245, 246, 248, 263, 265, 267, 268, 270, 274, 282, 286, 287, 298, 304, 330
Верцинский, поруч. 198, 278
Вершинин, подпоруч. 70, 71, 73
Ветошкин, штабс-кап. 318
Виноградов В. А., член Директории 363
о. Владимир (Сакович), священник 385
Власов, полк. 22, 54, 76, 77
Войцеховский С. Н., ген. 117, 146—148, 151, 156, 157, 160—162, 165, 206, 211, 245, 247, 248, 263, 270, 271, 281, 286, 297, 307, 347
Волков, корнет 213
Вологдин В. И., кап. 1-го ранга 80, 83, 98, 318
Володкевич, кап. 201, 202, 223, 224, 227
Вольский, полк. 102, 321

Вольский В. К., предс. Комуча 346
Врангель П. Н., ген. 126, 323, 325
Вырыпаев, полк. 33

Гайда Р., чехосл. ген. 21, 22, 29, 92,
93, 208, 211, 289, 290, 347

Гастиан, кап. 304, 305

Гинс Г. К., член Омского пр-ва
321, 342

Гирса, чехосл. предст. 349

Голицын В. В., ген. 105, 106, 136

Головин Н. Н., ген. 92

Гревс, англ. ген. 390

Грибули, поруч. 305

Гривин П. П., ген. 118, 206

Гучков А. И., мин. Вр. пр-ва 133

Данилов М. К., Ижевец 91, 402

Девятов Н. А. 14

Деникин А. И., ген. 126, 133, 139,
208, 210, 267, 325, 336, 339

Джунковский С. С., ген. 138

Дитерихс М. К., ген. 6, 35, 150,
163, 206, 207, 310, 311, 361

Долгово-Сабуров, полк. 277, 278

Дробинин В. Н., поруч. 82, 279,
297, 318, 321, 369, 370

Дубов, кап. 277

Дутов А. И., ген., атаман 69, 70

Евсеев, член. «Прикомуча» 13,
74, 90, 362

Евстафьев, подпоруч. 171

Ермаков, прап. 96, 109

Ефимов А. Г., полк. 7, 14, 24–27,
32–38, 41–45, 314, 317, 318,
320, 322, 362, 367, 375–379, 385,
387–391, 394–398, 400–402,
407

Ефимов А. А., сын А. Г. Ефимова
36, 42, 376, 383

Ефимова Н. С., жена А. Г. Ефи-
мова 37, 379, 381, 382, 384

Жанен М., франц. ген. 270, 282,
291, 292, 294, 338, 343, 349, 351

Жуланов, полк. 101, 318, 321

Журавлев А. Г., штабс-кап. 75, 79,
83, 94, 95, 98, 226, 317

Заалов, полк. 321, 370

Зайцев (Зайцов) А. А., полк.,
проф. 92, 126

Зайцев К. М., фейерверкер 197,
198

Зебзиев, поруч. 53, 56, 402

Зензинов В. М., эсер 344, 345

Зилов, кап. 277

Зиневич, ген. 211, 232, 234, 244,
357

Зошенко А. П., ген. 165

Зуев, кап. 96, 98

Ивакин, полк. 211, 312

Иванов, полк. 321

Ильин, кап. 246

Казагранди, ген. 140

Какурин Н. Е., сов. историк 85, 89,
113, 116, 122, 124, 125, 127–129,
164, 207, 395

Каландарашвили, крас.ком. 305

Калинин М. И., большевик 91

Кантакузен, ген. 247, 255

Каппель. В. О., ген. 6, 25, 33, 51,
85, 87, 88, 138, 140, 151, 157, 167,
171, 173, 199, 210, 232, 241, 247,
259, 261, 270, 273, 274, 307, 310,
347, 354, 355, 370, 396

Карякин, член «Прикомуча» 13

Каширин, крас.ком. 70, 122

Керенский А. Ф., предс. Вр. пр-ва
59, 208, 336, 351

Ключников Ю. В., кадет 325

Кожин, кап. 119

Колосов, эсер 257

Колчак А. В., адмирал, Верхов.
Правитель 6, 19, 20, 22, 30, 90,

96–98, 101, 115, 126, 127, 135,
167, 176, 177, 211, 270–272, 281,
282, 290–294, 321, 323, 336–343,
349–352, 355, 356, 364, 365,
371–374, 389

Корляков, унтер-офицер 58
Косьмин В. Д., ген. 188
Кравченко, кр. партизан 232
Крамаренко П. П., ген 305
Красильников, есаул 290
Крейчий, чехосл. полк. 295
Кригер, полк. 214
Круглевский А. В., ген. 180, 184,
188, 238, 239
Круговых, рабочий 50
Кручинин В. В., ген. 237
Кудрин Е., подпрап. 287
Кузнецов, поруч. 107
Куликов, ком. бат 176
Куракин А., штабс-кап. 12, 13,
54–57, 62, 66, 91
Кучкин А. П., большевик 10

Лебедев Д. А., ген. 150, 152
Ленин В. И. 8, 33, 139
Леонов, есаул 168
Леонтьев Е. А., поруч. 37, 393
Лесин, поруч. 54
Ловцевич, подполк. 263, 264, 330
Ложкин Н., поруч. 26, 28, 108,
109, 168
Лотков, поруч. 319
Лохвицкий Н. А., ген. 44
Лумпов, корнет 251
Луцков П. А., быв. ген., нач. шта-
ба у Блюхера 34, 44, 334
Лучихин, поруч. 302, 356
Люпов С. Н., ген. 16, 20, 31, 364
Ляпунов В., поруч. 99, 107, 116,
192, 196

Макри, полк. 245, 246, 269
Мамаев Ю. И., ген. 157, 208, 359

Марто, франц. офицер 181
Мартынов А. Е., ген. 388
Мейбом Ф., кап. 278
Мельгунов С. П., историк 342
Меркулов Н. Д. 34, 323, 331, 364
Меркулов С. Д. 34, 364
Метелев, полк. 119
Милюков П. Н., полит. деятель
133
Миронов, кап. 202
Михайлов Д. И., полк. 71, 72, 99,
107–109, 170, 175, 176, 191, 201,
203, 368, 369, 396, 397, 402
Михеев, ком. бат. 176
Молчанов А. М., брат В. М. Мол-
чанова 24, 359
Молчанов В. М., ген., начальник
Ижевской дивизии 7, 15, 17,
22–25, 27, 29–38, 45, 60, 98–102,
105–109, 112–115, 117, 120–122,
136, 143–147, 156–161, 165, 168,
170, 172, 174–177, 181, 184, 187,
188, 191–194, 201–205, 207, 210,
215, 219, 221–225, 228, 234, 235,
240–243, 250–252, 254–256, 273,
282, 285, 291, 300–304, 323, 326,
356, 357–361, 372, 375, 379, 382,
383–393, 396, 401, 404, 407
Молчанов М. В., сын В. М. Мол-
чанова 376, 382, 384
Молчанова Н.К., жена В. М. Мол-
чанова 35, 36, 195, 384, 391
Молчанова Л. В., вторая жена
В. М. Молчанова 36, 38, 389,
402
Москаленко, ген. 160, 162, 165,
359
М.Т., доброволец 75, 76
Мудрынин Г. И., кап. 118, 318,
322
Муравьев М. А., главком кр. ар.
85
Мягков, подполк. 209

Нагурский, поруч. 305
Нестеров, крас.ком. 278
Никандр (Викторов Л.), архи-
епископ 384
Николай Николаевич, Вел. Князь
44
Никулин, крас. ком. 67
Нилов А., кап. 59
Новиков В. М. 83
Новицкий, ген. 138
Нокс А., англ. ген. 181, 374

Осколков, унтер-офицер 53
Отмарштейн, полк. 321
Ощепков, прап. 321

Павлу Б. 349
Панов Ф. П., ген. 193–195
Пепеляев А. Н., ген. 211, 289, 290,
310
Пепеляев В. Н., премьер-министр
292, 351
Перевалов, штабс-кап. 57
Песоцкий, полк. 268
Петлюра С. В. 123
Петров П. П., ген. 37, 87, 245,
260, 307, 308
Петрова О. П., жена ген. П. П. Пет-
рова 260
Пишон, франц. предст. 92
Помосов, кап. 231
Пономарев, доктор 364
Понятовский, поруч. 302, 361
Попков, поруч. 208
Попова Лидия, сестра милосер-
дия 28, 77, 110
Протопопов Н. А. 118, 322
Прхал, чехосл. майор 278
Путна, крас.ком. 200
Пуцилло А., хорунжий 297
Пучков Ф. А., ген. 37, 140, 208,
245, 247, 308, 383, 388

Радыгин М. 198

Раскольников Ф. Ф., крас.ком.
18, 68, 74
Рачинский, штаб-ротмистр 209,
210
Редько М. Е., ген. 320, 321, 365
Родзянко М. В.. полит. деятель
133
Ромеров И. Ф., ген. 215
Рэймонд (Романов) Б. 38, 384
Рябков, поруч. 279

Самарцев, штабс-кап. 83
Санков, поруч. 205
Санчук П., сов. историк 150–153,
157, 161, 162, 164
Сахаров К. В., ген., воен. историк
22, 113, 142, 150–152, 156, 157,
162–166, 168, 171, 186–188, 191,
207, 209, 211, 216, 245, 248, 269,
270, 274, 275, 281, 291, 303, 311,
341, 371, 372
Селиванов, ген. 300
Семененко, прап. 305
Семенов Г. М., ген., атаман 6, 32,
44, 208, 267, 270, 271, 307, 390
Серебренников И. И., министр
339
Синев, кап. 304, 305
Скипетров Л. Н., ген. 291
Смирнов И., комиссар 162, 294
Смирнов, кап. 209
Смолин И. С., ген. 274
Солдатов, кап., предс. Союза
фронтовиков 51, 53
Сорочинский, полк. 53
Сосулин А. И., рабочий, меньше-
вик 10, 50
Старк Г. К., адмирал 66
Старцев Н. Е. 322, 396, 398, 400,
406
Степанов А. А., кап. 15, 87
Степанов А. П., полк. 12
Страндершельд, заводчик 47

Сукантон Жирар де, барон, подполк. 209, 210
Сыровой (Сыровы) Я., чехосл. ген. 278, 294, 349, 350
Сычев Е. Г., ген. 291

Терентьев, штабс-кап. 57
Тиманов (Тимонов) М. И., ген. 20, 96–99
Ткачев К. М., ген. 146, 147
Троцкий Л. Д., воен. комиссар 116
Тряпицин 198
Тухачевский М. Н., крас.ком 142, 151, 152, 163, 164, 177, 186, 188–191, 200, 208

Унгерн Р. Ф., барон 323
Устрялов Н. В. 325
Ухтомский Ю. П., князь, корнет 69

Федичкин Д. И., полк. 12, 14, 18, 20, 30, 31, 53, 55, 57, 60, 62, 74, 75, 361, 362, 364, 389, 402, 403, 407
Феодосьев, кап. 2-го ранга 17, 18, 66
Феофилов А. И., ген. 270
Филимонов Б. Б., поруч. 37, 375, 383, 394, 395
Фортунатов, член Самарского пр-ва 210
Франк, полк. 32
Франсуа, франц. офицер 181
Фрунзе М. В., крас.ком. 29, 138, 164

Ханжин М. В., ген. 20, 22, 28, 29, 96, 102, 107, 113, 120, 127, 129, 131, 139, 142

Хорват Д. Л., ген. 208
Хорошунов, корнет 251
Худяков, прап. 306

Цветков, кап. 158, 210
Цыганов, кап. 53, 57

Чайковский П. И., композитор 59, 75
Чеверев, крас.ком. 18, 64
Черкес, полк. 43
Чернов В. М., эсер 19, 345
Чечек С., чехосл. ген. 11
Чирков, прап. 237

Шадрин, штабс-кап. 82
Швец, полк. 349
Шеломенцев А. Л., эсер 90
Шип, чехосл. полк. 348
Шмаков, поруч. 140, 145
Шмелев, эсер 90
Шувалов А. П., граф 46
Шулаков, член «Прикомуча» 13

Щепихин С. А., ген. 274
Щербаков, прап. 212, 213
Щетинкин, кр. партизан 232, 236

Эйхе Р. И., комбриг 116, 172, 173, 178, 208
Элерц-Усов А. В., полк. 289

Юрьев Г. Н., кап. 14, 19, 20, 32, 59, 69, 75, 79, 80, 82, 94, 97, 98, 101, 317, 321, 362–365, 368

Якубович (Якубовский), полк. 159, 208, 241

СОДЕРЖАНИЕ

Петров А. А. История Рабоче-крестьянской Белой Армии6

Ижевцы и Воткинцы

От Редакции	41
Предисловие.....	43
1. Ижевский завод.....	46
2. Война и революция.....	48
3. Восстание.....	51
4. Первые бои под Ижевском.....	53
5. Бои у Ижевска 17–19 августа	55
6. Восстание на Воткинском заводе.....	58
7. Присоединение к восставшим крестьян.....	60
8. Разгром 2-й красной армии.....	62
9. Подготовка к решительному столкновению	64
10. Характер борьбы.....	68
11. В красном окружении	73
12. Последние дни восстания.....	79
13. Итоги восстания	84
14. За Камой	93
15. Новые командиры	98
16. Наступление к Уфе	102
17. «Спасите Уфу!»	107
18. Преследование.....	115
19. Воткинцы у Красноуфимска и в Осе	118
20. Освобождение заводов.....	119
21. Итог: 7983	121
22. Первая Отдельная стрелковая бригада	122
23. Восточный фронт в 1919 г.	122
24. В горах Урала.....	136
25. Бои под Челябинском.....	150
26. Отступление за Tobол.....	164
27. Наступление к Tobолу.....	168
27а. Наступление на Tobол.....	177
28. Отступление к р. Ишим	187
29. Воткинцы в боях на Tobоле	197
30. На реке Ишим	198
31. На реке Иртыш	205
32. Отступление от реки Иртыш	208
33. Тайга.....	212

34. Движение к Красноярску	231
35. У Красноярска.....	243
36. Прорыв у Красноярска остатков 3-й Армии	250
37. Река Кан	258
38. Обход г. Канска	265
39. К гор. Нижне-Удинску.....	266
40. От Нижне-Удинска к станции Зима	272
41. Бой у станции Зима	274
42. От Зимы к Иркутску	281
43. Иркутск.....	288
44. В обход Иркутска	293
45. Переход через Байкал	300
46. О Сибирском Ледяном походе	308
<i>Блинов Г.</i> Послесловие	314
Марш Ижевцев.....	315
Из песни Воткинцев	316
<i>Старцев Н.</i> Примечания к запискам полковника А. Г. Ефимова о Воткинцах.....	317
Письма В. К. Блюхера генералу В. М. Молчанову	323
Письмо Луцкова генералу В. М. Молчанову	330

Приложения

Приложение 1

<i>Ефимов А. Г.</i> Памяти Адмирала Колчака	336
<i>Ефимов А. Г.</i> Сибирский зимний поход	352

Приложение 2

Биографии некоторых старших начальников Ижевской и Воткинской стрелковых дивизий (сост. А. Петров, И. Купцов)	358
<i>Петров А. А.</i> О знаменах Ижевской стрелковой дивизии.....	371

Приложение 3

НЕКРОЛОГ Генерального Штаба полковник Авенир Геннадьевич ЕФИМОВ.....	376
Фрагмент некролога А. Г. Ефимова в журнале «Первопоходник»	378
Полный текст песни Воткинцев	379
<i>Ефимов А. А.</i> О моем отце, полковнике А. Г. Ефимове и его книге	381
<i>Молчанов М. В.</i> Воспоминания о моем отце, генерале В. М. Молчанове	384
<i>Тремсина Л. Ю.</i> Ижевцы и Воткинцы в Сан-Франциско	394

Документ 1. Протокол № 1 [фрагмент]	401
Документ 2	401
Документ 3. УСТАВ Объединения Ижевцев и Воткинцев	403
Документ 4. <i>Старцев Н.</i> Собрание Ижевцев и Воткинцев	404
Документ 5.....	405
Документ 6. Фрагмент письма Г. Н. Блинова Н. Е. Старцеву от 16 февраля 1973 г.	406
Документ 7. Фрагмент из письма Г. Н. Блинова С. Е. Хитуну от 30 октября 1975 г.	406
Иллюстрации, использованные в оформлении книги	408
Указатель имен.....	409

Научное издание

Ефимов Авенир Геннадьевич

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ

Борьба с большевиками

1918–1920

Ведущий редактор *Е. М. Гончарова*

Художественный редактор *А. М. Драговой*

Технический редактор *В. А. Артемов*

Компьютерная верстка *Г. В. Доронина*

Корректор *З. А. Тихонова*

Подписано в печать 05.08.08. Бумага офсетная.
Формат 84×108/32. Печать офсетная. Печ. л. 13.
Усл.-печ. л. 21,84. Тираж 3000 экз. Заказ № 4345.

ООО «Издательство «АЙРИС-пресс»

113184, Москва, ул. Б. Полянка, д. 50, стр. 3.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

ЗНБ БГУ
0000903724

011 449 16 24.04.09
04080087 po 25.05.14
04080087 po 25.03.13

85

ISBN 978-5-8112-3214-7

9 785811 233601

АЙРИС ПРЕСС